

ПОЛИТОЛОГИЯ

2025. Том 19. № 2

Журнал “**Вестник Пермского университета. Политология**” является научным журналом, публикующим статьи по результатам исследований в области политической науки, обзоры научной литературы и рецензии. Журнал видит свою миссию в том, чтобы способствовать обеспечению уровня академической дискуссии, который соответствует стандартам мировой политической науки. Журнал принимает к публикации оригинальные научные статьи, обзоры актуальных проблем политической науки на русском и английском языках, не опубликованные ранее и не представленные на рассмотрение в иные российские и зарубежные журналы.

С 2010 года журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК).

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и доступно в библиотеке Elibrary.

Редакционная коллегия

Главный редактор – Л. А. Фадеева, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Члены редакционной коллегии:

Н. В. Борисова – доктор политических наук, доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

И. В. Мирошниченко – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

В. Н. Руденко – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, вице-президент РАН

И. С. Семененко – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

А. В. Стародубцев – кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ответственный секретарь – К. П. Турцева, кандидат политических наук, ассистент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выпускающий редактор Л. А. Фадеева

© Редакционная коллегия, 2025

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-летию Победы

Плотников Д. С. Политика памяти о Великой отечественной войне как элемент внешнеполитической идентичности (на примере Казахстана и Кыргызстана).....	5
--	---

Теория политики

Карулин А. А. Революция, ускорение или бегство? Левые стратегии борьбы с капитализмом...	15
Ковалев А. А. Политико-философское обоснование доктрины ядерного сдерживания.....	24

Политические институты, процессы, технологии

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Узнародов Д. И. Дискурсивные модели постсоветского нациестроительства: Россия, Казахстан, Белоруссия	36
---	----

Бардин А. Л. Адаптация городских политик к вызовам социально-политического развития: акторы, модели, практики (на примере г. Фритауна).....	48
---	----

Борисов Н. А. Конституционный статус и роль в политическом процессе президента Казахстана: «новая веха в политическом развитии» или сохранение прежней модели?	59
--	----

Головин М. С. Демаргинализация и нормализация европейских крайне правых: случай французской праворадикальной партии «Национальное объединение»	71
--	----

Донец В. А., Рамалданова Д. Ш. Языковая политика Итальянской республики (на примере итальянских регионов Кампания и Калабрия)	81
---	----

Мартынов М. Ю. Историческая политика и коллективные представления о прошлом в локальных сообществах.....	92
--	----

Попова О. В. Политика территориальной идентичности в онлайн-коммуникации жителей уральских агломераций	103
--	-----

Уштаров И. А. День Колумба vs День коренных народов в публичном пространстве г. Нью-Йорка: конкурирующие представления об американской истории.....	120
---	-----

Междунраодные отношения

Цзэхао Инь. Формирование образа Китая в британских СМИ в условиях международных кризисов: на примере газеты The Times с февраля 2022 г.	130
--	-----

Шеин С. А., Рыжкин Е. Н. В поисках акторности? Динамика международных ролей Европейского союза в отношениях с Китаем.....	143
---	-----

Обзоры и рецензии

Архипов И. А. Основные измерения цифровизации в современных отечественных исследованиях политической коммуникации.....	154
--	-----

Требух А. Д. Стратегия Китая в Латинской Америке: взгляд из США (рецензия на книгу: Ellis R. E. (2022) China engages Latin America: distorting development and democracy?)	160
--	-----

Фролова Ю. Н. Миграция в городах (рецензия на книгу: Pisarevskaya, A. and Scholten, P. (2025) Cities of migration. Understanding the diversity of urban diversities in Europe)	166
--	-----

К сведению авторов	170
--------------------------	-----

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Vice President of the RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Candidate of Political Sciences, Teaching assistant, Department of Political Science, Perm State University

CONTENT

To the 80th anniversary of the Victory

<i>Plotnikov D.</i> The politics of memory of the Second World war in Kazakhstan and Kyrgyzstan in the context of foreign policy identity.....	5
--	---

Theory of politics

<i>Karulin A.</i> Revolution, acceleration, or escape? Left-wing strategies against capitalism.....	15
---	----

<i>Kovalev A.</i> Political and philosophical justification of the doctrine of nuclear deterrence.....	24
--	----

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Avksentyev V., Aksyumov B., Uznarov D.</i> Discursive models of post-soviet nation-building: Russia, Kazakhstan, Belarus	36
---	----

<i>Bardin A.</i> Adapting urban policies to socio-political challenges: actors, models, and practices in Freetown	48
---	----

<i>Borisov N.</i> The constitutional status and role of the president of Kazakhstan in the political process: “A new milestone in political development” or the preservation of the previous model?	59
---	----

<i>Golovin M.</i> Demarginalization and normalization of the European Far right: the case of the French radical right party “National rally”	71
--	----

<i>Donets V., Ramaldanova D.</i> Language policy of the Italian republic (the case of Campania and Calabria)	81
--	----

<i>Martynov M.</i> Historical politics and collective ideas about the past in local communities.....	92
--	----

<i>Popova O.</i> The territorial identity polcy in online communication of the Ural agglomeration population	103
--	-----

<i>Ushparov I.</i> Columbus day vs. Indigenous peoples' day in New York city public space: competing visions of American history	120
--	-----

International Relations

<i>Zehao Yin.</i> Constructing China's image in the British media during international crises: a case study of The Times newspaper since February 2022	130
--	-----

<i>Shein S., Ryzhkin E.</i> Increasing actorness? Dynamics of the EU's international roles in relations with the PRC	143
--	-----

Reviews and Analysis

<i>Arkhipov I.</i> Main dimensions of digitalization in contemporary Russian studies on political communication.....	154
--	-----

<i>Trebukh A.</i> China’s strategy in Latin America: a U.S. perspective (a review of Ellis, R. E. (2022) China engages Latin America: distorting development and democracy?)	160
--	-----

<i>Frolova Yu.</i> Migration in cities (a review of Pisarevskaya, A. and Scholten, P. (2025) Cities of migration. Understanding the diversity of urban diversities in Europe)	166
---	-----

Information for the authors	174
--	-----

К 80-летию Победы

УДК-327.8(574+575.2)

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-5-14

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА)

Д. С. Плотников

*Плотников Дмитрий Сергеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: plotnikov.perm@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6846-044X).*

Аннотация

Политика памяти о войне и победе над фашизмом рассматривается в качестве важного элемента внешнеполитической идентичности стран постсоветского пространства. Акторами этой политики в первую очередь выступают главы государств, которые выстраивают риторику и действия в отношении репрезентации коллективной памяти с учетом выбора внешнеполитической стратегии. Эмпирическим материалом послужили поздравительные выступления президентов Казахстана и Кыргызстана по поводу Дня Победы в Великой Отечественной войне (в Казахстане еще 7 мая отмечается День защитника Отечества). Автор отмечает, что в риторике президентов Кыргызстана апелляция к памяти о Великой Отечественной войне служит для того, чтобы подчеркнуть связь Республики с Россией. В риторике президентов Казахстана доминируют тезисы о важности сохранения памяти, подвиге предков, продвигается идея защиты суверенитета и независимости, а с 2022 г. – ценности мира. Автор делает вывод, что существует видимая схожесть культурно-гуманитарной политики, включая уважительное отношение к памяти о Великой Отечественной войне, сохранение государственного статуса русского языка и пр. Однако разные векторы внешнеполитической стратегии оказывают влияние на политику памяти и ее ценностные аспекты. Если Кыргызстан сохраняет ориентацию на Россию в культурно-гуманитарной сфере, то политические акторы Казахстана стремятся выстраивать многовекторную политику, что оказывается на риторике президентов и апелляции к идеям суверенитета, независимости, фокусе на формировании собственной национальной идентичности посредством обращения к подвигу предков.

Ключевые слова: политика памяти; внешнеполитическая идентичность; Великая Отечественная война; Центральная Азия; Казахстан; Кыргызстан; риторика; стратегии; президенты.

В советское время «коллективная память СССР формировалась на основе событий, связанных с победой в Великой Отечественной войне» (Тачмедова, 2024: 262). О. Ю. Малинова в ставшей классической работе «Актуальное прошлое» указывает: «Будучи основательно закреплена в предыдущие периоды, память о войне транслируется через разные каналы социализации... ни одна серьезная политическая сила в России не ставит под сомнение значение памяти о войне» (Малинова, 2015: 89). Однако в бывших советских республиках, а ныне независимых государствах, происходят значительные, а в ряде случаев кардинальные, изменения в политике памяти относительно Второй мировой войны. Выбор кейсов автором связан с участием этих стран в международных объединениях с участием России (ЕАЭС, ОДКБ), а также тем, что они имеют наибольшую долю русскоязычного населения с закреплением официального (Кыргызстан) или государственного (Казахстан) статуса русского языка.

Казахстан и Кыргызстан с провозглашения независимости взяли курс на внешнеполитическую открытость своих стран (в отличие от изоляционистского курса Узбекистана до 2016 г. и Туркменистана, а в Таджикистане в 1990-е шла гражданская война, что наряду с нестабильной ситуацией в соседнем Афганистане не позволяло республике проводить консолидированную и последовательную внешнеполитическую линию). Невзирая на схожесть внешнеполитической направленности, Казахстан и Кыргызстан по-разному работали над внешнеполитическим имиджем своих стран. Большой экономический и демографический потенциал Казахстана способствовал позиционированию

страны в качестве международной переговорной площадки, а в дальнейшем «средней державы»¹, устанавливающей взаимовыгодные контакты с ключевыми международными акторами (Россией, Китаем, США, Германией и пр.). Кыргызстан во времена президентства А. Акаева позиционировал себя на международной арене в качестве «азиатской Швейцарии», не имея столь широких амбиций, как его северный сосед. Эти факторы в совокупности с экономической зависимостью Кыргызстана от России (более миллиона граждан Кыргызстана работают в России, объем денежных переводов составляет около 26,5 % ВВП Республики²) обусловливают осторожную политику Бишкека в культурно-гуманитарной сфере. Так, в Кыргызстане, в отличие от ряда других стран (Украины, Грузии), революционные потрясения не привели к резкому изменению политики памяти и идентичности. Культурно-гуманитарная политика Казахстана имеет другую основу и вытекает из проблемных (с точки зрения Астаны) северных регионов с низкой долей титульного населения (на момент распада СССР казахов в Республике было 39,7 % (Зимовина, 2003), а в северных областях в разы меньше). При этом Казахстан имеет самую протяженную сухопутную границу с Россией, тянущуюся на 7,5 тыс. км от Поволжья до Сибири. Отчасти именно этим объясняется как перенос столицы на север, так и реализация программ по переселению соотечественников («оралманов», «кандаласов») преимущественно в северные регионы.

Принимая эти факторы в качестве вводных, следует предположить, что разные истоки осторожной политики в культурно-гуманитарной сфере обусловливают разную расстановку акцентов в памяти о войне. Тематика Великой Отечественной войны являлась центральной в период существования СССР, остается наиболее значимой для современной России, как для общества, так и для политической элиты. Отрицание другими странами вклада Красной Армии в Победу означает не только нарушение хрупкого внутриполитического баланса, но и некий открытый вызов России, за чем следует ухудшение двусторонних отношений (как это произошло со странами Балтии или Украиной).

Замысел статьи – оценить риторику политических государственных лидеров (президентов) Казахстана и Кыргызстана в политике памяти о Великой Отечественной войне на основе выступлений, посвященных победе над фашизмом, с целью определения ключевых нарративов в контексте выстраивания внешнеполитической идентичности этих стран.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2015 по 2024 г. После украинского кризиса 2014 г. и перехода Крыма под контроль России в Казахстане и Кыргызстане произошел отказ от использования георгиевской ленты, взамен которой стали внедряться символы Победы, окрашенные в цвета национального флага. При этом для «Бишкека российско-украинский конфликт носил периферийный характер и не оказал существенного влияния на формирование исторической политики. Принципиально иная ситуация сложилась у непосредственного соседа России – Казахстана» (Плотников 2018: 94). За последние 10 лет в исследуемых странах имела место смена власти с укреплением новых лиц на посту президента (казахстанский транзит в 2019–2022 гг.), смена президента в 2017 г. и революция в 2020 г. в Кыргызстане.

Обе страны стремятся избежать резких шагов в области политики памяти о Великой Отечественной войне, аккуратно встраивая национальные нарративы в дискурс о Победе. При этом Кыргызстан, вследствие большей зависимости от России, в целом сохраняет положительное восприятие советского прошлого, с признанием ведущей роли России в событиях того периода, включая Великую Отечественную войну. Для риторики лидеров Казахстана в ракурсе его многовекторной внешней политики свойственно большее дистанцирование от российских трактовок в пользу национальных интерпретаций. Тем не менее обе страны стремятся избежать войн памяти, а их историческая политика носит преемственный характер, невзирая на смену первых лиц.

Как указывает социолог А. М. Понамарева, «дипломатия памяти сохраняет целенаправленный характер внешней политики и может быть квалифицирована как инструментальная стратегия» (Понамарева, 2024: 101). Это верно и в отношении Кыргызстана и Казахстана, где трактовки и оценки Отечественной войны надо рассматривать как месседж не только внутренним силам, но и внешним акторам и прежде всего – России.

¹ Глава государства выступил с лекцией «Казахстан и роль средних держав: продвигая безопасность, стабильность и устойчивое развитие» (2024) [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 24 мая. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-s-lekciei-kazahstan-i-rol-srednih-derzhav-prodvigaya-bezopasnost-stabilnost-i-ustoychivoe-razvitiye-244173> (дата обращения: 20.02.2025).

² За прошлый год денежные переводы из РФ в Киргизию достигли почти \$2,8 млрд (2023) [Электронный ресурс], Финмаркет, 25 апреля. URL: <https://www.finmarket.ru/news/5940515?ysclid=m77dhu1t8q993024644> (дата обращения: 16.02.2025).

Ключевыми источниками для написания статьи послужили выступления президентов Казахстана и Кыргызстана, приуроченные памятным датам, в первую очередь поздравления с Днем Победы, а также выступления на поминальных мероприятиях.

В качестве *метода* использован дискурс-анализ с сопоставлением риторики президентов Казахстана и Кыргызстана на основании ключевых нарративов и акцентов.

Методологической основой анализа являются понятия политики памяти и внешнеполитической идентичности, рассматриваемой в качестве «внешнеполитической идеологии, практик стратегического планирования» (Прохоренко, 2024: 9). Внешнеполитическая идентичность фокусируется на позиционировании страны в международной системе и поиск себя в этой системе координат. Е. В. Морозова в обзоре по внешнеполитической идентичности отмечает, что «идеи и представления, порой мифологизированные, о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах формируют внешнеполитическую идентичность национального государства» (Морозова, 2016). А. В. Павлова определяет внешнеполитическую идентичность как «совокупность представлений государственного актора о самом себе, о своих союзниках и политических оппонентах, о системе международных отношений и о своем месте в ней» (Павлова, 2024: 156). Субъектами, формирующими внешнеполитическую идентичность, выступают политические акторы, вступающие в полемику касательно внешнеполитических ориентиров, в особенности в период электоральных циклов. Важным для исследования стало то, что «радикальный разворот в анализе внешнеполитической идентичности произвело развитие дискурсивного метода... Благодаря ему существенно усилилось субъективное течение в понимании идентичности, понимание ее конструированной природы» (Шаповалова, 2011). Шаповалова трактует внешнеполитическую идентичность как «совокупность таких установок, которые формируют идеиную платформу внешней политики» (Шаповалова, 2011).

Научная разработанность темы исследования. Сложившиеся в научной литературе memory studies рассматривают трансформацию восприятия Великой Отечественной войны сквозь призму идентичности в России (Малинова, 2015) и в странах постсоветского региона, включая государства Центральной Азии (Фадеева, Плотников, 2019). Политике памяти в Казахстане посвящен целый ряд исследовательских работ (Тачмедова, 2024; Ключарева и Корусенко, 2023; Романова и Федорова, 2023 и др.). Исследователи указывают на то, что политика памяти в Казахстане развивается «в контексте переосмысливания советского прошлого как “имперской” травмы», что является «результатом целенаправленной политики памяти, проводимой в Казахстане. Здесь как “травма” порой воспринимается даже Великая Победа – из-за кажущегося умаления роли казахстанцев в ее приближении» (Романова..., 2023). В статье «Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана» А. С. Жанбосинова утверждает, что «государственная политика Казахстана в отношении истории Великой Отечественной войны имеет четко очерченные идеологические рамки» (Жанбосинова, 2022). Она предлагает периодизацию: «историческая память о войне в постсоветском пространстве прошла этап забвения, исторической травмы, преодоления» (Жанбосинова, 2022). В статье «Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве» указывается презентация Казахстана применительно к Великой Отечественной войне в качестве «арсенала фронта» (Ковба, Грибовод, 2020). Представления молодежи стран – участников евразийской интеграции о Великой Отечественной войне проанализированы в статье «Великая Победа и формирование исторической памяти молодежи стран ЕАЭС и ОДКБ (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне)» (Осадчая, Селезнёв, Киреев и др., 2020). Внимание политике памяти удалено в коллективной монографии «Постсоветские государства на современном этапе...» (Соловьев, 2024) и в сборнике «Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая» (Аватков, 2024). Анализируя учебники постсоветского Востока, авторы указывают на общее негативное восприятие России, политика которой увязывается с колониализмом. Великая Отечественная война представлена в учебниках в качестве трагической вехи истории. Отмечается, что в казахстанских учебниках повествование о Великой Отечественной войне не отличается от того, что есть в российских учебниках, за небольшим исключением в виде написания имен Героев СССР (Аватков, 2024: 18). Кыргызстану в монографии удалено незначительное внимание, анализируется три учебника 2018, 2020 и 2021 гг. по истории Кыргызстана преимущественно досоветского периода. Существованию Киргизии в составе Советского Союза посвящена одна строчка (Аватков, 2024: 38).

Как отмечают авторы монографии, посвященной постсоветским странам, в настоящее время «...в Киргизии началась системная работа по расширению использования киргизского языка» (Ионова, Малышева 2024: 111). Схожие процессы сепарации от России в культурно-гуманитарной сфере

прослеживаются и в Казахстане, где «общими положениями для программ всех партий было укрепление казахского языка, ни одна из партий не поддержала дальнейшую интеграцию в рамках ЕАЭС» (Притчин, 2024).

За последнее десятилетие можно выделить несколько этапов внешнеполитической и внутриполитической трансформации Казахстана и Кыргызстана. Первый этап охватывает период 2014 / 2015–2019 гг. Начинается с обострения конфликта России и Украины, приведшего к пересмотру исторической политики в Казахстане, что выразилось, в частности, в праздновании в 2015 г. 550-летия Казахского ханства как своеобразный ответ на риторику российского президента о том, что «у казахов в прошлом не было государственности»³. В области политики памяти применительно к Великой Отечественной войне это выразилось не только в замене георгиевских ленточек, но и в переносе военного парада с 9 на 7 мая в Казахстане.

Второй этап (2019-й – январь 2022 г.) охватывает период внутриполитической турбулентности в Казахстане («полутранзит» власти в 2019 г. и январские события 2022 г.), а также революцию в Кыргызстане, когда на посту президента С. Жээбекова сменил С. Жапаров, до этого проведший в тюрьме долгие годы. Третий этап начинается с февраля 2022 г., когда конфликт России и Украины вышел на новый уровень, что знаменовало рост напряженности на всем постсоветском регионе с вовлеченностью в конфликт с Россией стран ЕС и НАТО. Данное обстоятельство послужило вызовом для Казахстана и Кыргызстана – стран, наиболее последовательно проводящих открытую многовекторную внешнюю политику.

Репрезентация Великой Отечественной войны в риторике президентов в 2015–2019 гг.

Российско-украинский конфликт и образование ЕАЭС в 2015 г. привели к разновекторным тенденциям в Казахстане и Кыргызстане. Стремление укрепить национальную идентичность посредством замены георгиевских ленточек на символы с использованием цветов национального флага и «удревнение» истории сочеталось с экономическим сближением с Россией в рамках ЕАЭС. Тесная культурная и экономическая связь с Россией, наряду с исторической политикой в предшествующие периоды, обусловливала сохранение прежних установок в области трактовок Великой Отечественной войны. В указанный временной период президенты Казахстана и Кыргызстана неизменно отдавали должное Дню Победы, как значимому событию истории своей страны, отмечая вклад своих сограждан в общее дело победы советского народа в той войне и направляя поздравительные телеграммы лидерам ряда стран бывшего СССР.

В Казахстане на первую декаду мая приходится два праздника: День защитника Отечества и День Победы – 7 и 9 мая соответственно. Праздники вытекают один из другого. Тем более традиция в юбилейные даты присутствовать на Дне Победы в Москве лидеров некоторых стран СНГ (включая Казахстан и Кыргызстан) приводит к тому, что речи, посвященные Победе, как и сам парад с участием главы государства в Казахстане происходят заранее, 7 мая, когда совмещается празднование Дня защитника Отечества и Дня Победы. Именно по такому сценарию происходило празднование 70-летия Победы 7 мая 2015 г. в Казахстане, в честь чего был организован военный парад. Вследствие совмещения двух праздников риторика Елбасы была смешена в сторону «защиты суверенитета», сквозь призму которого отмечается связь поколений. «Мы на века должны сберечь наши главные ценности – независимость, мир и стабильность»⁴. «На ваших плечах высокая миссия – берегать суверенитет Казахстана и спокойствие народа... Да здравствует наша славная армия, да здравствует Казахстан!»⁵.

Риторика президента Кыргызстана (на тот момент этот пост занимал Алмазбек Атамбаев) в честь Дня Победы была выстроена с акцентом на трагизм тех событий («тяжелые испытания выпали на долю республик бывшего Советского Союза. Тяжелая горечь войны коснулась каждой се-

³ Путин: у казахов никогда не было государства (2014) [Электронный ресурс], *NewsBlok*, 2 сентября, Селигер. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0vxCXFFXMPQ> (дата обращения: 16.02.2025).

⁴ Посещение военного парада, посвященного Дню защитника Отечества и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (2015), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poseshchenie-voennogo-parada-posvyashchennogo-dnyu-zashchitnika-otechestva-i-70-letiyu-pobedy-v-velikoi-otechestvennoi-voine (дата обращения: 16.02.2025).

⁵ Назарбаев обратился к военнослужащим на Параде Победы в Астане (2015) [Электронный ресурс], *Tengirnews*, 7 мая. URL: https://tengirnews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-obratilsya-voennoslujaschim-parade-pobedyi-astane-274363/ (дата обращения: 16.02.2025).

мыи»⁶) и на роль Кыргызстана в общем деле Победы, куда из СССР было эвакуировано «более 140 тысяч человек. Все они нашли на нашей земле хлеб, приют и тепло. Многие из детей блокадного Ленинграда обрели здесь новых родителей.... Кыргызстан производил для фронта вооружение, одежду, продовольствие»⁷. Тем не менее и для Атамбаева свойственно транслировать прошлое в духе предостережения: «Празднуя 70-летие Победы, мы не должны забывать уроков Великой Отечественной войны. Помнить, что мирный труд граждан надо защищать»⁸.

Таким образом, уже на момент 2015 г. можно констатировать разные нарративы в памяти о Великой Отечественной войне в Казахстане и Кыргызстане, невзирая на схожую трактовку событий (в отличие от стран Балтии, Украины, Грузии). Казахстан, претендующий на роль «средней державы», акцентировал внимание на суверенитете и независимости, тогда как для президента Кыргызстана акцент сделан на трагизме событий и подвиге народа. Упоминается в послании и Россия (чего не было в риторике казахстанского президента).

Риторика в отношении Великой Отечественной войны в период внутриполитической турбулентности 2019–2022 гг.

В 2019 году в Казахстане произошла смена президента, при этом Первый Президент Казахстана – Елбасы сохранил значимые властные рычаги вплоть до январских событий 2022 г. В Кыргызстане осенью 2020 г. вследствие массовых беспорядков произошла смена власти, когда на посту президента С. Жээбекова сменил С. Жапаров. В рамках исследовательских задач важно проследить, привела ли смена первых лиц к изменению риторики в отношении Великой Отечественной войны в указанных странах, сохраняется ли преемственность как на уровне риторики, так и на уровне действий первых лиц Казахстана и Кыргызстана.

Одним из важных символов подвига казахстанцев в годы Великой Отечественной войны является увековечивание памяти двух молодых девушек, получивших звание Героя Советского Союза (посмертно) – снайпера Алии Молдагуловой и пулеметчицы Маншук Маметовой. Поскольку они единственные девушки из стран Центральной Азии, удостоенные самой высокой награды СССР в годы Великой Отечественной войны, к ним и их подвигу было приковано особое внимание как в советское, так и в постсоветское время. Маншук Маметовой было 20 лет, она погибла в боях за освобождение города Невеля (Псковская область), проявила подвиг, командуя пулеметным расчетом. Маншук была первой девушкой из Казахской ССР, удостоенной высшей награды. Памятники в честь М. Маметовой посещал Н. Назарбаев, он встречался с ее родственниками. Имя Маншук Маметовой и других героев Казахстана упоминал в поздравительном выступлении, посвященном 75-летию Победы, президент Казахстана К.-Ж. Токаев, указывая, что Великая Отечественная война «является ярким символом беспримерного подвига наших отцов и дедов, которые в кровопролитных сражениях защитили родную землю и сокрушили нацизм»⁹. События января 2022 г., когда властные позиции сосредоточились в руках К.-Ж. Токаева, избавившегося от опеки со стороны Н. Назарбаева и его окружения, не привели к смене восприятия подвига М. Маметовой. В честь столетия со дня ее рождения ее именем в 2022 г. был назван аэропорт в Уральске, в этом же году снят телесериал «Маншук», показанный на государственном телеканале «Хабар». Аналогичная последовательная политика сохраняется и в отношении монументов в честь Великой Отечественной войны в Казахстане, в частности поддержке и реконструкции Парка имени 28 гвардейцев-панфиловцев в Алматы.

Примечательно, что в 2020 г. казахстанцев поздравлял с юбилеем Победы не только президент К.-Ж. Токаев, но и первый президент Казахстана Н. Назарбаев, который сказал об участниках войны: «Вы остановили самую кровопролитную войну в истории человечества. За эту победу пришлось заплатить огромную цену. Наш священный долг – хранить вечную память о вашем подвиге»¹⁰.

⁶ Атамбаев сердечно поздравил кыргызстанцев с 70-летием Великой Победы (2015) [Электронный ресурс], Информационный портал KG inform, 9 мая. URL: <https://www.kginform.com/ru/news/20150509/23118.html?ysclid=m706ag35vp141849967> (дата обращения: 16.02.2025).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Поздравление Главы государства Касым-Жомарта Токаева с Днем Победы (2020) [Электронный ресурс], Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 6 мая. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/pozdravlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-s-dnem-pobedy-1 (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁰ Нурсултан Назарбаев поздравил казахстанцев с юбилеем Победы (2020) [Электронный ресурс], Информационное агентство Inform buro, 8 мая. URL: <https://informburo.kz/novosti/nursultan-nazarbaev-pozdravil-kazahstancev-s-yubileem-pobedy-106191.html> (дата обращения: 16.02.2025).

Если руководители Казахстана (К.-Ж. Токаев и Н. Назарбаев) ни разу не упомянули термин «СССР / Советский Союз» или «советский», то в небольшом поздравлении президента Кыргызстана Сооронбая Жээнбекова в честь 75-летия Победы эти понятия упомянуты в совокупности 8 раз: «годовщину Победы советского народа.... Массовый героизм советского народа.... Подвиг советского солдата.... Наши матери и бабушки усыновили детей из других городов Советского Союза...»¹¹. В октябре 2020 г. в результате массовых беспорядков / революции произошла смена первых лиц страны (третья за постсоветскую историю Кыргызстана). Новый президент Кыргызстана Садыр Жапаров в области политики памяти продолжил традицию предшественников. Несмотря на то, что термин «Советский Союз» упоминается в тексте поздравления лишь единожды, общий нарратив встраивает Кыргызстан в общее дело Победы многонационального советского народа, обращая внимание на помощь в размещении эвакуированных, а также обеспечение фронта всем необходимым: «Кыргызстан снабжал фронт боеприпасами, продовольствием и вещественным имуществом, а оборонную промышленность – важнейшим стратегическим сырьем»¹². Таким образом, невзирая на внутриполитическую турбулентность и смену первых лиц в Казахстане и Кыргызстане, общие нарративы в осмыслении Великой Отечественной войны в риторике президентов сохраняют преемственность.

Риторика президентов Казахстана и Кыргызстана в отношении Великой Отечественной войны в период обострения отношений России и стран Запада

Обострение отношений России со странами Запада привело к росту напряженности на постсоветском пространстве, что особенно значимо для Казахстана и Кыргызстана как стран, проводящих открытую внешнюю политику и сотрудничающих одновременно как с Россией, так и с США и странами Западной Европы. Геополитический конфликт поставил нетривиальный выбор перед руководством Казахстана и Кыргызстана в отношении дальнейшей трансформации внешнеполитического курса. Давление международных акторов делало затруднительной дальнейшую реализацию многоекторного внешнеполитического курса.

В этот период наблюдается сохранение бережного отношения к памяти о Великой Отечественной войне в Казахстане и Кыргызстане, что отмечено и представителями МИД РФ. По словам официального представителя МИД РФ М. Захаровой, «Казахстан и Киргизию нельзя заподозрить в неуважении к памяти о Великой Победе над фашизмом, они по-настоящему чтут историю Великой Отечественной войны»¹³. Как и в прежние юбилейные годы, оба президента (К.-Ж. Токаев и С. Жапаров) планируют принять участие в праздновании 80-летия дня Победы в Москве в 2025 г. Тем не менее при более детальном рассмотрении в риторике президентов Казахстана и Кыргызстана касательно мемориальных дат, связанных с Великой Отечественной войной, есть существенные различия. Например, президент Кыргызстана направлял поздравления российскому коллеге и 27 января, в честь празднования 80-летия снятия блокады Ленинграда. Аналогичные поздравления со стороны президента Казахстана обнаружить не удалось. В риторике С. Жапарова, посвященной снятию блокады Ленинграда, наблюдается возвращение к использованию «советских» терминов. Президент Кыргызстана вписывает роль республики в общее дело Победы, указывая на помощь в обеспечении блокадного Ленинграда продовольствием и теплой одеждой, а также теплый прием блокадников на кыргызстанской земле, с упоминанием Токтогон Алтыбасаровой, принявшей 150 детей из блокадного Ленинграда¹⁴.

Начиная с 2022 года во всех поздравлениях, посвященных 9 Мая, со стороны К.-Ж. Токаева присутствует пожелание мира («мирного неба!»¹⁵ (2022), «важно беречь и укреплять мир!»¹⁶ (2023),

¹¹ Президент Сооронбай Жээнбеков: 9 Мая – день, который ждали долгих 5 лет, не зная сна и отдыха, сражаясь во имя Победы, и только ради Победы (2020) [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Кыргызской Республики*, 8 мая. URL: <https://president.kg/ru/news/all/11180> (дата обращения: 16.02.2025).

¹² Садыр Жапаров поздравил кыргызстанцев с Днем Победы (2021) [Электронный ресурс], *Информационное агентство K-News*, 9 мая. URL: <https://knews.kg/2021/05/09/sadyr-zhaparov-pozdravil-kyrgyzstancov-s-dnem-pobedy/> (дата обращения: 16.02.2025).

¹³ Захарова: Казахстан и Киргизию нельзя заподозрить в неуважении к памяти о Победе (2024) [Электронный ресурс], *TASS*, 9 мая. URL: <https://tass.ru/politika/20750181> (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁴ Садыр Жапаров выступил с обращением в годовщину снятия блокады Ленинграда (2024) [Электронный ресурс], *Информационное агентство KG24*, 27 января. URL: https://24.kg/vlast/285208_sadyr_zhaparov_vyistupil_sobrascheniem_vgodovschinu_snyatiya_blocadyi_leningrada/ (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁵ Поздравление Главы государства Касым-Жомарта Токаева с Днем Победы (2022) [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*, 9 мая. URL: <https://www.akorda.kz/ru/pozdravlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-s-dnem-pobedy-64231> (дата обращения: 16.02.2025).

«борьбу за мир и свободу»¹⁷(2024)), а также обращение к памяти предков («преклонение перед подвигом наших дедов и отцов, бабушек и матерей» (2022); «всегда будем помнить и чтить сыновей и дочерей нашего народа» (2023); «героизм старших поколений» (2024). Поздравительные речи президента Кыргызстана С. Жапарова более объемные по содержанию, в которых продолжает использоваться апелляция к общему советскому наследию (что традиционно отсутствует в риторике казахстанского президента). Используется термин «Великая Отечественная война», тогда как казахстанский президент предпочитает формулировку «День Победы». Так, в поздравительной речи в 2024 г. С. Жапаров указывает: «Эта дата особенно знаменательна для советских людей, которые как родные братья бок о бок героически противостояли коварному врагу»¹⁸. Годом ранее С. Жапаров упомянул подвиг Панфиловской дивизии, сыгравшей важную роль в битве за Москву¹⁹. Таким образом, турбулентные внешнеполитические процессы усилили разные акценты в презентации памяти о Великой Отечественной войне в риторике президентов Казахстана и Кыргызстана. Если в посланиях президента Кыргызстана сохраняется обращение к общему советскому прошлому и общим героям, то в риторике президента Казахстана присутствуют другие нарративы, касающиеся памяти предков, их героической борьбы (без конкретизации), а также усиливается акцент на ценности мира.

Заключение

Казахстан и Кыргызстан отличает бережное отношение к памяти о Великой Отечественной войне. В республиках сохраняются и преумножаются памятники героям той эпохи, политическое руководство неизменно отдает должное подвигу соотечественников, на государственном уровне отмечается День Победы. Лидеры стран на юбилейные даты собираются в Москве, чтобы почтить память погибших, вместе с руководством России посетить Парад Победы и возложить венок к Могиле Неизвестного Солдата. Тем не менее использование нарративов о Великой Отечественной войне в Казахстане и Кыргызстане несколько отличается, невзирая на общую канву, предполагающую уважительное отношение к подвигу предшествующих поколений. Если в Казахстане акцент сделан на «подвиге дедов» и ценности мира, то президенты Кыргызстана встраивают роль своего народа в общее дело Победы Советского Союза, тогда как в Казахстане подобный нарратив отсутствует. При этом личностный фактор играет вторичную роль, поскольку наблюдается преемственность нарративов в риторике лидеров (президентов), с незначительным видоизменением стиля изложения (например, С. Жээбеков чаще остальных президентов Кыргызстана использовал термин «советский»).

Различие акцентов в политике памяти о Великой Отечественной войне вытекает из разных подходов к восприятию советского прошлого. Если киргизский сум до сих пор украшают изображения представителей советской интеллигенции (Абдылас Малдыбаев, Бюбюсара Бейшеналиева, Суйменкул Чокморов и др.), то на казахстанских тенге нет символов советской эпохи. Казахстан отличает крайняя сдержанность в обращении к советскому прошлому и опыту Великой Отечественной войны. Наблюдаются дистанцирование от общесоветских нарративов с целью выстраивания собственной национальной идентичности. Казахстан отличает стремление позиционировать себя в качестве «средней державы», способной на равных выстраивать партнерские отношения с широким спектром международных акторов, среди которых Россия занимает важное место, но наряду с другими странами. Отсюда и стремление повысить международный престиж посредством мирных инициатив, переговорных площадок или организации международных выставок. Кыргызстан не располагает подобными ресурсами и гораздо выше ценит гармоничные отношения с Россией, остающейся для многих граждан этой страны ключевым международным партнером вследствие как экономических, так и политических факторов.

¹⁶Поздравление Главы государства Касым-Жомарта Токаева с Днем Победы (2024) [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*, 9 мая. URL: <https://www.akorda.kz/ru/pozdravlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-s-dnem-pobedy-845636> (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁷Поздравление Главы государства Касым-Жомарта Токаева с Днем Победы (2023) [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*, 9 мая. URL: <https://www.akorda.kz/ru/pozdravlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-s-dnem-pobedy-845634> (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁸Поздравление Президента Садыра Жапарова по случаю Дня Победы в Великой Отечественной войне (2024) [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Республики Кыргызстан*, 9 мая. URL: <https://president.kg/ru/news/all/25359> (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁹Садыр Жапаров поздравил кыргызстанцев с Днем Победы (2023) [Электронный ресурс], *Агентство Sputnik Кыргызстан*, 9 мая. URL: https://ru.sputnik.kg/20230509/kyrgyzstan-den-pobedy-pozdravlenie-1075143805.html?chat_room_id=1075143805 (дата обращения: 16.02.2025).

Список литературы / References

- Аватков, В. А. (ред.) (2024) *Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая*. Москва: реферативный сборник. [Avatkov, V. A. (eds.) *Russia in history textbooks of the countries of the Middle and Post-Soviet East, China* [Rossiya v uchebnikah istorii stran Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka, Kitaya] Moscow: abstract collection. (In Russ.)].
- Жанбосинова, А. С. (2022) ‘Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана’, *Исторический курьер*, 1 (21), сс. 133–144. [Zhanbosinova, A. S. (2022) ‘Historical memory of the Great Patriotic War in space Kazakhstan’ [Istoricheskaya pamiat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v prostranstve Kazahstana], *Historical Courier*, 1 (21), pp. 133–144. (In Russ.)].
- Зимовина, Е. П. (2003) ‘Динамика численности и состава населения Казахстана во второй половине XX века’, *Демоскоп*, сс. 103 – 104. [Zimovina, E. P. (2003) ‘Dynamics of the size and composition of the population of Kazakhstan in the second half of the twentieth century’ [Dinamika chislennosti i sostava naseleniya Kazahstana vo vtoroj polovine XX veka], *Demoscope*, pp. 103 – 104. (In Russ.)].
- Ионова, Е. П., Малышева, Д. Б. (2024) *Постсоветские государства на современном этапе: внутренняя политика и поиск путей развития* (ред. Э. Г. Соловьев). МЭМО РАН. Москва. с. 111. [Ionova, E. P., Malysheva, D. B. (2024) *Post-Soviet states at the present stage: internal political dynamics and the search for development paths* [Postsovetskie gosudarstva na sovremennom etape: vnutripoliticheskaya dinamika i poisk putej razvitiya]. Soloviev, E. G. (eds.). MEMO RAS. Moscow. c. 111. (In Russ.)].
- Ключарева, В. В., Корусенко, С. Н. (2023) ‘Модернизация исторической политики и национальной идентичности в Республике Казахстан: средства формирования и трансляции’, *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 3 (62), сс. 193–204. [Klyuchareva, V. V., Korusenko, S. N. (2023) ‘Modernization of historical policy and national identity in the Republic of Kazakhstan: means of formation and translation’ [Modernizaciya istoricheskoy politiki i nacional'noj identichnosti v Respublike Kazahstan: sredstva formirovaniya i translyacii’], *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 3 (62), pp. 193–204. (In Russ.)].
- Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2020) ‘Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве’, *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2 (39), сс. 59–77. [Kovba, D. M., Gribovod, E. G. (2020) ‘Features of the formation and implementation of the policy of memory of the Great Patriotic War in the post-Soviet region’ [Osobennosti formirovaniya i realizacii politiki pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne na postsovetskem prostranstve], *Scientific journal “Discourse-Pi”*, 2 (39), pp. 59–77. (In Russ.)]. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10204 EDN: FAMENR
- Малинова, О. Ю. (2015) *Актуальное прошлое: Символическая политика властеющей элиты и дилеммы российской идентичности*. Москва. 207 с. [Malinova, O. Yu. (2015) *Current past: Symbolic politics of the ruling elite and dilemmas of Russian identity* [Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmi rossijskoj identichnosti]. Moscow. 207 p. (In Russ.)].
- Морозова, Е. В. (2016) ‘Образ другого/чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы)’, *Историческая и социально-образовательная мысль*, 8, (6/2), сс. 183–186. [Morozova, E. V. (2016) ‘The image of the other/alien in the formation of foreign policy identity (literature review)’ [Obraz drugogo/chuzhogo v formirovaniu vneshenopoliticheskoy identichnosti (obzor literatury)]. *Historical and socio-educational thought*, 8, (6/2), pp. 183–186. (In Russ.)].
- Нечаева, А. А. (2020) ‘Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия’, *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4 (60), сс. 121–129. [Nechaeva, A.A. (2020) ‘The formation of memory studies as a separate field of knowledge: main issues and concepts’ [Stanovlenie

- memory studies kak otdel'noj oblasti znanija: osnovnye voprosy i ponyatiya], *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 4 (60), pp. 121–129. (In Russ.)].
- Осадчая, Г. И., Селезнёв, И. А., Киреев, Е. Ю., Черникова, А. А. (2020) ‘Великая Победа и формирование исторической памяти молодежи стран ЕАЭС и ОДКБ (к 75летию победы в Великой Отечественной войне)’, *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 4, сс. 69–76. [Osadchaya, G. I., Seleznev, I. A., Kireev, E. Yu., Chernikova, A. A. (2020) ‘The Great Victory and the formation of the historical memory of the youth of the EAEU and CSTO countries (to the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War)’ [Velikaya Pobeda i formirovanie istoricheskoy pamyati molodezhi stran EAES i ODKB (k 75letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne)], *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 4, pp. 69–76. (In Russ.)].
- Павлова, А. В. (2024) ‘Становление внешнеполитической идентичности де-факто государства: от провозглашения к международно-правовой субъектности (казус Абхазии)’, *Международная аналитика*, 15 (1), сс. 154–173. [Pavlova, A. V. (2024) ‘The formation of the foreign policy identity of a de facto state: from proclamation to international legal subjectivity (the case of Abkhazia)’ [Stanovlenie vneshnepoliticheskoy identichnosti defakto gosudarstva: ot provozglasheniya k mezhdunarodno-pravovoju sub"ektnosti (kazus Abhazii)], *International Analytics*, 15 (1), 154–173. (In Russ.)].
- Плотников, Д. С. (2018) ‘Изменение «политики памяти» в государствах-союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года’, *Вестник Пермского университета. Политология*, сс. 92–107. [Plotnikov, D. S. (2018) ‘Changes in the “politics of memory” in Russia’s allies in the post-Soviet space after 2014’ [Izmenenie «politiki pamyati» v gosudarstvah-soyuznikah Rossii na postsovetskom prostranstve posle 2014 goda`], *Bulletin of Perm University. Political science*, 1, pp. 92–107. (In Russ.)].
- Понамарева, А. М. (2024) ‘Историческая политика Республики Беларусь: перипетии эволюции’, *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 16 (4), сс. 95–139. [Ponamareva, A. M. (2024) ‘Historical policy of the Republic of Belarus: the vicissitudes of evolution’ [‘Istoricheskaya politika Respubliki Belarus’: peripetii evolyucii], *Bulletin of Moscow University. Episode 25: International relations and world politics*. 16 (4), pp. 95–139.] (In Russ.). DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-95-139 EDN: ELLKSZ
- Причин, С. А. (2024) *Постсоветские государства на современном этапе: внутренняя политическая динамика и поиск путей развития* (ред. Э. Г. Соловьева). МЭМО РАН. Москва. [Pritchin, S. A. (2024) *Post-Soviet states at the present stage: internal political dynamics and the search for development paths* [Postsovetskie gosudarstva na sovremennom etape: vnutripoliticheskaya dinamika i poisk putej razvitiya] (ed. E. G. Solovyov). MEMO RAS. Moscow. (In Russ.)].
- Прохоренко, И. (2024) ‘Идентичность как ключ к пониманию мировой политики’, *Международная аналитика*, 15 (1), сс. 11–19, в: В. А. Аватков (ред.) *Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник* Москва. с. 155. [Prokhorenko, I. (2024) ‘Identity as the key to understanding world politics’ [‘Identichnost’ kak klyuch k ponimaniyu mirovoj politiki’]. *International Analytics*, 15 (1), 11–19, in: V. A. Avatkov (eds.) *Russia in history textbooks of the countries of the Middle and Post-Soviet East, China: abstract collection*. Moscow. p. 155. (In Russ.)].
- Романова, А. П., Федорова, М. М. ‘Роль политики памяти в конструировании новых идентичностей в странах большого Каспия (на примере Республики Казахстан и Республики Туркменистан)’ *Сравнительная политика*, 14 (3), сс. 60–78. [Romanova, A. P., Fedorova, M. M. ‘The role of memory politics in the construction of new identities in the countries of the greater Caspian Sea (on the example of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Turkmenistan)’ [‘Rol’ politiki pamyati v konstruirovaniyu novyh identichnostej v stranah bol’shogo Kaspiya (na primere Respubliki Kazahstan i Respubliki Turkmenistan)], *Comparative politics*, 14 (3), pp. 60–78. (In Russ.)].

- Соловьев, Э. Г. (ред.) (2024) *Постсоветские государства на современном этапе: внутривнутриполитическая динамика и поиск путей развития*. Москва. [Soloviev, E. G. (eds.) (2024) *Post-Soviet states at the present stage: internal political dynamics and the search for development paths* [Postsovetskie gosudarstva na sovremennom etape: vnutripoliticheskaya dinamika i poisk putej razvitiya]. Moscow. (In Russ.)].
- Тачмедова, Д. Ш. (2024) ‘Политика исторической памяти в современном Казахстане’, *Постсоветские исследования*, 3 (7), сс. 260–268. [Tachmedova, D. Sh. (2024) ‘The politics of historical memory in modern Kazakhstan’ [Politika istoricheskoy pamyati v sovremennom Kazahstane], *Post-Soviet Studies*, 3 (7), pp. 260–268. (In Russ.)]. EDN: ВМАРУС
- Фадеева, Л. А., Плотников, Д. С. ‘Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии международной безопасности’, *Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток* Москва, сс. 213–239. [Fadieva, L. A., Plotnikov, D. S. ‘The experience of world wars in identity politics and building an international security strategy’ [‘Opyt mirovyh vojn v politike identichnosti i vystraivanii strategii mezhdunarodnoj bezopasnosti’], *Regional Strategies for International Security: Russia, the EU and the Middle East* Moscow, pp. 213–239. (In Russ.)].
- Шаповалова, А. И. (2011) ‘Структура внешнеполитической идентичности государства’ в: И. С. Семененко (ред.) *Идентичность как предмет политического анализа*. Москва. сс. 65–69. [Shapovalova, A. I. (2011) ‘The structure of the foreign policy identity of the state’. [‘Struktura vneshnepoliticheskoy identichnosti gosudarstva’] in: I. S. Semenenko (eds.) *Identity as a subject of political analysis*. Moscow, pp. 65–69. (In Russ.)].

Статья поступила в редакцию: 19.02.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

THE POLITICS OF MEMORY OF THE SECOND WORLD WAR IN KAZAKHSTAN AND KYRGYZSTAN IN THE CONTEXT OF FOREIGN POLICY IDENTITY

D. Plotnikov

Dmitry Plotnikov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Perm State University, Perm, Russia.

E-mail: plotnikov.perm@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6846-044X).

Abstract

This article examines the politics of memory of the war and the victory over fascism as an important element of the foreign policy identity of the post-Soviet countries. The key actors in this policy are heads of state, who develop rhetoric and actions relating to the representation of collective memory, while considering the choice of foreign policy strategy. The article is based on the congratulatory speeches delivered by the presidents of Kazakhstan and Kyrgyzstan on the occasion of Victory Day, commemorating the Great Patriotic War. The author notes that, the presidents of Kyrgyzstan emphasise their connection with Russia by referencing the Great Patriotic War. Kazakhstan's presidents place importance on preserving memory, honouring their ancestors, safeguarding sovereignty and independence, and since 2022, peace. It is concluded that there is a visible similarity in cultural and humanitarian policies, including respect for the memory of the Great Patriotic War, preservation of the state status of the Russian language, etc. However, the politics of memory and its value aspects are influenced by different aspects of foreign policy strategy. While Kyrgyzstan continues to align its cultural and humanitarian policies with Russia, political actors in Kazakhstan are striving to develop a multi-vector policy, as evidenced by the presidents' rhetoric emphasising ideas of sovereignty.

Keywords: policy of memory; foreign policy identity; Great Patriotic War; Central Asia; Kazakhstan; Kyrgyzstan; rhetoric; strategies; presidents.

Теория политики

УДК-329

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-15-23

РЕВОЛЮЦИЯ, УСКОРЕНИЕ ИЛИ БЕГСТВО? ЛЕВЫЕ СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С КАПИТАЛИЗМОМ

А. А. Карулин

*Карулин Андрей Алексеевич, аспирант,
Институт философии РАН, Москва, Россия.*

E-mail: Andreykarulin2020@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6287-8180. ResearcherID: AFX-6775-2022).

Аннотация

Левый мыслитель Фредрик Джеймисон однажды сказал: «Проще представить конец мира, чем конец капитализма». На современном этапе левые движения находятся в массовом кризисе – от организационного до идеологического. Основная проблема, отмечаемая здесь, сводится к тому, что словенский философ Славой Жижек называет «культурализацией политики» ситуацию, при которой культурные различия возводятся в абсолют в противовес политическим методам борьбы. Подобная стратегия приводит к тому, что левые излишне фокусируются на собственных различиях, замещая ими политическую практику. В связи с этим в данной статье акцентируется внимание на совершенно разных теориях, принадлежащих левому дискурсу. Мы обращаемся как к наследию прошлого, так и к современным попыткам ответить на стратегический кризис левых сил. Вопрос, который является для современных левых краеугольным камнем всей политической активности, – возможно ли вновь помыслить «будущее» вне рамок капитализма, сформировать альтернативу, как это было в начале XX в.? Ответ на этот вопрос концептуализируется в теориях, выбранных в качестве объекта исследования: Gemeinwesen французского мыслителя Жака Каматта, теория коммунизации Жиля Дове и теория левого акселерационизма.

Ключевые слова: капитализм; левая критика; левый акселерационизм; коммунизация; посткапитализм; Gemeinwesen.

«Современный коммунист должен принять имманентное отчаяние человечества и предложить коммунизм как стратегию, чтобы справиться с ним», – считает словенский философ Славой Жижек. Ключевой аспект данной проблематики на современном этапе заключается в ситуации тотальной дезориентации левых движений в рамках глобального капитализма, который чаще всего именуют неолиберальным. Именно с неолиберальным капитализмом связывают проблему формирования будущего горизонта действий, альтернативного проекта, образа будущего, который бы стал основой для действий сегодня. В данном контексте также говорят и о посткапитализме, который отображает некоторую фазу развития капитализма, но уже в условиях новой социальной, экономической, культурной и политической инфраструктуры. Тем не менее посткапитализм – утилитарная категория, которая позволяет расширить рамки для левой теории, не зациклившись исключительно на марксистских постуатах.

После финансового кризиса 2008 г. протесты взбудоражили весь мир. В тот момент левая повестка являлась политическим мейнстримом, левые протесты от Occupy Wall Street до успехов греческой ультраправой партии СИРИЗА на политическом поприще демонстрировали успехи в борьбе с последствиями неолиберальных реформ и экономических решений. Так или иначе, системный кризис левых сил не был случайным – трансформация мирового порядка и международных отношений, усиление глобализационных процессов, технологический прогресс в медиа и общественных коммуникациях, феномен постфордистской экономики и прочие явления повлияли на левые силы в разных частях света – от Западной Европы до Латинской Америки. Рост правового популизма, перехватывание правыми партиями политической повестки, сокращение социальной базы традиционных левых партий, будь то немецкая СДПГ, Демократическая партия Италии, Испанская социалистическая рабочая пар-

тия и другие, не привело к переосмыслению левыми партиями собственного опыта и качественному ответу возрастающему уклону «вправо» (Холодковский, 2018). В рамках данной статьи под посткапитализмом мы понимаем дискурс, вмещающий в себя различные социально-экономические и политические представления и дискуссии по вопросу преобразования современной капиталистической системы, который возник в определенный исторический момент (Давыдов, 2018: 115). В связи с этим в качестве предмета исследования мы взяли левые теории, в которых отражается идея конструирования альтернативного порядка и способы его достижения:

- 1) концепция *Gemeinwesen* Ж. Каматта;
- 2) теория левого акселерационизма;
- 3) теория коммунизации Ж. Дове.

Выбор данных теоретических идей обусловлен тем, что концепт *Gemeinwesen* Каматта вызывает интерес не только из-за малой осведомленности отечественного академического сообщества об этой фигуре, но и оригинального способа работы с марксовой социально-философской категорией *Gemeinwesen*, которая выводит Каматта на размышления об альтернативном сообществе вне капитализма, вписывающиеся в общий тренд посткапитализма. Анализ теории левого акселерационизма может стать частью более масштабного исследования, но в то же время данное течение в социально-политической мысли современности актуализирует важные маркеры посткапиталистического общества, которые, на наш взгляд, являются предметом тщательного исследования. Теория коммунизации Жиля Дове, хоть и не является современной идеей, в то же время ее исторический опыт показывает попытку преодолеть капиталистическую систему, но иными способами, нежели нам предлагает левый акселерационизм или Каматт. Тем не менее всех их объединяет не только посткапиталистическая перспектива, но и приверженность левому спектру. Следует отметить тот факт, что как Жиль Дове, так и Жак Каматт принадлежат общей традиции теории антиполитического коммунизма, но развиваются свои идеи диаметрально противоположным образом.

Цель данной статьи – рассмотреть данные идеи и концепты сквозь призму теории посткапитализма. Не просто охарактеризовать альтернативные вариации стратегий борьбы с капитализмом, но доказать, что формирование стратегий зависит от теоретического подхода к концептуализации капитализма и капиталистической системы в условиях изменяющегося капитализма.

Концепт *Gemeinwesen* Ж. Каматта

Французский мыслитель Жак Каматт родился в 1935 г. На протяжении 1950-х и 1960-х гг. придерживался крайне левых взглядов, был теоретиком радикального марксизма и имел политический вес среди европейских левых. Также находился под влиянием итальянского марксиста Амадео Бордиги, но в 70-х гг. XX в. был вынужден разойтись со своим учителем из-за теоретических разногласий и споров. Источником каматтианских мыслей в тот период становится журнал *Invariance* 1968 г., где Каматт публикует свои работы по сей день. Основные его работы были опубликованы в 1960–70-х гг. и аккумулированы в сборнике работ Каматта в 1995 г., в котором собраны основополагающие статьи.

Каматт приветствовал события 1968-го, которые ассоциировались со множеством надежд – от смены политического вектора развития европейских стран до светлого коммунистического будущего, чьи лозунги украшали транспаранты сторонников мая-68 различных левокоммунистических групп, ультралевых коллективов и анархистских группировок. Каматт так же был охвачен данным эсхатологическим порывом. В частности, 68-й год он воспринимал как «утверждение полного неприятия капиталистического общества и призыв к утверждению человека, импульс к созданию другого типа сообщества». Тем не менее чаяния Каматта не оправдались, и уже 1970-е гг. сменились неоконсервативным поворотом как в политике европейских стран, так и в политической философии.

Практическая сторона политической атмосферы того периода отразилась и на концептуальных построениях Каматта. Его основной концепт – *Gemeinwesen* – является констелляцией раннемарксистских идей об отчуждении человека от коллектива, возврате к «естественному сообществу» с отражением положения современных ему левых сил, а точнее – исторического проигрыша левых и сведения революционного духа к реакции, провалу эмансипаторного потенциала. Отсюда в *Gemeinwese*'е Каматта сплетается марксистская теория и левый пессимизм. Последний утверждается в тезисе о ничтожности, невозможности и бессмыслице политической борьбы внутри капиталистической структуры, так как подобное сопротивление опосредовано социальными связями, экономическими структурами, исторически сложившимися к этому периоду, отсюда любой революционер

становится продуктом собственной системы, а следовательно, бороться с государством на его же территории означает заведомо быть обреченным стать частью системы (Camatte, 2020: 89).

Тезис о том, что капитализм производит своих же ниспровергателей достаточно классический и вписывается в гегельянскую диалектику раба и господина (Гегель 2000: 101). Каматт же предпринимает попытку отказаться от этого диалектического мотива и уйти от апологетики революционной борьбы. По этой причине *Gemeinwesen* Каматта антиполитичен по своей сути и основывается на следующих идеях: Инверсия, Блуждание, внеклассовость, преодоление политической враждебности. Причиной идеи конца классовой борьбы являются события после 1968 г., которые для Каматта олицетворяли стратегический проигрыш левых сил. По мысли Каматта, пролетариат не смог выполнить возложенную на него миссию, а практическое воплощение коммунизма в СССР было реализовано с ошибками и отражало неверное понимание идей Маркса. Таким образом, 68-й год становится отправной точкой для размышлений Каматта о победе капитализма. Он отмечает, что необходимо фокусировать взгляд не на категориях капитала и восприятия человека через них, а на его динамике и метаморфозах (Каматт, 1973: 20). Относительно классовой борьбы: Каматт отказывается рассматривать классовый конфликт внутри капиталистической системы как продуктивный способ борьбы и самоорганизации человеческих коллективов вокруг идентичности класса. Несмотря на разнообразные варианты классовых и постклассовых теорий сегодня (теория множества, прекариата, персоналиата и др.), Каматт придерживается иного подхода.

Поворот в сторону рассмотрения человека как коллективного существа является концептуальным ходом Каматта и позволяет интегрировать в эту категорию разнообразные формы социальных союзов и общностей, так как, по его мнению, категория пролетариата сцеплена с капитализмом, является его структурной единицей, а значит, это путь к апологетике революционной борьбы, которая закончится лишь ужесточением и качественным изменением капиталистической структуры. Каматт отмечает, что, по задумке Маркса, пролетариат действительно являлся практическим выражением *Gemeinwesen*, но исторически потерпел провал. Каматт даже употребляет специальный термин – «одомашнивание» человека капиталом (Camatte & Trotter, 1995: 91), доказывая, что капитализм как тотальность ассимилировал собственных критиков. Каматт указывал на узость классовых позиций, так как именно капитализм производит социальные отношения, в которых пролетариат является производителем прибавочной стоимости. Требования же пролетариата, отмечает Каматт, укладываются в повышение заработной платы, улучшение условий труда, сокращение рабочего времени и введение самоуправления на местах, что заставляет капитализм реагировать на данные гуманные требования и принимать их для нивелирования возможных противоречий. Рационализация данных условий и их принятие есть, как говорит Каматт, сам капитал (Camatte & Trotter, 1995: 101). Следовательно, необходим иной взгляд на формирование коллективных союзов и другие акценты на человеческой идентичности, без фокусировки исключительно на классовой принадлежности.

Gemeinwesen – онтологическое понятие, которое характеризует отчужденную сферу жизни человека. Принадлежит оно раннему этапу творчества Карла Маркса. Маркс испытал сильное влияние фейербахианской идеи о социальной природе человека, базовое свойство которого «быть коллективным существом». До возникновения капитализма в отношениях между людьми господствовала «естественная родовая сущность» (Маркс, 2024: 121), процветала потребительная стоимость: стоимость вещи определялась по ее полезности. С приходом капиталистических отношений «естественное сообщество» стало опосредоваться меновой стоимостью, прежде всего – с появлением рыночных отношений и денежного эквивалента. Проблема в том, что меновая стоимость начала автономизироваться и опосредовать собой «естественное сообщество». Данный процесс привел к замене последнего материальным сообществом: социальные связи стали опосредоваться капиталистической системой. Человек был оторван от связывающих коллектив принципов и ценностей и включен в новую сеть социальных отношений, где формой выражения отношений между людьми стал индивидуализм. Каматт называет этот процесс «разложением сообщества» (Camatte, 2020: 97). Капитал предстает как автономная система ценностей, а борьба с ним становится катализатором для трансформаций капитализма. Отсюда, например, сегодня мы можем увидеть исследования различных вариаций капитализма – от надзорного до коммуникативного. Более того, Каматт стал говорить о реальном господстве капитала и его деспотизме над человеческим сообществом.

В силу того, что человечество исторически лишилось *Gemeinwesen*, Каматт концептуализирует это в идее Блуждания общества, отчужденного от своей социальной сущности. Как было отмечено, для Каматта социальные связи опосредованы капиталистической формой. В ходе данного процесса человеческое общество на каждом этапе своей истории отчуждало себя от природы, от коллективных

связей между собой. В ходе истории общества приходили к формированию иных форм коллективности, опосредованных какой-либо идентичностью: сообщество капиталистов, буржуа, пролетариев; общности, объединенные по разным социально-политическим основаниям. Каматт не признает какие-либо формы борьбы, особенно политической, с государством. Важно отметить, что государство и капитализм для Каматта синонимичные понятия, поэтому борьба с первым фактически является также и борьбой со вторым. Образом же освобождения человечества от процесса Блуждания является движение в сторону утверждения *Homo Gemeinwesen*. Данный концепт не стоит воспринимать как утверждение нового биологического вида. Скорее это новый вид и форма социальных отношений между людьми. Не стоит ассоциировать его и с некоторым возвратом в домодерновую эпоху традиционных обществ, олицетворяющих «грубый коммунизм» (Endnotes, 2019:264). Концепт *Homo Gemeinwesen* коррелирует с коммунистическим проектом Маркса. Это проявляется в том, как Каматт описывает новое общество, в котором он видит потенциал для разрушения капиталистических форм существования, в объединении человека и природы, гармонии между общественной и индивидуальной жизнью. Тем не менее *Homo Gemeinwesen* Каматта не имеет политico-экономических коннотаций как системы производства или необходимости обобществления собственности. Наоборот, отмечается его этический и антиполитический смысл. Возврат к *Gemeinwesen* осуществляется через «общее чувство» и предполагает прежде всего отказ от ценностей капиталистического мира, разрыв с данной формой производства реальности (Camatte & Trotter, 1995: 122).

Антиполитичность Каматта отражается в идеи Инварианта, или Инверсии порядка. Поскольку борьба с капитализмом на его же территории бесперспективна, необходимо представить иной способ формирования альтернативного будущего. Каматт предпринимает серьезную попытку очертить потенциальные возможности для своих последователей через уход или бегство человека из мира капитала. Но куда и каким образом? Автор определяет инверсию не как стратегию – «она полностью вне политики, которая представляет собой динамику организации людей, их контроля. Мы должны откаться от всего, что является частью этого мира». Таким образом, в такой картине мира человеческие сообщества должны формировать новые формы взаимоотношений, не опосредованные политической борьбой. Возникает резонный вопрос: какие же в таком случае «формы организации» приветствует Каматт? Фактически это любые вариации социальной жизни, демонстрирующие антикапиталистическую логику, граничащие со всевозможными социальными коллективными экспериментами проживания, которые демонстрируют иной образ жизни.

В этот же ранг подпадают и локальные закрытые этнические сообщества, которые были лишены капиталистического развития. Каматт фокусируется на *Gemeinwesen*: «До сих пор вместе с К. Марксом считалось, что для возникновения революции необходим кризис. Однако мы видим, что борьба, ведущаяся при сохранении предпосылок капитала, оставаясь на его почве, только усиливает его господство. Мы должны покинуть этот мир, поэтому мы должны проявить волю и больше не просто ждать переломного момента, называемого революцией. При этом я остерегаюсь давать рецепты. Я хочу указать на необходимость другого поведения, а не на конкретный тип поведения, который должен и может привести к этому разрыву». Таким образом, можно лишь гипотетически догадываться, кто именно будет воплощением новых социальных отношений. Тем менее можно заземлить абстракцию *Gemeinwesen* и допустить, что раз ценности политической вражды отрицаются Каматтом, то движения, образующиеся через процесс солидаризации вокруг некоторой проблемы, общества взаимопомощи будут маркерами инверсий, при которой люди будут воспроизводить настоящие человеческие отношения. Это, конечно, «слепая зона» теории Каматта, так как он сам неоднократно корректировал свои высказывания относительно этой концепции и придерживался мнения, что процесс утверждения нового сообщества займет тысячелетия. Данная недосказанность и создает современные интерпретации размышлений Каматта. Надежда на новое, альтернативное будущее добавляет идеям Каматта эсхатологическое измерение, которое зиждется на представлении о том, что реальный мир порочен и его необходимо в корне преобразовать и изменить. Питер Харрисон, один из авторов коллективного левого проекта Monsieur Dupont, акцентирует внимание на квииетистском милленизме Каматта – ожидании ближайшего социального апокалипсиса без конкретных политических действий или иных видов общественной вовлеченности в изменения системы. И задает резонный вопрос: каким образом люди способны пуститься в бегство из капитализма, не взяв с собой капиталистические ценности, в условиях которых они проживали всю свою жизнь?

Насколько мы выяснили, Каматт деполитизирует *Gemeinwesen* и понимает его сугубо в этическом плане как некоторую универсальную коллективную сущность, которую общество утратило. Конечно, *Gemeinwesen* как концепт исторически принадлежит Марксу и имеет достаточно вариатив-

ный спектр для толкований. Профессор Питер Кричли, хоть и не был знаком с работами Каматта, но является исследователем идеи *Gemeinwesen* у Маркса. В данном случае его наработки помогают уточнить ход мыслей Каматта. Согласно его исследованиям, *Gemeinwesen* можно понимать и как «универсальную природу человека», но, помимо этого, это еще и политический институт, который разрабатывал Маркс в качестве критики государственной власти (Critchley P., 2017: 12). Концепция *Gemeinwesen*, по мысли Маркса, должна была стать альтернативной формой кооперации (Кричли здесь и вовсе указывает на республиканский мотив Маркса) людей между собой, их рационального участия в общем деле, не опосредованного различными формами коммерциализации и товарными отношениями, вовлеченности в жизнь сообщества каждого индивида. Кричли замечает, что Маркс строит левый либертарный проект, в котором должно нивелироваться социальное отчуждение индивида, вводиться общественный контроль на всех уровнях власти. Но для этого необходима политическая борьба и самоорганизация. Очевидно, что Каматт вписывается в понимание *Gemeinwesen* как универсальной природы человека (этический подход к трансформации общества) и на этой основе теоретически обустраивает собственное видение посткапиталистического будущего как формирование некапиталистических форм социального бытия.

Теория коммунизации Ж. Дове

Жиль Дове считается основоположником теории коммунизации, появившейся на волне социально-политических протестов 1960-х гг. в Европе. Основополагающую работу «Закат и возрождение коммунистического движения» он подготовил совместно со своим коллегой Франсуа Мартеном в 1973 г. после майских событий 1968-го, но в период подъема деятельности коммунистических движений в европейских странах – в Италии в это время наступил период, именуемый «свинцовыми семидесятыми» (пик активности ультралевых движений). Дове предпринял попытку переосмыслить опыт левых движений и теорию коммунизма, обращая внимание на ряд проблем, с которыми сталкивались левые движения прошлого, прежде всего классические левые партии, опыт социал-демократии.

Коммунизация концептуализировалась в противовес стандартному на тот момент подходу к коммунизму, который заключался в идее захвата государственной власти и установлении «диктатуры пролетариата». В теории коммунизации акцент делается на процессе социальной революции и борьбе с капиталистической формой стоимости, в ходе которой утверждаются новые общественно-политические формы существования человеческих коллективов; в экономической же перспективе коммунизация проявляется в процессе уничтожения капиталистической сущности обмена при товарно-денежных отношениях, например в формате кооперативного движения или коммунального, где обмен между членами коллектива не опосредуется законами стоимости и накопления. Дове описывает коммунизацию так: «Суть не в том, что в один прекрасный день большое число людей начнет уничтожать стоимость и прибыль. Все революционные движения прошлого способны были остановить общество и ждали, как нечто родится из этого всеобщего простоя. Коммунизация, напротив, будет распространять продукты без денег, откроет ворота, отделяющие фабрики от жилых районов, закроет другие фабрики, где труд для того, чтобы его можно было технически улучшить...» (Дове и Мартен, 1973: 33).

Несмотря на многообещающий характер данной теории, логика процесса утверждения коллективной сущности человека через «коммунирующие» акты вписывается в общий тренд на сепарирование теории коммунизма от эстетического содержания и создания авангардной партии пролетариев. Также в противовес политическому коммунизму Дове развивал мысль об антиполитичности коммунизации, подчеркивая ее социальный смысл и сущность, заключенную в перманентных социальных подрывах системы изнутри: бунты маргинализированных слоев общества, создание автономных и локальных зон, «в отрицании конвейерной работы, в борьбе сквоттеров коммунистическая перспектива присутствует в качестве попытки создать “нечто большее” не на основе простого неприятия современного мира (хиппи), а через использование и преобразование того, что производится и расходуется» (Дове и Мартен, 1973: 37).

Фактически в теории коммунизации делается ставка не на захват власти в государстве путем конвенциональных методов борьбы, включая демократические выборы, а непосредственно на практические действия в социально-политической сфере, имеющие ярко выраженную антигосударственную направленность, так как государство выражает классовые отношения. Только через динамику субверсивных актов члены сообщества поддерживают солидарность между собой и веру в посткапи-

талистическое будущее. Ввиду этого идея коммунизации стала популярна во второй половине XX в. и остается в качестве таковой среди различного рода коммунистических движений, ультралевых коллективов и анархистских группировок. Так, ультралевый коллектив Endnotes встраивает себя в традицию левокоммунистических групп постреволюционного 1968 г. Коммунизация в понимании данной группы скорее ставит глобальный вопрос о новых формах борьбы и самоорганизации, нежели отвечает на вопрос, что делать в условиях глобального капитализма. Можно сказать, что ставится вопрос на уровне абстракции, чтобы очертить поле для практической реализации альтернативы капитализму и борьбы с капиталистической тотальностью. В частности, возникает вопрос: как возможно объединиться и выступить против капитализма единым фронтом, изменить реальность и сформировать реальную глобальную альтернативу: «Будущая революция будет скорее сильна не организационным единством пролетариата, но распадом, разобщением того, что день за днем воспроизводит пролетариев как пролетариев», – замечает Дове (Дове, 2000).

Проблема же возникает в том, что термин «коммунизация» семантически имеет разные определения в разных контекстах, о чем говорилось выше. Об этом, в частности, пишет Бенджамин Ноис. Он выделяет несколько «болевых точек» теории: во-первых, отсутствие четкой программы действий («программизм»); во-вторых, интегрированность в капиталистическую систему революционеров (сопротивление опосредовано капиталистической формой); в-третьих, отсутствие единства и глобальной повестки – не ясно, как коммунизация будет осуществляться на глобальном уровне и каким образом управляемся (Noys, 2011: 14).

Таким образом, мы находим, что коммунизация является некоторым зонтичным определением, которое призвано описать глобальный процесс сопротивления системе. Перманентная борьба против девиаций капиталистической системы является стратегией по утверждению посткапитализма, так как в революционной субверсии сложившегося порядка сторонники коммунизации не только черпают вдохновение и презентации собственной идентичности, но и видят приближение грядущего слома системы, акселерируя капиталистические противоречия.

Политика ускорения. Левый акселерационизм

В 1977 г. французский философ Поль Вирильо в работе «Политика и скорость» поставил диагноз современному ему обществу, которое ускоряется за счет технологического прогресса, динамики глобализации и других факторов. Категория скорости стала главным симптомом нестабильности общества, а неуправляемость и хаос – аксиомами нашей жизни. Технологический прогресс способен внедрять все больше изменений, меняющих как социальный, так и политический ландшафт, а также экономику и повседневную жизнь. Отсюда Вирильо приходит к идее интегральной аварии, или случайности (*integral accident*) – идея предполагает, что аварийность уже заложена в любые информационные или технологические инновации, экономические или социальные, которые могут в любой момент выйти из-под контроля. В условиях постиндустриального многосоставного и комплексного общества риск аварии повышается, так как сложные системы гораздо труднее контролировать – никто не мог предвидеть финансовый кризис 2008 г., который оказал глобальное влияние не только на страны европейского континента. Таким образом, «авария» интегрирована в современное общество и в любой момент может случиться (Virilio, 1977: 21).

Если Вирильо ставил диагноз современному обществу и остерегался коллапса социальной системы, то акселерационистская мысль видит в потенциальных рисках возможность для преодоления капитализма. Для акселерационизма «авария» – этап изменений для системы, но никак не тупик. Соответственно, кризис будет являться отправной точкой формирования политических акторов для последующих действий, поэтому капитализм необходимо «разогнать». Левый акселерационизм не романтизирует ускорение в отличие от правого акседерационизма, а рационализирует его для того, чтобы найти решения для выхода из кризиса, выработать подход. Соответственно, левый акселерационизм предпринимает попытку найти обоснование не только кризису капитализма, но и преодолению его в нынешних современных социально-политических реалиях, где за отправную точку берутся возможности капитализма, позитивные тенденции в капитализме. ИТ-сфера, научные открытия, возникновение сетевых сообществ, платформенная экономика, возникновение новых форм труда и досуга, цифровизация процессов – все этой становится краеугольным камнем, драйвером изменений в капитализме. Левый акселерационизм предлагает фокусировать внимание на технологиях и технологическом прогрессе, видя в них потенциал для эманципации и формирования посткапиталистической реальности (Срничек и Уильямс, 2018: 11), что должно способствовать социальным изменениям.

Чтобы вернуть левым движениям актуальность и эффективность, Срничек и Уильямс прибегают к необходимости обозначить организационно-идеологические недостатки, которые не позволяют им по-настоящему ускорять процесс дестабилизации капитализма. Данную проблему Срничек и Уильямс видят в феномене «фолк-политики», который заключается в локальности и фрагментированности борьбы левых движений. Такие движения черпают власть и силы для действия из эмоций и конвертируют их в конкретные политические действия. Когда протест достигает своих целей, лидеры организованного митинга не понимают дальнейших действий по формированию новой реальности – нет программы, долгосрочной перспективы (Срничек и Уильямс, 2019: 19). Ник Срничек и Алекс Уильямс являются популяризаторами безусловного базового дохода, чье преимущество и необходимость они выводят из потенциальных эмансилирующих возможностей капитализма – в современных технологиях, искусственном интеллекте и цифровизации общественных процессов. В условиях нарастающей автоматизации труда левые акселерационисты придерживаются следующей идеи будущей посткапиталистической фазы. По словам отечественного исследователя Александра Павлова, «их “посткапитализм”, который, что важно, представляет собой все еще капиталистическую формуацию, включает четыре главных требования: это автоматизация, сокращение рабочей недели, базовый доход и упразднение трудовой этики. Все четыре пункта – это именно их требования. То есть авторы не утверждают, что автоматизация уже наступила, но настаивают, чтобы она наконец была осуществлена капиталистами» (Павлов А., 2020: 206). Так или иначе, левый акселерационизм придерживается идеи технооптимизма, в основе которой лежит позитивное отношение к цифровым и технологическим инновациям в различных сферах жизни общества, которые являются драйверами социально-политических изменений. Предполагается, что при правильном отношении с стороны человека и коллектива к техническим средствам возможно преодолеть современные дефекты капиталистической системы – от власти алгоритмов над личностью, торговли данными, постоянного риска их утечки до использования ИИ в антигуманных целях. Помимо этого, авторы манифеста открывают путь к концептуализации посттрудового общества и идеи антирода (Vansintjan A., 2017).

Заключение

Формирование стратегии зависит от интерпретации капитализма через социальную призму, а также от конкретной редукции философских абстракций к конкретным политическим практикам. Возможно, уязвимость капитализма заключается в бесконечной попытке поглощения своих же непровергателей: чем больше капиталистическая машина способна порождать противоречия, тем выше риск ее нестабильности и потенциального краха. Главная задача левых – превратить точки нестабильности и противоречия в точки разрыва, используя их как инструменты для политической борьбы.

У каждой теории есть ограничения и недостатки, но объединяет их то, что все они отказываются от классического марксистского ортодоксального сценария по принципу создания партии, революционной ситуации и захвата власти через осуществление диктатуры пролетариата. В таком случае мы наталкиваемся на парадокс современной левой мысли: если капитализм бесполезно менять, а революция не оправдывает надежд, то что остается делать? Возможно, необходимо отказаться от классических категорий класса, революции, государства, прогресса. Остается вопрос: возможен ли Новый интернационал, о котором грезит Срничек с Уильямсом в своих работах, или левые движения обречены на фрагментированную борьбу?

Список литературы / References

- Гегель, Г. (2000) *Феноменология духа*. Москва: Наука. [Gegel', G. (2000) *Phenomenology of the spirit* [Fenomenologija duha], Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Дебор, Г. (2000) *Общество спектакля*. Москва: Логос. [Debor, G. (2000) *Performance Society* [Obshhestvo spektaklja], Moscow: Logos. (In Russ.)].
- Дове, Ж., Мартен, Ф. (1973) *Закат и возрождение коммунистического движения*. [электронное издание]. Доступно: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/jil-dove-fransua-marten-zakat-i-vozrojenie-kommunisticheskogo-dvijeniya>

(дата обращения: 04.04.2025). [Dove, Zh., Marten, F. (1973) *The decline and revival of the communist movement* [Zakat i vozrozhdenie kommunisticheskogo dvizheniya] [online]. Available at: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/jil-dove-fransua-marten-zakat-i-vozrojenie-kommunisticheskogo-dvijeniya> (Accessed: 04 April 2025). (In Russ.)].

- Дове, Ж. (2000) *Назад к СИ* [электронное издание]. Доступно: <https://ru.anarchist-libraries.net/library/jil-dove-nazad-k-si> (дата обращения: 02.03.2025). [Dove, Zh. (2000) *Back to SI* [Nazad k SI]. [online]. Available at: <https://ru.anarchist-libraries.net/library/jil-dove-nazad-k-si> (Accessed: 02 March 2025) (In Russ.)].
- Давыдов, Д. (2018) ‘Есть ли смысл в концепте посткапитализма?’, *Дискурс-Пи*, 19 (2) (31), сс. 114–121. [Davydov, D. (2018) ‘Does the concept of post-capitalism make sense?’ [Est' li smysl v koncepte postkapitalizma?], *Discourse-Pi*, 19 (2) (31), pp. 114–120. (In Russ.)].
- Давыдов, Д. (2019) ‘На пути к новой антагонистической формации?’, *Дискурс-Пи*, 16 (1) (34), сс. 10–19. [Davydov, D. ‘On the way to a new antagonistic formation? ’ [Na puti k novoj antagonisticheskoy formacii?], *Discourse-Pi*, 16 (1) (34), pp. 10–19. (In Russ.)].
- Каматт, Ж. (1973) *Странствия человечества*. [электронное издание]. Доступно: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/jak-kamatt-stranstviya-chelovechestva> (дата обращения: 04.04.2025). [Kamatt, Zh. (1973) *The wandering of humanity* [Stranstviya chelovechestva] [online]. Available at: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/jak-kamatt-stranstviya-chelovechestva> (Accessed: 04 April 2025). (In Russ.)].
- Каматт, Ж. (2022) Уточнение на тему Капитала и Стоимости. [электронное издание]. Доступно: <https://clck.ru/3LVPp3>. (Дата обращения: 15.04.2025). [Camatte, J., (2022) *Clarification on capital and value* [Utochnenie na temu Kapitala i Stoimosti]. [online]. Available at: <https://clck.ru/3LVPp3>. (Accessed: 15 April 2025). (In Russ.)].
- Маркс, К. (2024) Экономическо-философские рукописи 1844 г. Москва: ACT. [Marks, K. (2024) *Economic and philosophical manuscripts of 1844* [Jekonomicesko-filosofskie rukopisi 1844 g]. Moscow: AST (In Russ.)].
- Павлов, А. (2020) ‘Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория’, *Социологическое обозрение*, 19 (2), сс. 198–224. [Pavlov, A. (2020) ‘Free Money in the Mousetrap of Surveillance Capitalism: Basic Income and Social Theory’ [Besplatnye den'gi v myshelovke nadzornogo kapitalizma: bazovyj dohod i so-
- cial'naya teoriya], *The Sociological Review*, 19 (2) pp. 198–224. (In Russ.)].
- Срничек, Н., Уильямс, А. (2018) ‘Манифест акселерационистской политики’, *Философско-литературный журнал Логос*, 28 (2) (123), сс. 87–102. [Srnichek, N., Williams A. (2018) ‘The manifesto of the accelerationist policy’ [Manifest akselacionistskoj politiki], *Philosophical and literary magazine Logos*, 28 (2) (123), pp. 87–102. (In Russ.)].
- Срничек, Н., Уильямс, А. (2019) *Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда*. Москва: Strelka Press. [Srnichek, N., Williams, A. (2019) *Inventing the future. Post-Capitalism and the world without labor* [Izobretaja budushhee. Postkapitalizm i mir bez truda]. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)].
- Холодковский, К. (2018) ‘Кризис левой политики’, *Мировая экономика и международные отношения*, 62 (9) сс. 26–35. [Kholodkovskiy, K. (2018) The Crisis of Leftist Politics [Krizis levoy politiki], *World Economy and International Relations*, 62 (9), pp. 26–35. (In Russ.)].
- Жижек, С. (2025) *Почему коммунисты должны признать, что жизнь – это ад*. Центр политического анализа [электронное издание]. Доступно: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/pochemu-kommunisty-dolzhny-priznat-chto-zhizn-eto-ad>. (Дата обращения: 10 апреля 2025). [Zhizhek, S. (2025) *Why communists must admit, life is hell*. [Pochemu kommunisty dolzhny priznat', chto zhizn' – eto ad]. Center for Political Analysis. [online]. Available at: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/positio/n/read/id/pochemu-kommunisty-dolzhny-priznat-chto-zhizn-eto-ad>. (Accessed: 10 April 2025). (In Russ.)].
- Antagonism, D. (2016) ‘*The Despotism of Capital*’, [online]. Available at: <https://libcom.org/article/despotism-capital> (Accessed: 28 November 2024).
- Critchley, P. (2001) *Marx's Gemeinwesen: Communism as Moral Community* [online]. Available at: <https://goo.su/Ctbyd> (Accessed: 04 April 2025).
- Camatte, J., Trotter, A. (1995) *This World We Must Leave: And Other Essays*. New-York: Autonomedia.
- Camate, J. *Prolétariat et Gemeinwesen (Communauté)*, [online]. Available at: <https://clck.ru/3LVPSo> (Accessed: 17 April 2025).

- Camatte, J. (2020) *Capital and community: the results of the immediate process of production and the economic work of Marx*. Vol. 24, London: Pattern Books.
- Camatte, J. (2018) *Bordiga and the passion for communism*, [online]. Available at: <https://clck.ru/3Esu4s> (Accessed: 27 October 2024).
- Camatte, J. (2014) *Decline of the Capitalist Mode of Production or Decline of Humanity?*, In: R. Mackay, A (eds.) *ACCELERATE: The accelerationist reader*. Avanessian. Urbanomic.
- Camatte, J. (2006) *The wandering of humanity* [online]. Available at: <https://clck.ru/3EsvGu>. (Accessed: 28 November 2024).
- Camatte, J. *Vers la communaute humaine* [online]. Available at: <http://www.revue-invariance.net/vers.html>. (Accessed: 16 April 2025).
- Camatte, J. *Inversion is not strategy* [online]. Available at: <https://illwill.com/inversion-is-not-a-strategy>. (Accessed: 15 April 2025)
- Endnotes (2010) *Crisis in the class relation* [online]. Available at: <https://endnotes.org.uk/articles/crisis-in-the-class-relation> (Accessed: 01 September 2024).
- Endnotes (2019) *Passions and Interests*. Vol. 5. London: Bell & Bain.
- Endnotes (2012) *What are we to do?* [online]. Available at: <https://libcom.org/library/what-are-we-do-endnotes>. (Accessed: 11 November 2024).
- Noys, B. (2011) ‘The Fabric of Struggles’. In: Noys, B (eds.) *Communization and its discontents: Contestation, critique, and contemporary struggles*. New-York: Minor Compositions,
- Noys, B. (2010) *Persistence of the negative: A critique of contemporary continental theory*. Scotland: Edinburgh University Press. DOI: 10.1515/9780748643295
- Harrison, P. *The ‘Gemeinwesen’ has always been here: an engagement with the ideas of Jacques Camatte* [online]. Available at: <https://illwill.com/the-gemeinwesen-has-always-been-here-an-engagement-with-the-ideas-of-jacques-camatte#ref8>. (Accessed: 16 April 2025).
- Vansintjan A. *Accelerationsim... and degrowth?* [online]. Available at: <https://goo.su/AzjELuB>. (Accessed: 04 April 2025).
- Virilio, P. (1977) *Speed and Politics*. London: MIT Press.

Статья поступила в редакцию: 20.01.2025
Статья принята к печати: 30.04.2025

REVOLUTION, ACCELERATION, OR ESCAPE? LEFT-WING STRATEGIES AGAINST CAPITALISM

A. Karulin

Andrey Karulin, PhD Student,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: andreykarulin2020@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6287-8180. ResearcherID: AFX-6775-2022).

Abstract

Leftist thinker Fredric Jamieson once said, “It’s easier to imagine the end of the world than the end of capitalism.” Nevertheless, leftist movements at present are in a massive crisis, ranging from organisational to ideological. The main issue noted here can be summed up as what Slovenian philosopher Slavoj Žižek refers to as the “culturalization of politics” — a situation in which cultural differences are elevated to an absolute level, as opposed to political methods of struggle. Such a strategy leads to the left focusing excessively on its own differences, replacing political practice with them. In this regard, this article focuses on completely different theories belonging to the left discourse. We address both the legacy of the past and modern attempts to respond to the strategic crisis of the left. The question that is the cornerstone of all political activity for the modern left is whether it is possible to think about the “future” again, to form an alternative, as it was at the beginning of the 20th century. The answer to this question lies in the theories chosen as the subject of the research: the ‘Gemeinwesen’ of French thinker Jacques Camatte; the theory of communization by Gilles Dauv ; and the theory of left accelerationism.

Keywords: capitalism; left-wing criticism; left-wing accelerationism; communization; post-capitalism; Gemeinwesen.

УДК-327.3:101.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-24-35

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДОКТРИНЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

А. А. Ковалев

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru (ORCID: 0000-0002-7760-5732).

Аннотация

В статье проводится политико-философское осмысление доктрины ядерного сдерживания как концепта, возникшего в условиях глобального соперничества и трансформировавшегося в процессе развития международных отношений. Цель исследования - выявление аксиологических, нормативных и стратегических оснований, лежащих в основе идеи предотвращения агрессии путём демонстрации ядерной угрозы. Анализ охватывает ключевые этапы формирования доктрины, раскрывает её моральные и политические противоречия, а также отражает трансформацию восприятия в условиях асимметричных рисков и ослабления доверия между государствами. Особое внимание уделено соотношению сдерживания как рационального механизма и как символической формы политической коммуникации, встроенной в культуру безопасности. В работе используются исторический и конструктивистский подходы, позволяющие проследить эволюцию военных стратегий и определить социальные основания формирования доктрины. Рассматриваются современные вызовы: распространение ядерных технологий, возникновение новых угроз глобальной безопасности, изменение баланса сил. Подчёркивается значимость международного сотрудничества, гуманитарных и правовых аспектов обеспечения стабильности. Сделан вывод о том, что концепция ядерного сдерживания утрачивает универсальность как инструмент глобального порядка и требует переосмысливания в новых философских и гуманитарных координатах. Аргументируется, что эффективная система безопасности XXI века невозможна без развития новых форм глобального взаимодействия и коллективной ответственности.

Ключевые слова: глобальная безопасность; теория MAD; этика ядерного сдерживания; асимметричные угрозы; экзистенциальные риски; война; ядерное оружие; система безопасности.

Введение

Вторая мировая война стала переломным этапом в истории международной безопасности, поскольку привела к появлению ядерного оружия – уникального средства массового поражения, основанного на энергии ядерных реакций. Его разрушительная сила не имеет аналогов среди других видов оружия. Ядерное оружие было создано в рамках американской программы «Манхэттен», реализованной в годы Второй мировой войны. Инициатива, развернутая правительством США при участии Великобритании и Канады, объединила усилия ученых в масштабном научно-техническом сотрудничестве. Разработкой руководил физик Роберт Оппенгеймер, которого называют «отцом атомной бомбы». Первое успешное испытание ядерного оружия состоялось 16 июля 1945 г. на полигоне в пустыне Аламогордо (штат Нью-Мексико, США). Испытательная бомба под названием «Тринити» использовала реакцию деления плутония-239 и произвела мощный взрыв, продемонстрировав возможность практического применения ядерной энергии в военных целях. Однако появление ядерного оружия стало не только технологическим прорывом, но и поворотным событием во всей системе глобальной безопасности, уникальность которого заключалась в том, что потенциальная катастрофа превратилась в условие стабильности. Ядерное оружие представляет собой исключительную и крайнюю меру, а потому каждое государство, обладающее ядерным арсеналом, обязано воздерживаться от его применения, соотнося национальные интересы с необходимостью поддержания международной безопасности. Уже на этапе своего возникновения ядерное оружие поставило перед человечеством вопрос о природе власти, границах рациональности и допустимости угрозы как инструмента политического действия.

Поскольку ядерное оружие остается мощным, но крайне опасным инструментом влияния, необходимо разрабатывать подходы, позволяющие минимизировать риски его использования, не утрачивая при этом его стратегического значения для обеспечения национальной безопасности. Одним из таких подходов стало формирование концепции ядерного сдерживания, лежащей в основе современных концепций безопасности. Ядерное сдерживание определяется как «обеспечение национальной безопасности государства от военной агрессии посредством обладания ядерным оружием и политической волей к его применению» (Веселов, 2010: 77). Термин «ядерное сдерживание» соотносится с концепцией предотвращения агрессии через угрозу ответного удара с применением ядерного оружия. Следование логике неприменения ядерного оружия (при условии обладания им) делает концепцию сдерживания своеобразной парадоксальной моделью удержания от взаимных ядерных ударов. А действенна она лишь потому, что остается неосуществленной, превращая потенциальное разрушение в условие поддержания порядка.

В русском языке слово «сдерживание» происходит от глагола «сдерживать», означающего удерживать, ограничивать или предотвращать. Английское deterrence восходит к латинскому detergere, образованному от de- (удаление) и tergere (устрашать), и обозначает «удержание посредством страха». Этимологическая структура термина позволяет раскрыть аксиологическую и онтологическую природу ядерного сдерживания как формы власти, основанной не на применении силы, а на институционализированном страхе. Слово «ядерное» происходит от латинского nucleus, означающего «ядро», и связано с использованием ядерной энергии. На английском это звучит как nuclear deterrence, на французском – dissuasion nucléaire, на немецком – nukleare Abschreckung, на испанском – disuasión nuclear, на итальянском – deterrenza nucleare, на китайском – 核威慑 (hé wēishè), на японском – 核抑止力 (kaku yokushiryoku).

Предметом данной работы является концепция ядерного сдерживания, под которой следует понимать систему взглядов, идей, механизмов и принципов реализации, направленных на предотвращение применения ядерного оружия посредством угрозы ответного удара и поддержания баланса сил в международных отношениях. Таким образом, концепция ядерного сдерживания рассматривается как инструмент поддержания мирового порядка.

В статье использованы следующие методы: исторический подход, позволивший проследить трансформацию концепции ядерного сдерживания от периода холодной войны до настоящего времени; метод интерпретации, благодаря которому данная концепция проанализирована через категории политической власти, угрозы и безопасности; а также анализ международных договоров и стратегий, позволивший выявить влияние режимов контроля над вооружениями на восприятие концепции ядерного сдерживания.

Методологическая основа работы строится на конструктивистском подходе, согласно которому ядерное сдерживание предстает не только как военно-стратегическая доктрина, но и как социальный конструкт, формируемый в ходе политических дискурсов и институциональных практик (на основе представлений о страхе, угрозах и безопасности).

Особую значимость здесь приобретает сопоставление национальной и глобальной безопасности. В логике конструктивистского подхода подчеркивается, что национальные интересы формируются в процессе политического дискурса и институциональных механизмов, вследствие чего они приобретают адаптивный характер по отношению к глобальным вызовам. Национальные стратегии сдерживания становятся одновременно средствами защиты суверенитета и элементами формирования международного порядка, что позволяет говорить не о противопоставлении, а о сложной взаимосвязи этих категорий.

Ядерная угроза и необходимость предотвращения применения ядерного оружия обостряют проблему ядерного сдерживания, цель которого состоит в недопущении Третьей мировой войны. Возникает парадокс, при котором угроза уничтожения человечества рассматривается как средство предотвращения войны. Иными словами, противоборствующие страны не способны договориться о мирном сосуществовании, которое, по сути, становится возможным только в условиях страха ответного удара. Другими словами, мир поддерживается только с помощью страха быть вовлеченным в смертоносную войну.

Итак, что же собой представляет ядерное сдерживание как ключевой аспект современной системы глобальной безопасности? С одной стороны, речь идет о его рассмотрении в качестве необходимой меры по сохранению мира, но, с другой стороны, под сомнением оказывается сама идея о том, что ядерная угроза может быть действенным (возможно, даже единственным) инструментом, позволяющим достигнуть мира (Крылова, 2018: 56). Действительно, может ли то, что способно истребить человечество, спасти его от гибели?

Ядерное сдерживание: становление стратегической доктрины в 1950–1970-е гг.

1945 год навсегда изменил подходы к безопасности и ведению войн. У государств, обладающих ядерным оружием, появилась беспрецедентная возможность оказывать серьезное давление на противников. Вместе с тем на них легла и колоссальная ответственность за сохранение человечества, с учетом риска начала ядерной войны.

В послевоенные годы стремительно усиливалась конфронтация между Соединенными Штатами и Советским Союзом, которая привела к формированию биполярного мира. Начало холодной войны ознаменовало период глобального противостояния и крайней напряженности. В условиях конфликта ядерное сдерживание стало центральной концепцией, направленной на предотвращение прямого столкновения через угрозу масштабных разрушений, способных стать следствием агрессии. Смысл концепции заключался в способности каждой стороны нанести ответный ядерный удар, удерживающий противника от нападения из-за страха понести неизбежные потери.

Важно отметить, что концепция ядерного сдерживания может быть рассмотрена в нескольких измерениях, среди них аксиологическое, эпистемологическое, нормативное и этическое. Так, *аксиологический подход* позволяет акцентировать внимание на взаимосвязи ценностей выживания, мира и национальной безопасности. Ядерное оружие защищает от военных угроз и одновременно угрожает самому существованию, вызывая противоречие между стремлением к безопасности и осуждением вероятности массового уничтожения. Это противоречие обнажает фундаментальный кризис ценностей, при котором безопасность достигается через симметричную угрозу абсолютной незащищенности. *Эпистемологическое измерение* направлено на осмысление неопределенности межгосударственных отношений, связанной с невозможностью спрогнозировать последствия применения ядерного оружия, и рациональности, выраженной в стремлении к защите. Так политическая реальность, в которой есть место ядерному сдерживанию как способу преодоления неопределенности, становится эпистемологически нестабильной. *Нормативное измерение* связано с вопросами легитимности и справедливости, здесь выделяется значимость международного права в процессе установления принципов ядерного сдерживания и ограничения его разрушительного потенциала. При этом ядерное сдерживание представляется времененным решением, которое необходимо заменить устойчивыми международными структурами, предотвращающими угрозу войны. *Этическое измерение* сосредоточено на вопросе моральной допустимости угрозы применения ядерного оружия, а также на принципах справедливости, пропорциональности, различия целей и уважения человеческого достоинства, несовместимых с насилием. Этика вступает в противоречие с политическим расчетом, предъявляя требование не к ограничению применения, а к отказу от самой идеи допустимости угрозы как средства удержания порядка.

В 1950–1970-е годы концепция ядерного сдерживания претерпела значительные изменения под влиянием гонки вооружений и эволюции концепций безопасности. Ядерное сдерживание превратилось из тактики в политическую доктрину, формирующую глобальную безопасность. Ключевым элементом доктрины взаимного гарантированного уничтожения (Mutually Assured Destruction, MAD) стало ее официальное закрепление в стратегиях США и Советского Союза к 1960-м гг. Доктрина взаимного гарантированного уничтожения, закрепленная в стратегиях США и СССР, строилась на идее, что угроза тотального разрушения предотвращает войну. Один из ее основоположников, Б. Броуди, подчеркивал, что ядерное оружие меняет смысл войны, превращая обладание им в акт сдержанности (Steiner, 1991). Сдерживание становится формой парадоксального гуманизма – спасения через взаимный страх.

Ключевым этапом развития концепции ядерного сдерживания стала разработка баллистических ракет с ядерными боеголовками и технологий, обеспечивающих возможность ответного удара. Предполагалось, что даже при нанесении первого удара одна из сторон сможет гарантированно ответить, уничтожив нападавшего. Политическое закрепление подходов к ядерному сдерживанию началось с принятия стратегии «гибкого реагирования» (Flexible Response) в США, которая стала частью политики НАТО в начале 1960-х гг. Президент Джон Кеннеди и министр обороны Роберт Макнамара поддержали ее, разработав меры, предусматривающие ответ на любую ядерную агрессию. Макнамара в своих выступлениях и статьях подчеркивал, что разрушительные последствия ядерной войны для обеих сторон делают даже ограниченный конфликт с применением ядерного оружия невозможным с рациональной точки зрения (Goldberg, 1984).

В логике доктрины взаимного уничтожения Герман Кан рассматривал ядерную угрозу как рациональный инструмент политического расчета, позволяющий сдерживать агрессию посредством

страха и моделирования последствий (Kahn, Jones, 2017). Томас Шеллинг, напротив, понимал сдерживание как форму политической коммуникации, в которой угроза выступает речевым актом, предотвращающим войну за счет осознания ее неизбежных последствий (Schelling, 1981).

Генри Киссинджер предложил концепцию «гибкого реагирования», допускающую ограниченное применение ядерного оружия для сдерживания эскалации и сохранения политического контроля (Kissinger, 2023). Он обосновывал необходимость выверенного управления рисками, при котором угроза ограниченного удара служит инструментом стратегического давления.

Гленн Снайдер рассматривал сдерживание как стратегический парадокс, эффективность которого определяется восприятием последствий, делающих агрессию невыгодной (Paul, Morgan, Wirtz, 2009). Кеннет Уолтц утверждал, что распространение ядерного оружия способствует стабильности за счет страха взаимного уничтожения, хотя его дискуссия со Скоттом Саганом выявила противоречие между аргументами в пользу устойчивости и опасениями роста рисков (Viotti, 2024).

Критики доктрины взаимного уничтожения, в том числе Н. Винер, указывали на риск потери контроля в условиях автоматизации принятия решений (Dinello, 2013). Г. Моргентай рассматривал сдерживание как подмену дипломатии логикой угроз (Morgenthau, 1948), Э. Фромм – как дегуманизацию мира, основанного на страхе (Fromm, 2023). А. Рапопорт подчеркивал, что сама по себе угроза массового уничтожения противоречит моральным нормам (Rapoport, 1964).

Карибский кризис 1962 г. продемонстрировал уязвимость системы ядерного сдерживания: случайная эскалация могла обернуться катастрофой. Событие стало поводом для переосмысливания моральной ответственности государств, что выразилось в речи Дж. Кеннеди о взаимном доверии и заключении Договора о запрещении ядерных испытаний (Paquette, 2003). Л. Мамфорд трактовал ядерное оружие как культурный вызов, символ дегуманизации и технократического контроля (Mumford, 1974), тогда как Ф. Ноэль-Бейкер подчеркивал необходимость разоружения и формирования международных механизмов сдерживания (Noel-Baker, 1958).

В качестве альтернативы доктрине взаимного гарантированного уничтожения Андре Бёффр предлагал «тотальную стратегию», сочетающую ядерные и неядерные средства с усилением дипломатии (Beaufre, 1965). У. Кауфман обосновывал концепцию «контролируемой эскалации» как управляемую форму ограниченного применения ядерного оружия (Payne, 2021). А. Уолстеттер акцентировал внимание на технологической устойчивости арсеналов (Trachtenberg, 2020), тогда как Г. Йорк рассматривал ядерную угрозу как этико-цивилизационный вызов и настаивал на необходимости разоружения (York, 1970).

В 1970-х годах подписание ДНЯО и договоров ОСВ-1/2 выразило стремление мирового сообщества выйти за пределы логики взаимного уничтожения, перейти к контролируемому ограничению вооружений и поиску альтернативных стратегий поддержания мира.

Ядерное сдерживание как объект политического переосмысливания в 1970–1980-е гг.

В 1970–1980-е годы начался период разрядки, когда ядерное противостояние и гонка вооружений начали уступать место попыткам международного сотрудничества и ограничения ядерных арсеналов.

Американский политолог Стивен Уолт в книге «Истоки альянсов» (The Origins of Alliances) разработал теорию баланса угроз, объясняя поведение государств в условиях международной нестабильности. Уолт утверждал, что восприятие угрозы определяется рядом факторов, среди которых близость потенциального противника, его военные возможности, агрессивные намерения и исторический опыт взаимодействия (Walt, 1990). Тем самым государства оценивают угрозу и формируют свои концепции, опираясь на ядерное сдерживание. Уолт писал о том, как субъективное восприятие угрозы становится значимым фактором, влияющим на выбор политических и военных решений. Формирование альянсов при наличии потенциальной опасности позволяло снижать риски, а ядерное сдерживание функционировало как механизм, создающий иллюзию баланса сил. Сдерживание при этом предстает не как объективная структура, а как сконструированная реакция на образ врага, где политическое воображение, историческая память и страх соединяются в стратегический расчет. На основании чего можно констатировать, что концепция сдерживания выходит за пределы военной стратегии, приобретая черты политico-психологической категории. Ядерное сдерживание оказывается не только ответом на внешнюю угрозу, но и феноменом, отражающим способы коллективного восприятия и воспроизведения опасности в системе международных отношений.

Копенгагенская школа безопасности, представленная работой «Безопасность: новые рамки для анализа» (Security: A New Framework for Analysis) под авторством Барри Бузана, Оле Уивера и Яапа де Вилде, рассматривала безопасность как социальный феномен, где процессы секьюритизации играют ключевую роль (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998). Барри Бузан отмечал, как такие процессы превращают определенные проблемы в экзистенциальные угрозы, требующие чрезвычайных мер. Оле Уивер анализировал, как политическая риторика формирует восприятие угроз, превращая их в объекты общественного страха, что усиливает их значимость в концепциях, подобных ядерному сдерживанию. Яап де Вилде изучал взаимосвязи между традиционными военными угрозами и современными вызовами, затрагивающими технологические и социальные аспекты. При секьюритизации ядерное оружие функционирует не только как инструмент военной силы, но и как знак политической власти, формирующий общественное восприятие угроз и само представление о безопасности. Ядерное сдерживание предстает как процесс двойственного характера – военного и семиотического, в котором угроза действует не только как технический потенциал, но и как выражение предельной исключительности.

Роберт Пауэлл, американский политолог, в книге «Теория ядерного сдерживания: в поисках убедительности» (Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility) исследовал взаимодействие риска, рациональности и неопределенности в рамках теории ядерного сдерживания. Пауэлл акцентировал внимание на сложности поддержания доверия к концепции сдерживания, подчеркивая, что для избежания катастрофической эскалации угроза применения ядерного оружия должна быть управляемой (Powell, 1990). Его подход позволяет сосредоточиться на одной из ключевых дилемм: как сбалансировать демонстрацию решимости с предотвращением необратимых последствий. Парадокс ядерного сдерживания, в изложении Пауэлла, заключается в том, что для достижения мира необходимо искусственно поддерживать вероятность войны, не допуская ее реализации. Угроза становится действием, которое не должно быть доведено до конца, но не может быть полностью устранено. Исследование Пауэлла представляет собой значимый вклад в осмысление стратегий управления рисками в условиях нестабильности и неопределенности. Возникает вопрос о допустимости сознательного воспроизведения предельной угрозы как инструмента международного порядка, в котором рациональность принимает форму управляемого иррационального.

Несмотря на дипломатические и научные усилия 1970–1980-х гг., угроза ядерного конфликта сохранялась, усиливая внимание к вопросам моральной допустимости и ответственности, сопряженным с концепцией ядерного сдерживания. Сторонники пацифизма и глобального разоружения утверждали, что ядерное оружие представляет не только физическую, но и моральную угрозу для человечества. Так, Джонатан Шелл, американский журналист и гуманист, в книге «Судьба Земли» (The Fate of the Earth) предупреждал о глобальных катастрофических последствиях ядерной войны, включая уничтожение экосистемы и гибель человечества, акцентируя внимание на необходимости разоружения как условии сохранения цивилизации (Schell, 2000). Ядерная угроза, по его утверждению, разрушает саму перспективу будущего, лишая человечество права на проект, память и надежду – три оси, на которых основывается историческое сознание. Моральные и социальные аспекты ядерного оружия волновали также Эдварда П. Томпсона, британского историка и активиста, который в работе «Протестовать и выживать» (Protest and Survive) критиковал политику ядерного сдерживания, называя ее «смертельный абсурдом» и призывал к массовым антиядерным протестам, рассматривая их как единственный путь к миру (Thompson, Smith, 1981). В позиции Томпсона протест против ядерного оружия предстает не только как политический акт, но и как форма нравственного самоопределения, восстанавливающая ценность жизни как безусловной категории. Развивая представление о разрушительных последствиях ядерной стратегии, Элинор Клифт, американская журналистка и писательница, подчеркивала, что ядерное оружие разрушает основы морали и превращает страх в норму, а также настаивала на необходимости международного сотрудничества для достижения полного разоружения (Braden, 2021). По оценке Клифт, страх создает новую повседневность, в которой моральное измерение вытесняется логикой выживания, подчиняющей человечество неразумной стабильности на грани катастрофы.

Во второй половине XX в. антиядерные движения усилились, что отражало нарастающую обеспокоенность общества глобальной угрозой. Массовые протесты в США, Европе и других регионах, а также деятельность международных организаций стали значимым фактором давления на политическое руководство и способствовали формированию устойчивого дискурса о полном отказе от ядерного оружия как необходимом условии выживания цивилизации.

В ответ на подобные идеи государства начали предпринимать действия по сдерживанию гонки вооружений, хотя полного отказа от ядерного арсенала так и не произошло, вследствие чего напряженность вокруг концепции ядерного сдерживания сохранялась. Одним из ключевых соглашений стал Антибаллистический договор (Договор ПРО), подписанный СССР и США 26 мая 1972 г. Он ограничивал системы противоракетной обороны каждой из сторон одной зоной, сохраняя уязвимость для ответного удара и предотвращая эскалацию дорогостоящей гонки вооружений. Несмотря на свою эффективность, договор утратил силу в 2002 г. после выхода из него США. Еще одним значимым шагом стал Договор о запрещении подземных ядерных испытаний, подписанный 3 июля 1974 г., ограничивавший мощность испытаний до 150 килотонн, что препятствовало разработке более мощного ядерного оружия. Хотя он официально вступил в силу только в 1990 г., его положения начали соблюдаться с момента подписания. Последовательное приложение усилий в области ограничения вооружений и давление со стороны общественности создали основу для подписания Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) в 1987 г., который стал важным шагом в сокращении ядерных арсеналов и укреплении международной безопасности.

Окончание холодной войны и трансформация ядерного сдерживания в XXI в.

Распад СССР, вслед за которым была ликвидирована биполярная система международных отношений, закономерно завершил холодную войну. Вместе с тем количество вопросов о будущем мировой системы безопасности превысило число ответов. Ядерное сдерживание, основанное на традиционной модели, уже не могло функционировать в прежнем виде.

С окончанием прямой конфронтации между СССР и США доктрина взаимного гарантированного уничтожения утратила актуальность в условиях однополярного мира. Страх, который на протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны лежал в основе системы глобальной безопасности, перестал служить фундаментом стабильности, основанной на взаимном отказе от применения ядерного оружия.

Несмотря на понимание человечеством разрушительного потенциала ядерного оружия и бесперспективности политики ядерного сдерживания как долгосрочной стратегии международной безопасности, полного отказа от ядерного арсенала так и не произошло. Напротив, обладание ядерным оружием стало символом независимости и суверенитета государства на международной арене. По этой причине некоторые страны, которым запрещено иметь ядерное оружие, стремятся к его созданию, игнорируя санкции. Среди таких государств можно выделить Ирак, Ливию, Северную Корею и Иран.

После окончания холодной войны стремление к обладанию ядерным оружием превратилось для ряда государств в символ суверенитета и политической независимости. Ирак, Ливия, Иран и Северная Корея предпринимали усилия по развитию собственных ядерных программ, что вызывало тревогу международного сообщества и способствовало усилению глобальных механизмов контроля за нераспространением.

Джозеф Най, разработавший концепцию «мягкой силы», предложил новый подход к международной безопасности, основанный на культурной, идеологической и дипломатической привлекательности, противопоставляемой традиционному акценту на военное превосходство. Ядерное оружие, по его мнению, усиливает глобальное недоверие, поскольку страх и принуждение не формируют устойчивого порядка и не позволяют решать долгосрочные задачи безопасности. Устойчивость возможна лишь при условии признания субъектности между государствами, а не навязывания подчинения. Най утверждал, что истинная стабильность достигается через доверие и сотрудничество, а не через баланс сил, создающий лишь иллюзию порядка (Ohnesorge, 2019). Его концепция объединяет «мягкую силу» с военной мощью, акцентируя внимание на необходимости адаптации международной системы к транснациональным угрозам, таким как изменение климата, экономические кризисы и распространение технологий. Тем самым Най вводит в сферу международной безопасности новое аксиологическое измерение, где определяющее значение имеет не техническая мощь воздействия, а способность формировать привлекательные и разделяемые образы будущего. Он подчеркивал необходимость укрепления международных институтов и разработки норм, объединяющих ценности и интересы, утверждая при этом, что только через совместные усилия удастся минимизировать риски ядерной эскалации и достичь устойчивой глобальной безопасности. Отказ от ядерной логики здесь не является жестом доброй воли, его можно считать pragmatическим условием выживания в мире, где координация и моральный авторитет приобретают стратегический статус.

Развивая эти идеи, Ричард Фолк, профессор международного права, в книге «*О гуманном управлении: на пути к новой глобальной политике*» (On Humane Governance: Toward a New Global Politics) рассматривал ядерное сдерживание с позиций гуманизма и международного права. Концепция, построенная на угрозе тотального уничтожения, противоречила, по его мнению, этическим принципам и международным нормам, поскольку ставила под удар миллионы невинных людей (Falk, 1995). Ядерное оружие, как отмечал Фолк, подрывает моральную легитимность государств, применяющих его, и разрушает основы гуманитарного права, запрещающего неизбирательное использование силы и обязывающего защищать мирное население. Угроза, направленная не на конкретного агрессора, а на человечество как вид, стирает различие между военной необходимостью и моральным безумием. Фолк называл ядерное сдерживание парадоксальной формой угрозы, оправдывающей возможность массового уничтожения под предлогом предотвращения войны. Легитимизация подобной стратегии ведет к нормализации коллективного насилия как элемента глобального порядка – явления, несовместимого с развитием международного права в направлении прав человека и достоинства личности. В его работах обосновывалась необходимость полного разоружения и формирования системы глобальной безопасности, основанной на праве, диалоге и международном сотрудничестве. Устойчивый мир, по мнению Фолка, может быть достигнут только тогда, когда безопасность строится на гуманизме и справедливости, а не на насилии.

На фоне критики ядерного оружия Майкл Дойл в работе «*Пути войны и мира: реализм, либерализм и социализм*» (Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism) переосмыслил роль ядерного сдерживания в современных международных отношениях. В мире, где демократические государства избегают войн друг с другом, устойчивость, по его убеждению, должна опираться на международное право и дипломатию, а не на угрозы уничтожения (Doyle, 1997). Ядерное сдерживание, по Дойлу, выражает логику взаимной подозрительности, блокирующую формирование политического пространства, основанного на доверии и признании субъектности. Такая модель, по его оценке, создает лишь иллюзию стабильности, препятствуя появлению долгосрочной архитектуры безопасности. Особое внимание уделялось внутренним механизмам демократий (прозрачности, подотчетности и разделению властей), снижающим вероятность войны. Демократия в таком подходе предстает не только как форма внутреннего устройства, но и как модель внешнего взаимодействия, ориентированного на предотвращение деструктивных стратегий. Вместо опоры на баланс страха Дойл предлагал укрепление международных институтов и норм, способствующих взаимному сотрудничеству и сокращению ядерных арсеналов. Тем самым формируется нормативно-политическая альтернатива ядерному реализму, в центре которой – идея безопасности, реализуемая через институциональное доверие, а не через устрашение.

Логическим продолжением подобных взглядов стало исследование Зигмунта Баумана, социолога и философа, который в книге «*Глобализация: последствия для человека и общества*» (Globalization: The Human Consequences) осветил взаимосвязь между ядерным оружием и глобализацией. Бауман подчеркивал, что современный мир характеризуется взаимозависимостью государств, где традиционные границы утрачивают свое значение (Bauman, 1998). В условиях взаимосвязанности ядерное сдерживание утрачивает эффективность, поскольку последствия войны затронут не только непосредственных участников, но и все человечество. Бауман утверждал, что ядерная угроза символизирует кризис политического мышления, не поспевающего за меняющейся структурой мира, где частные решения порождают глобальные последствия. Он критиковал ядерное сдерживание как концепцию, основанную на устаревших парадигмах, неспособных ответить на вызовы глобализации. Логика ядерного расчета, по мнению Баумана, несовместима с пространством растущей мобильности, уязвимости и сетевой взаимозависимости, где понятие «враг» утрачивает однозначность, а границы ответственности размываются. Исследователь предлагал обеспечивать стабильность посредством транснациональных институтов и совместного управления глобальными рисками, замещая угрозу силового воздействия международным сотрудничеством. Ученый делал акцент на моральной ответственности государств перед человечеством, подчеркивая противопоставление ядерного оружия идеи коллективного выживания, поскольку оно угрожает не только безопасности, но и перспективам развития глобального общества. Ядерное оружие, по его утверждению, несовместимо с этикой глобальной сопричастности, где безопасность перестает быть суверенной привилегией и превращается в общечеловеческий долг.

После распада СССР одним из ключевых шагов по укреплению глобальной безопасности стало ядерное разоружение Украины, реализованное при международной поддержке. Отказ от третьего по величине арсенала, передача боеголовок России и подписание Будапештского меморандума стали

символами успешного взаимодействия в сфере нераспространения, хотя последующие события вновь поставили под сомнение надежность предоставленных гарантий.

Реалии и вызовы XXI в. оказали существенное влияние на доктрину ядерного сдерживания и отношение к ней. Среди факторов, способствовавших изменениям, можно отметить распространение ядерных технологий (например, развитие ядерных программ Ирана и Северной Кореи), возрождение националистических идей (усиление ультраправых движений в странах Европы, в том числе в Германии и Франции), реабилитацию фашизма (примеры идеологизации и героизации фашистских символов на Украине), возникновение экзистенциальных рисков (угрозы, связанные с изменением климата и мировыми пандемиями, такими как COVID-19), а также появление новых форм конфликтов (гибридных войн, киберугроз и информационных атак, имеющих место в международных отношениях).

Сложность современных реалий исключает возможность обеспечения безопасности только за счет принципов ядерного сдерживания. Такой подход охватывает лишь часть проблемы. Ядерные угрозы относятся к войнам традиционного типа (кинетическим войнам), поэтому методы их сдерживания слабо соответствуют принципам ведения войн нового типа (нефизических войн) и требованиям безопасности в изменившихся условиях (Неклесса, 2019: 154). Ядерное сдерживание больше нельзя считать универсальной концепцией. Необходимы альтернативные подходы.

Концепция глобальной безопасности в XXI в. основывается на осмыслиении асимметричных угроз, поскольку ядерное сдерживание утратило актуальность и больше не служит гарантией безопасности. Глобальная стабильность все больше зависит от превентивных мер, направленных на предотвращение катастрофической эскалации напряженности. Среди таких мер выделяются дипломатия, экономические санкции и проведение миротворческих операций в зонах вооруженных противостояний. Превентивные меры заменяют традиционные средства, к которым относится и ядерное сдерживание.

Важно отметить, что, несмотря на множество договоров и соглашений, контроль над распространением ядерных технологий остается сложной задачей. Появление новых ядерных государств, таких как Индия, Пакистан и Северная Корея, ставит под сомнение способность международного сообщества эффективно ограничивать распространение ядерного оружия. Северная Корея, начав проведение ядерных испытаний в 2006 г., активно развивает свой арсенал, осложняя усилия по глобальной денуклеаризации. Индия и Пакистан, сделав ядерное оружие неотъемлемой частью своих национальных стратегий в конце XX в., внесли значительный вклад в изменение баланса сил, актуализировав вопросы влияния региональных конфликтов на эскалацию глобальных ядерных рисков.

Для современного человечества большое значение имеет идея интернационализации контроля над ядерными арсеналами и ужесточения мер по предотвращению их распространения (Артамонов, Лукин, Мусиенко, 2020). Согласно принципам глобальной этики, безопасность должна основываться на международной кооперации, а не на национальных интересах. Такой взгляд позволяет рассматривать ядерное сдерживание как временное явление, которое постепенно может быть заменено механизмами коллективной безопасности.

Подходы к ядерному сдерживанию в XXI в. включают в себя в том числе концепцию экзистенциальных рисков, предложенную философом Ником Бостромом, профессором Оксфордского университета и основателем Института будущего человечества. Бостром определял экзистенциальные риски как угрозы, способные привести к полному исчезновению человечества или к изменениям, радикально ухудшающим перспективу его будущего, подчеркивая необходимость их систематического изучения (Bostrom, Cirkovic, 2011). Ядерное оружие он рассматривал как угрозу, выходящую за пределы стратегического анализа. Современные исследователи продолжили развивать эту концепцию. Так, австралийский философ Тоби Орд анализировал различные угрозы – ядерное оружие, пандемии, искусственный интеллект – акцентируя внимание на необходимости глобального сотрудничества (Ord, 2021). Для предотвращения необратимых последствий, по его мнению, требуется не просто политический контроль, а институционализация долгосрочной ответственности за будущее, выходящая за пределы избирательных циклов и национальных интересов. Британский космолог и астрофизик Мартин Рис в книге «*Наши последний час*» (Our Final Hour) предупреждал о риске самоуничтожения, связанном с ядерным оружием и биоинженерией (Rees, 2009). Также важен вопрос о способности человечества адаптировать этику и политику к масштабу разрушительной силы, порождаемой собственной активностью. Футуролог Andres Sandberg уделял внимание природе экзистенциальных угроз и подчеркивал необходимость международного регулирования разрушительных технологий (Weikart, 2016). В представленном подходе акцент смещается с суверенного сдерживания на системную уязвимость, вследствие чего угроза утрачивает статус

политического инструмента и превращается в онтологический горизонт планетарной нестабильности.

Международное сообщество в XXI в. поддерживает идеи полного ядерного разоружения и разработку альтернатив для обеспечения глобальной безопасности. Так, Беатрис Финн, исполнительный директор Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия, активно выступает за полный отказ от ядерных арсеналов. В ее деятельности особое внимание уделяется многосторонним инициативам, таким как Договор о запрещении ядерного оружия, вступивший в силу в 2021 г., а также вовлечению гражданского общества в борьбу за мир без ядерного оружия. Подход Финн отражает трансформацию безопасности из прерогативы государств в пространство коллективной ответственности, где определяющее значение приобретают этика солидарности и культурная работа с памятью о катастрофах. В свою очередь, Тайлер Уилсон, американский физик, предлагает сосредоточить усилия на разработке безопасных технологий, лишенных военного применения, поскольку именно такой вектор способен укрепить глобальное доверие и снизить вероятность конфликта. Концептуальная установка основана на убеждении, что технический прогресс не может оставаться нейтральным и должен быть направлен в сторону недопустимости насилия как цивилизационного принципа. Также стоит отметить Кацутоси Канэду, японского дипломата и активиста, который, опираясь на исторический опыт Хиросимы и Нагасаки, активно развивает образовательные инициативы, повышающие осведомленность о гуманитарных последствиях ядерной войны и способствующие формированию глобальной культуры разоружения. В контексте исследований об экзистенциальных рисках поднимается вопрос о политике памяти как элементе устойчивой безопасности, ведь знание о страданиях превращается в ресурс, способный удерживать мир от повторения разрушительного прошлого.

В нынешних условиях ядерное разоружение все чаще воспринимается как необходимая мера для сохранения человечества, а не как утопическая идея. Инициативы по созданию «зон, свободных от ядерного оружия» в Латинской Америке и Африке, а также проведение международных конференций по нераспространению свидетельствуют о стремлении выйти за рамки логики ядерного сдерживания.

Человечество ориентировано на то, что концепция ядерного сдерживания как метод традиционного обеспечения глобальной безопасности будет дополнена новыми подходами. Однако за последнее десятилетие политика ядерного сдерживания, ранее понятная и эффективная, начала деформироваться, вследствие чего угроза ядерного противостояния вновь становится актуальной. В настоящее время сильны опасения повторения Карибского кризиса, так как исход нового подобного кризиса невозможно предугадать.

На сегодняшний день основная линия ядерного противостояния сохраняется в российско-американских отношениях. Значимость двусторонних усилий по сокращению ядерного арсенала и прекращению гонки вооружений остается ключевым фактором глобальной безопасности. Однако в последние годы позитивные изменения в этой сфере межгосударственного взаимодействия отсутствуют. Напротив, наблюдается нарастание напряженности, особенно после выхода США из Договора по РСМД в 2019 г. и приостановления Россией действия ДСНВ в 2023 г. на фоне обострения российско-американских отношений в период проведения специальной военной операции (СВО).

Обострение международной напряженности в последние годы обусловило пересмотр доктринальных подходов к ядерному сдерживанию. Возросшая роль посредничества, неформальных союзов и региональных конфликтов подтолкнула ряд государств, включая Россию, к актуализации принципов гибкого реагирования и юридическому уточнению условий применения ядерного оружия. Происходящие изменения отражают нарастание глобального соперничества и затрудняют поиск механизмов дезакальации на фоне разрушения прежних форм доверия и контроля.

В основе ядерного сдерживания находится парадокс, согласно которому мир сохраняется благодаря постоянной угрозе его разрушения. Так страх становится фундаментом глобального порядка. Ядерное сдерживание выходит за рамки военных доктрин, являясь культурным и ментальным инструментом, формирующим новое восприятие войны и безопасности. Оно не сводится лишь к удержанию противника от нападения через угрозу возмездия; оно тем самым символизирует рационально-иррациональное состояние, при котором сохранение мира возможно только при гарантированном его уничтожения в случае нарушения установленных правил и границ.

Ядерное сдерживание – это динамическая система, функционирующая в условиях постоянного развития технологий, изменения баланса сил и политической нестабильности. Оно находится в зоне напряженности между технологической эволюцией и этическими дилеммами, стратегическим pragmatismом и гуманистическими ценностями. Ядерное сдерживание демонстрирует уязвимость прогрессивного во многих сферах общества перед способностью контролировать созданные им силы.

Заключение

Подходы к ядерному сдерживанию демонстрируют двойственность системы глобальной безопасности, когда традиционные концепции безопасности утрачивают эффективность, а новые вызовы требуют поиска альтернатив. Ядерное сдерживание, ранее служившее гарантом стабильности, в XXI в. воспринимается как угроза не только отдельным государствам, но и всему человечеству. В настоящее время политика ядерного сдерживания не решает проблем ни национальной, ни международной безопасности, поэтому она уступает глобальной кооперации, политике разоружения и внедрения технологий, способных обеспечить мирное будущее. Однако в условиях несдержанности и проявления излишней политической амбициозности со стороны Запада его оппоненты, в том числе и Россия, вынуждены возвращаться к политике ядерного сдерживания.

Эволюция ядерного сдерживания, начиная со времен холодной войны и заканчивая актуальными дискуссиями о разоружении, указывает на сложность и многогранность этой концепции. В условиях глобализации, новых технологий и асимметричных угроз перед человечеством встает вопрос: возможно ли сохранить мир без ядерного оружия? Для этого от человечества потребуется заложить основу новых ценностей и концепций безопасности для будущих поколений, а от политической элиты – проявить политическую волю.

Список литературы / References

- Артамонов, В. С., Лукин, В. Н., Мусиенко, Т. В. (2020) ‘Стратегическая культура: к вопросу об эволюции теории’, *Национальная безопасность и стратегическое планирование*, 3 (31), сс. 5–15. DOI: 10.37468/2307-1400-2020-3-5-15 [Artamonov, V. S., Lukin, V. N., Musienko, T. V. (2020) ‘Strategic culture: on the evolution of the theory’ [Strategicheskaya kul’tura: k voprosu ob evolyutsii teorii], *Natsionalnaya bezopasnost i strategicheskoe planirovaniye*, 3 (31), pp. 5–15. (In Russ.)]. EDN: BHQGKC
- Веселов, В. А. (2010) ‘Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание’, *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 1, сс. 68–90. [Veselov, V. A. (2010) ‘The nuclear factor in world politics: structure and content’ [Yadernyi faktor v mirovoi politike: struktura i soderzhanie], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 1, pp. 68–90. (In Russ.)]. EDN: MBYTFD
- Крылова, И. А. (2018) ‘Военная безопасность России: актуальные проблемы’, *Знание. Понимание. Умение*, 3, сс. 51–63. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.5 [Krylova, I. A. (2018) ‘Russia’s military security: current issues’ [Voennaya bezopasnost’ Rossii: aktual’nye problemy], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 3, pp. 51–63. (In Russ.)]. EDN: YABLQD
- Неклесса, А. И. (2019) ‘Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития’, *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 149–164. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.11 [Neklessa, A. I. (2019) ‘Muscles of war and nerves of peace: hybrid metamorphosis. Methodological and prognostic aspects of postmodern cohabitation’ [Muskuly voiny i nervy mira: gibrnidnaya metamorfoza. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty postsovremennoego obshcheshchitiya], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 149–164. (In Russ.)]. EDN: CFSKTD
- Bauman, Z. (1998) *Globalization: The Human Consequences*. Columbia University Press, 136 p.
- Beaufre, A. (1965) *An Introduction to Strategy: With Particular Reference to Problems of Defense, Politics, Economics, and Diplomacy in the Nuclear Age*. Praeger, 138 p.
- Bostrom, N., Cirkovic, M. M. (2011) *Global Catastrophic Risks*. OUP Oxford, 554 p.
- Braden, M. (2021) *Women Politicians and the Media*. University Press of Kentucky, 248 p.
- Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers, 239 p.
- Dinello, D. (2013) *Technophobia!: Science Fiction Visions of Posthuman Technology*. University of Texas Press, 341 p.
- Doyle, M. W. (1997) *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism*. Norton, 557 p.

- Falk, R. A. (1995) *On Humane Governance: Toward a New Global Politics*. Polity Press, 288 p.
- Fromm, E. (2023) *The Revolution of Hope: Toward a Humanized Technology*. Open Road Media, 204 p.
- Goldberg, A. (1984) *History of the Office of the Secretary of Defense: The McNamara Ascendancy, 1961–1965*. Historical Office, Office of the Secretary of Defense.
- Kahn, H., Jones, E. (2017) *On Thermonuclear War*. Routledge, 690 p. DOI: 10.4324/9781315125701
- Kissinger, H. A. (2023) *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. Highlyy Publishing LLP, 338 p.
- Morgenthau, H. J. (1948) *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Knopf, 489 p.
- Mumford, L. (1974) *The Pentagon of Power*. Harcourt Brace Jovanovich, 496 p.
- Noel-Baker, P. (1958) *The Arms Race: A Programme for World Disarmament*. Oceana Publications, 579 p.
- Ohnesorge, H. W. (2019) *Soft Power: The Forces of Attraction in International Relations*. Springer Nature, 307 p. DOI: 10.1007/978-3-030-29922-4
- Ord, T. (2021) *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. Bloomsbury Publishing, 480 p.
- Paquette, L. (2003) *The Path to Peace: Strategies and Counter Strategies for Significant International Events*. Nova Publishers, 125 p.
- Paul, T. V., Morgan, P. M., Wirtz, J. J. (2009) *Complex Deterrence: Strategy in the Global Age*. University of Chicago Press, 360 p.
- Payne, K. B. (2021) *The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction*. University Press of Kentucky, 242 p.
- Powell, R. (1990) *Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility*. Cambridge University Press, 230 p.
- Rapoport, A. (1964) *Strategy and Conscience*. Harper & Row, 323 p.
- Rees, M. (2009) *Our Final Hour: A Scientist's Warning*. Basic Books, 240 p.
- Schell, J. (2000) *The Fate of the Earth and The Abolition*. Stanford University Press, 417 p.
- Schelling, T. C. (1981) *The Strategy of Conflict: With a New Preface by the Author*. Harvard University Press, 328 p.
- Steiner, B. H. (1991) *Bernard Brodie and the Foundations of American Nuclear Strategy*. University Press of Kansas, 367 p.
- Thompson, E. P., Smith, D. (1981) *Protest and Survive*. NYU Press, 216 p.
- Trachtenberg, M. (2020) *History and Strategy*. Princeton University Press, 304 p.
- Viotti, P. R. (2024) *Kenneth Waltz: An Intellectual Biography*. Columbia University Press, 261 p.
- Walt, S. M. (1990) *The Origins of Alliance*. Cornell University Press, 321 p.
- Weikart, R. (2016) *The Death of Humanity: and the Case for Life*. Simon and Schuster, 288 p.
- York, H. F. (1970) *Race to Oblivion: A Participant's View of the Arms Race*. Simon and Schuster, 256 p.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2024

Статья поступила в редакцию после доработки: 30.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

POLITICAL AND PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION OF THE DOCTRINE OF NUCLEAR DETERRENCE

A. Kovalev

Andrey Kovalev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration, North-Western Institute of Management – RANEPA, Saint Petersburg, Russia
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru (ORCID: 0000-0002-7760-5732).

Abstract

The article provides a political and philosophical understanding of the doctrine of nuclear deterrence as a concept that arose in the context of global rivalry and transformed in the process of developing international relations. The purpose of the study is to identify the axiological, normative and strategic foundations underlying the idea of preventing aggression by demonstrating a nuclear threat. The analysis covers the key stages

of the doctrine formation, reveals its moral and political contradictions, and reflects the transformation of perception in the context of asymmetric risks and weakening trust between states. Special attention is paid to the relationship between deterrence as a rational mechanism and as a symbolic form of political communication embedded in the culture of security. The work uses historical and constructivist approaches that make it possible to trace the evolution of military strategies and determine the social foundations of doctrine formation. Modern challenges are considered: the proliferation of nuclear technologies, the emergence of new threats to global security, and a change in the balance of power. The importance of international cooperation, humanitarian and legal aspects of ensuring stability is emphasized. It is concluded that the concept of nuclear deterrence is losing its universality as an instrument of global order and requires rethinking in new philosophical and humanitarian coordinates. It is argued that an effective security system of the 21st century is impossible without the development of new forms of global interaction and collective responsibility.

Keywords: global security; MAD theory; ethics of nuclear deterrence; asymmetric threats; existential risks; war; nuclear weapons; security system.

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323.1:327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-36-47

ДИСКУРСИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОСТСОВЕТСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА: РОССИЯ, КАЗАХСТАН, БЕЛОРУССИЯ

В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Д. И. Узнародов

Авксентьев Виктор Анатольевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия.

E-mail: vaavksentev@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0762-3529. ResearcherID: J-4088-2018).

Аксюмов Борис Владимирович, доктор философских наук, профессор, доцент, ведущий научный сотрудник,

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия.

E-mail: aksbor@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0024-7041. ResearcherID: ABF-5892-2020).

Узнародов Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия.

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-7570-3614. ResearcherID: J-4865-2018).

Аннотация

На базе большого эмпирического материала анализируется концептуально-терминологическая основа официальных дискурсов нациестроительства в России, Казахстане и Белоруссии, выделяются ключевые слова и «ядерные» категории дискурсов, идентифицированы основные векторы дискурса нациестроительства по модели «сверху вниз». Основой исследования выступает конструктивистская методология, предполагающая решающую роль властных элит в формировании нации и «портфеля» ее идентичностей. База данных сформирована на основе анализа официальных документов и других материалов, определяющих нациестроительство в трех странах. Эмпирический материал представлен в виде таблиц дискурсивных рядов политики нациестроительства. Показано, что сформировавшийся в трех государствах официальный дискурс базируется, во-первых, на наследии советской национальной политики с оценкой полигэтничности как преимущества; во-вторых, на утверждении непреложного характера независимости; в-третьих, на развитом гражданском дискурсе, формируемом «ядерными» понятиями «нация» и «народ». Раскрыты особенности обращения к этничности в трех странах. Для Казахстана и Белоруссии идентифицирован этнический вектор дискурса нациестроительства, ядром которого является язык этнического большинства, для России – неоимперский, инкорпорирующий концепт русскости. Во всех странах выделен цивилизационный вектор дискурса нациестроительства, имеющий различное концептуальное наполнение.

Ключевые слова: нациестроительство; политика идентичности; официальный дискурс; нация; народ; Россия; Казахстан; Белоруссия.

Введение

Распад СССР инициировал активные процессы нациестроительства на пространстве бывшей единой страны. Новые независимые государства, удачно определенные Р. Брубейкером как «национализирующиеся государства» (Brubaker, 2011: 1786), быстро освоили направление публичной политики, позднее обозначенное как «политика идентичности». Ядром этой политики стали хорошо известные в научной литературе действия властей по повышению статуса титульной этнической общности с опорой на родной язык, культуру, нередко за счет нетитульных групп (Isaacs & Polese, 2016: 7). При этом строительство наций в ряде постсоветских государств опиралось и до сих пор опирается

на наследие советской национальной политики. Это, прежде всего, характеризует политику нациестроительства в России, Казахстане и Белоруссии, которые «являются крупнейшими и важнейшими в экономическом и политическом отношении постсоветскими государствами... имеют общее историческое прошлое», стали основой «евразийского социокультурного пространства» (Пантин и Лапкин, 2015: 77).

Ключевой парадигмой анализа нациестроительства длительное время являлась антитеза «гражданское vs этническое», однако такой подход в последние десятилетия критикуется, как упрощенный (Brubaker, 2004). Применительно к нациестроительству в России исследователи выделяют четыре конкурирующих образа в политике идентичности в современной России: «многонациональное государство, этническое государство (“Россия для русских”), гражданское государство (нейтральное в этническом отношении) и имперское государство (правящее над другими народами и территориями» (Rutland, 2023: 23), в других работах к двум «классическим» моделям добавлены полиглазнический, имперский и цивилизационный (Blakkisrud, 2023: 65). При изучении процессов нациестроительства в Казахстане отмечается «разновекторный (и в определенном смысле эклектичный) характер политики идентичности, предполагающей одновременное формирование казахской (этнической), казахстанской (национальной, полиглазнической) и евразийской (наднациональной) идентичности» (Семененко и др., 2017: 64). Нациестроительство в Белоруссии интерпретируется как «соревнование между нативистским, русофильским и креольским направлениями национализма» (Marples, 2007). В нашем исследовании на базе анализа научных источников и доктринальных документов в трех государствах бывшего СССР выделены шесть векторов политики идентичности.

Цель статьи – на основе качественно-количественного анализа выявить дискурсивный «каркас» политики идентичности в России, Казахстане и Белоруссии, место и роль «ядерных» категорий нациестроительства – «нация» и «народ» – в этих дискурсах. Проанализированы основополагающие документы, формирующие дискурс политики идентичности, – ежегодные послания президентов¹ и доктринальные документы в области нациестроительства России², Казахстана³ и Белоруссии⁴. Через этот анализ идентифицируется дискурсивная модель нациестроительства по типу «сверху вниз» (“top-down” model).

Методологической основой исследования явился конструктивистский подход, наиболее четко «высвечивающий» нациестроительство по типу «сверху вниз». Для анализа избранных текстов наиболее эвристически ценной представляется модель критического дискурс-анализа, в рамках которой общественный дискурс рассматривается с учетом актуальных социальных практик. (Fairclough, 1995). В исследуемых документах эксплицировались базовые дискурсивные единицы – слова и словосочетания, фиксирующие конкретный тип дискурса.

¹ Послания Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>; Послания Главы государства народу Казахстана [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: <https://www.akorda.kz/ru/addresses?page=1>; Послания Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-beloruskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 27.01.2025).

² Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571>; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В ред. указов Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703, от 15.01.2024 № 36) [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>; Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>; Путин В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс], *Независимая газета*, 23.01.2012. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?ysclid=loekwj7647599981920 (дата обращения: 27.01.2025).

³ Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution; Доктрина Национального единства Казахстана [Электронный ресурс], *Юрисп*. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158&pos=5;-108#pos=5;-108; Концепция укрепления и развития Казахстанской идентичности и единства [Электронный ресурс], Учет. Законодательство. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/history/U1500000147/28.12.2015>; Закон Республики Казахстан от 11.07.1997 № 151-І «О языках в Республике Казахстан» [Электронный ресурс], *Казахский национальный университет им. Аль-Фараби*. URL: <https://www.kaznu.kz/ru/1969>. (дата обращения: 27.01.2025).

⁴ Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс], *Официальный сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>; Закон Республики Беларусь от 11.11.1992 № 1926-XII «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» [Электронный ресурс], *Могилевский областной исполнительный комитет. Официальный портал*. URL: <https://mogilev-region.gov.by/category/religiya-i-nacionalnosti/zakon-o-nacionalnyh-menshinstvah-v-respublike-belarus>; Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20.07.2016 № 413-З [Электронный ресурс], *Юрисп*. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35508167 (дата обращения: 27.01.2025).

Для количественного анализа текстов посланий президентов трех стран был разработан скрипты на языке программирования Python версии 3.10 с использованием библиотек glob, os, re, shutil, ZipFile и docx. Скрипты позволяют автоматически обрабатывать текстовые документы формата .docx, содержащие послания президентов, выделяя предложения, которые включают ключевые слова (дискурсы). Механизм работы скрипта состоит в том, что он анализирует содержимое файлов, выделяя предложения согласно выбранным дискурсам, и группирует их по годам.

Россия

Россия, унаследовавшая от Советского Союза «полиэтническую федеративную структуру и глобальное политическое мировоззрение» (Rutland, 2023: 23), изначально столкнулась с серьезными проблемами при выборе векторов нациестроительства. В постсоветской политике идентичности в России сочетались различные элементы нациестроительства, не сводимые к какой-либо общепринятой научной модели (Shevel, 2011: 181). Исходя из анализа дискурсивных практик российских властных элит, мы предлагаем пятичленную дискурсивную модель российского нациестроительства (табл. 1).

Таблица 1
Дискурсивный ряд политики нациестроительства в России

№ п/п	Вектор политиче- ского дискурса	Ключевые слова
1	Гражданский дискурс	Гражданская нация; народ России; гражданская идентичность / самосознание / патриотизм; государственный язык; права и свободы граждан; гражданское единство / солидарность / ответственность / согласие / мир; гражданское общество / самоуправление / участие; общественные инициативы / контроль / советы; демократия
2	Полиэтнический дискурс	Многонациональный народ Российской Федерации; народы Российской Федерации; этнические россияне; поликультурная общность; многонациональное государство / страна / общество; многонациональная культура; поликонфессиональное государство; «единство в многообразии»; этнокультурное многообразие; сохранение и развитие культур / языков / традиций народов России; развитие этнографического туризма
3	Дискурс суверенности	Суверенитет; независимость; суверенная страна; суверенное и сильное государство; независимый курс страны; хозяйственная / технологическая независимость
4	Цивилизационный дискурс	Государство-цивилизация; «историческое государство»; уникальная цивилизация; полиэтническая цивилизация; цивилизационная общность; единый культурный (цивилизационный) код; цивилизационная идентичность; единая, неразрывная тысячелетняя история; российская самобытность; собственный путь развития; единое культурное пространство
5	Неоимперский дискурс	Объединяющая роль русского народа; русский народ – системаобразующее ядро государства; русский народ как государствообразующий; единая русская нация; русская культурная доминанта; основанный на русской культуре и языке единый культурный и цивилизационный код; русский язык (<i>с иными функциями, чем государственный</i>); крупнейшее многонациональное государство мира; сложное национально-территориальное устройство; Россия, которая в советское время называлась Советским Союзом; поддержка соотечественников за рубежом

Дискурсивное оформление векторов нациестроительства складывалось поэтапно. Во времена президентства Б. Ельцина основной смысл национальной политики раскрывался во взаимодействии гражданской и полиэтнической моделей нациестроительства (Blakkisrud, 2023: 69). Первые два президентских срока В. Путина (2000–2008 гг.) мало повлияли на дискурс политики нациестроительства.

В посланиях этого периода вопросам национальной политики почти не уделяется внимания. Наиболее содержательным в этом плане является послание 2000 г., которое почти полностью сосредоточивается на гражданском дискурсе: речь идет о развитии институтов гражданского общества, об эффективности демократического государства, о ценностях российской демократии, о «присущем нашему народу патриотизме». Действительно, «в течение первых двух президентских сроков Путина гражданский патриотизм определенно занимал центральное место» (Blakkisrud, 2023: 71). В этот же период политическое руководство страны стало активно продвигать идею российской гражданско-политической нации (Тишков, 2018: 19).

Д. Медведев, будучи президентом, продолжил развитие гражданско-демократического дискурса и, кроме того, несколько актуализировал полигэтнический дискурс. В послании 2008 г. он заявил, что «такой многосубъектной, многонациональной и многоконфессиональной федерации, как Россия, в мире больше не существует», а в послании 2011 г. – о том, что «этот многонациональный мир – уникальное преимущество России».

Знаковым в политике российского нациестроительства стал 2012 г.: вышла программная статья В. Путина «Россия: национальный вопрос» и была опубликована Стратегия государственной национальной политики. В этих текстах на первый план выходят две идеи, которые в предшествующем дискурсе были отодвинуты на второй план. Первая – выдвижение в центр дискурса о нациестроительстве русского народа и его социокультурных активов – языка, культуры, ценностей и т. д. Вторая идея – «мобилизация» истории как важнейшего «строительного материала» для современной российской нации. Эти идеи легли в основу соответственно неоимперской и цивилизационной дискурсивных моделей, ставших после 2012 г. ключевыми для российского нациестроительства. Кроме того, в этот период стали акцентироваться идеи государственного суверенитета. Опорным стало понятие «суверенность». Понятие «независимость», также используемое как однопорядковое, имеет и другое значение: возможность самостоятельно определять внешне- и внутриполитический курс.

Нередко изменение дискурсов в национальной политике, произошедшее в 2012 г., интерпретируется как «этнический поворот» (Terer, 2016). В то же время отмечается, что было бы преувеличением утверждать, что руководство страны приняло этнонационализм в качестве концептуальной основы политики нациестроительства (Kolstø, 2016: 38). На наш взгляд, явное усиление русскоцентричности официального дискурса нациестроительства начиная с 2012 г. свидетельствует о возрождении особой формы имперского национализма (Kivelson & Suny, 2017: 199), имевшего во времена поздней Российской империи ключевое значение для национальной политики царской администрации. Неоимперский дискурс современной российской власти ставит в центр политики нациестроительства русский народ, который призван «скреплять», «объединять», «интегрировать» полигэтнический и поликультурный российский социум. По этой причине именно неоимперский дискурс в логике российской элиты выполняет основную функцию по национальной консолидации.

Цивилизационный вектор российского нациестроительства выстроился вокруг идей «сособого пути» (Verkhovskii & Pain, 2012), а также самодостаточной и уникальной российской цивилизации (Linde, 2016), имеющей великую тысячелетнюю историю. Начиная с 2012 г. цивилизационный дискурс стабильно представлен в официальных документах, и логическим завершением этой дискурсивной линии нациестроительства стало появление в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в марте 2023 г., образа «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы»⁵. Концепт государства-цивилизации «связывает политику государства и цивилизационную идентичность, причем последняя оказывается важным нематериальным ресурсом государственной политики и источником его дискурсивной силы» (Семененко, 2024: 82), что превращает цивилизационный вектор нациестроительства в один из ключевых.

Казахстан

Национальное строительство в современном Казахстане включает несколько пересекающихся и до определенной степени конкурирующих между собой траекторий. Как и в случае с Россией, анализ официального дискурса дает пятичленную модель нациестроительства (табл. 2).

⁵ Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 27.01.2025).

Таблица 2

Дискурсивный ряд политики нациестроительства в Казахстане

№ п/п	Вектор политиче- ского дискурса	Ключевые слова
1	Гражданский дискурс	Нация; Родина; казахстанская гражданская общность; всеказахстанская идентичность; общеказахстанский дом; народ Казахстана; казахстанцы, граждане Казахстана; новый казахстанский патриотизм; государственный язык; права и свободы человека и гражданина; национальное единство / общественное согласие / солидарность / гражданский мир; гражданское общество; гражданское участие / активность / ответственность; казахстанская демократия
2	Полиэтнический дискурс	Многонациональное государство / страна / общество; полиглоссическое и поликонфессиональное общество; «единство в многообразии»; семья множества этносов; языковое многообразие; бережное отношение к русскому языку и к кириллице; равные возможности для всех наций; развитие этнографического туризма
3	Дискурс суверенности	Суверенитет; независимость; суверенная страна; суверенное и сильное государство; годы суверенитета; поколения независимости; независимость Казахстана – наша самая высшая ценность; независимость – осуществление многовековой мечты предков; благодаря патриотизму мы сохранили нашу священную Независимость; независимость для нас превыше всего
4	Цивилизационный дискурс	Казахстан – уникальная страна, объединяющая разные культурные элементы; Казахстан – евразийская страна, имеющая свою собственную историю и свое собственное будущее; тысячелетние традиции, ценности и культура; Казахстан как часть мусульманской уммы; мост для диалога и взаимодействия Востока и Запада; исторический статус Казахстана как связующего звена между Азией и Европой; Казахстанский Путь; уникальная страновая идентичность; уникальная культура
5	Этнический дискурс	Казахский народ; казахская нация; роль казахского народа как государствообразующей нации; особая ответственность казахов; казахи должны быть настоящими хозяевами своей земли; исконная казахская земля; казахский язык – наш духовный стержень; казахский язык должен главенствовать во всех сферах жизни; единство казахов; многовековая государственность казахского народа; консолидация вокруг казахского народа

Уже в первом послании Н. Назарбаева в 1997 г. с той или иной степенью экспликации представлены все пять векторов политического дискурса нациестроительства. Дискурс гражданского нациестроительства задается призывом к развитию единой гражданственности, основанной на равенстве возможностей для всех граждан страны. Вектор полиглоссического дискурса концентрированно выражен в следующем тезисе: к 2030 г. «в стране будут жить представители многих национальностей, уверенных в равных возможностях для всех наций...». Весьма отчетливо проступает дискурс суверенности, поскольку в общественном мнении формируется «миф о независимости как высочайшей форме исторического развития государства и общества» (Алимджанов, 2023: 76). Значимость этнического направления была подчеркнута ссылкой на естественность процесса возрождения казахских традиций и языка. Наконец, существенное место в послании было отведено цивилизационной проблематике. Н. Назарбаев рассматривает различные возможные варианты цивилизационной идентичности Казахстана (европейскую, азиатскую, российскую и мусульманско-новотюркскую). По мнению президента, ни один из этих вариантов не подходит Казахстану, поскольку «мы – евразийская страна, имеющая свою собственную историю и свое собственное будущее. Поэтому наша модель не будет похожа ни на чью другую. Она впитает в себя достижения разных цивилизаций».

В целом национальная политика при Н. Назарбаеве отличалась сбалансированностью. В отличие от Узбекистана и Туркменистана, где баланс между гражданским и этническим был явно смещён в сторону доминирования титульных групп, руководство Казахстана продемонстрировало более взвешенный подход в политике национально-государственного строительства, пытаясь совместить интересы этнического большинства с реализацией проекта построения инклюзивного полизтического гражданского сообщества (Fierman, 2009). В дискурсе первого президента этнические представления о нации продвигаются в той же степени, что и гражданские (O'Beachain & Kevlihan, 2013: 345; Rutland, 2023: 27). Этот дискурс почти в одинаковой степени поддерживал два параллельных процесса, обозначаемых как «казахстанизация» и «казахизация» (Davenel & Yim, 2016: 49). При К.-Ж. Токаеве, занявшем президентский пост в 2019 г., в политике нациестроительства наметился определенный крен в сторону титульной нации, которая в первом же его послании была обозначена как государствообразующая. Традиционно используя тему государственного языка как камертон этнического дискурса, К.-Ж. Токаев заявил о том, что «роль казахского языка как государственного будет усиlena и наступит время, когда он станет языком межнационального общения». В Казахстане государственная языковая политика всегда рассматривалась элитами как способ изменить этнические отношения между титульным большинством и этническими меньшинствами, тем самым утверждая примат титульной группы и помогая формировать общее чувство принадлежности на казахской этнической основе (Isaacs & Polese, 2016: 8). Смещение баланса в языковой политике в сторону повышения роли и статуса казахского языка способно усилить рост казахского этнонационализма, особенно в среде региональной молодежи, которая, как фиксируют исследователи, и так уже нередко проявляет «непримиримость к русскоязычным жителям Республики Казахстан, в том числе и представителям титульной нации» (Бектурганова, 2019: 12). Тем не менее, как полагают некоторые казахстанские эксперты, государству по-прежнему «удается сохранять и поддерживать паритет между этнической и гражданской идентичностями» (Кабазиев, 2022: 229).

Белоруссия

На начальном этапе постсоветского периода (1991–1994) Белоруссия, как и другие постсоветские республики, стала «национализирующимся государством». Были предложены «несоветские» версии истории страны, выдвинут принцип «один язык – одна нация». Национально мыслящие элиты продвигали идею стать еще одной европейской нацией (Woolhiser, 2014: 113). Однако такой путь нациестроительства не получил общественной поддержки (Буев & Буховец, 2018: 72). С самого начала своего президентства А. Лукашенко сделал ставку на идею продолжения советского проекта с постепенным преобразованием белорусского общества в белорусское национальное государство.

Доктринальные документы свидетельствуют об осторожном «вписывании» этнического фактора в политico-правовую систему страны. Сдвиг в политике идентичности в Белоруссии произошел во втором десятилетии XXI в. прежде всего под влиянием событий в постмайданной Украине и получил название «мягкой белорусизации» (Marin, 2020). Такая оценка ситуации представляется верной, но фиксирующей только одну сторону нациестроительства в Белоруссии на современном этапе. Дискурс-анализ доктринальных документов и посланий президента страны раскрывает сложный, порой противоречивый поиск дискурсивных опор нациестроительства (табл. 3).

Достаточно четко фиксируется вектор суверенности; в контексте этого типа дискурса используются немногочисленные универсальные, но эмоционально дополненные формулировки. Данные социологических исследований показывают, что белорусская молодежь испытывает гордость прежде всего за стремление своего народа к созданию национального государства (Крючек и др., 2024: 14).

Вполне типичным выглядит гражданский дискурс. Его особенность – акцентирование роли государства в построении гражданской нации; используется редкий для общественно-политических текстов и не устоявшийся в научном лексиконе термин «национально-государственная идентичность», рассматриваемая как ценностный фундамент общества. Особенность полизтического дискурса – интегративный характер нациестроительства в стране. Неоднократно поднимается вопрос об общности русских, украинцев и белорусов, ответы на который достаточно противоречивы. В работах по белорусскому нациестроительству подчеркивается, что «А. Г. Лукашенко постоянно приходилось искать баланс между интеграцией с Россией и укреплением белорусского суверенитета и национальной идентичности» (Шимов, 2023: 281).

Таблица 3

Дискурсивный ряд политики нациестроительства в Белоруссии

№ п/п	Вектор политиче- ского дискурса	Ключевые слова
1	Гражданский дискурс	Нация; Родина; народ; национально-государственная идентичность; гражданский патриотизм; права и свободы граждан; гражданское единство / согласие / мир; гражданское общество; гражданская солидарность / ответственность; общественный контроль; демократическое государство / общество; дети Белой Руси, граждане одной страны – Беларусь; консолидация власти и общества; народ, понимающий свою ответственность перед государством
2	Полиэтнический дискурс	Поликультурная / полиэтническая / поликонфессиональная общность / общество; этническое, культурное и языковое многообразие; межнациональное братство; наш общий дом Беларусь; одно целое, имя которому – народ Беларусь; Беларусь у нас одна на всех; наши государственные языки – белорусский и русский; двуязычие – наше величайшее культурное достояние и благо; русский язык как родной; два государственных языка – одна нация
3	Дискурс суверенности	Суверенитет; независимость; суверенная страна; суверенное и сильное государство; первое в истории независимое белорусское государство; независимость – условие для сохранения нации; конкурентоспособная белорусская нация
4	Цивилизационный дискурс	Беларусь – уникальная страна; белорусская нация формировалась на стыке западной и восточнославянской цивилизаций; Беларусь – мост между Европой и Востоком; здесь сходятся восточная и западная ветви христианства; ключевое государство; белорусская государственность от ее древних истоков; нашей колыбелью была Киевская Русь; Великое княжество Литовское было также русским – это значит, что восточно-славянским, то есть нашим; неповторимый облик и путь белорусской нации; культурный код; культурный мир, который создал русский, белорус и украинец, этот славянский мир; мы – часть великой русской культуры
5	Этнический дискурс	Белорусский народ [как этническая общность]; белорусская диаспора; мы, белорусы, народ с богатой тысячелетней историей; генетический код белорусов; белорусский характер; белорусы сохранили веру, родной язык и культуру – свою идентичность; белорусский язык; родная мова; наш просветитель Франциск Скорина; уникальные белорусские ремесла; слуцкие пояса

Не менее трудной задачей оказалось сочетание полиэтнического дискурса с этническим. Последний формируется с помощью удревнения истории, идентификации особых качеств белорусов как народа. Этнический дискурс также внутренне противоречив: в смыслообразующей проблематике этнического дискурса – языковой – большое внимание уделяется белорусскому языку, одновременно русский язык рассматривается не только как средство общения, но и как ценность. Исследователи отмечают несбалансированность билингвизма в политике, но подчеркивают, что белорусский вариант билингвизма служит укреплению гражданских основ нациестроительства (Антанович, 2024: 52–53). Сложившийся подход к формированию этнического образа Белоруссии позволил практически полностью исключить из политической жизни страны проблематику «коренного» и «некоренного» населения, положения русских и русскоязычных граждан – проблематику, существенно осложнившую нациестроительство во многих государствах бывшего СССР.

Дискурс цивилизационной принадлежности страны развивается в нескольких направлениях: во-первых, отождествление с крупным культурно-географическим сообществом, часто определяемое как «цивилизационная идентичность» нации (Bassin, 2012: 554) (европейская, восточнославянская или евроазиатская). Второе направление – поиск цивилизационной самодостаточности. Сформировался собственный цивилизационный дискурс, акцентирующий уникальные свойства белорусской

модели развития как «островка» спокойствия и стабильности. Такое цивилизационное видение Белоруссии позволяет политическому руководству страны лавировать между сторонниками аутентичной белорусской идентичности, «европеизаторами», сторонниками евразийской интеграции и сближения с Россией и определять место своей страны в условиях современных геополитических трансформаций.

«Нация» и «народ» в посланиях президентов

Качественный анализ официальных дискурсов нациестроительства был дополнен количественным анализом, в ходе которого заданные термины были распределены по видам дискурсов (гражданский, этнический, полиэтнический, неоимперский), а также выявлены наиболее часто упоминаемые в президентских посланиях словосочетания. Основное внимание было уделено двум «ядерным» для нациестроительства понятиям – «нация» и «народ» (табл. 4).

Таблица 4

**Частотность упоминаний понятий «нация» и «народ» и их производных
в президентских посланиях 2012–2024 гг.**

Страна	Дискурс							
	Гражданский		Полиэтнический		Этнический (для Казахстана и Белоруссии)		Неоимперский (для России)	
	«Ядерная» категория							
	Нация	Народ	Нация	Народ	Нация	Народ	Нация	Народ
Россия	8	55	16	18				2
Казахстан	84	127	2	2	7	8		
Белоруссия	55	324	2	11	16	4		

В отличие от Белоруссии и Казахстана, в России понятие «нация» используется преимущественно в полиэтническом дискурсе. В случае Белоруссии и Казахстана превалирует гражданский дискурс. Если в России понятие «нация» можно отнести к гражданскому дискурсу в 33 % случаев, то в Белоруссии и Казахстане оно является частью гражданского дискурса в 75 и 90 % случаев соответственно. Суммарная частотность употребления термина «нация» в России почти в три раза ниже, чем в Белоруссии, и в 3,8 раз ниже, чем в Казахстане.

В Белоруссии и Казахстане характер использования термина «нация» в президентских посланиях довольно схож и превалирует «объединяющий» контекст (например, «наша нация», «вся нация», «единство нации», «одна нация» в случае Белоруссии и «единая нация», «сплоченность нации», «наша нация», «мы – нация» в случае Казахстана), почти без привязки к терминам «белорусский» или «казахский». В период с 2012 по 2024 г. словосочетание «белорусская нация» упоминалось в посланиях президента только четыре раза, а словосочетание «казахская нация» и вовсе один раз, что говорит о стремлении властей обоих государств дистанцироваться от этнического дискурса при использовании термина «национальность». Превалирование в Казахстане гражданского дискурса над этническим в президентских посланиях подтверждает также и более частое использование в них понятия «казахстанский», чем термина «казахский». Если термин «казахстанский» (включая «казахстанцы») упоминается с 2012 по 2024 г. в ежегодных президентских посланиях 142 раза, то термин «казахский» (включая термин «казахи») – 41 раз (25 раз в словосочетании «казахский язык» и один раз в словосочетании «казахская нация»).

Использование термина «казахский» в президентских посланиях в последние семь лет правления президента Н. Назарбаева существенно не отличается от периода президентства К.-Ж. Токаева. Исключением является 2012 г., когда термин «казахский» упоминался в президентском послании Н. Назарбаева 25 раз. Что касается термина «казахстанский», то в последние семь лет правления президента Н. Назарбаева частотность его упоминания в президентских посланиях явно выше, чем в период правления К.-Ж. Токаева (102 против 34), что косвенно подтверждает усиление этнического дискурса после прихода к власти нынешнего президента.

В России частотность упоминаний понятий «русский» / «российский» примерно одинакова (31 и 30 соответственно) и имеет несколько иной контекст. В 20 случаях из 31 термин «русский» используется как часть гражданского дискурса, что говорит о преобладании данного типа дискурса на уровне риторики, используемой политическими элитами.

Превалирование гражданского дискурса наблюдается и при использовании в президентских посланиях термина «народ» (73 % в России, 95 % в Белоруссии и 92 % в Казахстане). Как и в случае с «нацией», при использовании термина «народ» в России более выражен полизначительный дискурс (24 % случаев), чего не скажешь о Белоруссии и Казахстане (3,24 и 1,46 % соответственно). Суммарная частотность упоминания термина «народ» в России в 4,5 раза ниже, чем в Белоруссии, и почти в два раза, чем в Казахстане.

Во всех трех странах прослеживается объединяющий контекст в использовании термина «народ»: «весь народ»; «единий народ»; «единство народа», «наш народ». Как и при использовании термина «нация», фиксируется определенное дистанцирование от этнического дискурса: в Белоруссии словосочетание «белорусский народ» используется шесть раз, а в Казахстане словосочетание «казахский народ» встретилось лишь трижды. В России же, как было показано в предыдущих подразделах статьи, «русский народ» и «русская нация» выступают преимущественно как элемент неоимперского, а не этнического дискурса.

Заключение

В трех постсоветских государствах сформировался устойчивый официальный дискурс нациестроительства, основывающийся на трехкомпонентном фундаменте. Первое: наследие советской национальной политики с оценкой полизначности как преимущества. Второе: акцентирование непреложного характера независимости. Третье: развитый гражданский дискурс, формируемый «ядерными» понятиями «национация» и «народ». Для Казахстана и Белоруссии идентифицирован этнический вектор нациестроительства, ядром которого является родной язык, для России – неоимперский, инкорпорирующий концепт russkosti. Таким образом, этнический фактор как главный драйвер «национализирующегося государства» выполняет различную роль в России с одной стороны, Белоруссии и Казахстане – с другой. В каждой из стран выявлен цивилизационный вектор дискурса нациестроительства, общим для которого является поиск «собственного», «универсального» пути, но содержательное наполнение этого дискурса существенно отличается в трех странах.

Выявленный общий дискурсивный фундамент нациестроительства позволяет идентифицировать концептуальную базу укрепления и расширения гуманитарного сотрудничества между ключевыми странами Евразийского союза и формирования общего культурно-гуманитарного пространства в рамках существующих объединений постсоветских государств. В то же время анализ официального дискурса России, Казахстана и Белоруссии позволяет понять, почему этим странам удалось избежать многочисленных «подводных камней», возникших более чем за тридцать лет в ходе национально-государственного строительства в республиках бывшего СССР, особенно на Украине.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00512, <https://rscf.ru/project/24-28-00512/>

Список литературы / References

- Алимджанов, А. А. (2023) ‘Понятие “независимость” в официальных выступлениях глав государств Центральной Азии’, *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 70–85. [Alimdzhanov, A. A. (2023) ‘The notion of “Independence” in the official speeches of Central Asia presidents’ [Ponyatiye “nezavisimost” v ofisial’nyh vystupleniyah glav gosudarstv Central’noj Azii], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 70–85. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.06 (In Russ.)]. EDN: IVCKXX

- Антанович, Н. А. (2024) ‘Билингвизм в языковой политике: политологические аспекты исследования (на примере Республики Беларусь)’, *Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)*, 3, сс. 44–55. [Antanovich, N. A. (2024) ‘Bilinguism in language politics: politological aspects of research (on the example of the Republic of Belarus)’ [Bilingvizm v yazykovoj politike: politologicheskie aspekty issledovaniya (na primere Respubliki Belarus')], *University Bulletin*

- (*Russian-Tajik (Slavonic) University*), 3, pp. 44–55. (In Russ.)].
- Бектурганова, Б. И. (2019) ‘Гражданская и этническая идентификации региональной молодежи Республики Казахстан’, *Siberian Socium*, 2, сс. 8–17. [Bekturganova, B. I. (2019) ‘Civil and Ethnic identification of regional youth of the Republic of Kazakhstan’ [Grazhdanskaya i etnicheskaya identifikaciia regional'noj molodezhi Respubliki Kazahstan], *Siberian Socium*, 2, pp. 8–17. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-8-17 (In Russ.)]. EDN: FXLNDF
- Буев, А. Л., Буховец, О. Г. (2018) ‘Государственный билингвизм. положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь’, *Современная Европа*, 3 (82), сс. 71–82. [Buev, A. L., Bukhovec, O. G. (2018) ‘State bilingualism. Conditions of Russians and Russian-speaking in the Republic of Belarus’ [Gosudarstvennyj bilingvizm. polozhenie russikh i russko-yazychie v Respublike Belarus'], *Contemporary Europe*, 3, pp. 71–82. DOI: 10.15211/soveurope320187182 (In Russ.)]. EDN: FAMKBW
- Кабазиев, М. Ш. (2022) ‘Формирование национальной идентичности Республики Казахстан: особенности и противоречия’, *Современная Европа*, 7, сс. 221–231. [Kabaziev, M. Sh. (2022) ‘Formation of the national identity of the Republic of Kazakhstan: peculiarities and contradictions’ [Formirovanie nacional'noj identichnosti Respubliki Kazahstan: osobennosti i protivorechiya], *Contemporary Europe*, 7, pp. 221–231. DOI: 10.31857/S020170832207018X (In Russ.)]. EDN: KXUBGR
- Крючек, П. С., Ракачев, В. Н., Ракачева, Я. В., Сергеев, В. Н., Острога, В. А. (2024) ‘Историческая память и национальная идентичность белорусов и россиян: опыт историко-социологического исследования’, *Журнал Белорусского государственного университета. История*, 2, сс. 5–16. [Kruchek, P. S., Rakachev, V. N., Rakacheva, YA. V., Sergeev, V. N., Astroga, V. A. (2024) ‘Historical memory and national identity of Belarusians and Russians: experience of historical and sociological research’ [Istoricheskaya pamyat' i nacional'naya identichnost' belorusov i rossiyan: opty istoriko-sociologicheskogo issledovaniya], *Journal of the Belarusian State University. History*, 2, pp. 5–16. (In Russ.)].
- Пантин, В. И., Лапкин, В. В. (2015) ‘Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины)’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 75–93. [Pantin, V. I., Lapkin, V. V. (2015) ‘Ethnopolitical and ethnosocial processes in Post-Soviet countries (Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine cases)’ [Etnopoliticheskie i etnosocial'nye processy na postsovetskom prostranstve (na primere Rossii, Belorussii, Kazahstana i Ukrayiny)], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 75–93. DOI: 10.17976/jpps/2015.05.07. (In Russ.)]. EDN: UJYYWP
- Семененко, И. С. (2024) ‘Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты’, *Государственное управление. Электронный вестник*, 104(S), сс. 79–87. [Semenenko, I. S. (2024) ‘Civilizational identity and the identity politics agenda: Russian priorities in a transforming world order’ [Civilizacionnaya identichnost' v povestke politiki identichnosti: menyayushchijysya miroporyadok i rossijskie prioritety], *E-Journal public administration*, 104(S), pp. 79–87. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87 (In Russ.)]. EDN: GOQHRO
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Бардин, А. Л., Пантин, В. И. (2017) ‘Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 54–78. [Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., Pantin, V. I. (2017) ‘Between the State and the Nation: dilemmas of identity politics in post-Soviet societies’ [Mezhdu gosudarstvom i naciej: dilemmi politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05. (In Russ.)]. EDN: ZGSQIV
- Тишков, В. А. (2018) ‘Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина)’, *Вестник Российской нации*, 6, сс. 9–30. [Tishkov, V. A. (2018) ‘Conceptual dynamics of ethnopolitics in Russia (from Gorbachev to Putin)’ [Konceptual'naya dinamika etnopolitiki v Rossii (ot Gorbacheva do Putina)], *Vestnik Rossijskoj nacii*, 6, pp. 9–30. (In Russ.)].

- Шимов, В. В. (2023) ‘Белоруссия и Украина: две модели национального строительства’, *Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований*, 6, сс. 272–282. [Shimov, V. V. (2023) ‘Belarus and Ukraine: two models of national building’ [Belorussiya i Ukraina: dve modeli nacional'nogo stroitel'stva], *The institute of Post-Soviet and interregional studies*, 6, pp. 272–282. (In Russ.)]. EDN: DZVTAB
- Bassin, M. (2012) ‘National Metanarratives after Communism: An Introduction’, *Eurasian Geography and Economics*, 53 (5), pp. 553–556. DOI: 10.2747/1539-7216.53.5.553 EDN: WQXUEJ
- Blakkisrud, H. (2023) ‘Russkii as the New Rossiskii? Nation-Building in Russia After 1991’, *Nationalities Papers*, 51 (1), pp. 64–79. DOI: 10.1017/nps.2022.11 EDN: SXWLIL
- Brubaker, R. (2004) *Ethnicity without Groups*. Cambridge: Harvard University Press. DOI: 10.4159/9780674258143
- Brubaker, R. (2011) ‘Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states’, *Ethnic and Racial Studies*, 34 (11), pp. 1785–1814, DOI: 10.1080/01419870.2011.579137 EDN: WQXHFV
- Davenel, Y.-M., Yim, E. (2016) ‘Minority Assimilation and Nation-Building in Kazakhstan’ In: R. Isaacs and A. Polese (eds.) *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space: New Tools and Approaches*. Routledge, pp. 46–64.
- Fairclough, N. (1995) *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London; New York: Longman.
- Fierman, W. (2009) ‘Identity, symbolism and the politics of identity in Central Asia’, *Europe-Asia Studies*, 61 (7), pp. 1207–1228 DOI: 10.1080/09668130903068731
- Isaacs, R. and Polese, A. (2016) ‘Introduction: Nation-Building in the Post-Soviet Space: Old, New and Changing Tools’ In: R. Isaacs and A. Polese (eds.) *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space: New Tools and Approaches*. Routledge, pp. 1–23.
- Kivelson, V., Suny, R. (2017) *Russia’s Empires*. Oxford: Oxford University Press.
- Kolstø, P. (2016) ‘The Ethnification of Russian Nationalism’ In: P. Kolstø, H. Blakkisrud (eds.) *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity, Authoritarianism, 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 18–45.
- Linde, F. (2016) ‘The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness’, *The Russian Review*, 75 (4), pp. 604–625. DOI: 10.1111/russ.12105 EDN: PGBYJT
- Marin, A. (2020) ‘Belarusian Nationalism in the 2010s: a Case of Anti-Colonialism? Origins, Features and Outcomes of Ongoing «Soft Belarusianisation»’, *The Journal of Belarusian Studies*, 9 (1), pp. 27–50. DOI: 10.30965/20526512-12340003 EDN: UZIIOE
- Marples, D. R. (2007) ‘Elections and Nation-Building in Belarus: A Comment on Ioffe’, *Eurasian Geography and Economics*, 48 (1), pp. 59–67. DOI: 10.2747/1538-7216.48.1.59
- O’Beachain, D., Kevlihan, R. (2013) ‘Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building’, *Nations and Nationalism*, 19 (2), pp. 337–356. DOI: 10.1111/nana.12022
- Rutland, P. (2023) ‘Thirty Years of Nation-Building in the Post-Soviet States’, *Nationalities Papers*, 51 (1), pp. 14–32. DOI: 10.1017/nps.2021.94 EDN: FNSWLJ
- Shevel, O. (2011) ‘Russian Nation-building from Yel’tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous?’, *Europe-Asia studies*, 63 (2), pp. 179–202. DOI: 10.1080/09668136.2011.547693 EDN: OMQSEF
- Teper, Yu. (2016) ‘Official Russian Identity Discourse in the Light of the Annexation of Crimea: National or Imperial?’, *Post-Soviet Affairs*, 32 (4), pp. 378–396. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1076959 EDN: WNQDJB
- Verkhovskii, A., Pain, E. (2012) ‘Civilizational Nationalism’, *Russian Politics and Law*, 50 (5), pp. 52–86. DOI: 10.2753/RUP1061-1940500503 EDN: PNMWAA
- Woolhiser, C. (2014) ‘The Russian Language in Belarus: Language Use, Speaker Identities and Metalinguistic Discourse’ In: L. Ryzanova-Clarke (eds.) *The Russian Language Outside the Nation*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 81–116. EDN: XOTHNN

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025
Статья принята к печати: 30.04.2025

**DISCURSIVE MODELS OF POST-SOVIET NATION-BUILDING:
RUSSIA, KAZAKHSTAN, BELARUS**

V. Avksentyev, B. Aksyumov, D. Uznarodov

Viktor Avksentyev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher,
Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.
E-mail: vaavksentev@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0762-3529. ResearcherID: J-4088-2018).

Boris Aksyumov, Doctor of Philosophy, Professor, Associate Professor, Leading Researcher,
Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
North Caucasus Federal University, Russia.
E-mail: aksbor@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0024-7041. ResearcherID: ABF-5892-2020).

Dmitry Uznarodov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher,
Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-7570-3614. ResearcherID: J-4865-2018).

Abstract

The paper analyzes the conceptual and terminological foundations of official nation-building discourses in Russia, Kazakhstan, and Belarus. It highlights key words and categories of these discourses, identifying the main vectors of nation-building discourse according to the “top-down” model. The research is based on a large amount of empirical material and follows a constructivist methodology, assuming that ruling elites play a decisive role in forming a nation and its “portfolio” of identities. The database is primarily based on an analysis of official documents defining nation-building in the countries. The empirical material is presented in the form of tables containing discursive series on nation-building policy. Results show that the official discourse formed in the three states is based, firstly, on the legacy of the Soviet national policy with an assessment of polyethnicity as an advantage; secondly, on the assertion of the immutable nature of independence; thirdly, on the developed civil discourse formed by the “core” concepts of “nation” and “people”. The appeal to ethnicity in three countries is examined, including the ethnic dimension of nation-building discourse. Kazakhstan and Belarus focus on the languages of ethnic majorities, while Russia focuses on the neo-imperial concept of Russianness. The civilizational vector of nation-building discourse is shared among countries but its meaning varies.

Keywords: nation-building; identity politics; official discourse; nation; people; Russia; Kazakhstan; Belarus.

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-28-00512),
<https://rscf.ru/project/24-28-00512/>

УДК-352

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-48-58

АДАПТАЦИЯ ГОРОДСКИХ ПОЛИТИК К ВЫЗОВАМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: АКТОРЫ, МОДЕЛИ, ПРАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ г. ФРИТАУНА)

А. Л. Бардин

Бардин Андрей Леонидович, кандидат политических наук, научный сотрудник, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия.
E-mail: andreybardin@imemo.ru (ORCID: 0000-0001-9526-9763).

Аннотация

Автор рассматривает проблематику урбанизации в контексте современных социально-политических вызовов. В качестве кейса исследования выбрана реализация международно признанной модели мультистейкхолдерного партнерства в целях развития г. Фритауна (Сьерра-Леоне), поскольку быстрорастущие города африканских государств сталкиваются с многочисленными вызовами и вынуждены отвечать на них с помощью различных практик. На основе анализа официальных документов, аналитических материалов, научных работ и публикаций в масс-медиа выявлены главные акторы, паттерны их взаимодействия, их роль в реализации приоритетных направлений стратегии трансформации города в 2018–2024 гг. и ключевые инструменты этой стратегии. Описана структура сетевой организационной модели, реализованной новым руководством города для привлечения финансирования, интеграции местных сообществ в процессы развития, снижения рисков социально-политической дестабилизации. Показано, что администрация приоритизировала отдельные вызовы, стоящие перед городом, прежде всего проблематику климатических угроз, для фокусировки паттернов коммуникации с внешними акторами, такими как международные организации и агентства со-действия развитию, встраивания города в международные сети, продвижения его международного бренда. Сделан вывод о том, что главными препятствиями на пути реализации стратегии развития города выступают борьба за власть и полномочия на местах между национальными структурами и муниципалитетом, ограничивающие политическую субъектность и финансовые возможности последнего, а также комплексный характер вызовов. В заключение отмечено, что некоторые аспекты модели, реализуемой в Фритауне, могут иметь значение для практики городского управления в городах России и других стран БРИКС.

Ключевые слова: урбанизация; социально-политические вызовы; политика городского развития; социальная сплоченность; инклюзивная идентичность; мультистейкхолдерная модель; международный бренд города; города Африки.

Урбанизация и социально-политические вызовы

Комплекс политик развития города охватывает множество измерений, от транспортной инфраструктуры до образования и карьеры. Для каждой из областей характерны специфичные вызовы, требующие тонкой настройки управленческих инструментов, однако значительная часть измерений городской жизни взаимопроникаема. Это определяет сквозной и комплексный характер целого ряда вызовов, таких как неравномерный доступ к услугам, ресурсам и возможностям (как и в глобальном масштабе, неравенство в городах в целом усугубляется, яркий пример – процессы джентрификации (Krase, DeSena 2020)); миграция (в том числе инокультурная) – ускорение урбанизации сопровождается ростом дифференциации городского населения, что обогащает социальный потенциал города, а также выступает источником противоречий. Естественные различия между жителями города и их группами, детерминирующие динамику этих вызовов, должны быть должным образом осмыслены и воплощены в политике городского развития; оказавшись фигурай умолчания, они могут вести к обострению социально-политической напряженности.

Исторически к числу уникальных черт города относили более высокий уровень возможностей («городской воздух делает свободным»). Популяризация концепции «права на город», заявляющей о

необходимости доступа горожан к трансформации городского пространства (как физического ландшафта, так и социально-политического), актуализировала запрос на эволюцию в направлении «эгалитарного города, где сервисы и инфраструктура доступны в равной степени всем группам жителей» – подобно тому, как один из основоположников урбанистики Ильдефонс Серда стремился добиться в развитии Барселоны реализации принципов совместного проживания богатых и бедных, гармоничности и однородности городской застройки. Сегодня такие понятия, как инклузивность и право на город, часто фигурируют в концепциях городского развития, однако на практике преобладает обратная тенденция, характеризующаяся обособлением городских пространств, формированием инфраструктуры для ограниченных групп лиц, неоднородностью качества инфраструктуры и сервисов, другими маркерами городской эксклюзии.

Влияние процессов урбанизации на уровень неравенства и социальной сплоченности, которые можно полагать одними из ключевых индикаторов социально-политического развития, амбивалентно. Некоторые авторы на базе количественных исследований приходят к выводу о том, что «правильно управляемая урбанизация способна обеспечить благоприятный исход для всех [социальных групп], а именно рост и равенство» (Wan, Zhang, Zhao, 2022: 6), то есть разрыв в благосостоянии городского и сельского населения может быть преодолен за счет политики, обеспечивающей мигрантов необходимым жильем и услугами. Препятствует такому благоприятному исходу ряд комплексных проблем, поскольку миграция может вести к обострению безработицы и неполной занятости, и в свою очередь – социального неравенства. Крупным городам, испытывающим трудности с территориальным планированием, приходится также решать проблему перенаселенности более доступных для мигрантов, но менее благоприятных в социально-экономическом плане и хуже обеспеченных инфраструктурой районов.

Анализ проблемного поля

Анализ проблемного поля приводит многих исследователей к выводу о том, что политика развития, нацеленная на решение указанных задач, в том числе политика регенерации городских пространств, должна опираться прежде всего на потенциал социальных инноваций: такие инновации могут способствовать инклузивному развитию, поскольку фокусируются не на «прогрессе в целом», а именно на его социальной составляющей (Figueiredo et al., 2022). Если городские сообщества способны артикулировать новые подходы к осмыслению стоящих перед городом задач и взаимодействия субъектов развития для их решения, а государство – стимулировать практики соучастия и учиться на полученном материале, возможно достичь синergии различных типов совместного производства городской среды (Ardil and Oliveira, 2018).

На практике такой подход реализуется далеко не всегда: оспаривание пространства и эксклюзия городских сообществ из процесса принятия решений нередко становятся причинами городских конфликтов. В ряде случаев отдельные чиновники могут даже выступать на стороне протестующих активистов: как показывают Е. Тыканова, И. Шевцова, А. Желнина на примере российских городов, причиной тому могут служить такие факторы, как общественный резонанс, изменения в экономической и политической конъюнктуре, угроза со стороны федеральных чиновников и ряд других (Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024: 110). Впрочем, в отсутствие культуры и практики реального диалога горожан и властей решение в пользу активистов отдельных спорных вопросов возможно, но не происходит трансформации самого характера городской политики развития – движения от эксклюзии к инклузии, от разобщенных к совместным действиям.

Не происходит его и при воспроизведстве имитационных практик общественного участия. Это наглядно демонстрирует, например, исследование П. Ермолаевой, О. Башева и В. Коруновой, построенное на интервью с городскими стейххолдерами о содержании экологической политики в российских мегаполисах. Авторы показывают, что, «несмотря на усиление экологического компонента в стратегических целях развития российских городов, на практике проводимая политика обеспечивает лишь поверхностное улучшение экологической обстановки», что связано с ее имитационным характером, и описывают «симулякры вовлечения населения в экологическую политику городскими элитами (в реальности – «элиты воспроизводят практики, которые не предусматривают публичного диалога с населением»)» (Ермолаева, Башева, Корунова, 2021: 309). Для изучения путей продвижения к более инклузивной городской политике перспективным видится сетевой подход, на актуальность которого указывают А. Глухова, А. Кольба и А. Соколов: в крупных городах активно развиваются сетевые структуры принятия решений, что требует изучения сетевых составляющих политико-

конфликтных взаимодействий городских сообществ с другими субъектами городского пространства (Глухова, Кольба, Соколов, 2021: 187). Можно заключить, что преодоление коммуникационного разрыва между властью и обществом и поиск путей адаптации политики развития к более инклюзивным, в том числе сетевым моделям составляет отдельный и весьма значимый социально-политический вызов для развития городов.

Итак, набор факторов, определяющих влияние процессов урбанизации на социальный климат, специфичен не только в социально-экономическом, но и в других отношениях (культурном, географическом и др.), а результативность политики развития во многом зависит от качества институтов, их способности к мониторингу ситуации и адаптации стратегий и инструментов, характера коммуникации субъектов городского развития. В целом продвижение в решении трудных вопросов социально-политического развития требует, во-первых, комплексного понимания ситуации, а во-вторых, сотрудничества в выработке решений различных акторов: администрации города, структур гражданского общества, бизнеса, научного и экспертного сообщества.

В этом отношении примечательны процессы урбанизации в Африке, в которых одинаково ярко проявлены как социально-политические вызовы, так и призванные ответить на эти вызовы модели и практики городского управления. За 1990–2020 гг. число городов в Африке более чем удвоилось – с 3300 до 7600, а городское население выросло на 500 млн, что обеспечило около 30 % ежегодного прироста ВВП на душу населения. Ожидается, что к 2050 г. городское население континента вырастет еще на 950 млн человек (Africa's Urbanisation Dynamics, 2022). Исследователи указывают, что паттерны и драйверы этого процесса на континенте сильно разнятся от города к городу (Farrell, 2017). Высокие темпы урбанизации во многом отражают быстрый рост количества неформальных поселений (по сути, трущоб), жители которых зачастую не имеют доступа к базовым услугам и подвержены климатическим рискам (засуха, опустынивание, тепловые волны, паводки и наводнения). Эти и другие факторы, такие как существенное изменение состава населения ввиду миграции из сельских областей, а также крайне острый для континента вопрос безопасности, составляют главные вызовы социально-экономического и социально-политического развития городов Африки.

Исследователь Немецкого института политики развития Текалень Саккета, изучая влияние урбанизации на социальную сплоченность в Африке южнее Сахары, приходит к выводу о в целом отрицательном характере такого влияния. Понимая социальную сплоченность как «совокупность вертикальных и горизонтальных связей между членами общества», главными составляющими которых выступают доверие, идентичность и сотрудничество для общего блага, автор заключает, что чем более интенсивной оказалась урбанизация, тем более резким оказалось падение уровня инклюзивной идентичности (Sakketa, 2023: 17). Для компенсации такого падения автор полагает необходимым проведение политики развития, направленной на создание новых возможностей для трудоустройства, развертывание инклюзивной инфраструктуры (транспорт и ЖКХ), повышение экологической устойчивости (*ibid.*: 26).

Развитие городов континента за последние годы является множество примеров попыток адаптации политики развития для выработки ответов на такие вызовы. Некоторые из таких кейсов были особо отмечены на международном уровне как лучшие практики, заслуживающие масштабирования. Так, в 2024 г. Ивонн Аки-Сойерр, мэр г. Фритауна, столицы Сьерра-Леоне, была награждена премией German Africa Prize за реализацию видения устойчивого и справедливого города; ее деятельность была отмечена и многими другими структурами (журнал Time включил ее в список Time100 Next, а BBC – в список BBC 100 Women и др.). Для настоящей работы кейс Фритауна примечателен, так как он: а) является ярким примером обозначенных выше тенденций, характерных для континента, в том числе быстрой урбанизации – в городе сосредоточено 35 % городского населения страны; за последние 50 лет число жителей города выросло в 10 раз – ежегодный прирост с 1985 г. составил более 3 % в год¹; б) основополагающим нарративом политики развития новой администрации города выступила инклюзивность; в) процесс трансформации города протекал при участии широкого круга внутренних и внешних акторов и с применением диверсифицированных инструментов. В связи с этим в данной статье анализируется кейс Фритауна и его значение для практик городского развития в странах БРИКС.

¹World Bank project information document. Resilient Urban Sierra Leone [online]. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/674741562684664994/pdf/Concept-Project-Information-Document-PID-Resilient-Urban-Sierra-Leone-Project-P168608.pdf> (Accessed: 01 October 2024).

Мультистейкхолдерная модель развития

Для изучения различных аспектов городского развития часто применяется модель анализа стейкхолдеров – групп или индивидов, чьи интересы и действия в значительной степени влияют на реализацию того или иного проекта, а он, в свою очередь, влияет на них (Freeman, 2004). В контексте городского управления стейкхолдерами также выступают акторы, имеющие возможность внести вклад в реализацию политики развития (от интеллектуального до финансового) и получить ту или иную выгоду (прямую или косвенную) от ее реализации (Muñoz-Gielen, 2014). На наш взгляд, данный подход оптимален для исследования кейса г. Фритауна – столицы африканского государства Сьерра-Леоне в 2018–2024 гг., так как в этот период новая администрация сделала ставку именно на работу с различными стейкхолдерами – от локальных до международных.

При вступлении в должность мэра в мае 2018 г. И. Аки-Сойерр инициировала разработку новой стратегии развития столицы Сьерра-Леоне Transform Freetown. Город сталкивался с огромным количеством вызовов: бурный рост населения, сопровождавшийся скачком цен на недвижимость, привел к распространению перенаселенных трущоб как в центре города, так и на его периферии, и неравномерному пространственному росту – новые неформальные поселения «вытягивали» город по направлению к центру полуострова. Миграция сельских жителей в эту местность связана как со стремлением улучшить свое благосостояние, так и с вынужденным переселением из территорий, где ухудшение экологии сделало малоприбыльными традиционные промыслы (прежде всего, снижение улова из-за обеднения воды кислородом и ее загрязнения). Сооружение новых поселений в ранее лесистой местности сопровождалось вырубкой деревьев: урбанизация стала главной причиной того, что город оказался на грани экологической катастрофы.

Территории, застроенные трущобами, стали еще более уязвимы для паводков и наводнений и не вызывали интереса частных инвесторов, а слабая инфраструктура не позволяла обеспечить население надлежащими городскими сервисами, прежде всего чистой водой и санитарией, а также решить проблему затопления (дренажные каналы были забиты мусором, по всему городу остро стояла проблема уборки твердых отходов). В результате особо сильного наводнения с паводками 2017 г. более тысячи жителей были признаны погибшими или пропавшими без вести. Средств городского бюджета хватало только на поддержание уже имеющихся мощностей: по оценке Всемирного банка, на начало 2018 г. только 10 % бюджета направлялось на развитие капитальной инфраструктуры (Mukim, 2018: 15). Привлечение частных инвестиций для решения социально-экономических проблем было практически невозможно и из-за слабого политического управления, коррупции и уязвимости права на землю, которое часто не фиксировалось официально. В отсутствие четкой политики и инструментов земельного администрирования большая часть сделок совершилась на теневом рынке, а их результат мог быть легко оспорен. Все это существенно ограничивало возможности для расширения налоговых поступлений в бюджет города, практически полностью зависимый от трансфертов от национальных ведомств.

До официального запуска в январе 2019 г. новая стратегия городского развития, которая была призвана решить эти и многие другие задачи, прошла несколько этапов подготовки: формулировка 11 приоритетных секторов развития, объединенных в четыре кластера (устойчивость, развитие человеческого потенциала, «здоровый город» и городская мобильность); консультации в рамках 310 встреч с горожанами (включая представителей одной из наиболее влиятельных общественных организаций страны – Федерации малоимущих жителей городов и сел²) и онлайн-опросы; формирование рабочих групп из представителей государства, общества и бизнеса для определения целей и содержания проектов, призванных сделать город лучше. Ввиду обширности направлений, которые охватывает план, мы остановимся прежде всего на вопросах, связанных с проблематикой климатических угроз. На практике именно она заняла центральное место в трансформации города и коммуникационной стратегии новой администрации как с местными, так и с международными акторами. Это подтверждает контент-анализ англоязычных публикаций в СМИ за 2018–2024 гг., посвященных Фритауну: «климат» занимает 1-е место по частотности упоминаний; за ним следуют «изменение», «устойчивость» и «действия».

Обращаясь к роли различных акторов в трансформации города, особо следует сказать о фигуре мэра. Новый мэр, сама уроженец Фритауна, сыграла одну из ключевых ролей в выработке модели адаптации города по крайней мере к части наиболее значимых вызовов. Можно полагать, что организационный дизайн этой модели во многом связан с ее личным опытом, социальным капиталом и подходом к решению задач. И. Аки-Сойерр получила образование в колледже Фура-Бей и Лондонской школе экономики и политических наук; прежде чем вернуться на родину и заняться государственной деятельностью, она более 25 лет работала в частном секторе в Великобритании, где специализирова-

² Federation of Urban and Rural poor (FEDUP) [online]. Available at: <https://codohsapa.org> (Accessed: 01 October 2024).

лась на стратегическом планировании, риск-менеджменте и управлении проектами. Переходя на государственную службу, Аки-Сойерр приняла активное участие в борьбе с эпидемией Эболы в 2014–2015 гг., а затем в реализации программы по социально-экономическому восстановлению Сьерра-Леоне от последствий эпидемии. Этот управленческий и антикризисный опыт, сеть контактов, в том числе среди британской и международной элиты, навыки выстраивания партнерств с участниками из различных сфер определили методологию взаимодействия новой администрации Фритауна с населением города и другими акторами.

Мэр стала одной из наиболее ярких фигур в команде нового президента Сьерра-Леоне Джалиуса Маада Био, победившего на выборах в апреле 2018 г., который поддержал предложенный ей план развития столицы, выделив городскому совету Фритауна дополнительные 18,3 млрд леоне. Контент-анализ публикаций в СМИ позволяет заключить, что Transform Freetown получил финансовую и организационную поддержку нового президента, как потенциально флагманский мегапроект его президентства: Дж. М. Био указал на созвучие проекта его плану национального развития New Direction и подчеркнул, что выделенные средства должны служить борьбе с социальной эксклюзий и несправедливостью: «В прошлом мы видели, как муниципальные активы незаконно присваивались... Необходимо вложить доходы от городских активов в развитие города, особенно в новую инфраструктуру»³.

Обзор реализованных мэром проектов позволяет заключить наличие у них ряда общих черт, главная из которых – создание стимулов для различных групп жителей к более активным самостоятельным действиям для производства общественных благ и содействие их занятости. Так, в рамках одного из наиболее известных проектов «Тысяча деревьев» за 2019–2024 гг. в городе было высажено более 900 тыс. деревьев и создано более 1500 рабочих мест в этой сфере, а также более 1200 рабочих мест в области сбора мусора, проведено более 2 км водоотводных путей и реализован ряд сопутствующих мер, призванных замедлить обезлесение, повысить устойчивость почв к наводнениям и оползням и защитить людей от жары. На следующем этапе проекта ожидается создание еще 150 тыс. рабочих мест в этой сфере⁴. Ключевую роль в реализации проекта сыграли средства, полученные от таких международных организаций и сетевых объединений, как Всемирный банк и «Африканская инициатива по восстановлению лесных ландшафтов» (AFR100).

Взаимодействие с международными организациями и сетевыми объединениями сыграло важную роль в развитии города. Одним из ключевых направлений политики Аки-Сойерр на посту мэра стала разработка и продвижение международного бренда города как борца за экологию и устойчивость. Официальный портал города на английском языке был существенно переработан и насыщен контентом о содержании и ходе реализации стратегии развития. Используя международные организации и СМИ как коммуникационные платформы, мэр рассказывала о политике Фритауна в этой сфере, выступала активным участником профильных дискуссий и выстраивала сеть партнеров, способных предложить городу поддержку. Существенную роль сыграло участие в мероприятиях, организованных Bloomberg Philanthropies (учреждена экс-мэром Нью-Йорка Майклом Блумбергом), в том числе в программе для городских лидеров Bloomberg Harvard.

В 2021 году Фритаун победил в международной премии для городов мира международной сети городов Bloomberg Cities Network «за создание денежных стимулов для местных сообществ, чтобы они сажали, выращивали и ухаживали за деревьями... для создания рынка торговли лесоматериалами, который сможет финансировать усилия по борьбе с обезлесением и поддержит жителей»⁵. Эта модель «общественного попечительства» (community stewardship) для обеспечения импакт-инвестиций была признана значимой инновацией в городском развитии, а город получил грант в \$1 млн и помочь группы специалистов для ее дальнейшей реализации. Кроме того, при участии Аки-Сойерр была разработана и в мае 2024 г. запущена (при поддержке международной организации «Объединенные города и местные власти») новая инициатива организации – Фонд Блумберга по поддержке инициатив молодежи в области борьбы с изменением климата (Bloomberg Youth Climate Action Fund), которая поддержала проекты девяти молодых жителей города⁶.

³ Journey to transform Freetown has begun – says Mayor Yvonne Aki-Sawyerr (2019) [online], *The Sierra Leone Telegraph*, 25 December. Available at: <https://www.thesierraleonetelegraph.com/journey-to-transform-freetown-has-begun-says-mayor-yvonne-aki-sawyerr/> (Accessed 01 October 2024).

⁴ Transform Freetown Process [online]. Available at: <https://fcc.gov.sl/transform-freetown/transform-freetown-process/> (Accessed: 01 October 2024).

⁵ Winner of the 2021 Global Mayors Challenge, the city of Freetown [online]. Available at: <https://bloombergcities.jhu.edu/mayors-challenge/2022/freetown-sierra-leone#:~:text=Winner%20of%20the%202021%20Global,reforestation%20and%20supports%20local%20livelihoods> (Accessed: 01 October 2024).

⁶ Freetown City Council announces winners of the Bloomberg Youth Climate Action Fund [online]. Available at: <https://fcc.gov.sl/freetown-city-council-announces-winners-of-the-bloomberg-youth-climate-action-fund/> (Accessed: 01 October 2024).

С момента вступления в должность мэра Аки-Сойерр принимает участие в работе Совета по будущему городов Всемирного экономического форума (WEF Global Future Council on the Future of Cities) и ряда других международных организаций. В ноябре 2019 г. ей удалось добиться включения Фритауна в группу городов-лидеров C40 – глобальную сеть городов по борьбе с изменением климата, а в апреле 2021 г. она была избрана вице-председателем руководящего комитета организации. Участие в работе C40 стало основой для двух значимых трансформаций в стратегическом целеполагании развития Фритауна и в организационной структуре его администрации – разработки первой климатической стратегии города⁷ (принята в январе 2023 г.), а также формирования двух новых организационных единиц в управленческой структуре города – Управления по вопросам климатических действий и Управления рисками бедствий (в рамках Департамента окружающей среды) и одноименного комитета в городском совете. Важную роль в подготовке этих преобразований сыграло взаимодействие с UrbanShift – организацией, финансирующей проекты по повышению устойчивости городов (альянс Программы ООН по окружающей среде, Всемирного банка, ПРООН и Азиатского банка развития).

В рамках проекта «Устойчивые города Сьерра-Леоне» Фритауну было выделено \$56,7 млн. В контексте трансформации практик управления примечательно, что аналитики UrbanShift указывают: после одного из их воркшопов «городской совет Фритауна укрепил отношения с Министерством финансов, что облегчило выработку совместного подхода к финансированию масштабных инфраструктурных проектов для содействия устойчивости города»⁸. Можно заключить, что международными организациями было поставлено условие о получении городом гранта от Всемирного банка, главного донора UrbanShift, при условии софинансирования национальными ведомствами, а также трансформации ряда программных документов на национальном уровне – в частности, внесения Министерством окружающей среды изменений в национальный план Сьерра-Леоне по реагированию на изменение климата⁹.

Наряду с плотной работой по данной повестке с международными организациями, в число приоритетов администрации города вошел мониторинг транснациональных инициатив в климатической сфере. В декабре 2024 г. Фритаун стал второй из африканских столиц, присоединившихся к международной сети Договора о нераспространении ископаемого топлива (Fossil Fuel Non-Proliferation Treaty). Аки-Сойерр выступила амбассадором данной инициативы как сопредседатель C40 и использовала данный инфоповод для продвижения международного бренда города как лидера в области климатической повестки, а также нарратива о безальтернативности отказа от ископаемого топлива: «Фритаун готов вдохновлять и сотрудничать с городами на Африканском континенте и за его пределами для обеспечения справедливого перехода от смертельно вредного ископаемого топлива к процветающему будущему возобновляемых энергий»¹⁰.

Проблематика городской политики и системы взаимоотношений национального правительства с муниципалитетами в Сьерра-Леоне неоднократно поднималась представителями как международных организаций, так и исследовательских центров. Так, уже в первом варианте проекта по реализации серии преобразований в городах страны, представленного специалистами Всемирного банка в июле 2019 г., указывалось, что, несмотря на принятие закона о местном самоуправлении в 2004 г., который должен был значительно расширить полномочия муниципалитетов, «национальные министерства и агентства продолжают играть доминирующую роль в локальном планировании, администрировании, обеспечении инфраструктурой и сервисами, несмотря на очевидный недостаток скоординированности и слабую проработанность взаимодействия между собой»¹¹. Этот аспект объясняется тем, что муниципалитеты не смогли обеспечить достаточную собственную налоговую базу для реализации своей политики и практически полностью зависят от трансферов из национального бюджета.

Опубликованный уже в июне 2024 г. доклад Исследовательского консорциума по городам Африки (African Cities Research Consortium) во главе с Институтом глобального развития Манчестер-

⁷ Freetown's First Climate Action Plan. 19.01.2023 [online]. Available at: <https://fcc.gov.sl/wp-content/uploads/2023/01/FEXEC.SUMMARY-VDIGIT.pdf> (Accessed: 01 October 2024).

⁸ Transforming cities for people and planet. UrbanShift annual report 2023–2024. P. 77. [online]. Available at: <https://www.shift-cities.org/publication/urbanshift-annual-report-2023-2024> (Accessed: 01 October 2024).

⁹ Updated Nationally Determined Contribution. July 2022. [online]. Available at: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/210804%202125%20SL%20NDC%20%281%29.pdf> (Accessed: 01 October 2024).

¹⁰ Freetown joins 120 cities in calling for a Fossil Fuel Treaty [online]. Available at: <https://fossilfueltreaty.org/freetown> (Accessed: 01 October 2024).

¹¹ Concept Project Information Document. Resilient Urban Sierra Leone Project - P168608. World Bank. 09.07.2019. P. 5. [online]. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/674741562684664994/pdf/Concept-Project-Information-Document-PID-Resilient-Urban-Sierra-Leone-Project-P168608.pdf>. (accessed 01 October 2024).

ского университета, посвященный Фритауну, обозначает указанную проблему как один из главных барьеров на пути развития города и заостряет ее в контексте противостояния политических групп: «Один из главных вызовов для полномочий Муниципального совета Фритауна – это стремление каждого нового национального правительства вновь установить контроль над управлением городом, несмотря на закон 2004 г., закрепивший децентрализацию. Дисбаланс в распределении полномочий между центральным и городским правительствами, который реформы децентрализации должны были устраниТЬ, но на деле усугубили, представляет собой одно из главных препятствий на пути к проведению городских реформ во Фритауне. Механизмы для сотрудничества Муниципального совета и центрального правительства существуют, однако их реализация осложняется тем, что каждая из сторон требует особых уступок за те или иные шаги ввиду принадлежности национальных и локальных политических элит к конкурирующим альянсам» (Macarthy et al., 2024: 5).

Для привлечения дополнительных средств в экономику города со стороны международных акторов мэром Аки-Сойер в Нью-Йорке была создана НКО Transform Freetown Inc. Среди учредителей организации – сьерра-леонец Джеймс О. С. Джона, экс-заместитель Генерального секретаря ООН, впоследствии занимавший посты постоянного представителя Сьерра-Леоне при ООН и министра финансов, развития и экономического планирования страны. Мэром была предпринята попытка привлечь дополнительные средства и за счет механизма городов-побратимов; в частности, в июне 2019 г. Аки-Сойер организовала встречу мэра британского г. Халл Стивена Уилсона с президентом Дж. М. Био, приуроченную к 40-летию побратимства городов. Планировалось, что встреча заложит фундамент для проработки более значимых для города совместных проектов, чем преобладавшее до того момента взаимодействие по линии British Council в сфере культуры, например в сфере морской ветроэнергетики, где г. Халл реализуется один из ведущих в Великобритании проект Green Port Hull. Впрочем, свидетельства о результатах такой кооперации не фиксируются.

В русле реализации плана трансформации города местным научно-исследовательским организациям было предложено выступить с собственными проектами, которые были бы комплементарны одному из четырех приоритетов развития. Финансируемый большей частью британскими структурами Центр городских исследований Сьерра-Леоне (SLURC) принял активное участие как в разработке проектов Transform Freetown, предоставив аналитику по ключевым проблемам города и потребностям его жителей, так и в вовлечении местных сообществ в процесс принятия решений и реализации проектов. Центр организует встречи, опросы и другие мероприятия для сбора мнений и учета потребностей жителей Фритауна, для чего была создана коммуникационная площадка Freetown City Learning Platform как «динамичное пространство, открытое для разных акторов города», среди которых – сообщество жителей трущоб PSPP (Pull Slum Pan Pipul)¹². В обсуждениях принимают участие представители Муниципального совета города и национальных ведомств. В ряде неформальных поселений также были запущены аналогичные локальные платформы соучаствующего проектирования – Community Learning Platforms. Проект реализован при участии специалистов Университетского колледжа Лондона и ASF-UK – британской НКО, специализирующейся на работе с городскими сообществами (Koroma, Macarthy, 2022: 4). Центр городских исследований Сьерра-Леоне сыграл значительную роль в трансформации модели развития Фритауна: с приходом Аки-Сойер на должность мэра его разработки были во многом положены в основу реальных практик развития города, а сама мэр указывала, что «Через системное взаимодействие со стейххолдерами Центр городских исследований агрегировал богатое локальное знание, которое ранее часто игнорировалось, не документировалось, в основном не подвергалось количественной оценке, и не ложилось в основу политики и практики» (Mberu, 2024: 312).

Таким образом, в программе трансформации города по защите от климатических угроз принял участие широкий круг акторов, от локальных до международных (таблица). Сформировалась многоуровневая структура, которая обеспечила экспертную, финансовую и организационную поддержку программе; при этом можно констатировать, что максимальный уровень вовлеченности продемонстрировали, с одной стороны, местные жители, их объединения и ряд местных организаций, а с другой – международные организации, зарубежные агентства развития, НКО и сетевые структуры. Национальные ведомства в ряде случаев оказали поддержку программе (в том числе существенную), однако борьба за политическое влияние, финансирование и полномочия значительно ограничивала субъектность города.

¹² Freetown City Learning Platform [online]. Available at: https://www.slurc.org/uploads/1/0/9/7/109761391/freetown_cilp_flyer.pdf (accessed 01 October 2024).

Главные акторы процесса адаптации г. Фритаун к климатическим рискам

№ п/п	Актор	Вклад в адаптацию политики развития к вызовам
1	Муниципальный совет Фритауна	Формирование рабочих групп из трех категорий стейхолдеров (общество; бизнес; государственные организации), проведение слушаний и разработка программ
2	Мэр Фритауна	Руководство Transform Freetown, стратегическое планирование, проведение переговоров, формирование международной сети партнерств
3	Местные жители и их сообщества	Участие в обсуждении и реализации инициатив Муниципального совета; <i>Федерация малоимущих жителей городов и сел</i> предоставила 500 специалистов для организации общественных слушаний
4	Национальные ведомства Сьерра-Леоне	<i>Национальное управление охраняемых территорий</i> разработало и ввело в эксплуатацию систему защиты вновь посаженных деревьев от незаконной вырубки; <i>Министерство окружающей среды</i> способствовало принятию законодательных актов, упрощающих реализацию Transform Freetown
5	Образовательные, исследовательские учреждения	Внедрение программ по обучению принципам устойчивого развития и экологической грамотности, проведение прикладных исследований для реализации программы трансформации города. <i>Центр городских исследований Сьерра-Леоне</i> осуществляет мониторинг и оценку реализации проектов Transform Freetown, разработал и внедрил совместно с администрацией города платформу для обсуждения его результатов и соучаствующего проектирования
6	Администрации городов и правительства стран мира	<i>Мэрия Лондона</i> поддержала климатические инициативы города; <i>мэрия Рио-де-Жанейро</i> предоставила экспертизу в вопросах адаптации к угрозе наводнений; <i>правительство Чили</i> оказало поддержку в развитии возобновляемых источников энергии
7	Глобальные сети городов	<i>C40 Cities, Urban 20 (U20)</i> поддержали Transform Freetown, оказали экспертную и финансовую поддержку инициатив в области устойчивого развития и адаптации к изменению климата, а также содействие в их продвижении в информационном пространстве
8	Международные организации и объединения	<i>Африканский союз, UrbanShift, AFR100, Bloomberg Philanthropies</i> предоставили финансирование для проектов по борьбе с изменением климата; <i>Всемирный банк</i> в 2021 г. выделил грант в \$50 млн на повышение качества городского управления, сервисов, и устойчивости к стихийным бедствиям; <i>Международное энергетическое агентство</i> включило Фритаун в пул городов-партнеров по развитию возобновляемых источников энергии и энергосбережения; <i>Международная группа экспертов по изменению климата</i> включила город в число наиболее уязвимых перед изменением климата и предоставила помочь экспертов

Источник: составлено автором.

Заключение

Анализ процессов адаптации политики развития городов мира к социально-политическим вызовам важен для понимания траекторий трансформации городов мира, конstellации интересов и действий вовлеченных субъектов, а также в целом урбанизации как комплексного явления. Проведение такого анализа для конкретных городов может служить базисом для подготовки содержательных предложений о сотрудничестве с их администрациями, общественными организациями, частным и третьим секторами.

В мировой практике нередка ситуация, когда понимание администрацией города политического процесса таково, что предложения по адаптации политики развития, даже весьма радикальные, представленные акторами «сверху» или «из середины» управленческого поля (Chua, 2023), рассматриваются как легитимные, что лишь продлевает далее «колею» политики развития – при этом предложения «снизу», потенциально способные из этой колеи вывести, отмечаются, а их артикуляция подавляется,

в том числе силой (Teebken, 2024). Реальная адаптация политики развития к социально-политическим и другим вызовам при этом зачастую невозможна. В случае Фритауна можно говорить о том, что, с одной стороны, новой администрации города удалось добиться отдельных успехов в гармонизации интересов, доработке существующих и генерации новых форматов коллективных действий с участием местных сообществ (в том числе из неформальных поселений), общественных объединений и НКО, исследовательских организаций, международных акторов, прежде всего через обсуждение сквозных проблематик (экология, изменение климата, борьба со стихийными бедствиями) и формирование многосторонних партнерств для их решения. Важную роль в этом процессе сыграли мэр города, его жители, национальные и локальные общественные организации, международные структуры.

С другой стороны, в одном из наиболее проблемных аспектов – отношениях с национальным правительством и распределении полномочий – преодолеть path dependency и нарастить политический вес города удалось лишь частично, что существенно ограничивает его возможности как самостоятельного субъекта политики развития. Как указывают эксперты, Министерство финансов часто не выплачивает городу положенные транши в полной мере, что продолжает подрывать его автономию и усугубляет неравенство (Macarthy et al., 2024: 20). Впрочем, созданное в 2019 г. Министерство окружающей среды, напротив, оказалось всестороннюю поддержку программам города по адаптации к климатическим угрозам.

В то же время воздействование модели многосторонних партнерств несет с собой и ряд рисков. Изучая опыт городов Африки, ряд исследователей обращают внимание на то, что в попытке привлечь для борьбы с различными вызовами финансирование транснациональных акторов город может оказаться во власти навязанных ими «фреймов» развития. Так, в случае Фритауна значительное влияние на местную политику имеют британские структуры и ряд международных организаций. Стремясь адаптировать свои стратегии, чтобы соответствовать этим фреймам (а значит, и критериям финансирования), локальные акторы переформатируют изначальный дизайн проектов развития (отражающий приоритеты населения): в результате эти проекты могут отчасти утратить изначальный смысл и перестать соответствовать интересам местных жителей – зачастую из наиболее уязвимых групп (Rochell, Bulkeley, Runhaar, 2024: 11). Администрация города должна отслеживать этот аспект на протяжении всего политico-управленческого цикла, чтобы избежать обострения социальной эксклюзии и достичь поставленных целей.

Изучая проблематику развития городов Африки, Кэтрин Хайман и Эдгар Питерс из Кейптаунского университета в свое время зафиксировали фундаментальный сдвиг, который произошел в национальной городской политике стран континента за 2008–2018 гг. Если ранее многие правительства в лучшем случае игнорировали пространственный подход к развитию, а зачастую проводили и откровенно «антигородскую» политику (препятствуя миграции, обходя стороной вопрос развития трущоб, в которых проживала большая часть городских жителей, и проводя репрессивную политику в отношении неформального предпринимательства и сферы услуг, самовольных построек – «другими словами, в отношении большей части города – населения, экономических активностей, производства культуры и институциональной ткани»), то за десятилетие произошел переход к «устойчивой урбанизации, содействию демократической децентрализации управления и к плотной работе с различными финансовыми институтами для решения проблемы огромного дефицита инфраструктуры» (Pieterse, Hyman, 2018: 429). Исследователи сформулировали четыре наиболее вероятных, по их мнению, сценария развития городов континента, выделив в качестве наиболее перспективного сценарий «адаптирующегося города» (adaptive city) – формирования «новой парадигмы [развития] через эксперимент, обучение, постоянную адаптацию и вовлечение горожан..., опираясь на ИКТ-платформы как механизм для артикуляции локальных и региональных систем» (*ibid.*: 444). Можно полагать, что рассмотренный нами кейс вполне укладывается в логику этой модели.

Характер вызовов урбанизации, с которыми столкнулся Фритаун, схож для многих городов развивающихся стран (хотя их конкретное наполнение разнится). Проведенное исследование показало востребованность городами, перед которыми стоят комплексные задачи, внешнего содействия развитию в различных формах, таких как финансирование, технологические решения, участие экспертов-практиков и исследователей, предоставление коммуникационных площадок для привлечения партнеров и др.

Для дальнейшего наполнения реальным содержанием международных форматов взаимодействия России с другими странами БРИКС, а также со странами Глобального Юга, важно постепенное, но системное развитие сотрудничества на уровне городов. Институционально такие инициативы могут быть погружены, например, в работу Ассоциации городов и муниципалитетов стран БРИКС+, учрежденной в 2024 г. С учетом того, что сами муниципалитеты, как правило, крайне ограничены в финан-

сировании, такие форматы потребуют поддержки на национальном уровне, однако в целом применяемые в их рамках инструменты и не обязаны быть масштабными. Таковыми могут выступить, к примеру, участие в реализации значимых для местного населения программ наподобие «Тысячи деревьев» во Фритауне; организация международной премии, которая поддержит лучшие проекты по развитию города, а также программы для повышения квалификации; предоставление экспертов для внедрения эффективных технологических решений, разработанных российскими специалистами.

Список литературы / References

- Глухова, А. В., Кольба, А. И., Соколов, А. В. (2021) ‘Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты’, *Политическая наука*, 4, сс. 185–209. [Glukhova, A.V., Kol'ba, A.I., and Sokolov, A.V. (2021) Political Conflict Interactions of Urban Communities: Network Aspects [Politiko-konfliktnye vzaimodeistviya gorodskikh soobshchestv: setevye aspekty], *Political Science (RU)*, 4, pp. 185–209. (In Russ.) DOI: 10.31249/poln/2021.04.08 EDN: KIQARC
- Ермолаева, П. О., Башева, О. А., Корунова, В. О. (2021) ‘Экологическая политика и гражданское участие в российских мегаполисах: достижения и вызовы с позиции городских стейкхолдеров’, *Журнал исследований социальной политики*, 19 (2), сс. 301–314. [Ermolaeva, P. O., Basheva, O. A., and Korunova, V. O. (2021) ‘Environmental Policy and Civic Participation in Russian Megacities: Achievements and Challenges From the Perspective of Urban Stakeholders’ [Ekologicheskaya politika i grazhdanskoe uchastie v rossiiskikh megapolisakh: dos-tizheniya i vyzovy s pozitsii gorodskikh steikkholderov], *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, 19 (2), pp. 301–314. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314 EDN: AUDDUE
- Тыканова, Е. В., Шевцова, И. К., Желнина, А. А. (2024) ‘Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах’, *Социологическое обозрение*, 23 (2), сс. 90–119. [Tykanova, E. V., Shevtsova, I. K., Zhelnina, A. A. (2024) ‘Alliances between Authorities and Activists in Urban Local Conflicts’ [Al'yansy chinovnikov i aktivistov v gorodskikh lokal'nykh konfliktakh], *Russian Sociological Review*, 23 (2), pp. 90–119. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-90-119.
- Africa's Urbanisation Dynamics 2022: The Economic Power of Africa's Cities* (2022) Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/3834ed5b-en
- Ardill, N., and Lemes de Oliveira, F. (2018) ‘Social innovation in urban spaces’, *International Journal of Urban Sustainable Development*, 10 (3), pp. 207–221. DOI: 10.1080/19463138.2018.1526177
- Broto, V. C. et al. (2022) ‘Co-production outcomes for urban equality: learning from different trajectories of citizens' involvement in urban change’, *Current Research in Environmental Sustainability*, 4, pp. 100–179. DOI: 0.1016/j.crsust.2022.100179
- Chua, C. (2023) ‘Disruption from above, the middle and below: three terrains of governance’, *Review of International Studies*, 49 (1), pp. 37–52. DOI: 10.1017/S0260210522000432
- Farrell, K. (2017) ‘The rapid urban growth triad: a new conceptual framework for examining the urban transition in developing countries’, *Sustainability*, 9 (8), p. 1407. DOI: 10.3390/su9081407.
- Figueiredo, Y., Aparecida Prim, M., and Aparecida Dandolini, G. (2022) ‘Urban regeneration in the light of social innovation: a systematic integrative literature review’, *Land Use Policy*, 113, pp. 105–873. DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105873 EDN: WGVROI
- Freeman, R. E. (2004) ‘The Stakeholder Approach Revisited’, *Zeitschrift für wirtschafts- und unternehmensethik*, 5 (3), pp. 228–254. DOI: 10.5771/1439-880x-2004-3-228.
- Koroma, B., and Macarthy, J. M. (2022) *Participatory Planning: The role of Community and City Learning Platforms in Freetown. GOLD VI Pathways to Equality Cases Repository: Democratizing. United Cities and Local Governments*.
- Krase, J., and DeSena, J. N. (Eds.) (2020) *Gentrification around the World*, In 2 vol. Cham: Pallgrave Mcmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-41341-5
- Macarthy, J. M., de Bruijne, K., Conteh, F. M., Hitchen, J., Koroma, B., and Reffell, F. (2024) *Freetown: City report. ACRC Working Paper 2024-16*. Manchester: African Cities Research Consortium, The University of Manchester. DOI: 10.2139/ssrn.4916071

- Mberu, B. U. (2024). ‘Urban transformations and SLURC: learning, understanding and impact’ In: Macarthy, J. M., Koroma, B., Rigion, A., Frediani, A. A., and Klingel, A. (eds), *Urban Transformations in Sierra Leone: Knowledge co-production and partnerships for a just city*. London: UCL Press. DOI: 10.14324/111.9781800086852
- Mukim, M. (2018) *Freetown urban sector review: options for growth and resilience*. Washington, D.C.: World Bank Group.
- Muñoz-Gielen, D. (2014) ‘Urban governance, property rights, land readjustment and public value capturing’, *European Urban and Regional Studies*, 21 (1), pp. 60–78. DOI: 10.1177/0969776412440543
- Noll, S., and Tuhina, B. (2023) ‘The Five Pillars of Urban Environmental Justice: A Framework for Building Equitable Cities’, *Philosophy of the City Journal*, 1 (1), 84–99. DOI: 10.21827/potcj.1.1.41048. EDN: YHUTOU
- Pieterse, E., and Hyman, K. (2018) ‘Infrastructure deficits and potential in African Cities’, In: Burdett, R. and Hall, S. (eds.), *The SAGE Handbook of Urban Sociology: New approaches to the twenty-first century city*. London: Sage Publishers.
- Rochell, K., Bulkeley, H., and Runhaar, H. (2024) ‘Nature for resilience reconfigured: global-to-local translation of frames in Africa’, *Buildings and Cities*, 5 (1), pp. 1–15. DOI: 10.5334/bc.379
- Sakketa, T.G. (2023) *Urbanisation and social cohesion: theory and empirical evidence from Africa*. Bonn: German Institute of Development and Sustainability. DOI: 10.23661/idp16.2023
- Teebken, J. (2024) ‘Disrupt and unlock? The role of actors in urban adaptation pathbreaking’, *Buildings and Cities*, 5 (1), pp. 162–181. DOI: 10.5334/bc.383

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

ADAPTING URBAN POLICIES TO SOCIO-POLITICAL CHALLENGES: ACTORS, MODELS, AND PRACTICES IN FREETOWN

A. Bardin

Andrei Bardin, Candidate of Political Science, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: andreybardin@imemo.ru (ORCID: 0000-0001-9526-9763).

Abstract

This paper examines urbanization challenges within the context of contemporary socio-political issues. It uses the implementation of an internationally recognized multi-stakeholder partnership model for the development of Freetown, Sierra Leone, as a case study. Numerous challenges are compelling rapidly growing cities in African states to develop diverse adaptive practices. This study examines official documents, scholarly literature, and media sources to identify key actors, their interactions, roles in implementing the 2018–2024 urban transformation strategy, and its main instruments. The paper describes the network organizational model that the city's new leadership implemented to secure funding, integrate local communities into development processes, and mitigate the risks of socio-political destabilization. It demonstrates that the administration has prioritized certain challenges the city faces, primarily climate threats, to facilitate communication patterns with external actors (i.e. international organizations and development agencies), integrate the city into international networks, and promote its international brand. The study concludes that the city's development strategy is hindered by local power struggles between national structures and the municipality, which limits the latter's power and resources, and the challenges' complexity. The paper suggests that aspects of the Freetown model may be relevant for urban governance in Russia and other BRICS nations.

Keywords: urbanization; socio-political challenges; urban development policy; social cohesion; inclusive identity; multi-stakeholder model; international city brand; African cities.

УДК-321:342.51

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-59-70

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС И РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА: «НОВАЯ ВЕХА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ» ИЛИ СОХРАНЕНИЕ ПРЕЖНЕЙ МОДЕЛИ?

Н. А. Борисов

Борисов Николай Александрович, доктор политических наук, доцент,
заведующий кафедрой теоретической политологии, факультет политологии, Институт международных
отношений и политических наук,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
E-mail: nborisov@rggu.ru (ORCID: 0000-0002-1378-1083. ResearcherID: AAR-3007-2020).

Аннотация

В 2019–2023 гг. в Казахстане был проведен ряд реформ, затронувших высшие органы государственной власти, в том числе институт президентства. В связи с этим возникает несколько исследовательских вопросов: насколько можно оценивать политическую ситуацию в Казахстане в 2019–2022 гг. в качестве двоевластия или тандема; в чем причины разрушения тандема; поменялись ли в результате реформ конституционные статус и полномочия президента; изменилась ли роль президента в политическом процессе; можно ли говорить в целом о трансформации модели института президентства. Цель работы – выявление трансформации модели института президентства в Казахстане в 2019–2023 гг. на основе анализа формальных и фактических полномочий президента и Первого Президента – Лидера нации (Елбасы). Автор приходит к следующим результатам. Индекс формы правления в Казахстане остался на прежнем уровне (+5). По методике М. С. Шугарта – Дж. Кэри, форма правления также осталась в прежнем секторе. Сохранилась партийная система с доминирующей партией, полный контроль президента над правительством и парламентом. В результате реформ в Казахстане сохранилась прежняя модель института президентства, основанная на высокой степени институционализации института президентства, широкой сфере формальных полномочий президента, относительно низкой конкурентности, наличии доминирующей партии во главе с президентом или под его контролем, подконтрольном парламенте. Важнейшим изменением в этой модели в Казахстане стало устранение из политической системы института Лидера нации как субъекта принятия политических решений.

Ключевые слова: Казахстан; президент; конституция; форма правления; Лидер нации; политические институты; политический процесс; доминирующая партия.

Введение

В истекшие пять лет политический процесс в Казахстане определялся следующими событиями: институциональной подготовкой к отставке первого президента Н. Назарбаева и сохранению его полномочий после отставки; передачей власти президенту К.-Ж. Токаеву; попыткой государственно-го переворота и его последствиями; ликвидацией «тандема» Н. Назарбаева и К.-Ж. Токаева и масштабной конституционной реформой в 2022–2023 гг. Президент К.-Ж. Токаев определил конечную цель реформ как «окончательный переход от “суперпрезидентской” формы правления к президентской республике с влиятельным парламентом и подотчетным правительству»¹.

В связи с этим возникает несколько вопросов: насколько можно оценивать политическую ситуацию в Казахстане в 2019–2022 гг. как двоевластие или тандем; в чем причины разрушения тандема, если он существовал; поменялись ли в результате реформ конституционные статус и полномочия президента; изменилась ли роль президента в политическом процессе; можно ли говорить в целом о трансформации модели института президентства. Действительно ли произошел переход от «суперпрезидентской» к президентской форме правления?

© Борисов Н. А., 2025

¹ Видеообращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева 5 мая 2022 года [Электронный ресурс], Официальный сайт Президента Республики Казахстан (далее Акорда). URL: <https://www.akorda.kz/ru/videoobrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-54382> (дата обращения: 15.02.2025).

Таким образом, цель настоящей работы заключается в выявлении трансформации модели института президентства в Казахстане в 2019–2023 гг. на основе анализа формальных и фактических полномочий президента и Первого Президента – Лидера нации (Елбасы).

Для этого необходимо рассмотреть конституционные полномочия Елбасы и президента и их изменения, статус и роль президента в политическом процессе на основе анализа эволюции партийной системы, отношений президента с парламентом и правительством.

Авторы научной литературы по рассматриваемой проблеме анализируют прежде всего вопросы транзита власти от Н. Назарбаева к К.-Ж. Токаеву, факторы январских событий 2022 г. и конституционные реформы 2022–2023 гг.

Исследования в основном сосредоточены на том, какие факторы и причины привели к январским событиям 2022 г. и как это связано с передачей власти К.-Ж. Токаеву (Abishev et al., 2024; Kudaibergenova & Laruelle, 2022; Isaacs, 2022; Мансуров, 2022); на роли внешних факторов, в том числе вмешательстве ОДКБ, в прекращении конфликта (Libman & Davidzon, 2023; Сысоева, 2023).

Несколько работ посвящено конституционным реформам в Казахстане, иногда в сравнительном аспекте (Малиновский, 2024; Шаблинский², 2023; Балагуров, 2022; Антонов и Павлов, 2024). В большинстве работ затрагиваются формально-конституционные аспекты изменений и полномочий органов власти без анализа последующей политической практики.

Некоторые авторы полагают, что конституционные преобразования К.-Ж. Токаева могут стать основой для отказа от неопатриональных практик в Казахстане (Окумбеков, 2022).

Исследования дискурса казахстанских экспертов по поводу январских событий 2022 г. и последующих реформ показали, что он воспроизводит официальный дискурс и опирается на дилемму «старого» и «нового», используя миф о рождении «нового Казахстана» (Troitskiy et al., 2024). В целом аналитики констатируют, что «новый Казахстан» преобладает над старым порядком, представленным «старыми элитами», то есть говорят о возникновении новой политической системы.

В то же время работ, посвященных анализу политического процесса в Казахстане в контексте проведенных конституционных реформ, с постановкой вопроса о том, насколько новым является «новый Казахстан», в ведущих журналах не публиковалось.

Методология (теоретические основы) исследования

Теоретической основой исследования являются модели института президентства на постсоветском пространстве, выделенные нами ранее (Борисов, 2018: 447).

Для анализа формально-конституционных полномочий президента применяется методика индексного анализа формы правления (ИФП) А. Кроувела – О. Зазнаева (Krowel, 2003; Зазнаев, 2006), а также методика оценки президентских полномочий М. С. Шугарта и Дж. Кэри (Shugart & Carey, 1992).

Для анализа полномочий президента в политическом процессе применяется методика индекса институционализации института президентства (ИИИП) (Борисов, 2018: 17–18). ИФП и ИИИП в 1991–2017 гг. были рассчитаны для Казахстана ранее (Борисов, 2018).

Для оценки эволюции модели института президентства используются также характеристики избирательной и партийной систем, в том числе эффективное число парламентских политических партий и индекс диспропорциональности. Эффективное число парламентских политических партий рассчитывается по формуле М. Лааксо – Р. Таагеперы (Laakso & Taagepera, 1979). Индекс диспропорциональности рассчитывается по формуле Д. Рая (Rae, 1971).

Результаты и обсуждение

Статус и полномочия первого президента после отставки

В задачи настоящей работы не входит обстоятельный анализ предпосылок и причин попытки государственного переворота в Казахстане в январе 2022 г., однако именно его последствия стали основанием для последующей конституционной реформы. Здесь важно отметить, что, по мнению президента К.-Ж. Токаева, рубежными событиями, предопределившими реальный кризис власти в 2022 г., стали «заявление Нурсултана Назарбаева на заседании Astana Club в ноябре 2021 г. о возможности возвращения в Акорду со ссылкой на 92-летнего [премьер-министра Малайзии в 1981–2003 и в 2018–2020 гг. – Н. Б.] Махатхира Мохамада, а также участие экс-президента в саммите СНГ

² Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов с 28.06.2024 г.

в Санкт-Петербурге в декабре того же года»³. Примечательно, что другие открытые источники упоминают о подобном заявлении Назарбаева только в ноябре 2019 г.⁴, упоминания же о том, что оно повторно имело место в ноябре 2021 г., отсутствуют.

Первый президент Н. Назарбаев ушел в отставку 20 марта 2019 г., после чего в соответствии с конституцией президентом стал председатель Сената К.-Ж. Токаев. Председателем Сената была избрана дочь первого президента Д. Назарбаева, которая формально стала вторым человеком в государстве. Первый президент в соответствии с Конституцией и Законом «О Первом Президенте – Лидере нации» также сохранил за собой значительный объем полномочий, среди которых – пожизненное председательство в Совете безопасности, доминирующей партии «Нур Отан» и Ассамблее народов Казахстана (подробнее см. Борисов, 2022). Его полномочия можно разделить на три составляющие: полномочия в качестве собственно Первого Президента – Лидера нации (Елбасы) *ex officio*; полномочия в качестве председателя Совета безопасности; полномочия как главы партии «Нур Отан», председателя Ассамблеи народа Казахстана и члена Конституционного совета Казахстана.

В качестве Первого Президента Елбасы получал право выступать с инициативами по важнейшим вопросам государственного строительства, внутренней и внешней политики и безопасности страны; право выступать перед парламентом, на заседаниях правительства. Все разрабатываемые инициативы по основным направлениям внутренней и внешней политики государства подлежали согласованию с Елбасы⁵.

В качестве пожизненного председателя Совета безопасности первый президент получал право с 2018 г. – обсуждения, а с 2019 г. – обязательного согласования кандидатур, рекомендуемых к назначению на должности первых руководителей центральных и местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения и столицы, а также государственных органов, непосредственно подчиненных и подотчетных президенту, а также руководства Вооруженных сил и национальной гвардии⁶.

В качестве председателя политической партии «Нур Отан» Первый Президент осуществлял руководство крупнейшей политической силой, доминирующей в Мажилисе. В качестве пожизненного председателя Ассамблеи народа Казахстана он сохранял значительное влияние.

Как член Конституционного совета Казахстана Елбасы имел право на инициативу по пересмотру решений совета⁷.

Таким образом, институт Елбасы становился одним из важнейших центров принятия решений и, что самое главное, контролировал важнейшие назначения на должности министров, руководителей военных и полицейских структур. Кроме того, за членами семьи Н. Назарбаева сохранился контроль над рядом учреждений в стратегических отраслях экономики⁸.

На неформальное влияние Н. Назарбаева указывал впоследствии и президент К.-Ж. Токаев: «После ухода в отставку, оставаясь Председателем Совета безопасности, он [Назарбаев. – **Н. Б.**], надо откровенно сказать, не отличался политической деликатностью, регулярно проводил у себя совещания с участием премьер-министра, председателя Национального банка, министров, акимов»⁹. По

³ Касым-Жомарт Токаев: «Цель – укрепить экономику и суверенитет»: интервью Главы государства газете «Ana tili» 3 января 2025 года [Электронный ресурс], *Акорда*. URL: <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-cel-ukrepit-ekonomiku-i-suverenitet-20524> (дата обращения: 15.02.2025).

⁴ Назарбаев: Я оставил пост президента на пике популярности (2019) [Электронный ресурс], 12 ноября. URL: <https://haqqin.az/news/162797> (дата обращения: 10.02.2025); Назарбаев: я оставил пост президента на пике популярности (2019) [Электронный ресурс], *Вестник Кавказа*, 12 нояб. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/Nazarbaev-ya-ostavil-post-prezidenta-na-pike-populyarnosti.html> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵ Конституционный закон Республики Казахстан «О Первом Президенте Республики Казахстан – Елбасы» от 20 июля 2000 года № 83-II (ред. от 22.12.2017 г.) [Электронный ресурс], *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет»* (далее ИПС «Адилет»). URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z000000083_22.12.2017 (дата обращения: 08.02.2025).

⁶ Закон Республики Казахстан «О Совете Безопасности Республики Казахстан» от 5 июля 2018 года № 178-VI ЗРК [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z1800000178/05.07.2018> (дата обращения: 15.02.2025); Указ Президента Республики Казахстан «О некоторых вопросах кадровой политики в системе органов государственной власти» от 29 марта 2002 года № 828 (ред. от 09.10.2019 г.) [Электронный ресурс], Там же. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U020000828_09.10.2019 (дата обращения: 16.02.2025).

⁷ Там же.

⁸ См.: Габдуллин, 2024, с. 379–380; 50 богатейших бизнесменов Казахстана – 2022 [Электронный ресурс], *Forbes Kazakhstan*. URL: https://forbes.kz/ranking/50_bogateyshih_biznesmenov_kazahstana_-2022 (дата обращения: 08.02.2025).

⁹ Касым-Жомарт Токаев: «Цель – укрепить экономику и суверенитет»: интервью Главы государства газете «Ana tili» (2025) [Электронный ресурс], *Акорда*, 3 января. URL: <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-cel-ukrepit-ekonomiku-i-suverenitet-20524> (дата обращения: 01.02.2025).

оценке К.-Ж. Токаева, начало реформ в направлении модернизации политических и экономических процессов, проводимых им с 2019 г., вызвало «резкое неприятие влиятельных лиц», воспринявших новый курс как «угрозу глубоко укоренившемуся положению дел в стране и своему привилегированному статусу во властных структурах... Чтобы повернуть вспять преобразования и восстановить прежние порядки, они решились на крайние меры»¹⁰. В этом тезисе сознательно гипертрофируется якобы изначально возникшее противостояние «старых» и «новых» сил в руководстве страны, хотя заявленные новым президентом реформы никак не угрожали политическим и экономическим позициям политических элит.

Уход Н. Назарбаева с поста президента и частичная передача власти преемнику спровоцировали конкуренцию и раскол политических элит, представители которых стали группироваться вокруг разных центров власти. В условиях отсутствия конкурентных выборов такая борьба ожидаемо приобрела неформальный характер и завершилась попыткой государственного переворота в январе 2022 г.

Общая схема последовательности событий в этот период представлена на рис. 1.

Рис. 1. Основные события политического процесса в Казахстане в 2019–2023 гг.

Формальным завершением процесса релегитимации политической системы можно считать выборы в Мажилис и местные органы власти в марте 2023 г.

Конституционные реформы 2019–2022 гг.

Конституционные реформы в Казахстане привели к формированию модели президентства, включающей президентализированную президентско-парламентскую форму правления (ИФП = +8), доминирующую партию во главе с президентом, подконтрольный президенту парламент и институт Первого Президента – Лидера нации (Елбасы). В послании 2019 г. новый президент К. Токаев в качестве цели политических реформ провозгласил формулу «Сильный Президент – влиятельный парламент – подотчетное правительство»¹¹. Существенные изменения в конституцию были внесены в 2017, 2019, 2022 гг. В таблице 1 приведен анализ президентских и парламентских полномочий в соответствии с методикой А. Кроувела – О. Зазнаева в 2011–2022 гг. (две последние редакции периода президентства Н. Назарбаева и две редакции периода президентства К. Токаева – на момент прихода к власти и на настоящее время).

¹⁰ Касым-Жомарт Токаев: «Как прогрессивная нация мы должны смотреть только вперед!»: интервью Главы государства Касым-Жомарта Токаева газете «Egemen Qazaqstan» (2024) [Электронный ресурс], Акорда, 3 января. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-respublik-i-kazakhstan-kasym-zhomart-tokaev-kak-progressivnaya-naciya-my-dolzhny-smotret-tolko-vpered-302415> (дата обращения: 01.02.2025).

¹¹ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана (2019) [Электронный ресурс], Акорда, 2 сентября. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan (дата обращения: 15.02.2025).

Таблица 1

**Индекс формы правления Казахстана в соответствии с Конституцией
в редакциях 2011, 2017, 2019 и 2022 гг.**

Редакция Конституции	02.02.2011	10.03.2017	25.03.2019	19.09.2022
Индекс формы правления	+8	+5	+5	+5

Источник: Конституция Республики Казахстан; собственные расчеты автора на основе индекса формы правления А. Кроувела – О. Зазнаева.

Проведенный анализ показывает, что ИФП существенно изменился еще в 2017 г. при президенте Н. Назарбаеве. Вероятно, уже тогда планировалась отставка Н. Назарбаева с поста президента и передача власти преемнику, и с этой целью были несколько сокращены президентские полномочия за счет расширения полномочий парламента¹². В частности, изменился порядок формирования правительства (министры назначаются президентом по представлению премьер-министра, а министры обороны, внутренних дел и иностранных дел – президентом единолично); правительство уходит в отставку перед вновь избранным Мажилисом, а не перед вновь избранным президентом. В то же время отставка правительства и отдельных министров по-прежнему может быть единолично осуществлена президентом, как и роспуск парламента. За счет этого ИФП снизился с +8 до +5.

В редакциях Конституции 2019 г. (сразу после отставки Н. Назарбаева и передачи власти К.-Ж. Токаеву) и 2022 г. (после попытки государственного переворота) ИФП остается неизменным, то есть, по Конституции, объем президентских полномочий не менялся¹³.

Не изменился и статус президента: президент по-прежнему определяется в Конституции как глава государства, высшее должностное лицо государства, который определяет основные направления внутренней и внешней политики, обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти. Таким образом, он продолжает оставаться вне системы разделения властей, имея значительные полномочия во всех сферах. Сохранено право президента распускать Мажилис парламента после консультаций с председателями палат парламента без каких-либо дополнительных условий.

По шкале М. Шугарта – Дж. Кэри законодательные полномочия президента сократились с 8 до 6 (за счет лишения президента права декретирования), незаконодательные – с 13 до 11 (за счет усиления парламентской ответственности правительства). Вместе с тем форма правления осталась в первом секторе, который характеризует наиболее сильных президентов с точки зрения как законодательных, так и незаконодательных полномочий (рис. 2).

Вместе с тем в Конституцию были внесены другие важные изменения, не измеряемые методиками индексного анализа формы правления.

С 2017 года из Конституции исключена норма о праве президента издавать законы и указы, имеющие силу закона (право декретирования).

В 2022 году срок полномочий президента увеличен с пяти до семи лет с правом избрания одного и того же лица не более одного раза, из Конституции были полностью исключены упоминания Первого Президента – Елбасы, отменен закон о Первом Президенте – Елбасы, президенту запрещено быть членом политической партии (ст. 43). Близким родственникам президента запрещено занимать должности политических государственных служащих, руководителей субъектов квазигосударственного сектора.

Таким образом, изменения, прямо повлиявшие на индекс формы правления, были внесены в Конституцию еще при Н. Назарбаеве. Изменения, внесенные в 2019–2022 гг., касались изменения срока президентских полномочий и устранения института Лидера нации из политической системы.

¹² Конституция Республики Казахстан (ред. от 10.03.2017 г.) [Электронный ресурс], ИПС «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K950001000_10.03.2017 (дата обращения: 02.02.2025).

¹³ Конституция Республики Казахстан (ред. от 23.03.2019 г.) [Электронный ресурс], ИПС «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K950001000_23.03.2019 (дата обращения: 02.02.2025); Конституция Республики Казахстан (ред. от 19.09.2022 г.) [Электронный ресурс], ИПС «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K950001000_17.09.2022 (дата обращения: 02.02.2025).

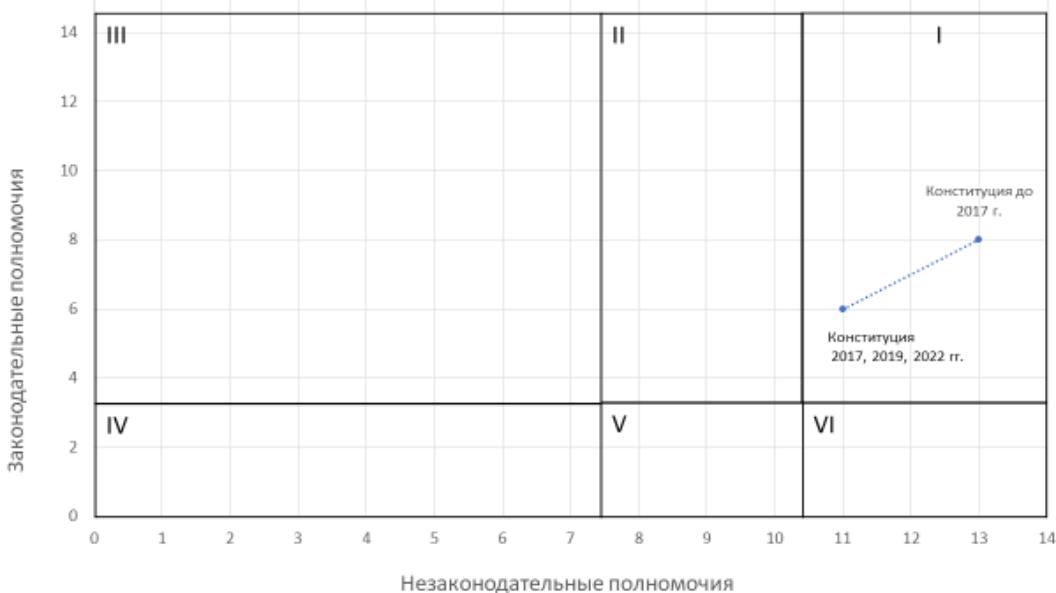

Рис. 2. Соотношение законодательных и незаконодательных полномочий президента Казахстана до и после внесения изменений в Конституцию

Источник: Конституция Республики Казахстан; собственные расчеты автора.

Эволюция полномочий президента во взаимодействии с парламентом и доминирующей партией

Для анализа эволюции статуса президента как главы доминирующей партии и его де-факто полномочий в отношении парламента необходимо остановиться на изменениях в партийной и избирательной системах после 2019 г.

В 2020 году были внесены поправки в законы Казахстана о политических партиях, в соответствии с которыми порог для создания политических партий снижен с 40 тыс. до 20 тыс., а с ноября 2022 г. – до 5 тыс. человек¹⁴. При формировании партийных списков на выборах в Мажилис партии обязаны включать женщин и лиц до 29 лет в количестве не менее 30 % от общего числа кандидатов, с 2022 г. к этим категориям добавлена категория лиц с инвалидностью.

В закон о парламенте внесены изменения, закрепившие статус парламентского большинства и парламентской оппозиции¹⁵. Вместе с тем права парламентской оппозиции ограничиваются только возможностью инициировать проведение парламентских слушаний, а также определять повестку дня правительенного часа не менее двух раз в течение одной сессии.

После январских событий 2022 г. встал вопрос о «перезагрузке» партийной системы, поскольку доминирующую партию «Нур Отан» возглавлял Елбасы Н. Назарбаев. Хотя, как утверждает Н. Назарбаев, о намерении передать председательство в партии президенту он заявлял еще в ноябре 2021 г. (Назарбаев, 2024: 678), в этом отношении до январских событий 2022 г. ничего не предпринималось. Только после попытки государственного переворота на съезде партии «Нур Отан» 28 января 2022 г. Н. Назарбаев внес предложение об избрании К.-Ж. Токаева председателем правящей партии, что было единогласно поддержано делегатами съезда¹⁶. На съезде в марте 2022 г. партия была переименована в «Аманат». С апреля 2022 г., после вступления в силу конституционного запрета президенту на членство в партии, ее председателем стал бывший руководитель администрации президента Е. Кошанов, избранный в феврале 2022 г. председателем Мажилиса.

¹⁴ Закон Республики Казахстан «О политических партиях» от 15 июля 2002 года № 344 (ред. от 25.05.2020) [Электронный ресурс], ИПС «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z020000344_25.05.2020 (дата обращения: 15.02.2025); Закон Республики Казахстан «О политических партиях» от 15 июля 2002 года № 344 (ред. от 05.11.2022) [Электронный ресурс], ИПС «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z020000344_05.11.2022 (дата обращения: 15.02.2025).

¹⁵ Конституционный закон Республики Казахстан «О внесении дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов»» от 2 июня 2020 года № 339-VI ЗРК [Электронный ресурс], ИПС «Адилет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000339> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁶ Глава государства принял участие во внеочередном XXI Съезде партии Nur Otan [Электронный ресурс], Акорда. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinjal-uchastie-vo-vneocherednom-hhi-sezde-partii-nur-otan-2801321> (дата обращения: 17.02.2025).

В ноябре 2022 г. пропорциональная избирательная система на выборах в Мажилис была заменена на смешанную несвязанную, при которой 70 % депутатов избираются по партийным спискам, 30 % – по одномандатным округам. Заградительный барьер был понижен с 7 до 5 %. Общее число депутатов снижено со 107 до 98, представители Ассамблеи народов Казахстана не избираются по квоте в Мажилис, а назначаются в Сенат¹⁷.

19 января 2023 г. Мажилис по решению президента был распущен, 19 марта 2023 г. проведены досрочные выборы. Сравнивая итоги выборов 2021 и 2023 гг., приходим к следующим выводам (табл. 2).

Таблица 2
Итоги выборов в Мажилис парламента Казахстана в 2021 и 2023 гг.

Политическая партия	2021 г.			2023 г.		
	Процент голосов	Кол-во мест	Доля мест в парламенте	Процент голосов	Кол-во мест	Доля мест в парламенте
«Нур Отан» / «Аманат»	71,09	76	71,0	53,9	64	65,3
«Ак Жол»	10,95	12	11,2	8,41	6	6,1
«Ауыл»	5,29	0	0	10,9	8	8,1
Народная партия Казахстана	9,1	10	9,3	6,8	5	5,1
Respublica	–	–	–	8,59	6	6,1
Общенациональная социал-демократическая партия	–	–	–	5,2	4	4,0
Представители АНК	–	9	8,41	–	–	–
Независимые		0	0		5	5,1
Всего		107	100		98	100
Индекс диспропорциональности	1,46			3,89		
Эффективное число политических партий	1,87			2,23		

Источник: собственные расчеты автора на основе данных Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан¹⁸.

В парламент в 2023 году прошли две новые партии (Respublica и Общенациональная социал-демократическая партия). Количество голосов, поданных за победившую партию по партийным спискам, снизилось с 71 до 54 %, однако за счет депутатов, избранных в одномандатных округах, доля ее мест в парламенте уменьшилась только на 6 %. Примечательно, что партия «Аманат» получила места в 24 одномандатных округах и включила в свою фракцию пять депутатов, избранных по одномандатным округам как независимых, в силу чего партия заняла все 29 мест, избираемых по пропорциональной части. Ни одна другая партия не получила в округах ни одного места. Это обстоятельство в очередной раз демонстрирует, что реформа избирательной системы была проведена в интересах правящей партии. Смешанная несвязанная избирательная система вновь показала свою эффективность в

¹⁷ Конституционный закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» от 28 сентября 1995 года № 2464 (ред. от 05.11.2022) [Электронный ресурс], ИПС «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z950002464_05.11.2022 (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁸ Постановление Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан «Об итогах очередных выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан седьмого созыва и распределении депутатских мандатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан по итогам голосования по партийным спискам» от 12 января 2021 года № 60/395 [Электронный ресурс], Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан: официальный сайт. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/acts/index.php?ID=6196> (дата обращения: 17.02.2025); Сообщение об итогах внеочередных выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан восьмого созыва, Там же. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=8921> (дата обращения: 08.02.2025).

интересах обновленной доминирующей партии, сменившей название, компенсировав ее потери по партийным спискам [о смешанной несвязанной избирательной системе как оптимальном выборе см. (Усова, 2024)]. В то же время все партии, представленные в предыдущем созыве Мажилиса, сохранили представительство и в нынешнем.

При этом индекс диспропорциональности по формуле Рэя увеличился в 2,6 раза, а эффективное число политических партий по формуле Лааксо – Таагеперы увеличилось в 1,2 раза и составило 2,23. Следует констатировать, что в Казахстане сохранилась система с доминирующей партией, хотя и без президента в качестве ее председателя. Доминирующая партия по-прежнему служит институциональной опорой президента в парламенте и в местных органах власти. Председательство в Мажилисе председателя партии «Аманат» Е. Кошанова еще более укрепляет контроль президента над парламентом. Парламентская оппозиция, хотя и закреплена законодательно, имеет символические права.

После выборов в Мажилис в мае 2023 г. правительство А. Смаилова сложило свои полномочия, но вновь было утверждено в прежнем составе. В феврале 2024 года К.-Ж. Токаев отправил правительство в отставку без объяснения причин. Кандидатура нового премьер-министра О. Бектенова (до назначения он руководил администрацией президента) была предложена не фракцией партии, а лично председателем Мажилиса и главой партии «Аманат» Е. Кошановым. Кроме того, президент открыто признал, что именно он и был инициатором назначения О. Бектенова, заявив следующее: «Кандидатуру нового главы кабинета министров представила партия “Аманат” ... Не буду скрывать, партия сделала это, проведя консультации с президентом»¹⁹.

Таким образом, отставка правительства и формирование его нового состава де-факто остались исключительными прерогативами президента. Выборы в Мажилис привели лишь к формальной отставке правительства и переназначению прежних министров. Фактическая отставка состоялась по решению президента уже после выборов, а премьер-министром был назначен человек из ближайшего окружения К.-Ж. Токаева по его же инициативе. Примечательно, что ключевые посты в правительстве и парламенте теперь занимают три бывших главы администрации президента: М. Ашимбаев, Е. Кошанов и О. Бектенов. Данные о партийной принадлежности членов правительства в открытом доступе отсутствуют, что не позволяет дать оценку реальной роли партии в формировании правительства.

Тем самым завершена консолидация власти К.-Ж. Токаева, что привело к значительному расширению его фактических полномочий в отношении правительства и парламента.

Что касается региональных и местных исполнительных органов власти, то в 2023 году в порядке эксперимента были проведены выборы акимов (глав) 42 районов и трех городов областного значения. Руководители областей по-прежнему назначаются президентом.

Парламентаризация формы правления при наличии доминирующей партии не могла привести к существенным изменениям в политическом процессе с точки зрения перераспределения полномочий президента и парламента, поскольку в парламенте все равно остается большинство, поддерживающее президента. Говорить о реальном влиянии парламента на процесс формирования правительства можно будет только в том случае, если на выборах победит оппозиционная партия, что в обозримом будущем представляется маловероятным.

Заключение

Опыт Казахстана представляет довольно редкий пример детальной формализации полномочий первого президента после его отставки и конституционного закрепления двоевластия и в очередной раз демонстрирует опасность наличия двух центров власти, конкурирующих между собой, в условиях «растянутого» транзита. С одной стороны, модель постепенного, «мягкого» транзита власти в Казахстане от одного президента к другому не была реализована. С другой стороны, результатом внутриэлитного конфликта стало добровольное согласие Н. Назарбаева с ликвидацией двоевластия и утратой властных полномочий, при этом и первый президент, и его преемник неоднократно отрицали наличие какого бы то ни было конфликта. В чем причины такого парадоксального исхода? На наш взгляд, стоит согласиться с утверждением о том, что Н. Назарбаев не был инициатором и главным заинтересованным лицом в попытке государственного переворота и смещении К.-Ж. Токаева, несмотря на то, что

¹⁹ Касым-Жомарт Токаев: «Как прогрессивная нация мы должны смотреть только вперед!»: интервью Главы государства Касым-Жомарта Токаева газете «Egemen Qazaqstan» 3 января 2024 года [Электронный ресурс], Акорда. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-respublik-i-kazakhstan-kasym-zhomart-tokaev-kak-progressivnaya-naciya-my-dolzhny-smotret-tolko-vpered-302415> (дата обращения: 01.02.2025).

протесты руководились его сторонниками и членами семьи (Мансуров, 2022). Скорее всего, протесты стали для него неожиданностью, тем более что его возвращение на должность президента вряд ли могло планироваться.

Оценка реформ, реализованных после январских событий 2022 г., показала следующее (табл. 3).

Основные политические изменения после отставки Н. Назарбаева

Таблица 3

Показатель / значение	До 2019 г.	В настоящее время (2025 г.)
Индекс формы правления	+5	+5
Незаконодательные и законодательные полномочия по шкале М. С. Шугарта – Д. Кэри (сектор)	13; 8 (I)	11; 6 (I)
Индекс институционализации института президентства	53,3	60
Индекс конкурентности выборов президента	19,04 / 47,6 ²⁰	38,1
Индекс диспропорциональности Рэя	0,84 (2016)	1,46 / 3,89 ²¹
Эффективное число политических партий	1,37 (2016)	1,87 / 2,23 ²⁷
Институт Лидера нации – Елбасы	Наличие	Отсутствие
Избирательная система	Пропорциональная, барьер 7 %	Смешанная несвя- занная, барьер 5 %
Партийная система	С доминирующей пар- тией	С доминирующей партией
Президент – председатель доминирующей партии	Да	Нет

Индекс формы правления в Казахстане остался на прежнем уровне (+5). По методике М. С. Шугарта – Дж. Кэри форма правления также осталась в прежнем секторе, сместившись лишь незначительно. Сохранилась партийная система с доминирующей партией, что подтверждается незначительным увеличением показателя эффективного числа парламентских политических партий при существенном росте индекса диспропорциональности парламентских политических партий. Сохранился полный контроль президента над правительством и парламентом, усиленный назначением на должности руководителей обеих палат парламента и правительства трех бывших глав администрации президента. Президент вновь возглавил Совет безопасности, Ассамблею народа Казахстана и вновь созданный орган – Народный куролтай.

Индекс институционализации института президентства в Казахстане повысился до 60 %. Конкуренция на президентских выборах в 2019 г. по сравнению со всеми предыдущими выборами «назарбаевского» периода значительно возросла, однако вновь снизилась на выборах 2022 г. Выборы 2019 г. так и остались в этом отношении «отклоняющимся случаем».

Все это дает основания сделать вывод о том, что в результате реформ в Казахстане сохранилась прежняя модель института президентства, основанная на высокой степени институционализации института президентства, широкой сфере формальных полномочий президента, относительно низкой конкурентности, наличии доминирующей партии во главе с президентом или под его контролем, подконтрольном парламенте. Единственным и самым важным изменением этой модели в Казахстане стало устранение из политической системы института Первого Президента – Лидера нации как субъекта принятия политических решений, то есть ликвидация второго центра власти. К.-Ж. Токаев сумел использовать ситуацию, возникшую в ходе январских событий 2022 г., в целях укрепления власти президента, добившись в краткие сроки консолидации власти.

Пример Казахстана показал, что тандем в его изначальном понимании (два равноправных игрока, которые совместно управляют чем-либо) оказывается политически невозможным: существование двух равноправных центров власти неизбежно приводит к расколу элит, началу конкурентной борь-

²⁰Для выборов 2015 и 2019 гг. соответственно.

²¹Для выборов 2021 и 2023 гг. соответственно.

бы, в результате которой один из них или подчиняется другому, или уничтожается. В ситуации, при которой второй центр остается номинальным (символическим), равноправный тандем также невозможен. В силу этого использование термина «тандем» для описания политического процесса представляется крайним упрощением, как упрощением является и дискурс о переходе от «старого порядка» Н. Назарбаева к «новой эпохе» К.-Ж. Токаева.

В то же время важно отметить, что институциональная модель президентства со всеми ее составляющими, показавшая свою устойчивость в период дестабилизации, была создана при президенте Н. Назарбаеве, а преемник, назначенный первым президентом, выдержал испытание попыткой государственного переворота. Ввиду этого не стоит говорить о «преодолении назарбаевского наследия» – напротив, следует подчеркнуть его сохранение и важную роль в устойчивости обновленной политической системы Казахстана.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00430, <https://rscf.ru/project/25-28-00430/>.

Список литературы / References

- Антонов, А. В., Павлов, Н. А. (2024) ‘Конstitutionalные реформы 2020-х годов в Киргизии и Казахстане’, *Журнал Конstitutionального правосудия*, 4, сс. 20–30. [Antonov, A. V., Pavlov, N. A. (2024) ‘Constitutional reforms in Kyrgyzstan and Kazakhstan in the 2020s’ [Konstitutionnye reformy 2020-kh godov v Kirgizii i Kazakhstane], *Journal of Constitutional Justice*, no 4, pp. 20–30. (In Russ.)]. DOI: 10.18572/2072-4144-2024-4-20-30. EDN: HMRVDW
- Балагуров, А. М. (2022) ‘Особенности конstitutionальных реформ Казахстана 2022 года’, *Актуальные исследования*, 50 (2), сс. 38–41. [Balagurov, A. M. (2022) ‘Features of the constitutional reform of Kazakhstan in 2022’ [Osobennosti konstitutionnykh reform Kazakhstana 2022 goda], *Current research*, 50 (2), pp. 38–41. (In Russ.)].
- Борисов, Н. А. (2018) *Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций*. Москва: РГГУ. [Borisov, N. A. (2018) *Presidency in the post-Soviet space: genesis and transformations processes* [Prezidentstvo na postsovetskem prostranstve: protsessy genezisa i transformatsii], Moscow: RGGU. (In Russ.)]. EDN: ORXATM
- Борисов, Н. А. (2022) ‘Экс-президенты государств постсоветского пространства: правовой статус и политическая практика’, *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, 3, сс. 60–92. [Borisov, N. A. (2022) ‘Ex-presidents of the post-Soviet states: legal status and political practice’ [Eks-prezidenty gosudarstv postsovetskogo prostранства: pravovoi status i politicheskaya praktika], *RSUH/RGGU Bulletin, series “Political Science. History. International Relations”*, 3, pp. 60–92. (In Russ.)]. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-60-92.
- Габдуллин, Б. (2024) «Қаңтар-22»: неудавшийся госпереворот и пробуждение нации. Алматы: Жибек жолы. [Gabdulin, B. (2024) *January-22: The failed coup and the awakening of the nation* [“Kantar-22”: neudavshiisya gosperevorot i probuzhdenie natsii], Almaty: Zhibek Zholy. (In Russ.)].
- Зазнаев, О. И. (2006) *Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты*. Казань: Казанский гос. ун-т. [Zaznaev, O. I. (2006) *Semi-presidential system: theoretical and applied aspects* [Poluprezidentskaya sistema: teoreticheskie i prikladnye aspekty], Kazan: Kazan State University. (In Russ.)].
- Малиновский, В. А. (2024) ‘Президентская форма правления Республики Казахстан в условиях конstitutionальных реформ’, *Конstitutionальное и муниципальное право*, 2, сс. 61–69. [Malinovsky, V.A. (2024) ‘Presidential form of governance in the republic of Kazakhstan in the context of constitutional reforms’, *Constitutional and municipal law*, 2, pp. 61–69. (In Russ.)]. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-2-61-69. EDN: TGWYVL
- Мансуров, Т. З. (2022) ‘Политические протесты 2022 года в Казахстане: специфика, динамика и механизмы урегулирования’, *PolitBook*, 2, сс. 6–34. [Mansurov,

- T. Z. (2022) ‘Political protests of 2022 in Kazakhstan: specificity, dynamics and mechanisms of settlement’, *PolitBook*, 2, pp. 6–34. (In Russ.)].
- Назарбаев, Н. А. (2024) *Моя жизнь: от зависимости к свободе*. Москва: Эксмо. [Nazarbayev, N. A. (2024) *My life: from dependence to freedom* [Moya zhizn': ot zavisimosti k svobode], Moscow: Eksmo. (In Russ.)].
- Окумбеков, Р. С. (2022) ‘Трансформация политического режима в Казахстане’, *Социально-политические науки*, 2, cc. 27–32. [Okumbekov, R. S. (2022) ‘Transformation of the political regime in Kazakhstan’ [Transformatsiya politicheskogo rezhima v Kazakhstane], *Socio-political Sciences*, 2, pp. 27–32. (In Russ.)]. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-27-32. EDN: FBWGXU
- Сысоева, Р. В. (2023) ‘Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане’, *Вестник Российского университета дружбы народов, серия: Международные отношения*, 2, cc. 241–252. [Sysoeva, R. V. (2023) ‘2022 January events and CSTO peacekeeping mission in Kazakhstan’ [Yanvarskie sobytiya 2022 g. i mirotvorcheskaya operatsiya ODKB v Kazakhstane], *Vestnik RUDN, International Relations*, 2, pp. 241–252. In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-241-252. EDN: JISOMY
- Усова, В. А. (2024) ‘Смешанная несвязанная избирательная система – оптимальный выбор при авторитаризме? (Кросснациональное сравнительное исследование)’, *Полития*, 1, cc. 98–113. [Usova, V. A. (2024) ‘Mixed parallel electoral system – optimal choice under authoritarianism? (Cross-national comparative study)’ [Smeshannaya nesvyazannaya izbiratel'naya sistema – optimal'nyi vybor pri avtoritarizme? (Krossnatsional'noe sravnitel'noe issledovanie)], *Poiteia*, 1, pp. 98–113. In Russ.)]. DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-98-113. EDN: ZTIHLL
- Шаблинский, И. Г.¹ (2023) ‘Особенности установления конституционных основ постсоветских авторитарных режимов (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан)’, *Публичное право сегодня*, 4, cc. 90–112. [Shablinsky, I. G. (2023) ‘Features of the establishment of the constitutional foundations of post-Soviet authoritarian regimes (Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan)’, *Public Law Today*, 4, pp. 90–112. In Russ.)].
- Abishev, G., Kurmanov, B., and Sabitov, Z. (2024) ‘Authoritarian succession, rules, and conflicts: Tokayev’s gambit and Kazakhstan’s bloody January of 2022 (Qandy Qantar)’, *Post-Soviet Affairs*, 6, pp. 429–451, DOI: 10.1080/1060586X.2024.2377929.
- Isaacs, R. (2022) *Political opposition in authoritarianism: Exit, voice and loyalty in Kazakhstan*, Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-06536-1.
- Krouwel, A. (2003) ‘Measuring presidentialism of Central and East European countries’, *Working Papers Political Science*, 2, Amsterdam: Vrije Universiteit.
- Kudaibergenova, D., Laruelle, M. (2022) ‘Making sense of the January 2022 protests in Kazakhstan: Failing legitimacy, culture of protests, and elite readjustments’, *Post-Soviet Affairs*, 38 (26), pp. 1–19. DOI: 10.1080/1060586X.2022.2077060.
- Laakso, M., Taagepera, R. (1979) ‘‘Effective’ number of parties: a measure with application to West Europe’, *Comparative Political Studies*, 12 (1), pp. 3–27. DOI: 10.1177/001041407901200101.
- Libman, A., Davidzon, I. (2023) ‘Military intervention as a spectacle? Authoritarian regionalism and protests in Kazakhstan’, *International Affairs*, 99 (3), pp. 1293–1312. DOI: 10.1093/ia/iiad093. EDN: PBVYJV
- Rae, D. (1971) *The political consequences of electoral laws*, New Haven: Yale University Press.
- Shugart, M. S., Carey, J. M. (1992) *Presidents and assemblies: constitutional design and electoral dynamics*, Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139173988
- Troitskiy, E. F., Pogorelskaya, A. M., Yun, S. M., Dunaeva, D. O., Blaginin, A. L. (2024) ‘Kazakhstan’s January 2022 crisis: representations by national experts via social media’, *Journal of Eurasian Studies*, 15 (2), pp. 227–238. DOI: 10.1177/1879366523121257

¹ Физическое лицо признано иностранным агентом (Реестр Министерства юстиции РФ от 28.06.2024).

Статья поступила в редакцию: 03.03.2025
Статья принята к печати: 30.04.2025

THE CONSTITUTIONAL STATUS AND ROLE OF THE PRESIDENT OF KAZAKHSTAN IN THE POLITICAL PROCESS: “A NEW MILESTONE IN POLITICAL DEVELOPMENT” OR THE PRESERVATION OF THE PREVIOUS MODEL?

N. Borisov

*Nikolai Borisov, Dr. Sci. (Political Sciences), Head of the Department of Theoretical Political Science, the Faculty of Political Science, Institute of International Relations and Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
E-mail: nborisov@rggu.ru (ORCID: 0000-0002-1378-1083. ResearcherID: AAR-3007-2020).*

Abstract

In 2019–2023, a series of reforms were implemented in Kazakhstan, affecting the highest bodies of state power, including the presidency. This raises several research questions: Can the political situation in Kazakhstan (2019–2022) be characterized as dual power or tandem? What led to the tandem’s collapse? Have the president’s constitutional status and powers changed? Has the president’s role in the political process shifted? Can we speak of a transformation in the model of the presidency? Objective: to identify changes in the presidential model in Kazakhstan (2019–2023) based on analysis of the formal and actual powers of the president and the First President – Leader of the Nation (Elbasy). Results: The form-of-government index remained stable (+5). According to the M.S. Shugart–J. Carey methodology, the form of government remained in the same sector. The dominant-party system persisted, evidenced by a slight rise in the effective number of parliamentary parties and a significant increase in the disproportionality index. The president’s full control over the government and parliament was maintained. Despite reforms, the previous presidential model was preserved: strong institutionalization of the presidency, broad formal powers, low political competitiveness, a dominant party under presidential control, and a compliant parliament. The key change was the removal of the Leader of the Nation institution from the political system.

Keywords: Kazakhstan; president; constitution; form of government; Leader of the nation; political institutions; political process; dominant party.

Financial support: The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation no. 25-28-00430, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00430/>.

УДК-329.17

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-71-80

**ДЕМАРГИНАЛИЗАЦИЯ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ КРАЙНЕ ПРАВЫХ:
СЛУЧАЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАВОРАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИИ
«НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»**

М. С. Головин

Головин Михаил Сергеевич, старший преподаватель кафедры этнополитологии, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.
E-mail: msgolovin_kafpolit@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4339-4842).

Аннотация

В современной Европе вопросы безопасности являются одними из ключевых для стабильного функционирования политических институтов, как национальных государств, так и наднационального объединения под названием Европейский союз. Одним из вызовов для политических систем все большего числа европейских стран становится рост популярности крайне правых, праворадикальных политических партий, активно участвующих в формировании политической повестки. Особенностью современного этапа деятельности подобных организаций является демаргинализация и нормализация как их дискурса, так и их участия в легальном политическом пространстве. На примере одной из крупнейших праворадикальных партий Европы – французского «Национального объединения» – показаны некоторые механизмы конструирования дискурса крайне правых, способствовавшие их успеху в рамках политического процесса, – в частности, в области секьюритизации миграции и вопросов национальной идентичности. Программные материалы 2024 г., предшествовавшие выборам во французский парламент и Европарламент, явились эмпирической основой для изучения актуального дискурса «Национального объединения». В исследовании делается вывод о том, что трансформация дискурса «Национального объединения» при Марин Ле Пен с целью нормализации имиджа партии позволяет с каждым годом увеличивать популярность партии среди французов и в целом содействует общеевропейскому тренду демаргинализации праворадикальных политических сил.

Ключевые слова: правый радикализм; праворадикальные партии; «Национальное объединение»; Марин Ле Пен; Жордан Барделла; Франция; Европейский союз; секьюритизация; миграция; националистический дискурс.

Демаргинализация и нормализация крайне правых: теоретические дискуссии

Процессу демаргинализации правых радикалов в европейской политике посвящено немалое число работ как в зарубежной, так и в российской научной литературе. Это вызвано в первую очередь ростом популярности партий этой идейной ориентации в последнее десятилетие. Причем этот рост происходит как на национальном, так и на наднациональном уровне¹. Не в последнюю очередь рост электоральных показателей праворадикальных партий в Европе связан с трансформацией их дискурса. Целью настоящей статьи является выявление особенностей дискурса французской праворадикальной партии «Национальное объединение» («НО») в контексте демаргинализации и нормализации крайне правых в рамках легального политического процесса. Но сначала необходимо остановиться на некоторых тонкостях терминологических дискуссий в отношении понятий «крайне правые», «правый радикализм» и «правый экстремизм».

Исследователь К. Мюдде выделял три черты, свойственные правым радикалам современной Европы: 1) нативизм (идея о том, что население государства должно состоять исключительно из «коренных» жителей, тогда как «некоренные» являются фундаментальной угрозой для однородного в этом плане национального государства), 2) авторитаризм (идея о строго упорядоченном обществе, о

© Головин М. С., 2025

¹ Cerrone J. (2024) European Far Right Continued Electoral Advance in 2024, Despite Notable Setbacks [online], GW's Institute for European, Russian and Eurasian Studies (IERES), December 13. Available at: <https://www.illiberalism.org/european-far-right-continued-electoral-advance-in-2024-despite-notable-setbacks/>. (Accessed: 30.03.2025)

правомерности применения наказаний в отношении «чужого» во имя определенного морального авторитета), 3) популизм (идея о том, что общество разделено на две антагонистические группы – «простой народ» и «коррумпированную элиту») (Mudde, 2007: 22-23). В более поздних работах нидерландский ученый сделал акцент на анализе волн трансформации правого радикализма, мейнстриминге (понятие, которое автор настоящей статьи предлагает понимать как *демаргинализацию*) и нормализации политических партий и деятелей этого идеологического направления, а также дискуссиях о терминологическом разграничении крайне правых (far-right) на правых радикалов (radical right) и правых экстремистов (extreme right) (Mudde, 2019; Mudde, 2024), считая, что именно термин «правые радикалы» более точно описывает сущность таких сильных в избирательном отношении партий, как французское «Национальное объединение». В частности, в работе 2024 г. (Mudde, 2024: 146-147) нидерландский ученый пишет, что «суть четвертой волны крайне правых (far-right) заключается в мейнстриминге и нормализации – с точки зрения участия, идей и вопросов – по крайней мере, правых радикалов (radical right), то есть той части правых, которая формально привержена демократии, но отвергает некоторые ключевые либеральные гарантии». В той же работе он пишет, используя как синонимы термины radical right и populist radical right, что их демаргинализация в последние годы способствовала «открытию пространства» и для правых экстремистов (extreme right actors), которые, в отличие от правых радикалов, являются не только антилиберальными, но и антидемократичными (Mudde, 2024: 147).

Исследование Р. Водак середины 2010-х гг. «Политика страха» (Wodak, 2018), в которой она обозначила основные составляющие националистического дискурса этих партий, стало серьезным вкладом в изучение правого радикализма. Во втором издании работы под названием «Политика страха. Бесстыдная нормализация крайне правого дискурса» Р. Водак пишет о том, что программы и риторика, дискурс правых радикалов уже достигли политического мейнстрима (демаргинализовались) и сейчас мы сталкиваемся с растущей нормализацией крайне правой политики и тех тем, которые ранее были табуированы. Нормализация, по мнению Р. Водак, идет через СМИ и консервативные партии, и она предлагает назвать все это понятием «бесстыдная нормализация» (Wodak, Culpeper, Semino, 2021: 369-393).

Отдельная дискуссия среди исследователей крайне правых ведется в отношении понятия «правый популизм», как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Понимание исследуемого в настоящей статье феномена как правого популизма отражено в работах ряда отечественных исследователей (Правый популизм..., 2020; Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2023; Правые силы в Европе..., 2023). В частности, достаточно четко свою позицию по этому вопросу изложил в одной из своих работ П. В. Осколков (Осколков, 2019: 12-63), говоря о том, что популизм является органической частью политической системы, тогда как правый радикализм и тем более правый экстремизм – «вне системного политического поля» (Осколков, 2019: 13). Однако, на наш взгляд, разделение крайне правых на правых радикалов и правых экстремистов является более точным с терминологической точки зрения, поскольку, как показано в настоящей работе, ряд исследователей признают, что именно термин «правые радикалы» наиболее применим к тем, кто с более радикальных, чем центристские, позиций, но внутри легального политического пространства старается путем участия в избирательных кампаниях добиться своих политических целей.

Авторская позиция, подкрепляемая зарубежными исследованиями в данной научной области, состоит в том, что популизм, являясь зачастую важной составляющей дискурса праворадикальных партий, все же не является определяющим и, таким образом, сущностное терминологическое различие происходит именно в оппозиции «праворадикальных» и «правоэкстремистских» идеологий.

Касаемо теоретических дискуссий о правом радикализме, хотелось бы остановиться на недавнем исследовании, в котором наглядно показано различие между понятиями «крайне правый» (far right), «правый радикализм» (radical right) и «правый экстремизм» (extreme right). В работе, опубликованной в 2023 г., ученый Андреа Пирро (Pirro, 2023: 101-112) разбирается в терминологической путанице, предлагая свой авторский взгляд на вопрос. А. Пирро следующим образом объясняет свою теорию: «С одной стороны, правые радикалы отвергают устоявшийся социокультурный и социально-политический порядок; они бросают вызов либеральным основам современных развитых демократий, но не участвуют в разрушении демократической системы; для них борьба между коренными жителями и некоренными жителями является “просто” политической, что заставляет их бросать вызов оппонентам в рамках демократического правления, то есть они нелиберально демократические. С другой стороны, правые экстремисты – это те, кто полностью отвергает конституционный порядок и стремится подорвать демократический статус-кво; правые экстремисты считают борьбу между коренными и некоренными жителями жизненно важной; они готовы вывести конфликт за рамки политической сферы и уничто-

жить своих врагов, и, таким образом, правые экстремисты являются антидемократическими» (Pirro, 2023: 105-106). Такое концептуальное деление, на наш взгляд, инструментально применимо для исследования крайне правых в XXI в. и отражает суть различий между правыми радикалами и правыми экстремистами в современной Европе.

В начале XXI в. известный специалист в области изучения этничности и национализма Р. Брубейкер в работе «Этничность без групп» отметил любопытный феномен, способствовавший росту популярности крайне правых в Европе и, в частности, во Франции. Рассуждая о лозунге «право на различие» (*droit à la différence*) во французском публичном дискурсе последней четверти прошлого века, Р. Брубейкер пишет о том, как под влиянием сначала «новых правых», затем и правых радикалов из «Национального фронта» Ж.-М. Ле Пена менялось во Франции отношение к идеи *droit à la différence*. Р. Брубейкер пишет: «Что же случилось с доминировавшим дифференциализмом? В двух словах – случился Ле Пен» (Брубейкер, 2012: 223-224). Таким образом, идея культурных различий перекочевала в дискурсивный инструментарий крайне правых: *Droit à la différence? Mais oui, bien sur, chez vous* (да, имеете право на различие, но у себя, дома, в своей стране). Вся эта ситуация повлекла за собой продвижение другой идеи – «право на такое же отношение к себе, как к любому другому» (*droit à la l'indifférence*), следствием чего, по мнению ученого, стало возрождение неореспубликанского, неоассимиляционистского дискурса, целью которого, как представляется, являлось создание альтернативы идеи «права на различие» в ее прежде всего националистической культураллистской интерпретации. Таким образом, процесс демаргинализации крайне правых во Франции очень тесно переплетается с теми процессами в общественно-политической жизни, которые происходили в этой стране начиная с 1980-х гг.

Любопытной представляется типология нормализации крайне правых, представленная в работе Кристиана Ламура «Нормализация и майнстриминг французских правых радикалов...», опубликованной в 2024 г. (Lamour, 2024: 736-759). Перед непосредственным рассмотрением французского кейса К. Ламур включается в академический спор о терминах. В частности, он дает трактовку таких понятий, как «майнстриминг», а также «нормализация» правых радикалов. Французский ученый использует понятие «майнстриминг», подразумевая под ним процесс смещения позиций и идей правых радикалов с «принятых окраин» (*accepted margins*) публичного пространства в сторону центра, то есть, по сути, это может быть названо *демаргинализацией*. К. Ламур пишет, что «майнстриминг радикально правых можно определить как динамику, ведущую к смещению правых радикалов, их идей и дискурсивного стиля с принятых окраин публичной сферы в сторону доминирующего центра. Этот шаг невозможно понять, не обращая внимания на взаимодействие между правыми радикалами и агентами основных политических партий, часто связанных с левоцентристскими / правыми, а также СМИ, охватывающими множественную и широкую аудиторию» (Lamour, 2024: 740). Процесс демаргинализации, по мнению ученого, тесно связан с процессом коммуникации между крайне правыми и доминирующими партиями, а также со СМИ, которые освещают участие правых радикалов в политической жизни государства. «Нормализация», в свою очередь, объясняется тем, что принятие крайне правыми процедур либеральной демократии при одновременном отсутствии дисциплинарных санкций со стороны системы способно принести выгоды для представителей этой идеологии. Причем как в политическом, так и, что немаловажно, в медийном плане.

Важно то, что обозначаемое К. Ламуром как «низовая нормализация» связано со стратегией уже самих правых радикалов по привлечению максимального количества избирателей путем трансформации своего дискурса. Но здесь особо важен другой момент, отмечаемый К. Ламуром: нормализация правых радикалов может свидетельствовать как о принятии ими формальных идеальных типов, институтов либеральной демократии для расширения их избирательного блока, так и о параллельной эволюции институтов либеральной демократии, которые уже не будут предполагать наказание для крайне правых. Таким образом, речь идет о способности крайне правых навязывать свои нормы системе демократических институтов, что зачастую и критикуется другими акторами общественно-политической жизни государства в контексте продвигаемой ими идеи о том, что крайне правые представляют собой угрозу для либеральной демократии. Говоря непосредственно о партии М. Ле Пен, К. Ламур отмечает включенность этой организации в легальный политический процесс и «соблюдение институциональных норм французской политики» со стороны «Национального объединения». В работах Ж. Ивальди (Ivaldi, 2024; ed. Ivaldi, Zankina, 2024) подробно рассматривается аспект нормализации и демаргинализации французских правых радикалов. Одна из основных идей исследователя состоит в том, что, осознавая рост электоральной популярности «Национального фронта» еще с 1980-х гг., так называемые правые партии майнстрима стали корректировать свою программу и дискурс, которые становились все более «авторитарными и эксклюзивными», особенно в областях иммиграции, безопасности и

европейской интеграции. Отчасти это можно увязать с идеей нормализации, когда то, что не считалось нормой ранее, стало входить в дискурс партий политического центра. Используя более «эксклюзивный» дискурс, с целью отобрать голоса у правых радикалов умеренно правые партии нормализуют повестку, которая еще недавно считалась маргинальной. Говоря о причинах успеха «Национального фронта» Жан Мари Ле Пен в 1980-е гг., Ж. Ивальди делает акцент на политизации этой партии культурных аспектов иммиграции, а также проблем, связанных с безопасностью и правопорядком.

Однако социально-политический, экономический и культурный контексты в этом плане очень значимы, и приход в 2011 г. в руководство партией Марин Ле Пен ознаменовал собой существенную корректировку политического дискурса организации. В частности, произошел отказ от антисемитской риторики, однако доминирующим остался, как пишет французский исследователь, нативизм в трактовке национального, но с уклоном в то, что исследователи обозначают как вэлфер-шовинизм, то есть расширение и защита социальных гарантит, пособий, но не по классовому, а по национальному признаку. Ж. Ивальди в своей работе также приводит данные социологического исследования конца 2023 г., результаты которого свидетельствуют о следующем: только 41 % опрошенных считали, что правые радикалы во Франции представляют угрозу для демократии, тогда как в 2017 г. таковых было 58 %, а 20 лет назад – 70 % (Ivaldi, 2024: 82). В то же время так называемые правые партии политического мейнстрима Франции становятся более радикальными по ряду вопросов, что также связано с особенностями политического процесса во Франции: «Политизация иммиграции и преступности со стороны НФ привела к появлению нового культурного измерения партийной конкуренции, из-за чего традиционным партиям пришлось перестраиваться» (Ivaldi, 2024: 84). И как раз с середины 1980-х гг. во французской политике появляются некоторые инструменты, с помощью которых традиционные партии выражали «моральное осуждение и политическое отчуждение» правых радикалов – речь идет о «санитарном кордоне» (правоцентристы отказываются сотрудничать с крайне правыми) и «республиканском фронте» (альянс партий всего идеиного спектра в тех случаях, когда есть угроза победы кандидата от праворадикального «Национального фронта» (ed. Ivaldi, Zankina, 2024: 174)). Однако «Национальный фронт» продолжал набирать популярность, и в 2002 г. Ж.-М. Ле Пен успешно выступил на президентских выборах, пройдя во второй тур, где все же уступил своему конкуренту Ж. Шираку². Ж. Ивальди связывает причины снижения популярности правых радикалов во Франции во второй половине 2000-х гг. с президентством Н. Саркози, при котором умеренно правые в его лице становятся на более жесткие позиции в вопросах иммиграционного контроля, и пишет, что «при Саркози правые политического мейнстрима приняли этнокультурную повестку “Национального фронта”, открыто связав иммиграцию с преступностью, а злоупотребление социальными благами мигрантов с вопросами национальной идентичности» (Ivaldi, 2024: 86). Как отмечают исследователи, за годы руководства партией М. Ле Пен, включая период с ноября 2022 г., когда председателем партии стал молодой и харизматичный политик Жордан Барделла, политический дискурс партии «Национальное объединение» трансформировался, сообразно как внутриполитической, так и международной повестке. К примеру, Л. В. Красикова указывает, что за период с 2017 по 2022 г. французские правые радикалы перешли из лагеря условных «жестких» евроскептиков в лагерь евроскептиков «мягких», выступающих за трансформацию ЕС. Анализируя европейскую повестку партии, Л. В. Красикова обращает внимание на то, что если в предвыборной программе 2017 г. М. Ле Пен обещала в случае своей победы на выборах провести референдум по выходу из ЕС, то в предвыборном документе пятью годами позднее этого пункта уже нет, а вместо этого предложена критика отдельных институтов ЕС и выдвигаются предложения по его трансформации (Красикова, 2022: 97). Другой пример – миграционная повестка. Если в 2017 г. в программе «Национального объединения» под вопрос ставилось само нахождение Франции в Шенгенской зоне, то в 2022 г. речь уже велась о том, что необходимо провести референдумы по миграционной политике внутри Франции и что сами французы должны определять решение данного вопроса (Красикова, 2022: 98).

Эти процессы объясняют рост интереса исследователей, в том числе отечественных, к проблеме нормализации и демаргинализации (мейнстримингу) крайне правых Европы и, в частности, правых радикалов Франции (Бурмистрова, 2022: 221-233; Жидкова, 2023: 111-121; Болдырев, 2024: 128-132; Тимофеев, 2023: 177-195; Бадаева, 2024: 26-35; Логинова, Эбзеева, 2024: 56-62). Так, А. С. Бадаева отмечает: «Ж. Барделла имеет иммигрантские корни (алжиро-итальянские), что также соответствует

² Результаты президентских выборов во Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://electionresources.org/fr/president.php?election=2002> (дата обращения: 30.03.2025); Европейская аналитика по выборам 2002 года. 2002. Electoral democratic crisis. Lessons of the presidential elections [online]. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/monitor/3-2002-electoral-democratic-crisis-lessons-of-the-presidential-election>. (Accessed: 30.03.2025).

стратегии “нормализации” партии, отказался от ксенофобской риторики» (Бадаева, 2024: 32). Сам Ж. Барделла следующим образом объясняет, как согласуются его происхождение и его взгляды: «...варварская атмосфера, созданная людьми, которым Франция дала все, людьми, которые в большинстве своем являются иммигрантами... Я тоже из среды иммигрантов, но я думаю, что мы оба принадлежим к поколению людей, которые, приехав во Францию, приложили немало усилий, чтобы стать французами, стать полноправными гражданами Франции, уважать законы, уважать людей, которые нас принимали...» (Цит. по: Логинова, Эбзеева, 2024: 59-60). В настоящей работе автор опирается на постулаты Копенгагенской школы исследований в области безопасности, *Б. Бузана, О. Вейвера и Я. де Вильде*, изложенные ими в работе под названием «Безопасность» (Buzan, Waever, de Wilde, 1998): если феномен или процесс по каким-то причинам является неприемлемым для того, кто обозначается как «агент секьюритизации», то посредством дискурса агент (к примеру, политическая элита / партия / СМИ) совершает так называемый *секьюритизирующий акт*. «Сущность данного речевого акта состоит в том, что говорящий постулирует наличие экзистенциальной угрозы для некоего объекта (референта понятия “безопасность”), имеющего ценность в глазах аудитории, – поясняет В. Е. Морозов, – и на основании этого утверждения настаивает на чрезвычайных мерах, которые имели бы целью предотвратить ущерб для референтного объекта» (Морозов, 2009: 217).

Дискурс французского «Национального объединения» в программных документах

Программы «Национального объединения» 2024 г. имеют свои стилистические особенности. Программа Ж. Барделла имеет подзаголовок «Время чрезвычайной ситуации» и всецело построена на том, что после победы партии необходимы будут чрезвычайные законы, реформы и пр. Таким образом, крайне правыми подается сигнал о том, что народ и государство находятся перед лицом той самой «экзистенциальной угрозы» и о необходимости чрезвычайных мер в духе теории секьюритизации. На основе анализа предвыборных программ 2024 г. автором статьи была составлена таблица, содержащая фрагменты дискурса французского «Национального объединения» в преддверии выборов в Национальное собрание и Европейский парламент³. В таблице представлены материалы, касающиеся исследуемых в статье аспектов: секьюритизации, националистического дискурса и процесса нормализации.

Анализ эмпирических материалов, приводимых в таблице, свидетельствует о том, что именно проблематика миграционной политики увязывается с такими понятиями, как «защита», «безопасность» и «чрезвычайные меры», выделяется как особая, «чрезвычайная» сфера. Это соответствует подходу Копенгагенской школы, которая «настаивает на том, что сущность практик безопасности состоит в переводе политики из процедурной в чрезвычайную» (Морозов, 2011: 26). Французские крайне правые в своем дискурсе акцентируют внимание на вопросах защиты национальной идентичности, установления дополнительных «границ» для сохранения безопасности французов и, в целом, народов Европы. Конструируя дискурс секьюритизации миграции, «НО» использует вполне определенную лексику, которая должна способствовать усилению представлений о миграции, мигрантах-мусульманах как «экзистенциальной угрозе» во французском обществе, которая требует чрезвычайных мер: «высылка иностранцев», «ужесточение условий», «оградить от наплыва мигрантов», «отсутствие контроля... привело к коммунистарию и сепаратизму» и т. д. Подобные акты секьюритизации органично сочетаются в программе «НО» с тезисами о заботе насчет безопасности собственной нации, «французской цивилизации», подчеркиванием опасности «разрушения наших ценностей». «Цивилизационный» пафос дискурса «НО» направлен на конструирование Другого, который не является частью «нашей» нации. Дискурс «коренного» народа и конструирование сценариев угроз для Нас от Них (Других) является одной из ключевых составляющих дискурса крайне правых, о чем, в частности, писала в своих работах Р. Водак (Водак, 2018: 139-140). Националистический дискурс «НО» наследует традиции культурного дифференциализма, о котором писал Р. Брубейкер и который характеризуется принципом «вы имеете право культурно отличаться, но будьте *личными* от нас у себя дома, в своей стране» (Брубейкер, 2012: 223-224). Действительно, в программах «НО» не раз делается акцент на подобном принципе: «ограничение воссоединения семьи путем ужесточения условий», «Шенген только для граждан европейских стран», «сохранение населения в странах их проис-

³ Франция. Выборы в Европейский парламент (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/france/> (дата обращения: 30.03.2025); Результаты парламентских выборов во Франции [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/legislatives2024/ensemble_geographique/index.php. (дата обращения: 30.03.2025);

хождения, эффективное возвращение депортированных граждан». Таким образом в дискурсе крайне правых Франции конструируется образ Другого, который имеет право на отличную от «социальной модели французов» идентичность, однако не внутри «французского народа». В этой связи традиционным для «НО» Франции является требование *отмены «права почвы»* – принципа, согласно которому основанием для предоставления гражданства является факт рождения человека на территории данного государства. В целом, националистический дискурс французского «НО», составной частью которого является дискурс безопасности, характеризуется тремя словами, частота использования которых особенно заметна в рассматриваемом контексте: *восстановление, защита и сохранение*. Что касается нормализации, то в соответствии с подходом К. Ламура, согласно которому одним из проявлений нормализации может считаться принятие институтов либеральной демократии, в программах «Национального объединения» подчеркивается, что их радикальные, «чрезвычайные» предложения должны обсуждаться, приниматься и осуществляться исключительно «*в соответствии с четко установленным нормативным, законодательным и конституционным графиком*». Акцент на «*институциональных рычагах*» и «*установленных нормативах*» необходим крайне правым для демонстрации – как своим оппонентам, так и обществу в целом, готовности нормализоваться, то есть действовать, как они пишут, в интересах «*миллионов французов любого происхождения, из всех слоев общества*». Следовательно, их идея о «чрезвычайных» действиях, которые необходимы для обеспечения безопасности французов, сочетается с признанием институтов демократического государства, конституционных норм, и только в их рамках они готовы действовать, чтобы добиваться своих политических целей.

Предвыборные программы партии «Национальное объединение» в 2024 г.

Программа «НО» на парламентских выборах во Франции – Д1.

Программа «НО» на выборах в Европарламент – Д2

Дискурс секьюритизации	Дискурс национальной идентичности	Дискурс нормализации
<p><u>Чрезвычайные меры</u> коснутся трех областей, которые избиратели сочли приоритетными. Они будут реализовываться в основном с помощью трех законодательных актов: <u>чрезвычайных нормативных актов по качеству жизни (покупательная способность и здоровье), безопасности и иммиграции</u> (Д1 – с. 2).</p> <p><u>Отмена всех исключений, препятствующих высылке иностранцев</u> (Д1 – с. 6).</p> <p><u>Отмена «права почвы»</u> (Д1 – с. 6)</p> <p><u>Ограничение воссоединения семьи путем ужесточения условий</u> (Д1 – с. 5).</p> <p><u>Оградить французский народ от наплыва мигрантов</u> (Д1 – с. 10).</p> <p><u>Отсутствие контроля над иммиграцией в течение десятилетий</u> привело к тому, что <u>ассимиляция иностранцев, проживающих на национальной территории, стала невозможной</u>. Это привело к <u>коммунистизму и сепаратизму</u> (Д1 – с. 10).</p> <p><u>Шенген только для граждан европейских стран</u> (Д1 – с. 10).</p>	<p><u>…большинство наших соотечественников придерживаются</u> <u>коллективного идеала</u>, чтобы <u>каждый день укреплять эту братскую и солидарную реальность, которая называется французской нацией</u> (Д1 – с. 3).</p> <p>Мы будем развивать экологию здравого смысла, основанную на научных фактах, <u>защищающую уровень жизни французов и гарантированную нашу национальную независимость</u> (Д1 – с. 13).</p> <p>Наша воля: <u>поставить Европу на службу народам, защищать интересы Франции и защищать французов</u> (Д2 – с. 5).</p> <p>Депутаты в Европарламенте от «НО» – единственные <u>защитники нашей идентичности и наших цивилизационных ценностей</u> (Д2 – с. 7).</p> <p>«Национальное объединение» хочет <u>восстановить контроль над нашим суверенитетом</u>, чтобы восстановить экономическое процветание и <u>сохранить социальную модель французов</u> (Д2 – с. 10)</p>	<p>Грандиозный проект…<u>в соответствии с четко установленным нормативным, законодательным и конституционным графиком</u> (Д1 – с. 2).</p> <p><u>Мы будем использовать все политические и институциональные рычаги</u>, которые Конституция предоставляет правительству и его большинству, для реализации проекта, желаемого французским народом (Д1 – с. 2)</p> <p><u>Это проект для миллионов французов любого происхождения, из всех слоев общества</u> (Д1 – с. 3).</p> <p>Оставить право за народом вносить <u> поправки в Конституцию только путем референдума</u> (Д1 – с. 15)</p>

<p>Именно в семьях, первом звене национального сообщества, лежат корни нашей социальной и цивилизационной модели... мы поощряем рождаемость, только это позволит обеспечить преемственность нации и нашей цивилизации (<i>Д1 – с. 16</i>).</p> <p><u>Сохранение французской цивилизации</u> (<i>Д1 – с. 21</i>).</p> <p>«Национальное объединение» намерено восстановить границу как инструмент защиты и регулирования (<i>Д2 – с. 8</i>).</p> <p>Во времена <u>исламистской опасности и серьезных демографических потрясений</u> массовая иммиграция сегодня представляется экзистенциальной угрозой для европейских стран (<i>Д2 – с. 9</i>).</p> <p>Установить двойную границу, французскую и европейскую: <u>контролировать национальные границы и установить границу</u> на въезде в Европу (<i>Д2 – с. 9</i>).</p> <p><u>Сохранение населения в странах их происхождения, эффективное возращение депортированных граждан</u> (<i>Д2 – с. 9</i>)</p>		
---	--	--

Заключение

Результаты выборов 2024 года в Европейский парламент (31,37 %) и Национальное собрание Франции (29,26 % в первом туре, 32,05 % во втором туре) иллюстрируют одобрение со стороны значительной части французского общества плана «чрезвычайных» мер, которые предлагает партия М. Ле Пен – Барделла, в первую очередь в области миграционной политики и политики безопасности. Постепенная трансформация дискурса «Национального объединения» при лидерстве в партии Марин Ле Пен и Жордана Барделла, отход от установок, которые воспринимались бы в сегодняшнем французском обществе как экстремистские, с каждым избирательным циклом способствуют все большей демаргинализации партии. В то же время националистический дискурс, внутри которого происходит конструирование свойственной праворадикальным партиям риторики, подразумевающей критику меньшинств, прежде всего по признаку религиозной и этнической принадлежности, постулирование их «цивилизационной» несовместимости с «французской цивилизацией» и ее ценностями, радикально противоречит принципам либеральной демократии. Это обстоятельство, вероятно, ставит перед исследователями праворадикальных партий вопрос о том, какой процесс станет преобладающим в ближайшей перспективе: дальнейшая внутренняя нормализация дискурса крайне правых партий и движение их к идеологическому центру либо же нормализация их нынешнего националистического дискурса в политическом процессе со стороны других акторов, с учетом тех трудностей, которые испытывает государство в таких сферах, как безопасность и миграционная политика.

Список литературы / References

- Бадаева, А. С. (2024) ‘Гибридизация французского «Национального объединения»’, *Международная жизнь*, сс. 26–35. [Badaeva, A. S. (2024) ‘Hybridization of the French National Rally’ [Gibridizaciya francuzskogo «Nacional'nogo ob'edineniya»], *Mezhdunarodnaya zhizn*, pp. 26–35. (In Russ.)].
- Болдырев, М. О. (2024) ‘Эволюция стратегий ультраправых движений в политической системе ЕС: на примере деятельности президента национального объединения Франции Ж. Бардэллы’, *Социально-гуманитарные знания*, 7, сс. 128–132. [Boldyrev, M. O. (2024) ‘The evolution of strategies of far-right movements in the political system of the EU: based on the example of the activities of the president of the French National Rally J. Bardella’ [Evoliuciya strategij ul'trapravyh dvizhenij v politicheskoy sisteme EC: na primere deyatel'nosti prezidenta nacional'nogo ob'edineniya Franchii Zh. Bardelly], *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 7, pp. 128–132. (In Russ.)]. EDN: TSBSVU
- Брубейкер, Р. (2012) *Этничность без групп*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Brubaker, R. (2012) *Ethnicity without groups* [Etnichnost' bez grupp] (In Russ.)].
- Бурмистрова, Е. С. (2022) ‘Традиционные ценности в дискурсе французских правых популистов: пример партии Национального объединения’, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24 (2), сс. 221–233. [Burmistrova, E. S. (2022) ‘Traditional values in the discourse of the French populist radical right: The case of the National Rally’ [Tradicionnye cennosti v diskurse francuzskih pravyh populistov: primer partii Nacional'nogo ob'edineniya], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 24 (2), pp. 221–233. (In Russ.)].
- Водак, Р. (2018) *Политика страха. Что значит дискурс правых популистов?*: пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр. [Wodak, R. (2018) *The politics of fear. What right-wing populist discourses mean?* [Politika straha. Chto znachit diskurs pravyh populistov?]] (In Russ.)].
- Жидкова, А. В. (2023) ‘Влияние иммиграции на электоральную поддержку французских крайне правых: на примере партии «Национальное объединение», *Социальные новации и социальные науки*, 1 (10), сс. 111–121. [Zhidkova, A. V. (2023) ‘The impact of immigration on the electoral support of the French far-right: on the example of the party National Rally’ [Vliyanie immigracii na elekторal'nyyu podderzhku francuzskikh krajne pravyh: na primere partii «Nacional'noe ob'edinenie»], *Social'nye novacii i social'nye nauki*, 1 (10), pp. 111–121. (In Russ.)].
- Красикова, Л. В. (2022) ‘Трансформация евроскептицизма партии «Национальное объединение» (2017–2022)’, *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 3, сс. 91–103. [Krasikova, L. (2022) ‘The transformation of the Euroscepticism of the National Rally Party (2017–2022)’ [Transformaciya evroskepticizma partii «Nacional'noe ob'edinenie» (2017–2022)], *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, 3, pp. 91–103. (In Russ.)].
- Логинова, П. Г., Эбзеева, Ю. Н. (2024) ‘Коммуникативные особенности модели политической медиакоммуникации лидера французской партии «Национальное объединение» Дж. Бардэлла (риторико-стилистическая специфика)’, *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*, 13, сс. 56–62. [Loginova, P. G., Ebzeeva, Yu. N. (2024) ‘Towards the Communicative Specifics and Rhetoric Features of the Media Model of Political Discourse of the Acting Leader of the French Right-Wing Political Party «Rassemblement National» Jordan Bardella’ [Kommunikativnye osobennosti modeli politicheskoy mediakommunikacii lidera francuzskoj partii «Nacional'noe ob'edinenie» Dzh. Bardella (ritoriko-stilisticheskaya specifika)], *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, 13, pp. 56–62. (In Russ.)].
- Морозов, В. Е. (2009) *Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества*, М.: Новое литературное обозрение. [Morozov, V. Ye. (2009) *Russia and the Others: Identity and Boundaries of a Political Community*

- [Rossiya i Drugie: identichnost' i granicy politicheskogo soobshchestva] (In Russ.).]
- Морозов, В. Е. (2011) ‘Безопасность как форма политического: о секьюритизации и politicизации’, *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 24–35. [Morozov, V. Ye. (2011) ‘Security as a form of political issues: on securitization and politicization’ [Безопасност' kak forma politicheskogo: o sek'yuritizacii i politizacii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, pp. 24–35. (In Russ.)].
- Осколков, П. В. (2019) *Правый популизм в Европейском союзе*. М.: Ин-т Европы РАН. [Oskolkov, P. V. *Right-wing populism in the European Union* [Pravyj populizm v Evropejskom soyuze] (In Russ.)].
- Осколков, П. В., Тевдой-Бурмули, А. И. (2023) ‘Существует ли популизм? Переосмыслия «политологическую моду», *Актуальные проблемы Европы*, 4 (120), сс. 18–37. [Oskolkov, P. V., Tevdoy-Burmuli, A. I. (2023) ‘Does populism exist? Rethinking a «political science fashion»’ [Sushchestvuet li populizm? Pereosmyslyaya «politologicheskuyu modu»], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4 (120), pp. 18–37. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/ape/2023.04.02 EDN: WAHFFM
- Окунева, Л. С., Тевдой-Бурмули, А. И. (ред.) (2020) *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности*. М.: МГИМО-Университет. [Okuneva, L., Tevdoy-Burmuly, A., (eds.) (2020) *Right-wing populism: global trend and regional cases* [Pravyj populizm: global'nyj trend i regional'nye osobennosti]. M.: MGIMO-Universitet. (In Russ.)].
- ‘Правые силы в Европе’ (2023) *Актуальные проблемы Европы*, 204 (120). [‘The right-wing forces in Europe’ (2023) [Pra-vye sily v Evrope], *Aktual'nye problemy Evropy*, 204 (120). (In Russ.)].
- Тимофеев, П. П. (2023) ‘«Национальное объединение» в Национальном собрании Франции: может ли разрушитель быть созиателем?’, *Актуальные проблемы Европы*, 4 (120), сс. 177–195. [Timofeev, P. P. (2023) ‘National Union’ in the National Assembly of France: are disrupters capable of being creators?’ [«Nacional'noe ob"edinenie» v Nacional'nom so-branii Francii: mozhet li razrushitel' byt' sozidatelem?], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4 (120), pp. 177–195. (In Russ.)].
- Buzan, B., Waever, O., and de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner. DOI: 10.1515/9781685853808
- Ivaldi, G. (2024) ‘The Populist Radical-Right Turn of the Mainstream Right in France’ In: Kaltwasser C. R (eds.) *The transformation of the mainstream right and its impact on (social) democracy*, pp. 80–93. Foundation for European Progressive Studies (FEPS).
- Ivaldi, G. (2024) ‘A Tipping Point for Far-Right Populism in France’ In: Gilles Ivaldi and Emilia Zankina (eds.) *2024 EP Elections under the Shadow of Rising Populism*, pp. 164–177. European Center for Populism Studies (ECPS). doi.org/10.55271/rp0070.
- Lamour, C. (2024) ‘Normalizing and Mainstreaming the French Radical Right: Divergences in Leadership Communication during a Summer of Inland and Borderland Tensions’, *The Journal of Race, Ethnicity, and Politics*, 9 (3), pp. 736–759. doi:10.1017/rep.2024.14.
- Mudde, C. (2007) *Populist radical right parties in Europe*. N. Y.: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511492037 EDN: UVJPUT
- Mudde, C. (2019) *The Far Right Today*. Cambridge: Polity press.
- Mudde, C. (2024) ‘From the Margins to the Mainstream: A Personal Reflection on Three Decades of Studying and Teaching Far-Right Politics’, *Journal of Right-Wing Studies*, 2 (1). DOI: 10.5070/RW3.25030/ EDN: BZLMUL
- Pirro, A. L. (2023) ‘Far right: The significance of an umbrella concept’, *Nations and Nationalism*, 29 (1), pp. 101–112.
- Wodak, R., Culpeper, J., & Semino, E. (2021) ‘Shameless normalisation of impoliteness: Berlusconi’s and Trump’s press conferences’, *Discourse & Society*, 32 (3), pp. 369–393.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 30.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

DEMARGINALIZATION AND NORMALIZATION OF THE EUROPEAN FAR RIGHT: THE CASE OF THE FRENCH RADICAL RIGHT PARTY «NATIONAL RALLY»

M. Golovin

*Mikhail Golovin, Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of Ethnopolitology,
St. Petersburg State University, Russia.*

E-mail: msgolovin_kafpolit@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4339-4842).

Abstract

In modern Europe, security issues are among the key factors for the stable functioning of political institutions, both nation-states and the supranational association known as the European Union. The growing popularity of far-right, right-wing political parties that actively shape the political agenda is one of the challenges facing the political systems of an increasing number of European countries. A feature of the current stage of activity of such organizations is the demarginalization and normalization of both their discourse and their participation in the legal political arena. Using the example of one of the largest right-wing radical parties in Europe, the French National Rally, this research reveals some of the mechanisms behind the construction of far-right discourse that have contributed to their success in the political process — particularly in the securitization of migration and issues of national identity. The 2024 program materials, released ahead of the elections to the French Parliament and the European Parliament, provide the empirical basis for analyzing the current discourse of the French National Rally. The study concludes that the transformation of the party's discourse under Marine Le Pen to normalize its image has led to increased popularity in France and contributed to the broader European trend of demarginalizing right-wing radical forces.

Keywords: right-wing radicalism; right-wing radical parties; National Rally; Marine Le Pen; Jordan Bardella; France; European Union; securitization; migration; nationalist discourse.

УДК-323:81'27

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-81-91

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛЬЯНСКИХ РЕГИОНОВ КАМПАНИЯ И КАЛАБРИЯ)

В. А. Донец, Д. Ш. Рамалданова

Донец Виктория Александровна, студентка направления «Зарубежное регионоведение»,
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.
E-mail: v.donets231@mail.ru (ORCID: 0009-0006-1451-0425).

Рамалданова Дарья Шахмуратовна, студентка направления «Зарубежное регионоведение»,
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.
E-mail: beware.the.lizard@gmail.com (ORCID: 0009-0006-7061-4229).

Аннотация

В своей политике идентичности Италия еще со времен своего объединения держит курс на конструирование общегенитальянской идентичности. Важной составляющей этой идентичности является итальянский язык. При этом языковая ситуация Италии, по исторически обусловленным причинам, отличается большим разнообразием: широчайшее распространение имеют, например, региональные диалекты, составляющие основу регионального самосознания. Языковая политика государства, являясь частью политики идентичности и сообразуясь с ее целями, направлена на формирование языкового единства и замещение диалектов единым итальянским языком. Данный курс противоречит требованиям региональной идентичности, для которой диалекты представляют большую ценность. То, как языковая политика Итальянской Республики преодолевает это противоречие, продемонстрировано в статье на примере кейсов двух южных итальянских регионов Кампания и Калабрия, в которых, по данным Итальянского института статистики, диалекты наиболее часто используются в повседневном общении. Эмпирической базой исследования послужили нормативно-правовые акты, регулирующие использование языков меньшинств и регламентирующие их статус, публикации региональных СМИ, а также сайты основных субъектов языковой политики в данных регионах. Цели и задачи регионального законодательства, регулирующего языковую политику, сопоставляются с реальными мерами, принимаемыми региональной властью для защиты и поддержки местных диалектов. Отмечена роль языкового активизма в деле продвижения региональных идиом. Делается вывод о том, что региональная языковая политика, хотя и характеризуется заявлениями о необходимости защиты диалектов, в условиях отсутствия активных мер по их продвижению совпадает с общей для Итальянской Республики политикой построения единого языкового пространства.

Ключевые слова: Итальянская Республика; Кампания; Калабрия; идентичность; политика идентичности; языковая политика; региональное законодательство.

Введение

В большинстве современных государств помимо официального языка существуют и широко используются его региональные варианты, а также диалекты и миноритарные языки. Явное продвижение одних языков (или вариантов языка) и пренебрежение другими может вызвать недовольство части населения и привести к конфликтам между представителями разных этнолингвистических групп. Конфликтогенность в государствах с неоднородной языковой ситуацией усугубляется еще и тем, что язык является важнейшим маркером идентичности и потому обладает как объединяющим, так и фрагментирующим потенциалом. Дискриминация языка воспринимается его носителями как притеснение всей группы, вместе с ее историей и культурой. В связи с этим представляется важным обратиться к исследованию языковой политики, с помощью которой государство способно регулировать конфликты, связанные с языковым разнообразием территории. Кроме того, языковая политика нередко рассматривается как одно из направлений политики идентичности государства (Идентич-

ность: Личность, общество, политика, 2017: 651). В этом качестве языковая политика может способствовать конструированию национальной идентичности, предупреждая возможность возникновения этнолингвистических конфликтов.

Италия – репрезентативный случай неоднородной языковой ситуации. Официальным языком государства признан итальянский язык, но помимо него широкое распространение имеют региональные варианты итальянского языка, диалекты и языки этнолингвистических меньшинств (немецкий язык в Южном Тироле, фриульский, ладинский, сардинский, албанский языки и т. д.). При этом Италия еще со времен своего объединения держит курс на конструирование общегенитивной идентичности, важной частью которой является итальянский язык. Изучив языковую политику Итальянской Республики, имеющую известную цель, и выявив ее технологии, можно оценить, какие технологии языковой политики может использовать любое государство, стремящееся к культурной гомогенизации своего населения и конструированию единой национальной идентичности. Языковая политика Италии рассматривается на примере южных регионов Кампания и Калабрия.

До сих пор в научной среде не сформировалось не только единого определения, но и единого понимания языковой политики. Так, Р. Б. Каплан и Р. Б. Бальдауф определяют языковую политику как совокупность идей, законов, предписаний, правил и практик, направленных на достижение намеченного языкового изменения в рамках общества, группы или системы. Языковая политика видится им частью языкового планирования – деятельности, способствующей систематическим языковым изменениям в некотором сообществе носителей языка (Kaplan, Baldauf, 1997: xi). Б. Спольски придерживается противоположной точки зрения. В его работах языковая политика является зонтичным понятием, включающим в себя три компонента: языковые практики, языковую идеологию и языковое планирование. Только учитывая все компоненты, можно сделать вывод о языковой политике государства (Spolsky, 2004: 5). Данное мнение разделяет и Э. Шохами, утверждающая, что, поскольку реальные действия власти часто расходятся с официальной повесткой, необходимо изучать реальные языковые практики общества, чтобы найти скрытые повестки (*hidden agendas*) (Shohamy, 2006: 45–46). В справочном руководстве, выпущенном под редакцией М. Гаццола, Ф. Грина, Л. Кардинал и К. Хью, между терминами «языковая политика» и «языковое планирование» не проводится четкой границы, их соединяют в аббревиатуре LPP (*Language Policy and Planning*), подчеркивая их неразрывную связь. При этом предпочтение все же отдается языковой политике, которая определяется как государственная политика, направленная на решение социальных, экономических, политических или организационных проблем, связанных с управлением языковым разнообразием на территории (*The Routledge Handbook of Language Policy and Planning*, 2024: 4).

В отечественных исследованиях языковая политика чаще всего рассматривается как направление политики идентичности. Согласно определению И. С. Семененко, политика идентичности – это «деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности». В проведении такой политики государство активно использует языковую политику, наравне с политикой памяти, символической и имиджевой политикой (Идентичность: Личность, общество, политика, 2017: 647–648). Н. В. Борисова придерживается следующего определения языковой политики: система мер и действий, направленных на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе (Борисова, 2021, 5–6). Также принципиально важна концепция языковой политики, предложенная Н. Мухаряковым. Он предлагает различать «языковую политику» и «политику языка»: «...Языковая политика (*language policy*) предполагает проведение определенного курса, опирающегося на процедуры принятия решений, тогда как политика языка (*language politics* или *politics of language*) – это, скорее, некоторая область деятельности или отношений между разнородными акторами» (Идентичность: Личность, общество, политика, 2017: 680). А. А. Каневский рассматривает языковую политику как вид национальной политики государства в сфере развития и укрепления национальных и этноязыковых отношений. Предназначена она, по мнению автора, для создания практических условий защиты, укрепления и развития этнонациональных языков, утверждения принципов общественного согласия и социальной солидарности (Каневский, 2015: 48). М. М. Раевская в характеристике языковой политики делает акцент на языковой идеологии, которую определяет как отношение говорящих к своему языку (Раевская, 2019: 25).

Часто технологии и институты языковой политики рассматриваются на примере различных кейсов. В этом ключе написаны работы М. Гаццола, посвященные особенностям языкового режима Европейского союза (Gazzola, 2014) и политике мультилингвизма в Швейцарии (Gazzola, 2016). В статье Г. В. Денисенко «Каталония. Языковая политика и национальная идентичность» языковая полити-

ка Каталонии рассматривается как фундаментальный метод формирования идентичности и национального сознания каталонцев (Денисенко, 2024). В работах Д. А. Шевляковой содержится анализ языковой политики в регионе Фриули-Венеция-Джулия (Шевлякова, 2022).

Для понимания факторов, которые повлияли на формирование идентичности современных итальянцев и на становление современного курса политики идентичности Итальянской Республики, частью которой является и языковая политика, необходимо обратиться к истории данного государства. Одним из фундаментальных трудов, освещавших историю и культуру Италии, является монография С. Д. Сказкина в трех томах, первый из которых освещает события и процессы, происходившие с V до XVIII в., рассказывает о средневековом городе и деревне, о развитии феодализма, о периоде Ренессанса и раннего Нового времени, второй – охватывает период с конца XVIII в. до окончания Первой мировой войны, в нем говорится о буржуазной революции, борьбе за образование единого государства, утверждении капиталистических отношений, а третий том рассказывает об основных этапах и проблемах борьбы итальянского народа против фашизма, также значительное внимание здесь уделяется и истории Италии после Второй мировой войны (Сказкин, 1970). Описание политической истории Италии от момента ее объединения до начала XXI в. содержится в труде К. Гуарниери (Carlo Guarnieri, 2021).

Тема развития итальянского языка и региональных диалектов Италии в период после ее объединения раскрывается в научном труде Т. Де Мауро, где охарактеризованы факторы, влияющие на язык и языковую ситуацию изучаемого региона (Tullio De Mauro, 2017). Также историю итальянского языка от вульгарной латыни до современного варианта в своих трудах освещают Б. Мильорини (Migliorini, 2019) и Н. Де Блази (Nicola De Blasi).

В основе методологии нашего исследования лежит теоретический подход, предложенный И. С. Семененко, согласно которому языковая политика должна рассматриваться как одно из направлений политики идентичности.

В данной работе применяется метод кейс-стади. Языковая политика Итальянской Республики рассматривается на примере кейсов регионов Кампания и Калабрия. По данным Итальянского института статистики за 2015 г., в данных регионах диалекты наиболее часто используются в повседневной жизни¹. На основании этого можно предположить, что диалекты в Кампании и Калабрии имеют большее значение для региональной идентичности, чем в других регионах Италии, жители которых используют диалекты значительно реже. Следовательно, вопрос регулирования использования диалектов в публичном пространстве должен стоять в этих двух регионах достаточно остро, чем и обусловливается выбор именно этих кейсов. Для выявления сходств и различий в проведении языковой политики в данных регионах используется метод кросс-регионального сравнения. При работе с эмпирическими данными применялись контент-анализ и дескриптивный анализ статистических и аналитических открытых данных и анализ цифровых ресурсов.

Эмпирической базой исследования послужили нормативно-правовые акты, регулирующие использование языков меньшинств и регламентирующие их статус (Конституция Итальянской Республики², государственный Закон № 482 от 1999 г.³ и региональные законы о защите диалектов Кампании⁴ и Калабрии⁵), а также законопроект «Стандарты для изучения, защиты и поддержки неаполитанского языка, диалектов и народных традиций Кампании» 2016 г.⁶; региональные СМИ (газеты Il Mattino, NapoliToday, Calabria inchieste, Calabria.Live, Ntacalabria); сайты основных субъектов языковой политики в выбранных регионах (официальный сайт научного Комитета по защите и поддержке неаполитанского языкового наследия⁷).

¹ L'uso della lingua italiana, dei dialetti e delle lingue straniere (2015) [online], Istituto Nazionale di Statistica. Available at: https://www.istat.it/it/files/2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015.pdf (Accessed 11 July 2024).

² La Costituzione della Repubblica Italiana. URL: <https://www.senato.it/istituzione/la-costituzione> (accessed 30 October 2024).

³ Legge 15 dicembre 1999, n. 482. Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1999;482~art2> (Accessed 30 October 2024).

⁴ Legge regionale 8 luglio 2019, n. 14. Salvaguardia e valorizzazione del patrimonio linguistico napoletano. URL: https://www.regione.campania.it/normativa/item.php?pgCode=G19I231R1843&id_doc_type=1&id_tema=29 (Accessed 25 September 2024).

⁵ Legge regionale 11 giugno 2012, n. 21. Tutela, valorizzazione e promozione del patrimonio linguistico dialettale e culturale della Regione Calabria. URL: <https://www.consrc.it/bdf/api/BDF?numero=21&anno=2012> (Accessed 30 October 2024).

⁶ Proposta di legge “Norme per lo studio, la tutela e la valorizzazione della lingua napoletana, dei dialetti e delle tradizioni popolari della Campania”: ad iniziativa del Consigliere Regionale Francesco Emilio Borelli (2016). Naples. URL: <https://www.cr.campania.it/crccmsintegrationservices/rest/services/documentale/prendiDocumento?id=88755> (Accessed 25 October 2024).

⁷ Comitato Scientifico per la Salvaguardia e Valorizzazione del Patrimonio Linguistico Napoletano [online]. Available at: <https://cr.campania.it/comvalnap/> (Accessed: 28 September 2024).

Языковая политика в Италии: национальный уровень

В статье 6 раздела «Основные принципы» Конституции Итальянской Республики прописано, что государство «защищает языковые меньшинства [своими] нормами»⁸. Более подробно методы осуществления защиты миноритарных языков описаны в Законе № 482 от 15 декабря 1999 г., который озаглавлен как «Нормы по защите исторических языковых меньшинств»⁹. Основной привилегией миноритарных языков является возможность использовать их в официальной, образовательной и научной сферах. В этом же документе приводится список языков, подпадающих под протекцию; их всего 12: албанский, каталанский, немецкий, греческий, словенский, хорватский, французский, франко-провансальский, окситанский, фриульский, сардинский, ладинский. Однако о диалектах в главном документе Республики не упоминается. Постулаты о защите диалектов как неотъемлемой части регионального культурного наследия появляются в законодательстве субъектов Италии. В Кампании ситуацию в отношении диалектов регулирует региональный Закон № 14 «О защите и поддержке неаполитанского языкового наследия» от 8 июля 2019 г., а в Калабрии – региональный Закон № 21 «О защите, повышении ценности и продвижении диалектного и культурного языкового наследия региона Калабрия» от 11 июня 2012 г.

Языковая политика Итальянской Республики направлена на продвижение так называемого *italiano standard* и повышение его значимости по отношению к миноритарным языкам, представленным в Республике (Шевлякова, 2011).

Главным инструментом такой языковой политики Италии является Академия делла Круска (*ital. L'Accademia della Crusca*), главная цель которой – сохранение и развитие нормативного итальянского языка путем отсеивания «щелухи» (*ital. crusca* – «отруби, шелуха»). Не просто так употреблен термин «отсеивание», ведь на гербе Академии изображено сито (зерноочистительная машина), отделяющее зерно от его оболочки (отрубей). Академия делла Круска традиционно выступает против внедрения итальянских диалектов в сферу официальной коммуникации, науки и образования, аргументируя свою позицию тем, что диалекты предназначены для использования в бытовой сфере и не располагают необходимым функционалом, чтобы обеспечить коммуникацию за ее пределами (Шевлякова, 2011).

Языковая политика Итальянской Республики, а вместе с ней и политика идентичности страны в целом, направлена на формирование языкового единства и вытеснение региональных диалектов в сферу бытового общения. Однако региональное законодательство провозглашает необходимость защиты и распространения диалектов как части своей идентичности.

Кампания: «сито» Регионального совета

Кампания – один из южных регионов Италии. Административным центром области является г. Неаполь. История региона тесно связана с историей Сицилийского королевства, Неаполитанского королевства, а затем и Королевства обеих Сицилий. Великое прошлое Кампании, уходящее корнями в Средние века, остается предметом гордости для жителей региона до сих пор. Область отличается большим диалектным разнообразием. Один диалект – неаполитанский – имеет длительную литературную традицию: на нем написаны многие прозаические, лирические и драматические произведения, ставшие классическими. Зачастую о неаполитанском диалекте неформально говорят как о языке. Культурное, а в особенности языковое наследие региона составляет основу региональной идентичности жителей Кампании.

Главным документом, регулирующим языковую политику как направление политики идентичности в итальянском регионе Кампания, является региональный Закон № 14 «О защите и поддержке неаполитанского языкового наследия» от 8 июля 2019 г. В Законе провозглашается, что регион Кампания «признает и поощряет языковое разнообразие и языковое и культурное наследие своей территории», а также «способствует сохранению и общественному использованию культурных ценностей – языковых, этно-музыкальных – и народных традиций, уделяя особое внимание защите и поддержке неаполитанского языкового наследия». В Законе перечисляются возможные инициативы, необходимые для реализации указанных целей, а также говорится об учреждении научного Комитета

⁸ La Costituzione della Repubblica Italiana. Articolo 6 [online]. Available at: <https://www.senato.it/istituzione/la-costituzione/principi-fondamentali/articolo-6> (Accessed: 30 October 2024).

⁹ Legge 15 dicembre 1999, n. 482. Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche [online]. Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1999;482~art2> (Accessed: 30 October 2024).

по защите и поддержке неаполитанского языкового наследия. Именно на него возлагается обязанность предлагать региональной администрации конкретные проекты по защите и поддержке неаполитанского языкового наследия, а также продвигать инициативы по его изучению.

В рамках нашего исследования региональный Закон № 14 представляет интерес как сам по себе, так и в сравнении с оригинальным текстом законопроекта, предложенным на рассмотрение Региональному совету еще в 2016 г. Законопроект был принят в значительно сокращенной форме и с некоторыми изменениями. Посмотрим, какие положения предложенного законопроекта не прошли сквозь «сито» Регионального совета.

Во-первых, было изменено само название закона. Законопроект был представлен Региональному совету под названием «Стандарты для изучения, защиты и поддержки неаполитанского языка, диалектов и народных традиций Кампании». А предметом «защиты и поддержки» в региональном Законе № 14 является только «неаполитанское языковое наследие», то есть более узкая категория, а также более расплывчатая, поскольку в Законе нет конкретного указания на то, какие диалекты в нее входят. Вице-президент научного Комитета, учрежденного Законом № 14, Никола Де Блази (Nicola De Blasi), лингвист, профессор Неаполитанского университета имени Фридриха II, в статье (De Blasi, 2023: 41) в журнале «Этимологический и исторический словарь неаполитанского» (*Dizionario Etimologico e Storico del Napoletano*) критикует формулировку «неаполитанское языковое наследие». Он пишет, что, с одной стороны, она может относиться исключительно к неаполитанскому диалекту, с другой стороны, она может обозначать совокупность всех диалектов неаполитанской зоны, под которой может пониматься весь регион. Не исключается и третий вариант: редакторы финального текста закона посчитали, что неаполитанский диалект является единственной значительной языковой системой в Кампании, а все остальные диалекты отличаются от него несущественно и являются его вариантами, что неверно с точки зрения современной лингвистики. Какой бы из вариантов, предложенных Де Блази, ни был верным, уже сам факт замены четкой формулировки «неаполитанский язык, диалекты и народные традиции» произвольным понятием «неаполитанское языковое наследие» может говорить о достаточно формальном отношении региональной власти к проблеме защиты и поддержки диалектов.

Во-вторых, статья 3 законопроекта 2016 г. предусматривала преподавание диалектов Кампании в школах: «Регион Кампания защищает и поддерживает историко-культурное и литературное наследие, связанное с неаполитанским языком, также и через его преподавание – и знание других наречий Кампании – в школах любого порядка и уровня». Эта статья не была включена в финальный текст закона. В Законе № 14 осталось лишь общее указание на «инициативы, обращенные к школьникам».

Итак, Закон № 14 отличается от законопроекта 2016 г. неясной формулировкой «неаполитанское языковое наследие», не дающей четкого представления о том, что именно является предметом защиты и поддержки региона, а также отсутствием статьи, предусматривающей преподавание диалекта в школе. Между законом и законопроектом есть еще ряд различий, но они представляются авторам статьи незначительными для оценки языковой политики в регионе Кампания.

Согласно Закону, главным субъектом языковой политики в Кампании становится научный Комитет по защите и поддержке неаполитанского языкового наследия. В настоящий момент членами Комитета являются пять человек; все они обладают большим опытом в сфере лингвистических изысканий. Какие же меры по защите и поддержке регионального языкового наследия предпринимает Комитет?

Из информации, представленной на официальном сайте Комитета, следует, что его деятельность сводится преимущественно к организации конференций, посвященных вопросам защиты регионального языкового наследия. В 2022 г. Комитет провел конференцию «Охранять языковое наследие», целью которой было дать точное определение термину «неаполитанское языковое наследие», а также наметить возможные инициативы, направленные на передачу верных знаний об истории итальянской лингвистики и региональных наречиях Кампании. В центре внимания Комитета также оказался вопрос о том, как в современной итальянской школе – «без антагонизма по отношению к итальянскому языку» – выделить место для диалекта. Как Комитет отвечает на этот вопрос, можно понять из статьи его вице-президента Никола Де Блази, опубликованной в газете *Il Mattino* в первый день конференции¹⁰. Де Блази пишет: «Часто говорят о том, чтобы ввести преподавание диалектов в школах... [...] Тогда необходимо уточнить, какой именно диалект стоит выбрать среди всего разнообразия в регионе. Часто за-

¹⁰ De Blasi, N. ‘Difendiamo i dialetti (anche) dalle fake news’ (2022) [online], *Il Mattino*. Available at: https://www.il mattino.it/napoli/cultura/difendiamo_i_dialetti_anche_dalle_fake_news-7109482.html (Accessed: 8 November 2024).

бывают, что регионы Италии внутри себя неоднородны». Это обстоятельство является для Комитета значительным аргументом против преподавания диалекта в школе. Но место для диалекта в школе есть. Читаем у Де Блази: «Школа, конечно, должна стремиться к тому, чтобы расширить знания итальянцев в области лингвистики, так, чтобы все, зная итальянский язык на высоком уровне, обладали точными знаниями о диалекте, о том, что такое диалекты и об их многовековых отношениях с итальянским. Многие [...] считают, что всем диалектам был намеренно нанесен вред в связи с распространением итальянского, и из-за этого иногда идея защиты диалектов кажется сопряженной с жаждой возмездия». Таким образом, по мнению Комитета, нет необходимости преподавать диалект в школе, тем более что это сопряжено с рядом технических сложностей, но необходимо говорить о диалекте и формировать правильные представления о нем, чтобы предотвратить зарождение враждебного или подозрительного отношения к итальянскому языку.

Помимо конференции «Охранять языковое наследие», одной из главных инициатив Комитета стала организация серий встреч *Incontri sul dialetti* («Встречи на тему диалекта») с января по май 2024 г. Программа¹¹ встреч включала в себя девять лекций, главными темами которых стали связи диалекта с литературой, кинематографом, музыкой, традиционной кухней и топонимикой, а также на одной из лекций вновь рассматривался вопрос определения места диалекта в итальянской школе XXI в.

Мы видим, что Комитет не принимает активных мер по поддержке регионального языкового наследия, таких как, например, введение преподавания диалектов в школах. В своей деятельности он делает акцент на научном освоении лингвистического наследия Кампании, на изучении связи диалектов с культурой региона в целом. Одной из его главных задач является развенчание мифов о диалектах и сглаживание противостояния между диалектами и итальянским языком.

Жители региона, вовлеченные в дело защиты и поддержки местных диалектов, нередко оценивают деятельность Комитета негативно. Эрмете Ферраро (Ermelte Ferraro), выступивший редактором оригинального текста законопроекта 2016 г. и изначально поддержавший идею создания Комитета, впоследствии высказывался о нем следующим образом: «Замкнутость на себе академического мира, который разговаривает сам с собой, игнорируя тех, кто десятилетиями, работая «на земле», боролся за восстановление достоинства местных наречий, не является положительным признаком открытости к диалогу»¹².

Инициативы по защите диалектов Кампании исходят не только от региональной власти и уполномоченного ею Комитета. Среди субъектов языковой политики региона стоит также выделить: университеты, например Неаполитанский университет имени Фридриха II, который на онлайн-платформе Federica.eu создал курс «Итальянская диалектология: неаполитанский диалект и не только»¹³; издательства, такие как Nicola Longobardi Editore, Iuppiter Group, издающие книги на неаполитанском диалекте или посвященные ему (словари, самоучители); библиотеки, в частности городская библиотека «Джироламо Вителли» Кузано Мутри, создавшая словарь диалекта кузанезе и цифровой архив¹⁴ со сборниками диалектных пословиц, песен, загадок. Большой вклад в продвижение диалектов Кампании сделали и отдельные личности, энтузиасты: Давиде Бранди (Davide Brandi), который ведет бесплатные курсы неаполитанского языка для всех желающих¹⁵, уже упоминавшийся выше Эрмете Ферраро, организовавший в итальянской школе, в которой он работал, факультативный курс неаполитанского языка¹⁶. Можно сделать вывод, что существует большой спрос «снизу» на проведение активной языковой политики по продвижению диалектов, что свидетельствует о большом значении местных наречий для региональной идентичности жителей Кампании.

Таким образом, языковая политика в регионе Кампания как часть политики идентичности действительно направлена на защиту и поддержку местных диалектов, о чем свидетельствуют региональное законодательство и деятельность научного Комитета. Однако действия региональной власти

¹¹ Edizione 2024. Programma [online], *Fondazione Campania dei Festival*. Available at: <https://fondazionecampaniadeifestival.it/progetto/comitato-per-la-valorizzazione-e-la-salvaguardia-del-patrimonio-linguistico-napoletano/edizione-2024/> (Accessed: 8 November 2024).

¹² Ferraro, E. ‘Lingue regionali: liberate ma... sotto tutela’ (2022) [online], *Ermelte's Peacebook*. Available at: <https://ermetespeacebook.blog/2022/12/16/lingue-regionali-liberate-ma-sotto-tutela/> (Accessed: 8 November 2024).

¹³ ‘Dialettologia italiana: il napoletano e le altre varietà’ [online], *Federica.eu*. Available at: <https://lms.federica.eu/enrol/index.php?id=324#linkinstructors> (Accessed: 26 September 2024).

¹⁴ Archivio dei dialetti [online]. Available at: <https://www.cmarchivodigitale.com/cmdialecti/> (Accessed 26 September 2024).

¹⁵ Corso base di lingua napoletana a cura di Davide Brandi (2022) [online]. Available at: <https://www.institutfrancais.it/napoli/corso-base-di-lingua-napoletana-cura-di-davide-brandi/#> (Accessed 10 November 2024).

¹⁶ Ferraro, E. “Napulitanamente”: come imparare il napoletano a scuola’ (2014) [online], *NapoliToday*. Available at: <https://www.napolitoday.it/social/segnalazioni/napulitanamente-imparare-napoletano-scuola.html> (Accessed: 10 November 2024).

в этой области можно назвать пассивными, поскольку они направлены не на активное продвижение диалектов, каким могло быть, например, введение преподавания диалектов в школе, а лишь на сохранение языкового наследия, на его научное освоение. В то же время в Кампании проводятся инициативы «снизу», идущие дальше простого «сохранения» диалектов. Региональной власти приходится считаться с требованиями «снизу», которые, проходя сквозь «сито» Регионального совета Кампании, превращаются в формально проводимую языковую политику.

Калабрия: стихи и искусственный интеллект

Регион Калабрия со столицей в г. Катандзаро расположен на юго-западе Апеннинского полуострова. Численность населения – приблизительно 2 млн человек.

История у региона очень богатая: Калабрия была греческой колонией, частью Римской, а затем Византийской империи, ее завоевывали норманны, она была под контролем Арагонского королевства, Испании и Неаполитанского королевства, а в 1860 г. Калабрия вошла в состав Королевства Италии.

Языковая ситуация в регионе складывается из нескольких факторов:

- официальный язык – только итальянский;
- разнообразие диалектов (диалект катандзаро, локридские диалекты, диалект реджино и многие другие);
- присутствие исторических языковых меньшинств, которые говорят на диалекте греческого (grico) и албанского (arbëreshë) языков.

Как уже было сказано ранее, в Калабрийском региональном законодательстве присутствует закон, регламентирующий отношение к диалектам, – региональный Закон № 21 «О защите, повышении ценности и продвижении диалектного и культурного языкового наследия региона Калабрия» от 11 июня 2012 г. В нем говорится, что диалекты – это одна из важнейших частей региональной идентичности, поэтому необходимо продвигать и поощрять изучение диалектов с целью их сохранения.

В соответствии с информацией, представленной в документе, власти Калабрии нацелены принимать следующие меры для популяризации и продвижения диалектов:

- организация культурных мероприятий, связанных с распространением знаний о диалектах;
- создание в библиотеках разделов литературы на диалектах;
- публикация книг на диалектах;
- школьные инициативы по изучению особенностей диалектов;
- создание единого словаря калабрийского диалекта;
- организация театральных постановок на диалектах;
- разработка двухязычных образовательных программ.

В то же время власти региона выражают свое намерение финансировать инициативы, связанные с распространением диалектов, так как языковая политика является важнейшей частью политики идентичности.

Посмотрим, как эти инициативы реализуются на практике, а главное – какие из них исходят от администрации региона, а какие – непосредственно от калабрийцев.

Сначала обратим внимание на мероприятия и проекты, связанные с литературой и искусством.

Ежегодно в регионе проводится Фестиваль диалекта и миноритарных языков Калабрии¹⁷, он организуется и поддерживается как властями, так и гражданами. Мероприятия фестиваля – чтение классических и современных поэтических произведений на диалектах, литературные конкурсы и театральные представления – можно квалифицировать скорее как культурно-развлекательные, чем как образовательные.

В качестве еще одного примера культурно-развлекательного направления развития диалектов можем привести мероприятие¹⁸ (2024), посвященное народному театру и калабрийскому диалекту, на котором Союз калабрийских диалектных поэтов в сотрудничестве с муниципалитетом Бенестаре I Farzi i'll'Ariaporu представил сборник из пяти карнавальных диалектных фарсов, написанных Франко Блефари.

¹⁷ Festival del dialetto e lingue minoritare di Calabria (2024) [online], Centro Cultura e Arte 26. Available at: http://www.arte26.it/festival_del_dialetto_di_calabria.htm (Accessed: 30 October 2024).

¹⁸“I Farzi i ‘ll’Ariaporu”: Un Viaggio nel Teatro Dialettale Calabrese, stasera a Benestare (2024) [online], Telemia. Available at: <https://www.telemia.it/i-farzi-i-llariaporu-un-viaggio-nel-teatro-dialettale-calabrese-stasera-a-benestare/> (Accessed: 30 October 2024).

Стоит упомянуть и несколько интересных частных инициатив. Так, онлайн-журналы Ntacalabria.it¹⁹ и Eco dello Jonio²⁰ разработали колонки с пословицами на калабрийском диалекте и вовлекают читателей в процесс пополнения этой коллекции, а журнал Ntacalabria.it в дополнение к устойчивым выражениям организовал колонку с поэзией на калабрийских диалектах.

Помимо инициатив в сфере культуры и искусства мы можем рассмотреть и те, которые связаны с образованием и наукой, например Dialectus-Territorio rendese²¹ – проект 2022 г., реализуемый муниципальной администрацией Ренде во главе с мэром Марчелло Манна, Университетом Калабрии и его лабораторией фонетики. Он направлен на то, чтобы восстановить устные источники диалекта Ренде и, применяя инновационные исследовательские технологии, создать архив лингвистического наследия этого диалекта для получения более широких возможностей его изучения.

Интересно также отметить, что в школах Калабрии поощряется творчество на региональных диалектах²², а на национальном уровне организуются конкурсы, помогающие развитию таланта начинающих писателей, творящих на диалектах.

В газете Orizzontescuola.it мы находим статью с описанием исследовательского проекта учеников и учителей средней школы провинции Реджо-ди-Калабрия Michele Macrì, который был нацелен на проведение лингвистических исследований путем интервьюирования с носителями диалектов некоторых деревень в Локриде, в провинции Реджо-ди-Калабрия. Результатом стало создание диалектного словаря, сопровождаемого анализом языковых явлений, характерных для диалектов этой территории. Данный проект, по словам создателей, «...видит своей целью заинтриговать новые поколения на возрождение нашей культуры, побудить к более глубокому поиску своей идентичности и корней»²³.

Еще одна инициатива, которой требуется уделить внимание, связана с включением в региональную школьную программу по литературе калабрийских писателей, работавших на диалекте. Эту мысль в 2024 г. на мероприятии по обсуждению путей сохранения лингвистического наследия Калабрии высказала Катерина Провенцано, профессор и директор журнала Calabria Letteraria. Несмотря на то, что это лишь идея, которая еще не получила развития и не была реализована, на ее примере мы видим, что запрос на частичное внедрение калабрийских диалектов в школьную программу у общества региона есть²⁴.

Но о самом необычном проекте, связанном с калабрийскими диалектами, мы решили упомянуть в конце. В 2024 г. завершился первый этап исследования, целью которого является создание искусственного интеллекта, способного понимать и говорить на калабрийском диалекте. Проект²⁵, финансируемый Министерством экономического развития Итальянской Республики, был реализован группой исследователей из Университета Калабрии во главе с профессором Джанлуиджи Греко.

Цель проекта – повысить доступность калабрийского языкового наследия для изучения представителями новых поколений, а также поспособствовать трудоустройству калабрийцев, особенно в сфере ИТ.

Рассмотренные документы и примеры реализации языковой политики в отношении калабрийских диалектов показывают нам, что эту сферу нельзя называть заброшенной или безнадежно забытой. На законодательном уровне создан и действует документ, который очень подробно описывает, каким именно образом власти региона должны сохранять и развивать наследие диалектов. Многие из этих

¹⁹ Ntacalabria.it. Categoría: Poesia dialettale calabrese [online]. Available at: <https://www.ntacalabria.it/category/cultura/poesia> (Accessed: 30 October 2024).

²⁰ Da stasera un “Eco proverbio” al giorno per... valorizzare la cultura e l’identità calabrese (2023) [online], Eco dello Jonio. Available at: <https://ecodellojonio.it/articoli/attualita/2023/01/da-stasera-un-eco-proverbio-al-giorno-per-valorizzare-la-cultura-e-l-identita-calabrese> (Accessed 30 October 2024).

²¹ RENDE (CS) – Al via il progetto per la valorizzazione del dialetto (2022) [online], Calabria.Live. Available at: <https://calabria.live/rende-cs-al-via-il-progetto-per-la-valorizzazione-del-dialetto/> (Accessed: 30 October 2024).

²² Scuola, dialetti: “Salva la tua lingua locale”, la Calabria fa il pieno (2023) [online], Unpli Nazionale. Available at: <https://www.unpli.info/scuola-dialetti-salva-la-tua-lingua-locale-la-calabria-fa-il-pieno/> (Accessed: 30 October 2024).

²³ Il dialetto non è l’italiano che non ce l’ha fatta, è molto di più (2024) [online], Orizzonte Scuola Notizie. URL: <https://www.orizzontescuola.it/il-dialetto-non-e-italiano-che-non-ce-lha-fatta-e-molto-di-piu-il-dizionario-degli-studenti-di-bianco-disponibile-anche-su-amazon/> (Accessed: 30 October 2024).

²⁴ Evento su dialetto, lingua e patrimonio da preservare in San Lucido (2024) [online], Calabria inchieste. URL: <https://www.calabriainchieste.it/2024/03/05/a-san-lucido-un-evento-sul-dialetto-lingua-e-patrimonio-da-preservare/> (Accessed: 30 October 2024).

²⁵ La Calabria verso l’innovazione linguistica: completata la prima fase del progetto di intelligenza artificiale che parla calabrese (2024) [online], Telemia. URL: <https://www.telemia.it/la-calabria-verso-linnovazione-linguistica-completata-la-prima-fase-del-progetto-di-intelligenza-artificiale-che-parla-calabrese/> (Accessed: 30 October 2024).

предписаний реализуются на практике, однако мы считаем, что языковую политику в отношении диалектов в регионе Калабрия все еще нельзя считать абсолютно активной, так как внедрения их в официальную, научную и образовательную сферы так и не произошло.

Заключение

Итак, в Кампании и Калабрии существуют региональные законы, регулирующие языковую политику, являющуюся неотъемлемой частью политики идентичности. В них достаточно подробно описаны возможные инициативы по продвижению и популяризации диалектов. В основном речь идет об организации просветительских мероприятий и научных конференций, о создании различных конкурсов и премий для творчества на диалектах. Также в обоих документах есть упоминание инициатив, обращенных к школьникам.

Между подходами к языковой политике в Кампании и Калабрии существует ряд различий. Так, политика по продвижению калабрийских диалектов включает в себя создание искусственного интеллекта, способного разговаривать на местном диалекте. Это свидетельствует об отношении к диалектам как к «живым» языкам, которым есть место не только в быту, но и в стенах университетов, на работе. В Кампании же диалекты воспринимаются скорее как важная часть культурного наследия, нежели как жизнеспособные языки.

Однако языковую политику в двух регионах точно объединяет одно: активные меры по продвижению региональных наречий, такие как, например, организация изучения диалектов в школах, от региональной власти не исходят. Подобная пассивная языковая политика является, по нашему мнению, региональным проявлением общей для Итальянской Республики тенденции к углублению языковой унификации, конечная цель которой заключается в укреплении общегородской идентичности.

Безусловно, такой курс противоречит требованиям региональной идентичности, для которой местное диалектное разнообразие является большой ценностью. Языковая политика в регионах Италии призвана разрешить конфликт интересов между национальной и региональной идентичностями, гарантируя значительный перевес в пользу первой отсутствием активных мер по продвижению диалектов. Региональные власти не пренебрегают интересами региональной идентичности и делают заявления о необходимости защиты местных идиом, но не всегда эти заявления реализуются на практике. Наиболее активная инициатива в деле сохранения диалектов принадлежит самим жителям регионов, и требования региональной идентичности удовлетворяются в значительной степени именно инициативами «снизу».

Список литературы / References

- Борисова, Н. В. (2021) Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных политиях: дис. ... докт. полит. наук. Пермь. [Borisova, N. V. (2021) Factors of Variability of Language Policy and Language Regimes in Complex Polities: dis. ... dokt. polit. nauk [Faktory variativnosti yazykoj politiki i yazykovyh rezhimov v slozhnoustroennyh polityah]. Perm (In Russ.)]. EDN: QMOKAU
- Денисенко, Г. В. (2024) ‘Каталония. Языковая политика и национальная идентичность’, *Политическая лингвистика*, 1 (103), сс. 138–146. [Denisenko, G. V. (2024) ‘Catalonia. Language Policy and National Identity’ [Kataloniya. Yazykovaya politika i nacional'naya identichnost], *Political Linguistics*, 1 (103), pp. 138–146. (In Russ.)]. EDN: MSJFCK
- Каневский, А. А. (2015) ‘Языковая политика как вид национальной политики государства’, *Философия права. Философско-правовые аспекты правовой политики государства*, 4 (71), сс. 47–51. [Kanevsky, A. A. (2015) ‘Language policy as a type of national policy of the state’ [Yazykovaya politika kak vid nacional'noj politiki gosudarstva], *Philosophy of Law. Philosophical and legal aspects of the legal policy of the state*, 4 (71), pp. 47–51. (In Russ.)]. EDN: UJENXF
- Раевская, М. М. (2019) ‘Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма’, *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, сс. 24–35. [Raevskaya, M. M. ‘Language ideology as a mental model and research paradigm’ [Yazykovaya ide-

- ologiya kak mental'naya model' i issledovatel'skaya paradigma], *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 2, pp. 24–35. (In Russ.)]. EDN: XNNNZB
- Семененко И. С., Лапкин В. В., Морозова Е. В., Пантин В. И. и др. (2017) *Идентичность: личность, общество, политика*. М.: Весь Мир. [Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Morozova, E. V., Pantin, V. I. et al (2017) *Identity: the individual, society, and politics* [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika]. M.: Whole World (In Russ.)].
- Сказкин, С. Д. (1970) *История Италии в 3-х томах*. М.: Наука. [Skazkin, S. D. (1970) *The history of Italy in 3 volumes* [Istoriya Italii v 3-h tomah] M.: Science (In Russ.)]. EDN: UAKXGZ
- Шевлякова Д. А. (2011) ‘Языковая политика Итальянской республики (1990—2010 гг.)’, *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, сс. 32–41. [Shevlyakova D. A. (2011) ‘Language Policy of the Italian Republic (1990–2010)’ [Yazykovaya politika Ital'yanskoj respubliki (1990—2010 gg.)], *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2, pp. 32–41. (In Russ.)]. EDN: NXPCWJ
- Шевлякова, Д. А. (2022) ‘Языковая идентичность этнического меньшинства: основные направления актуализации (на примере фриульского языка)’, *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, сс. 37–46. [Shevlyakova, D. A. ‘Linguistic identity of an ethnic minority: main directions of updating (on the example of the Friulian language)’ [Yazykovaya identichnost' etnicheskogo men'shinstva: osnovnye napravleniya aktualizacii (na primere friul'skogo yazyka)], *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural communication*, 1, pp. 37–46. (In Russ.)]. EDN: QZHWYN
- De Blasi, N. (2023) A proposito di salvaguardia. Riflessione sulle leggi regionale volte alla tutela dei patrimoni linguistici’, *Rivista del Dizionario Etimologico e Storico del Napoletano*, 1, pp. 33–57.
- De Blasi, N. (2008) *Piccola storia della lingua italiana*. Napoli, Liguori.
- De Mauro, T. (2017) *Storia linguistica dell'Italia unita*. Bari: Gius. Laterza & Figli Spa.
- Gazzola, M. (2014) ‘Partecipazione, esclusione linguistica e traduzione: Una valutazione del regime linguistico dell’Unione europea’, *Studi italiani di linguistica teorica e applicata*, 43 (2), pp. 227–264. (Accessed: 06 November 2024).
- Gazzola, M. (2016) ‘Programmazione e controllo della ‘politica del plurilinguismo’ nell’amministrazione federale svizzera’, *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*, vol. 45, 3, pp 479–497. (Accessed: 06 November 2024).
- Guarnieri, C. (2021) *Il sistema politico italiano*. Bologna: Il Mulino.
- Kaplan, R. B. and Baldauf, R. B. (1997) ‘Language Planning from Practice to Theory’, *Clevedon: Multilingual Matters*. ISBN 1-85359-372-9.
- Migliorini, B. (2019) *Storia della lingua italiana*. Firenze: Bompiani.
- Shohamy, E. (2006) *Language policy. Hidden agendas and new approaches*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203387962
- Spolsky, B. (2004) *Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- The Routledge Handbook of Language Policy and Planning* (2024) M. Gazzola, F. Grin, L. Cardinal, K. Heugh et al. New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

**LANGUAGE POLICY OF THE ITALIAN REPUBLIC
(THE CASE OF CAMPANIA AND CALABRIA)**

V. Donets, D. Ramaldanova

Victoria Donets, student of the major "Foreign Regional Studies",
Kuban State University, Krasnodar, Russia.
E-mail: v.donets231@mail.ru (ORCID: 0009-0006-1451-0425).

Daria Ramaldanova, student of the major "Foreign Regional Studies",
Kuban State University, Krasnodar, Russia.
E-mail: beware.the.lizard@gmail.com (ORCID: 0009-0006-7061-4229).

Abstract

Since unification, Italy has pursued a policy of constructing a unified national identity, with the Italian language as a key component. At the same time, the linguistic situation in Italy is highly diverse due to historical reasons. For example, the use of regional dialects—central to regional identity—is widespread. The state's language policy, as part of its identity politics and aligned with its goals, aims to create linguistic uniformity and replace dialects with standard Italian. This political course contradicts the needs of regional identity, for which dialects are of great value. This article examines how the language policy of the Italian Republic addresses this contradiction, using the cases of the southern regions of Campania and Calabria, where, according to the Italian Institute of Statistics, dialects are most often used in everyday communication. The goals and objectives proclaimed in regional legislation regulating language policy are compared with actual measures taken by regional authorities to protect and support local dialects. The article underlines the role of language activism in promoting regional idioms. It concludes that, although regional policy includes official statements on protecting dialects, in the absence of active promotion it coincides with the state's goal of creating a unified linguistic space.

Keywords: Italian Republic; Campania; Calabria; identity; identity politics; language policy; regional legislation.

УДК-32.019.51

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-92-102

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

М. Ю. Мартынов

Мартынов Михаил Юрьевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8245-7359. ResearcherID: F-8115-2019).

Аннотация

Предметом исследования выступает сравнение влияния государственных и негосударственных акторов на формирование коллективных представлений о прошлом исторической политики. В качестве негосударственных акторов рассматриваются локальные сообщества, коммеморативными практиками которых выступают как семейная память, так и дискурсы в социальных сетях и в неформальных объединениях граждан, возникающих в локальных сообществах вне мейнстрима государственной исторической политики. В качестве методов используются социологический опрос и углубленное интервьюирование. Территорией исследования являлся Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Сделан вывод, что при дефиците концептуальности государственной исторической политики создаются смысловые лакуны в коллективных представлениях о прошлом, заполняемые различными, в том числе неформальными практиками локальных сообществ. В одних случаях нарративы государственной исторической политики коллективной памяти попросту игнорируются; в других – получают существенно иное смысловое наполнение; в третьих случаях они оказались способны формировать дискурсы, противоречащие официальной исторической доктрине. Источники неформальных мнемонических практик локальных сообществ, непосредственная среда, в которой коммуницируют индивиды, пользуются в их восприятии не только большим доверием на когнитивном уровне, но оказываются и гораздо более глубокое воздействие на эмоциональную сферу, апеллируя к образам семейной или местной истории.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; локальные сообщества; коллективные представления; социальная память.

Введение

Формирование коллективных представлений о прошлом вполне обоснованно считается важнейшим направлением политики идентичности. При этом внимание обращается в первую очередь на активную роль государства и иных мнемонических акторов, способных путем производства определенных приемов интерпретаций прошлого управлять этими представлениями (Русакова 2022: 160). Но являются ли коллективные представления о прошлом просто предметом управления, слепком со спускаемых «сверху» исторических нарративов, или существует «низовой» уровень политики памяти, обладающий относительной самостоятельностью и способный активно корректировать образы прошлого, транслируемые исторической политикой?

Исследование проблемы в научной литературе

Интерес к коллективным представлениям о прошлом или социальной памяти начинает стремительно расти с конца XX в., что имело ряд причин дисциплинарного и социального характера (Сафонова, 2018: 12-15). Но достаточно быстро политика памяти перемещается из области сугубо научных исследований в политическую сферу, превращаясь в идеологический инструментарий внешней политики (Фадеева, 2020: 74).

В значительной мере это было связано со стремлением европейских политиков дать новые интерпретации прошлого, в том числе избавлявшие европейские государства от вины за лояльность к

фашистским режимам в период Второй мировой войны (Политика памяти..., 2020; Идентичность..., 2017). Одновременно в новых государствах Балтии и Украины подобные интерпретации оказались нацелены на доказательство ответственности СССР и, соответственно, России как за развязывание этой войны, так и за преступления тоталитарного режима (Русакова, 2013: 187-188). Зарубежные исследователи, в связи с этим, обращают внимание на неизбежность создания нового коллективного нарратива в целях преодоления мнемонического диссонанса, вызванного прежней историей (Anastasio, 2022; Hirschberger, 2018).

Но важно также отметить не только бурный количественный рост исследований и публикаций по проблемам социальной памяти, но и парадигмальные изменения ее трактовок.

М. Хальбвакс, к работам которого восходят представления о коллективной памяти, возможность и необходимость онтологически индивидуальных представлений о прошлом превращаться в коллективные объясняет в социологическом ключе сходными диспозициями индивидов в социальном пространстве, их включением в ту или иную группу, к которым он относит семью, религиозную общину, класс (Хальбвакс, 2007: 330). Задаваемые этими объективными диспозициями пространственно-временные конструкции, управляющие воспоминаниями, французский социолог весьма точно назвал «социальными рамками памяти» (Хальбвакс, 2007: 325). Индивидуальные воспоминания о прошлом – на самом деле это всегда взгляд через призму коллективных представлений социальной группы.

Однако в современных условиях, когда границы социальных групп все больше размываются, исчезают и объективные основы этих социальных рамок памяти. Ввиду этого новый методологический подход, представленный в работах П. Норы, П. Рикера, Я. Ассман, А. Ассман и других авторов, отводит основную роль в формировании коллективных представлений о прошлом целенаправленной деятельности политических акторов. «Средой обитания» памяти было названо индивидуальное сознание, а основным средством его формирования стала социальная коммуникация (Ассман, 2014: 20). Соответственно, и глубина исторической памяти, ее горизонты начали измерять не социально-исторически, а биологически – временем жизни не более трех поколений (Ассман, 2014: 15). Все это позволило трактовать историческую память не в социологическом, а в психологическом контексте, как «культурную конструкцию» дискурсивных практик, подчеркивающую активную роль субъекта в производстве коллективных представлений о прошлом, а сами эти представления отождествлять с конструируемыми мифами (Ассман, 2014: 24).

Данный подход предопределял акцентирование внимания в проблематике коллективных представлений о прошлом на деятельности мнемонических акторов, что стало предметом изучения и ряда российских ученых, таких как А. И. Миллер, Л. П. Репина, Д. В. Ефременко, Ю. А. Сафонова, О. Ю. Малинова, С. П. Поцелуев, О. Ф. Русакова и др.

В качестве наиболее значимого игрока в пространстве использования прошлого в политических целях отечественные исследователи вполне обоснованно называют государство, выделяя как особое направление его деятельности в этой сфере историческую политику. Впрочем, большинство авторов предпочитают использовать понятие «политика памяти», предполагающее включение в деятельность по интерпретации прошлого и других мнемонических акторов (Идентичность..., 2023; Малинова, 2018b: 33).

В качестве таковых можно рассматривать институты гражданского общества, хотя в России их коммеморативные практики в большинстве аффилированы с государственной исторической политикой, однако не полностью идентичны ей (Курилла, 2022). Локальные сообщества могут выступать относительно самостоятельной подсистемой мнемонической деятельности и играть важную роль в формировании идентичности средствами политики памяти «снизу» (Hirst, Coman, 2018; Красильникова, 2020; Рубцова, 2017).

Если на национальном уровне различие исторической политики и политики памяти эвристически оправдано, то на локальном оно теряет смысл, и эти понятия можно рассматривать здесь как тождественные. Зато гораздо более значимым является выделение двух направлений этой политики в местных сообществах: формально институализированной в виде мемориальной политики местных органов власти и общественных организаций и неформальной, в качестве которой выступает семейная память, а также дискурсы в социальных сетях и неформальных объединениях граждан, возникающих нередко вне мейнстрима государственной исторической политики и даже в противовес ему. Эти создаваемые «снизу» в рамках неформальных практик локальных сообществ коллективные представления о прошлом имеют хотя концептуально неоформленный, неотрефлексированный, но вполне рациональный характер. Они даже могут стремиться к публичной манифестации, что, правда, может

вести к кооптации общественных инициатив «снизу» в формальные практики, как это происходило, например, с акцией «Бессмертный полк».

Выделение этих неформальных практик в отдельный объект исследования позволяет осуществить сопоставление их мнемонического содержания с официальным историческим нарративом политики памяти.

Как показала О. Ю. Малинова, первой такой нарративной моделью, возникшей еще в 1990-х гг., заинтересованность в продвижении которой проявили достаточно влиятельные в России политические силы, явилась калька с признанной в Европе в качестве культурной нормы «проработка трудного прошлого / коллективной травмы». Другим ее сюжетом стала критика советского политического режима, как тоталитарного и преступного (Малинова, 2016: 143-144). Советская эпоха признавалась «провалом» в российской истории. Например, в послании Б. Ельцина 1996 г. «жестко критиковалась мобилизационная советская модель, которая, по его оценке, была нежизнеспособна» (Багдасарян, 2021: 143-145). В целом, как отмечают исследователи, этот «критический нарратив оказался не слишком эффективным инструментом консолидации макрополитического сообщества» (Малинова, 2016: 143-146).

Требовались позитивные смыслы, и таковыми в исторической политике с 2000-х гг. стал концепт государственности (Багдасарян, Балдин, Реснянский, 2021: 436). С этого момента опирающиеся на апелляцию к героическому прошлому идеи укрепления государства как условия выживания нации, необходимость защиты суверенитета и независимости составили в конечном счете основной дискурс нациестроительства (Авксентьев, Аксюмов, 2024: 16-18). Именно в рамках этого нарратива сформировался общенациональный идентификационный символ – Победа в Великой Отечественной войне (Политика идентичности..., 2023). Особенностью исторической политики с 2000-х гг. стала принципиальная эклектичность, поскольку ее нарратив «сочетал элементы противоположных – в логике прежних “символических битв” – смысловых систем, не выстраивая между ними ясных связей» (Малинова, 2016: 148). Например, признание распада СССР крупнейшей geopolитической катастрофой века сопровождалось сохранением прежних критических оценок советского опыта.

Эклектичный подход, позволяя в довольно широких пределах комбинировать исторический материал, до поры до времени создавал видимость гегемонии властного дискурса. Однако протестные движения 2011–2012 гг. не только показали, что его влияние на общество несколько преувеличено, но одновременно вскрыли и популярность исторических нарративов, альтернативных официальному дискурсу (Малинова, 2016: 152).

Ответом стал «консервативный поворот», наметившийся в 2012–2013 гг. и укоренившийся с 2014 г. Выстраивалась своего рода «вертикаль» исторической политики, означавшая, что «власть стремится не только определять повестку дня в области политики памяти, но и контролировать общественные дискуссии о прошлом» (Малинова, 2016: 153).

Хотя у исторической политики государства за последние годы существенно убавилось число видимых оппонентов, она не стала менее эклектична, что по-прежнему делает ее уязвимой в пространстве общественного дискурса. О. Ю. Малинова на примере сложностей, с которыми столкнулась официальная историческая политика в связи с необходимостью сформулировать позицию власти в период даты столетия Октябрьской революции 1917 г., показала, как отсутствие целостной исторической концепции дает возможность несистемным, оппозиционным мнемоническим акторам с успехом противопоставлять официальной исторической политике альтернативные версии (Малинова, 2018а: 22).

Аналогичную активность демонстрируют и другие внесистемные акторы, о чём стали говорить регулярно возникающие конфликты вокруг открытия памятников неоднозначно трактуемым в социальной памяти политическим деятелям прошлого, например участникам Белого движения, а также аналогичные ситуации, с топонимией, праздниками и т. д. (Курилла, 2021: 112). Об этом же свидетельствовала нарастающая «неподконтрольность альтернативных исторических нарративов, транслируемых в Интернете и социальных сетях» (Мартынов, 2020: 64).

Сложный характер формирования коллективных представлений о прошлом делает их предметом эмпирических исследований (Латов, 2018: 116-133). В нашем исследовании мы оцениваем степень влияния на это формирование (государственных) и негосударственных (в лице локальных сообществ) акторов.

Методология исследования

Конструирование прошлого отнюдь не является произвольным, и в этом смысле идея М. Хальбвакса о социальных рамках памяти не потеряла своего значения (Orianne, Eustache, 2023: 128). Эти рамки задаются как объективными факторами, так и акторами политики памяти, а их инструментом является создание мнемонических матричных концепций, прокладывающих «тропы памяти» от актуального настоящего к избранному прошлому.

Задача исторической политики в этой связи видится не в подборе «нужных» фактов, а в создании объяснительной теории, и эффективность этой политики измеряется не просто доминированием в информационном поле, а ее концептуальной убедительностью. Например, в европейской политике памяти «трудное прошлое» было проработано в концептуальной рамке либерализма и демократии, в которой демократия предстает высшей ценностью европейской цивилизации, а военная агрессия носит для нее противоестественный характер (вспомним переделанную в мем кантовскую идею «демократия с демократиями не воюет»). На теоретическом уровне эта концепция нашла отражение в приквеле теории демократии – концепции тоталитаризма, а на политико-правовом юридическом была закреплена в принятой в 2019 г. Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», обвиняющей СССР в развязывании войны. Даже страны, бывшие союзниками гитлеровской Германии, предпочитают использовать тактику виктимизма в оценке своей роли в войне (Политика памяти..., 2020).

В России статья 67.1 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Предпринимаются значительные усилия для того, чтобы минимизировать дефицит концептуальности, который может создавать смысловые лакуны в коллективных представлениях о прошлом, заполняемые внесистемными акторами политики памяти, в том числе неформальными практиками локальных сообществ. Проверка этой гипотезы составила предмет эмпирического исследования.

В качестве методов использовались социологический опрос и углубленное интервьюирование. Территорией исследования являлся Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Особенностью истории автономного округа является повышенная миграционная активность. Волны миграции, периодически частично девальвируя сложившуюся матрицу социальной памяти и делая необходимым ее обновление, превращают территорию в удобную лабораторию исследования становления социальной памяти.

Респонденты должны были указать источники своих знаний о прошлом и оценить их достоверность, а также высказать оценочное мнение об основных этапах и событиях отечественной истории, оценить историю своей семьи как части истории страны и т. д.

Генеральной совокупностью социологического опроса выступали граждане старше 18 лет, проживающие в автономном округе. Исследование проводилось в феврале 2025 г. в виде анкетного опроса с рассылкой через интернет и последующим отбором респондентов в выборочную совокупность ($N = 1000$), в соответствии с квотной выборкой, репрезентированной по полу и возрасту и месту жительства.

Качественное исследование осуществлялось в январе–феврале 2025 г. методом фокусированного индивидуального интервью ($N = 37$). В качестве участников опроса выступали респонденты различного возраста, пола, рода занятия, места жительства (г. Сургут, г. Ханты-Мансийск, г. Нижневартовск, г. Лянтор, Березовский район, Сургутский район).

Основные результаты

Политика памяти на региональном уровне представляет целенаправленную деятельность, которая включает как участие в общероссийских акциях, так и инициированные в регионе мероприятия, такие как интернет-конкурс «Достоин будь отца и деда», акция «Герои рядом», интерактивные выставки по истории городов и районов (Мартынов, Пуртова, 2024). Эта деятельность призвана соединить личность, индивида с более широкой общественностью через историю семьи, города, края. Так называемая локальная память формируется на основе разных источников.

В качестве главного источника знаний о прошлом наибольшее число опрошенных – 19,6 % – указало документальные фильмы на исторические темы. На втором месте – 18,3 % респондентов, отметивших в качестве первого по значимости источника знаний о прошлом рассказы родителей, род-

ственников, соседей, знакомых. Еще для 17,8 % такими наиболее важными источниками выглядят кинематографические и литературные художественные произведения. Уроки истории в учебном заведении несколько неожиданно заняли первое место лишь у 15,4 % опрошенных.

Но вопрос о доверии источникам знаний дает несколько иную картину. На первом месте здесь оказались 33,4 % опрошенных, отметивших, что более всего доверяют рассказам родителей, родственников, соседей, знакомых. Второе место заняли 30,5 % респондентов, указавших, что в наибольшей степени доверяют урокам истории в учебном заведении. Далее расположились 23,7 % доверяющих теледокументалистике. Художественным произведениям в качестве источника знаний о прошлом доверяет 9,4 % опрошенных.

Степень доверия официальному нарративу оказалась невысока. Почти две трети респондентов уверены, что «история совсем не такая» (29,3 %) и «не совсем такая, как нам рассказывают» (33,6 %). Судя по результатам ответов на «открытый» вопрос, в исторических представлениях граждан достаточно распространены конспирологические версии, а 74,6 % согласны с тем, что «историю следует защищать от фальсификаций».

Но сам интерес к прошлому достаточно высок, о чем свидетельствует внимание респондентов к истории собственной семьи. Более трети – 35,9 % – указали, что знают историю нескольких поколений своей семьи в прошлом. Большинство опрошенных – 52,6 % – заявили, что знают историю семьи начиная с дедушек и бабушек. Лишь для 7,9 % респондентов известна история только их родителей. Тем не менее «линейно-биологической» закономерности забывания прошлого, якобы измеряемого тремя поколениями, не наблюдается: среди тех, кто знает историю нескольких поколений своей семьи, число людей до 30 лет превышает остальные возрастные когорты.

Во многих семьях хранятся семейные архивы и старые фотографии, что отметили 36,1 %, еще у 18,2 % – ордена, у 11,7 % – утварь и т. д. Лишь каждый пятый респондент указал на отсутствие в семье подобных артефактов или затруднился с ответом.

Участникам углубленных интервью задавали вопрос не об источниках знаний о прошлом и доверии к ним, а о факторах и обстоятельствах, формирующих отношение к этому прошлому. Первой реакцией в большинстве ответов было указание на практическое участие в каком-либо мероприятии мемориального характера: шествие в составе «Бессмертного полка», возложение цветов к памятнику, посещение местного музея, памятного места, участие в том или ином массовом мероприятии в качестве зрителя или волонтера.

Столь же часто называлось влияние разговоров внутри семьи: «*Обсуждение исторических событий в нашей семье происходило так: родные большие рассказывали живых историй (цены на продукты, жилье, люди, которые их окружали) и истории о своих предках*». По словам другого респондента, «*это было негласное понимание, формировалось из обрывочных рассказов старших, редких упоминаний в разговорах и витающих в воздухе отголосков прошлого*».

Большая часть респондентов – 39,1 % – гордится участием своих предков в Великой Отечественной войне. Вообще, это событие играет особую роль в рассказах о прошлом, является неким смысловым стержнем и отражает понимание прошлого как сложного переплетения героического и трагического. Так, помимо законного чувства гордости в не меньшей мере в ходе интервьюирования отражались воспоминания о страшных испытаниях, выпавших на долю родных. Один из опрошенных так передает рассказ своего прадеда о войне: «*Было страшно, пули свистели над головами. Приказано было ползти под обстрелом – мы ползли, чуть приподнялся – и ты ранен. Вокруг грязь вперемежку с кровью наших товарищей, запах гари и плоти, крики, стоны. Это невозможно забыть, в памяти останется навсегда. Прадедушка был ранен два раза, после госпиталя возвращался на фронт. Он никогда не смотрел фильмы о войне – говорил, что там все неправда*».

В рассказах ряда респондентов сквозило непонимание некоторых аспектов современных объяснений истории. Один из них говорил: «*Мой прадедушка, Петр Романович, родился на Кубани в казачьей семье. В 1925 г. всю семью сослали в сибирскую деревню недалеко от Сургута. Ненавидел ли он Сталина, который жестоко обошелся с его семьей? Неизвестно. Но я хорошо знаю, что к советской власти он относился хорошо. Он был коммунистом, воевал. В 1942 г. был тяжело ранен, и его отправили домой. Всю жизнь он проработал директором школы и преподавал алгебру и геометрию. Мне непонятно, почему сегодня критикуют коммунистов и социализм, который они защищали от фашистов, если мы сегодня тоже воюем с фашистами. И среди Героев Советского Союза большинство было коммунистами*».

Чтобы выяснить, насколько влияют представления о прошлом в семье на формирование личных представлений, респондентов просили не только дать собственную оценку основным вехам

постсоветской истории, но и высказать мнение (в этом случае анализировалось мнение респондентов до 30 лет), как эти же периоды оценивают члены их семьи. Правда, почти половина опрошенных затруднились ответить, но, судя по остальным ответам, личные мнения и мнения членов семьи в суждениях респондентов в значительной степени совпадают.

Наиболее высокую оценку получила эпоха Л. Брежнева. К ней положительно относится 44,7 % респондентов, а отрицательно – только 8,7 %. В предположительных оценках других членов семьи эти оценки даже несколько выше – 49,3 и 7,7 % соответственно. Этот результат опроса выглядит неожиданно, поскольку в официальном историческом нарративе последний этап советской истории трактовался преимущественно в негативном ключе, что было важно, как часть символической политики по легитимации власти в постсоветский период.

Второй эпохой по числу положительных оценок оказалась сталинская, на что указало 39,6 % опрошенных, в то время как негативно отзывалось о ней только 12,8 %. Далее следует период советской власти после революции 1917 г., получивший 38,1 % положительных оценок, и дореволюционный период – 35,4 %. Причем процент позитивной оценки советских времен был обратно пропорционален степени социально-экономической обеспеченности человека – его доходу и должности.

Разумеется, нельзя судить о содержании коллективных представлений на основе только этих количественных показателей. Например, прежде временно квалифицировать респондентов, позитивно оценивающих правление И. Сталина, как завзятых «сталинистов». На самом деле коннотации этих оценок многослойны и неоднозначны, в чем можно убедиться, обратившись к результатам углубленного интервьюирования. Как выяснилось, в представлениях опрошенных фигурирует как минимум три образа И. Сталина. В первом, составленном по описаниям пяти респондентов, он предстает в роли злодея, повинного в гибели миллионов людей. В глазах существенно большего числа опрошенных – 14 человек – он является выдающимся политическим деятелем и полководцем. Но большинство интервьюируемых – 18 опрошенных – видит в Сталине человека, сумевшего обеспечить социальную справедливость, защищавшего «простого» человека от бюрократов и коррупционеров. *«Он был жестокий человек, но при нем был порядок, работали заводы, строили дома. При нем тех, кто трудился, уважали, а воров сажали в тюрьму»*, – говорит один из пожилых респондентов.

Со столь же существенными различиями в коннотациях мы сталкиваемся в оценках респондентами распада СССР. Подавляющее большинство – 78 % – оценивает это событие как однозначно негативное. Однако не стоит торопиться видеть в этом проявление «ностальгии по имперскому прошлому», сожалений по поводу «потерянных территорий» и пр. Как показало обращение к материалам углубленного интервью, подавляющее число респондентов вообще не мыслит данное событие в подобных категориях. Почти для всех опрошенных распад СССР является не столько geopolитической, сколько социально-экономической катастрофой, связанной с потерей «хороших отношений между национальностями», «достойной работы и образования» и пр.

В целом, советская эпоха, за исключением времени Н. Хрущева, в коллективных представлениях, судя по результатам опроса, выглядит весьма привлекательно. В ответах участников интервьюирования преимущества позднего советского периода видятся даже не столько в существовании социальных гарантий и большей уверенности в завтрашнем дне, сколько в большем уважении к человеку и его труду. Приведем высказывание одного из респондентов: *«Дедушка начал работать бурильщиком, за его рабочие заслуги был написан материал в центральной газете “Труд”. Также бабушка с гордостью рассказала о том, что он имеет награду за освоение Западной Сибири. И долгий период времени его имя и портрет висели на доске почета в производственном объединении “Юганскнефтегаз”»*. Отмечается масштабность задач, решаемых в тот период: *«Эти годы стали золотым веком для советских граждан с точки зрения качества жизни, в государстве были реализованы масштабные промышленные, инфраструктурные и научные проекты»*. Почти все респонденты, положительно описывавшие советский этап, особо отмечали открывшиеся в то время возможности получения образования.

На предпоследнем месте в импровизированном рейтинге эпох глазами респондентов находится период перестройки и правления М. Горбачева (17,5 % положительных оценок), а замыкает этот рейтинг период 1990-х гг. и правления Б. Ельцина (16,7 %). Удивительно, но из всех участников углубленного интервьюирования ни один (!) не нашел положительных слов, оценивая деятельность М. Горбачева и Б. Ельцина. В дискурсе отзывов об этих лидерах превалируют выражения «предательство», «позор», «стыд», «развал», «воровство», «бандитизм», «нищета». *«Как мы тогда выжили, только Богу известно»*, – подводит итог 1990-м гг. один из респондентов.

Обсуждение

Коллективные представления о прошлом, складывающиеся в неформальных практиках местных сообществ, отнюдь не представляют собой набор передаваемых следующему поколению нарративов с явно ностальгическими коннотациями, порождающими мнемонических монстров вроде «имперского сознания». Так же, как государственная историческая политика на национальном уровне имеет реальную политическую цель, например легитимацию власти, неформальная историческая политика местных сообществ отражает актуальный социальный интерес. Например, беспомощность человека перед лицом рынка или власти порождает моделирование в коллективных представлениях способов защиты от них, заставляя искать их аналоги в политических системах и политических деятелях прошлого. Позитивные образы Сталина, СССР и прочего – это «наряженные в одежды прошлого» интересы современных социальных групп. Поскольку интересы граждан и власти отнюдь не всегда совпадают, не всегда совпадают и нарративы официальной исторической политики и неформальных мнемонических практик местных сообществ.

Даже в тех случаях, когда коллективные представления о прошлом, казалось бы, совпадают с официальным нарративом, понятия, которыми они оперируют, могут иметь существенно иное смысловое наполнение по сравнению с индоктринальной позицией. В результате этой своего рода аберрации исторической памяти коннотации исторических событий, например распада СССР, или оценка целых эпох, в частности советской, приобретают совсем иные значения.

В других случаях нарративы государственной исторической политики коллективной памятью попросту игнорируются. Так остались без внимания, не оставив заметного следа в коллективных представлениях, попытки превратить в доминирующий дискурс концепт вины и покаяния за «трудное прошлое».

Более того, неформальные практики локальных сообществ оказались способны формировать дискурсы, противоречие официальной исторической доктрине, и с успехом противостоят ей. Например, в противовес попыткам представить деятельность Б. Ельцина, хотя и сопровождаемую ошибками и неудачами, но в целом как исторически значимую, позитивную, в коллективных представлениях превалируют негативные коннотации. Такое же сопротивление встречает стремление навязать через коммеморативные практики героизацию участников Белого движения.

Отдельную причину расхождений коллективных представлений о прошлом с официальной исторической политикой составляют когнитивно-мнемонические провалы смыслов этой политики. Например, противостояние современной России фашизму в историческом дискурсе трактуется как продолжение той борьбы с ним, которую ранее вел СССР в годы войны. Между тем главным объектом стигматизации в символической политике на всем протяжении постсоветского этапа оказалась Октябрьская революция и социализм. Более того, Победа в Великой Отечественной войне и революция оказались на разных полюсах в системе координат политики памяти. Первая является объектом секьюритизации, вторая – стигматизации. Хотя в коллективной памяти сохраняется представление, что солдаты Красной Армии защищали в том числе и завоевания социализма. Диссонанс усиливает то обстоятельство, что современный радикальный украинский национализм в качестве идеологического врага также видит социализм и коммунизм. Этот контекст ставит современную российскую историческую политику перед проблемой, как, оставаясь на антифашистских позициях, следовать антисоветскому дискурсу.

Этих и других противоречий было бы легче избежать при наличии у исторической политики концептуальной основы. Отсутствие же объяснительной теории не позволяет презентировать события отечественной истории в качестве единого и закономерного исторического процесса. Тем более, что идея общественного прогресса, «подозреваемая» в легитимации политического насилия и революции, вообще оказалась изъята из современной методологии российской политической науки. Результатом становится фрагментация представлений о прошлом – они воспринимаются как не связанные внутренней логикой события, где решающую роль играют личности.

Выводы

Мнение об определяющей роли государственной исторической политики в формировании коллективных представлений о прошлом является следствием одностороннего толкования выводов из конструктивистской парадигмы. Государство в реализации исторической политики, бесспорно, выступает важнейшим мнемоническим актором, но, судя по результатам опросов, ее влияние на кол-

лективные представления о прошлом не столь велико, как можно было предположить, учитывая доминирование в масс-медиа, в том числе и по причине дефицита теоретического обоснования нарративов ее дискурса. В результате, перефразируя известное изречение, можно констатировать, что мысли господствующего класса о прошлом так и не стали господствующими.

Источники неформальных мнемонических практик локальных сообществ, непосредственная среда, в которой коммуницируют индивиды, не только пользуются в их восприятии большим доверием на когнитивном уровне, но и оказывают гораздо более глубокое воздействие на эмоциональную сферу, апеллируя к образам семейной или местной истории. И это нередко оказывается фактором, оказывающим ключевое влияние на формирование коллективных представлений о прошлом.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-20086 «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общегосударственной идентичности»).

Список литературы / References

- Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В. (2024) ‘Официальный дискурс нациестроительства на постсоветском пространстве (на примере России, Казахстана и Белоруссии)’, *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 7–22. [Avksent`ev, V. A., Aksyumov, B. V. (2024) ‘The official discourse of nation-building in the post-Soviet space (on the example of Russia, Kazakhstan and Belarus)’ [Oficial`nyj diskurs naciestroitel`stva na postsovetskom prostranstve (na primere Rossii, Kazaxstana i Belorussii)], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 7–22. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.02 EDN: VAHRAO
- Ассман, А. (2014) *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 323 с. [Assman, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: memorial culture and Historical Politics. Translated from German. Boris Khlebnikov* [Dlinnaya ten` proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. Per. s nem. Borisa Xlebnikova]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 323 p. (In Russ.)].
- Багдасарян, В. Э., Балдин, П. П., Реснянский, С. И. (2021) ‘Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России’, *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 66 (2), сс. 421–437. [Bagdasaryan, V. E., Baldin, P. P., Resnyanskij, S. I. (2021) ‘The Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a Source for Studying Russia's Historical Policy’ [Poslaniya prezidenta Rossiijskoj Federacii Federal`nomu sobraniyu kak istochnik izuchenija istoricheskoy politiki Rossii], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iстория*, 66 (2), pp. 421–437. (In Russ.)].
- Курилла, И. И. (2021) ‘История как язык политики’, *Новое прошлое. The new past*, 1, сс. 104–126. [Kurilla, I. I. (2021) ‘History as the language of politics’ [Istoriya kak yazyk politiki], *Novoe proshloe. The new past*, 1, pp. 104–126. (In Russ.)].
- Курилла, И. И. (2022) *Битва за прошлое: Как политика меняет историю*. Альпина Паблишер. [Kurilla, I. I. (2022) *The Battle for the Past: How politics changes history* [Bitva za proshloye: Kak politika menyayet istoriyu]. Al'pina Publisher. (In Russ.)]. DOI: 10.18522/2500-3224-2021-1-104-126 EDN: UQVNDJ
- Красильникова, Е. И., Вальдман, И. А. (2020) ‘Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв.’, *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 26 (1), сс. 47–54. [Krasilnikova, E. I., Valdman, I. A. (2020) ‘Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Siberian region in the 20th – early 21st centuries’ [Politika pamyati: istoricheskie simvoli i kommemorativnye praktiki v sisteme social'no-politicheskoy samoregulyacii Sibirskogo regiona v HH – nachale HHI vv.], *Bulletin of Samara University*.

- History, pedagogy, philology*, 26 (1), pp. 47–54. (In Russ.)].
- Латов, Ю. В. (2018) ‘Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л. И. Брежнева, Б. Н. Ельцина и В. В. Путина’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 116–133. [Latov, Yu.V. (2018) ‘Paradoxes of Modern Russians’ Perception of Russia during the Times of L. I. Brezhnev, B. N. Yeltsin and V. V. Putin’ [Paradoksy` vospriyatiya sovremennoy mi rossiyankami Rossii vremen L. I. Brezhneva, B. N. El`cina i V.V. Putina], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 116–133. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2016) ‘Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам’, *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 139–158. [Malinova, O. Yu. (2016) ‘The Official Historical Narrative as an Element of Identity Politics in Russia: from the 1990s to the 2010s’ [Official`nyj istoricheskij narrativ kak e`lement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990 x k 2010 m godam], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 139–158. (In Russ.)]. EDN: YNCLNJ
- Малинова, О. Ю. (2018a) ‘Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов’, *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 9–25. [Malinova, O. Yu. (2018a) ‘Commemoration of the Centenary of the 1917 Revolution in the Russian Federation: an analysis of the strategies of key mnemonic actors’ [Kommemoraciya stoletiya revolyucii(j) 1917 goda v RF: analiz strategij klyuchevyx mnemonicheskix aktorov], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, pp. 9–25. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018b) ‘Политика памяти как область символической политики’, в: Миллер А. И., Ефременко Д. В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*: Сб. научн. тр. М.-СПб: Нестор История, 224 с. [Memory politics as an area of symbolic politics [Malinova, O. Yu. (2018b) ‘Politika pamyati kak oblast` simvolicheskoy politiki’, In: Miller A. I., Efremenko D. V. (eds.) *Metodologicheskie voprosy` izucheniya politiki pamyati*: Sb. nauchn. tr. M.-SPb: Nestor Istorya, 224 p. (In Russ.)].
- Мартынов, В. С. (2020) ‘Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти’, *Дискурс-Пи*, 4 (41), сс. 54–67. [Mart`yanov, V. S. (2020) ‘The Russian Elite in Search of a Nation: the Politics of Electoral Memory Rossijskaya e`lita v poiskakh nacii: politika izbiratel`noj pamyati’, *Diskurs-Pi*, 4 (41), pp. 54–67. (In Russ.)].
- Мартынов, М. Ю., Пуртова, В. С. (2024) ‘Деятельность местного сообщества по формированию гражданской идентичности средствами политики памяти’, *Общество: политика, экономика, право*, 8, сс. 22–30. [Martynov, M. Yu., Purtova, V. S. (2024) ‘Activities of the local community in the formation of civil identity by means of memory policy’ [Deyatel`nost' mestnogo soobshchestva po formirovaniyu grazhdanskoj identichnosti sredstvami politiki pamyati], *Society: politics, economics, law*, 8, pp. 22–30. (In Russ.)].
- Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.) (2020) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*, п. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. [Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) (2020) *Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern European Countries. Actors, Institutions, Narratives* [Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy]. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg. (In Russ.)].
- Рубцова, В. Ю. (2017) ‘Политика памяти в практике конструирования локальной идентичности’, *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 1 (4). [Rubtsova, V. Yu. (2017) ‘Politics of Memory in the Practice of Constructing Local Identity’ [Politika pamyati v praktike konstruirovaniya lokal`noj identichnosti], *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 1 (4). (In Russ.)]. EDN: YNHODY
- Русакова, О. Ф. (2013) ‘Дискурс исторической политики в контексте национальной безопасности’, *Дискурс-Пи*, 1 (11), сс. 187–190. [Rusakova, O. F. (2013) ‘The discourse of historical politics in the context

- of national security' [Diskurs istoricheskoy politiki v kontekste nacion-al'noj bezopasnosti], *Diskurs-Pi*, 1 (11), pp. 187–190. (In Russ.)].
- Русакова, О. Ф., Грибовод, Е. Г., Моисеенко, Я. О. (2022) ‘Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов’, *Дискурс-Пи*. 19, 2, сс. 154–171. [Rusakova, O. F., Gribovod E.G., Moiseenko, Ya. O. (2022) ‘The Discourse of Memory Politics: Studies of symbolic aspects’ [Diskurs politiki pamyati: issledovaniya simvolicheskix aspektov], *Diskurs-Pi*. 19 (2), pp. 154–171. (In Russ.)].
- Сафонова, Ю. А. (2018) ‘Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие’, в: Миллер А. И., Ефременко Д. В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*: Сб. научн. тр. М.СПб: Нестор История, 224 с. [Safronova, Yu. A. (2018) ‘Memory studies: evolution, problematics and institutional development’ [Memory studies: e`volyuciya, problematika i institucional`noe razvitiye, Metodologicheskie voprosy` izucheniya politiki pamyati], In: Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati*: Sb. nauchn. tr. M. SPb: Nestor Istoriya, 224 p. (In Russ.)]. EDN: YONPZJ
- Семененко, И. С. (ред.) (2023) *Идентичность. Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. ИМЭМО РАН. – Москва: Издательство «Весь Мир». [Semenenko, I. S. (eds.) (2023) *Identity. Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field* [Identichnost'. Lichnost', obshchestvo politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya]. IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir Publishing House, (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (ред.) (2017) *Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 992 с. [Semenenko, I. S. (eds.) (2017) *Identity. Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition* [Identichnost'. Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie.].
- IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir, 992 p. (In Russ.)].
- Хальбвакс, М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 348 с. [Xal`bvaks M. (2007) *The social framework of memory* [Social`nye ramki pamyati/ per. s fr. i vstup. stat`ya]. M.: Novoe izdatel`stvo, 348 p. (In Russ.)]. ISBN: 978-5-98379-088-9 EDN: QXSOXF
- Фадеева, Л. А. (2020) ‘Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков’, *Известия АлтГУ. Исторические науки и археология*, 6 (116), сс. 73–76. [Fadeeva, L. A. (2020) ‘Securitization of memory and identity politics in the arsenal of politicians and analysts’ [Sek`yuritizaciya politiki pamyati i identichnosti v arsenale politikov i analitikov], *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arxeologiya*, 6 (116), pp. 73–76. (In Russ.)].
- Фадеева, Л. А. (2024) ‘Конструктивные подходы к анализу конструируемой идентичности’, *Современная Европа*, 2, сс. 175–183. [Fadeeva L.A. (2024) ‘Constructive approaches to the analysis of constructed identity’ [Konstruktivnye podkhody k analizu konstruiruemoi identichnosti], *Modern Europe*, 2, pp. 175–183. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S0201708324020141 EDN: NXVEIO
- Anastasio, T. J. (2022) ‘Deriving testable hypotheses through an analogy between individual and collective memory’, *Prog. Brain Res.*, 274, 99–128. DOI: 10.1016/bs.pbr.2022.06.001
- Hirschberger, G. (2018) ‘Collective trauma and the social construction of meaning’, *Front. Psychol.*, 9, pp. 14–41. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01441 EDN: YIJUEX
- Hirst, W., and Coman, A. (2018) ‘Building a collective memory: the case for collective forgetting’, *Curr. Opin. Psychol.*, 23, pp. 88–92. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.02.002
- Orianne, J-F. and Eustache, F. (2023) ‘Collective memory: between individual systems of consciousness and social systems’, *Front. Psychol.*, 14, pp. 123–172. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1238272 EDN: XLWZEA

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

HISTORICAL POLITICS AND COLLECTIVE IDEAS ABOUT THE PAST IN LOCAL COMMUNITIES

M. Martynov

Mikhail Martynov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science,
Surgut State University, Surgut, Russia.
E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8245-7359; ResearcherID: F-8115-2019).

Abstract

The subject of the study is a comparison of the influence of state and non-state actors on the formation of collective perceptions of the past. Non-state actors include local communities whose commemorative practices involve family memory, social media discourse, and informal citizen associations that emerge outside the framework of official historical policy. Methods used include a sociological survey and in-depth interviews. The study was conducted in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug—Yugra. It is concluded that a lack of conceptualization of state historical policy creates semantic gaps in collective ideas about the past, which are filled by various—often informal—local community practices. In some cases, narratives of state historical policy are simply ignored by collective memory; in other cases, they receive a significantly different semantic meaning; and in yet other cases, they turned out to be able to form discourses that contradict the official historical doctrine. The sources of informal mnemonic practices of local communities—the immediate environment in which individuals communicate—are perceived not only as highly trustworthy on a cognitive level but also exert a much deeper impact on the emotional sphere, appealing to images of family or local history.

Keywords: historical politics; memory politics; local communities; collective representations; social memory.

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-20086 (project «Historical policy of local communities and the formation of regional and national identity»).

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-103-119

ПОЛИТИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ

О. В. Попова

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: pov_64@mail.ru, o.popova@spbu.ru (ORCID: 0000-0002-0701-7767. Researcher ID: AAE-8870-2022).

Аннотация

Онлайн-коммуникация в интернет-сообществах, объединяющих жителей определенных населенных пунктов, способствует формированию территориальных комьюнити и образа места жительства как «своего». В данном исследовании объектами анализа стали инициированные и модерируемые рядовыми жителями населенных пунктов, входящих в Екатеринбургскую и Челябинскую уральские агломерации с ядром-мегаполисом, группы «ВКонтакте». В выборку было включено по 14 таких онлайн-сообществ. Обсуждаемые в онлайн-сообществах темы на основе предварительно проведенного анализа реальных практик в данных агломерациях были определены как составные элементы осуществления территориальной политики идентичности органами власти и другими политическими и неполитическими акторами, которым институтами государственного управления делегированы соответствующие функции, полномочия, ресурсы и ответственность. Временной период исследования – с начала января 2023 г. по конец марта 2024 г. Использована технология анализа Big Data. С ее помощью были проанализированы все посты, их тональность, количество просмотров, лайков / дизлайков, комментариев и репостов для 12 основных направлений политики, способствующих формированию территориальной идентичности на городском и локальном уровнях, когда «нашими» становятся в равной степени и населенный пункт, и проживающие в нем люди. Проведенный анализ показал высокую степень сходства характера коммуникации по указанным вопросам в группах «ВК» жителей Екатеринбургской и Челябинской агломераций. Наиболее значимыми для жителей, входящих в эти агломерации населенных пунктов оказались вопросы, связанные с топонимикой, праздничными и памятными днями, учебными курсами. Однако половина предварительно выделенных тематических направлений политики территориальной идентичности обсуждается достаточно вяло – к примеру, культурная жизнь протекает активно, но непосредственно в самих территориальных онлайн-сообществах предметом обсуждений становится нечасто. Жители обеих агломераций – «люди онлайн-действия»: им проще сделать репост информации, чем содержательно ее обсуждать. Следует обратить внимание на скрытую социальную напряженность в отношении осуществления политики интеграции в принимающее сообщество мигрантов из других регионов России и трудовых мигрантов из других государств.

Ключевые слова: политика территориальной идентичности; Екатеринбургская агломерация; Челябинская агломерация; коммуникация в социальных сетях; онлайн-сообщества; «ВКонтакте».

Введение

Городские агломерации, как компактные группы территориально близких и экономически взаимосвязанных населенных мест (преимущественно городских), характеризуются устойчивыми трудовыми, культурно-бытовыми, производственными, рекреационными связями, общей социальной и технической инфраструктурой. Территориальную идентичность можно охарактеризовать как ощущение жителями себя частью социально-культурного сообщества и признание территории проживания «своей» (Калашникова, Погодина, 2024: 233-258). Территориальная идентичность включает: осознание границ территории, образ места, символическую интерпретацию характеристик материальных элементов (улиц, площадей, зданий), совокупность организаций, правил, законов, систему экономи-

ческих, социальных, культурных и политических отношений, людей с их традициями, ритуалами и т. д. Происходит концептуализация и даже мифологизация образа территории (Замятин, 2012a; Замятин, 2012b; Окунев, 2018: 18-25). Одни исследователи используют в качестве синонима понятие «пространственная идентичность» (Печеркина, Кошкина, Хузяхметов, 2021: 85-101), другие пытаются найти отличия. В идеализированной модели территориальной идентичности жители всех входящих в агломерацию населенных пунктов могут воспринимать места проживания как лично значимые, а живущих рядом людей как «мы». Существует взаимная обусловленность территориальной идентичности и социального участия населения, ориентированного на расширенные практики «помогающего поведения» (Воробьева, 2023: 80).

Сформированную территориальную идентичность можно рассматривать как базовое условие развития территории и необходимый ресурс, обеспечивающий ее «конкурентоспособность» на уровне государства. Она является следствием грамотной территориальной политики идентичности (The Politics of Territorial Identity..., 1982; Terlouw, 2018), определяемой как совокупность мероприятий органов власти и политических / неполитических акторов, которым делегируются функции, ресурсы и ответственность за формирование образа места проживания и территориального сообщества. В современных исследованиях представлены различные концепты идентичности и политики идентичности (Гаман-Голутвина, 2024: 177-191; Семененко, 2023: 431-438; Стрелецкий, 2021: 62-75; Фадеева, 2024: 175-183; Routledge Handbook of Identity Studies, 2019), включая развитие городов (Пакшина, 2020; Собственная логика..., 2017; Архипов, 2024: 143-148).

Цель автора – выявление реакции жителей агломераций с ядром-мегаполисом на проводимую политику территориальной идентичности. Таких агломераций в стране 16. Относящиеся к Уральскому экономическому региону и Уральскому федеральному округу Екатеринбургская и Челябинская агломерации сходны экономическим развитием (более успешной считается первая из них), общей логикой исторического, культурного и политического развития. К Уральскому экономическому региону относят также Пермскую и Уфимскую агломерации, однако они сейчас входят в Приволжский федеральный округ. Предварительный проведенный анализ характера связанной с темой политики территориальной идентичности онлайн-коммуникации «ВК» жителей 16 российских агломераций с ядром-мегаполисом показал его определенное сходство для соседних административных образований. Наиболее вероятная причина заключается в сходстве традиций, стиля жизни, общем культурном коде населения. В то же время коммуникация в онлайн-сообществах Московской, Санкт-Петербургской и других проанализированных агломераций, не находящихся рядом, отличается существенно.

В статье речь не идет о формировании агломерационной идентичности. Ее нет в планах органов госуправления субфедерального уровня. Эксперты подтвердили, что в случае Екатеринбургской и Челябинской агломераций нет даже зачатков агломерационной, так называемой «тонкой», идентичности, касающейся ограниченных групп жителей. Политика территориальной идентичности на субфедеральном уровне проводится активно, она связана с формированием региональной, городской и локальной идентичности. Ситуация «маятниковой миграции» в агломерациях, когда люди вынуждены практически ежедневно совершать длительные переезды из своих населенных пунктов к месту работы и обратно, заставляет задуматься, насколько они воспринимают места фактического проживания и их население в качестве «своих». Поскольку в стране сделана ставка на агломерационный тип развития территорий, данный исследовательский проект имеет практическое значение.

В последние годы активно проводятся исследования процессов формирования территориальных сообществ посредством коммуникации в социальных сетях (напр.: Байнова, 2021: 29-33; Зверева, Шестерина, 2023: 407-423; Мирошниченко, Морозова, 2021: 135-149). Уделяется внимание специфике онлайн-взаимодействия в группах, которые созданы и модерируются обычными людьми, проживающими в населенных пунктах; эта коммуникация описывается преимущественно как горизонтальная, нелинейная, подчас хаотическая (Мадиану, Миллер, 2018: 334-356; Савельева, 2021), но поддерживающая формирование чувства общности с территорией и проживающими там людьми, создает некий, пусть мифологизированный, образ «мы», способствует формированию территориальной идентичности (Пашкина, 2020: 19-35). «Языковые средства не только создают, поддерживают и корректируют необходимый территориальный имидж, но и существенно воздействуют на процессы его ментального конструирования и восприятия потребителями» (Казяба, Щипицина, 2023: 8). Важным компонентом теоретических изысканий в этом направлении являются представления о влиянии такой коммуникации на социальные и культурные изменения в местах проживания людей (Нјарvard, 2008: 105-134).

Методические параметры проведения эмпирического исследования

Дизайн проведенного в 2023–2024 гг. исследования политики территориальной идентичности в 16 российских агломерациях с ядром-мегаполисом, часть материалов которого представлена в данной статье, включал: концептуальное выделение основных направлений политики идентичности на субфедеральном уровне; анализ 16 кейсов с точки зрения основных мероприятий и проектов, проводимых, инициированных и / или поддерживаемых субфедеральными органами власти и жителями агломераций; экспертный опрос занимающихся проблемами идентичности и политики идентичности обществоведов (прежде всего, политологов) и политиков-практиков, проживающих в 16 агломерациях с ядром-мегаполисом; дискурс-анализ выступлений губернаторов и глав исполнительной власти регионального и локального уровней; дискурс-анализ обсуждения в социальных сетях проводимой политики идентичности на субфедеральном уровне жителями 16 агломераций.

Цель статьи – на основе сравнительного анализа дать оценку сходства / отличия онлайн-коммуникации жителей относящихся к Екатеринбургской и Челябинской агломерациям населенных пунктов по вопросам, связанным с реализуемыми в этих типах территориальных образований органами власти (регионального, городского и местного уровней), образовательными и культурными учреждениями, инициированными политическими и неполитическими акторами, а также самими жителями, общественными организациями, проектов и мероприятий, направленных на формирование устойчивого территориального сообщества, эмоционально связанного с местом проживания. Исследование такой онлайн-коммуникации позволяет понять, насколько для жителей «видима» проводимая органами власти политика территориальной идентичности, зафиксировать отношение к отдельным ее направлениям. Обычно онлайн-коммуникация жителей населенных пунктов выступает в качестве этапа (начального или сопровождающего) формирования территориального сообщества, воспринимающего место проживания как «своего».

Выбор «ВКонтакте» предопределен популярностью в России этой социальной сети. Согласно данным Mediascope Cross Web, средняя месячная аудитория в третьем квартале 2024 г. составляла 88,1 млн пользователей. «ВК» универсальна и общедоступна, удобна для общения и объединения большого количества пользователей, используется для оперативного обсуждения и поиска решения значимых социальных вопросов. Личные страницы пользователей «ВК» часто содержат реальные данные. Сеть подходит для размещения объявлений, передачи официальной информации, получения новостей, обмена мнениями и т. д. Коммуникация в группах «ВК» проходит «в формате обмена сообщениями (как текстовыми, так и аудиовизуальными), беседы в ситуации соприсутствия, размещения различного контента, предполагающего реакцию других в виде лайков, репостов и др.» (Богомягкова, Харманская, 2024: 171). Сторонники теории фреймов И. Гофмана убеждены, что в содержании постов и комментариев в «ВК» присутствуют три их вида: «фрейм публикаций “о себе”, фрейм тематических публикаций, фрейм инструментально-деловых публикаций» (Богомягкова, Харманская, 2024: 176).

В каждой агломерации по специальной методике были отобраны группы «ВКонтакте». Критерии отбора групп в выборку учитывали следующие параметры: а) группы инициированы и модерируются самими жителями населенных пунктов, входящих в состав агломераций; б) они не являются узкотематическими, а посвящены разнообразным проблемам своего населенного пункта; в) в группах устойчивое и относительно большое количество участников; поскольку количество жителей входящих в агломерации населенных пунктов существенно различалось («ядро» — город-миллионник, а самые маленькие насчитывали лишь несколько десятков тысяч человек), то выбиралась наиболее многочисленная группа «ВК» каждого из населенных пунктов агломераций; г) группы – не «мертвые», в них часто появляются новые посты и комментарии; д) инициатива по выбору обсуждаемых тем принадлежит самим участникам онлайн-сообществ и не корректируется или корректируется частично администратором группы. В результате в выборку было включено по 14 онлайн-сообществ, относящихся к Екатеринбургской и Челябинской агломерациям.

Система индикаторов анализа направлений политики идентичности, инициированных органами власти, культурными и образовательными учреждениями, институтами гражданского общества или самими жителями агломераций, была выявлена в исследовании 2023 г. на основе изучения реальных практик политики территориальной идентичности в 16 российских агломераций с ядром-мегаполисом. Для данной статьи важно, что именно эти тематические направления целенаправленно выявлялись в постах групп «ВК» жителей Екатеринбургской и Челябинской агломераций.

К 12 основным тематическим направлениям территориальной политики идентичности относятся:

- праздничные и памятные дни, связанные с историей населенного пункта, прилежащей территории;
- культурные события в населенном пункте, посвященные людям и событиям в регионе;
- выставки, связанные с населенным пунктом / окружающей территорией;
- музейные экспозиции, связанные с населенным пунктом / окружающей территорией;
- театральные постановки, связанные с населенным пунктом / окружающей территорией;
- памятники, посвященные историческим событиям в крае или уроженцам населенного пункта / прилегающей территории;
- топонимика (наименование улиц, школ, организаций, связанные с уроженцами населенного пункта / прилежащей территории);
- учебные курсы и отдельные темы по предметам в школах, лицеях, колледжах, связанные с регионом / городом;
- краеведение (изыскания, связанные с историей населенного пункта / района);
- обсуждение / решение экологических проблем населенного пункта / окружающей территории;
- политика в населенном пункте / регионе в отношении мигрантов из других регионов страны;
- политика в населенном пункте / регионе в отношении трудовых мигрантов из других государств.

Сбор данных осуществлялся с 1 января 2023 г. по 30 марта 2024 г.

На этапе сбора данных из конкретных групп «ВК» был разработан специальный алгоритм с использованием библиотеки Python для веб-скрапинга и обработки текстов на естественном языке (Natural Language Processing, NLP). Были определены ключевые слова и хэштеги, связанные с политикой идентичности в агломерациях (названия конкретных населенных пунктов, упоминания значимых событий, инициатив проектов, персон); использовалась открытая модель машинного обучения, требующая больших технических мощностей компьютерной техники и длительного участия в ее настройке программиста, который понимает содержание и смысл исследовательского проекта. После этого был создан архив с файлами, содержащими посты с оценкой «нейтрально», «положительно» или «отрицательно». Постам присваивался статус «комбинированная оценка», если они включали непонятные для ИИ выражения (например, в одной фразе соседствовали сарказм и восхищение). На этапе предварительной обработки данных осуществлялась очистка текстов от специальных символов, ссылок, стоп-слов, они приводились к нижнему регистру для улучшения качества анализа. При обработке данных применялись алгоритмы машинного обучения. На этапе тематического анализа использовались методы экспертной оценки для выявления основных тем и подтем в текстах. Это позволило определить, на какие направления политики идентичности население реагирует наиболее активно. На этапе интерпретации и визуализации результатов были подготовлены таблицы, демонстрирующие активность и характер обсуждения постов в группах «ВК» различных направлений политики территориальной идентичности.

Онлайн-обсуждение тематических направлений политики территориальной идентичности жителями Екатеринбургской агломерации

Связанные с обсуждением мероприятий в области политики территориальной идентичности посты в виртуальных сообществах «ВК» Екатеринбургской агломерации составляют треть (34,68 %) от числа всех сообщений за анализируемый период (табл. 1). Такой же показатель у постов в онлайн-сообществах, например, Московской агломерации, а в группах «ВКонтакте» Пермской агломерации он не превышает 25 %.

Таблица 1

**Тональность постов по направлениям политики идентичности онлайн-сообществ
Екатеринбургской агломерации в «ВК» (1.01.2023–30.03.2024)**

Тематические направления обсуждения	Позитивная тональность		Нейтральная тональность		Негативная тональность		Комплексная оценка в комментариях		Всего постов по темам		Ранговая позиция числа постов по определенной тематике
	Число постов	Процент от числа постов по теме	Число постов	Процент от числа постов по теме	Число постов	Процент от числа постов по теме	Число постов	Процент от числа постов по теме	Число постов	Процент от числа постов по теме политики идентичности	
Топонимика	1286	14,55	5647	63,89	1558	17,63	348	3,93	8839	39,80	1
Праздничные и памятные дни	1555	39,77	2057	52,61	80	2,04	218	5,58	3910	17,61	2
Учебные курсы	581	18,63	1920	61,58	497	15,92	121	3,87	3119	14,05	3
Культурные события	782	26,29	1886	63,39	61	2,05	246	8,27	2975	13,40	4
Экологические проблемы	192	17,55	798	72,94	55	5,03	49	4,48	1094	4,93	5
Театральные постановки	129	15,87	578	71,09	53	6,52	53	6,52	813	3,66	6
Памятники	78	14,88	388	74,05	37	7,06	21	4,01	524	2,36	7
Музейные экспозиции	68	15,35	344	77,65	10	2,26	21	4,74	443	2,00	8
Выставки	14	5,36	195	74,72	0	0	52	19,92	261	1,18	9
Политика в отношении мигрантов из других регионов РФ	9	4,97	80	44,20	83	45,86	9	4,97	181	0,82	10
Политика в отношении трудовых мигрантов из других стран	0	0	21	65,63	10	31,25	1	3,12	32	0,14	11
Краеведение	1	9,09	10	90,91	0	0	0	0	11	0,05	12
Всего постов по мероприятиям политики идентичности за изучаемый период	4695	21,15	13 924	62,72	2444	11,00	1139	5,13	22 202	100,0	
Количество постов за изучаемый период на темы, не относящиеся к политике идентичности	6658	15,92	28 654	68,54	4691	11,22	1806	4,32	41 809	100,0	
Всего постов в онлайн-сообществах за изучаемый период	11353	17,74	42 578	66,52	7135	11,14	2945	4,60	64 011	100,0	

* Источник данных: составлено автором на основе проведенных расчетов содержания текстов в группах «ВКонтакте» с помощью технологии Big Data.

Активность размещения жителями Екатеринбургской агломерации «ВКонтакте» постов, относящихся к различным тематическим направлениям политики территориальной идентичности, существенно различается. Можно выделить четыре группы. Наибольшее количество постов связано с топонимикой (до 40 %); далее с большим отставанием идут три темы: праздничные и памятные дни (17,61 %), учебные курсы (14,05 %) и культурные события (13,40 %). К третьей группе по частоте упоминания относятся участие населения в решении экологических проблем (4,93 %) и театральные постановки (3,66 %). В группе «аутсайдеров» оказались темы по шести направлениям: памятники, музейные экспозиции, выставки, открытия в области краеведения, вопросы, связанные с возможностями интеграции в местное принимающее сообщество мигрантов из других регионов РФ и трудовых мигрантов из других стран. Общее количество постов по каждой из этих тем менее 3 % от общего количества анализируемых сообщений. Такая ситуация неожиданна с учетом значительного количества проводимых в Екатеринбурге культурных мероприятий (Попова, Гришин, 2024: 335-357).

Анализ тональности постов показал, что доля сообщений с негативной направленностью составляет около 11 %. Число постов с позитивной тональностью выше – 21,15 % против 15,92 % в сообщениях, не относящихся к политике территориальной идентичности, и 17,74 % по всему массиву.

Количество постов с интонационно-смысловым посылом, который компьютерная программа не смогла идентифицировать, небольшое (4–5 % в каждой теме). Исключение составляют посты о культурных событиях и выставках (соответственно 8,27 и 19,92 %). В сообщениях доминирует нейтральная тональность; баланс позитивных и негативных оценок, за исключением трех тем, положительный. Наибольшее количество позитивных постов посвящено обсуждению праздничных и памятных дней (39,77 % постов) и культурным событиям (26,29 % постов) при минимальном количестве постов с проявлением недовольства, осуждения, иронии и т. д. Есть некоторое смещение баланса в сторону негативной тональности постов, посвященных вопросам топонимики (17,63 % с негативной и 14,55 % с позитивной тональностью).

Пристального внимания органов власти заслуживает политика интеграции мигрантов из других регионов РФ и зарубежных государств. В онлайн-сообществах «ВК» из Екатеринбургской агломерации посты по этой теме редки. За анализируемый период было опубликовано 181 и 32 поста соответственно, что составляет менее 1 % всех сообщений. Доля позитивных и негативных постов о политике в отношении мигрантов из других государств составляет 0 % (!) против 31,25 %, а по поводу интеграции мигрантов из других регионов РФ в принимающее сообщество – 4,97 % против 45,86 %. Налицо доминирование отрицательного отношения при явном нежелании публичных высказываний в своем территориальном онлайн-сообществе, что свидетельствует о рисках роста социальной напряженности.

В анализе реакций на посты учитывались просмотры, лайки / дизлайки, комментарии, репосты. Пост «раскрывают», дочитывают до конца и ставят лайки, если он чем-то психологически «цепляет» аудиторию, поднимает личностно значимую проблему. Комментарии требуют некоторых интеллектуальных усилий, предполагают развертывание дискуссии. «Сетевой комментарий как таковой, не являясь в чистом виде речевым жанром, является жанром для дискурса сетевой коммуникации ... [представляет собой] контентное заполнение позиции, предусмотренной определенным форматом» (Месеняшина, 2023: 130), он постоянно эволюционирует (Абдуллина, 2014: 129-132).

Количественные показатели реакции на посты «ВК» жителей Екатеринбургской агломерации (табл. 2) показывают высокое соответствие числу публикаций. Копируют посты на свои страницы обычно при согласии с их содержанием. Репост сообщения способствует распространению информации, помогает выработать новые смыслы, получить эмоциональный отклик, напомнить об акторах, с которыми тематически связано сообщение. При внешней простоте репосты встроены в социальные и коммуникативные процессы. Ранги реакций на обсуждаемые темы территориальной политики идентичности совпадают полностью или незначительно отличаются.

Интерес участников групп «ВК» к направлениям политики территориальной идентичности оценивался на основе пропорции числа комментариев и репостов к числу публикаций по соответствующей теме (табл. 3). Некоторые результаты оказались неожиданными.

Таблица 2
Реакции участников онлайн-сообществ Екатеринбургской агломерации в «ВК» на посты о направлениях территориальной политики идентичности жителей (01.01.2023–30.03.2024)

Темы постов	Просмотры		Лайки / дизлайки		Комментарии		Репосты	
	Публикатор	Число просмотров	Публикатор	Число лайков / дизлайков	Публикатор	Число комментариев	Публикатор	Число репостов
Топонимика	218 205 144	47,55	1	966 386 45,98	1	199 226 55,03	1	35 8203 47,90
Учебные курсы в школах, лицах, колледжах	62 559 209	13,63	2	246 889 11,68	3	46 177 12,76	2	108 410 14,49
Праздничные и памятные дни	57 284 358	12,48	3	348 794 16,50	2	36 828 10,17	3	87 597 11,72
Культурные события	56 039 935	12,22	4	241 177 11,40	4	28 951 8,00	4	95 309 12,75
Обсуждение / решение экологических проблем	20 627 286	4,50	5	93 411 4,40	5	15 172 4,19	5	26 246 3,51
Центральные постановки	14 453 332	3,15	6	71 081 3,35	7	10 038 2,77	6	32 854 4,39
Памятники	12 050 104	2,63	7	75 894 3,58	6	9346 2,58	7	16 125 2,16
Музейные экспозиции	8 996 989	1,96	8	38 142 1,79	8	6944 1,92	9	10 743 1,44
Политика в отношении мигрантов из других регионов России	6 082 873	1,31	9	21 942 1,01	9	7709 2,13	8	9 580 1,28
Выставки	1 464 208	0,32	10	4129 0,18	10	839 0,23	10	1164 0,16
Политика в населенном пункте / регионе в отношении трудовых мигрантов из других государств	1 016 003	0,22	11	2897 0,12	11	765 0,21	11	1 429 0,19
Краеведение	113 926	0,03	12	311 0,01	12	30 0,01	12	43 0,01
Всего по темам, связанным с темой политики идентичности	458 893 367	100,00		2 111 053 100,00		362 025 100,00		747 703 100,00
Другие темы, не связанные с темой политики идентичности	1 070 750 075			5 968 401		839 396		1 922 114
Всего	1 529 643 442			8 079 454		1 201 421		2 669 817

*Источник данных: составлено автором на основе проведенных расчетов содержания текстов в группах «ВКонтакте» с помощью технологии Big Data.

Таблица 3

**Интенсивность обсуждения участниками городских онлайн-сообществ в «ВК»
постов о направлениях городской и локальной политики идентичности жителей агломерации
(01.01.2023–30.03.2024)**

Тематические направления обсуждения	Всего постов	Активность комментирования по тематическому направлению	Ранговая позиция активности комментирования	Активность копирования постов по тематическому направлению	Ранговая позиция активности копирования постов
Топонимика	8839	22,54	3	40,53	3
Праздничные и памятные дни	3910	9,42	10	22,40	10
Учебные курсы	3119	14,81	6	34,76	5
Культурные события	2975	9,73	9	32,04	6
Экологические проблемы	1094	13,87	7	23,99	9
Театральные постановки	813	12,35	8	40,41	4
Памятники	524	17,84	4	30,77	7
Музейные экспозиции	443	15,67	5	24,25	8
Выставки	261	3,21	11	4,46	11
Политика в отношении мигрантов из других регионов РФ	181	42,59	1	52,53	1
Политика в отношении трудовых мигрантов из других стран	32	23,9	2	44,66	2
Краеведение	11	2,73	12	3,91	12

*Источник данных: составлено автором на основе проведенных расчетов содержания текстов в группах «ВКонтакте» с помощью технологии Big Data.

Активность комментирования и копирования постов о политике в отношении мигрантов из других регионов РФ (соответствующие показатели – 42,59 и 52,53; первая ранговая позиция) и политике интеграции трудовых мигрантов из других государств (соответствующие показатели – 23,9 и 44,66; вторая ранговая позиция) оказалась самой высокой. Самая популярная по количеству постов тема топонимики оказалась только на третьей позиции.

Обсуждение праздничных и памятных дней, занимающее по числу постов вторую позицию, по активности копирования и комментирования находится на десятой позиции. Вероятно, эти мероприятия воспринимаются жителями Екатеринбургской агломерации как рутинизированные. Вялым оказалось и обсуждение вопросов включенности территориального сообщества в решение экологических проблем. Поскольку любой мегаполис сталкивается с ними, напрашивается вывод о переносе жителями ответственности за их решение на органы власти.

Онлайн-обсуждение тематических направлений политики территориальной идентичности жителями Челябинской агломерации

В анализируемом массиве постов онлайн-сообществ «ВК» жителей Челябинской агломерации связанные с политикой идентичности сообщения составляют 29,04 % (табл. 4), что меньше, чем в группах, относящихся к Екатеринбургской агломерации.

Таблица 4

**Тональность постов по направлениям политики идентичности
онлайн-сообществ Челябинской агломерации в «ВК»
(1.01.2023–30.03.2024)**

Тематические направления обсуждения	Позитивная тональность		Нейтральная тональность		Негативная тональность		Комплексная оценка в комментарии		Всего постов по темам		Ранговая позиция числа постов по определенной тематике
	Число постов	Процент от числа постов по теме	Число постов	Процент от числа постов по теме	Число постов	Процент от числа постов по теме	Число постов	Процент от числа постов по теме	Число постов	Процент от числа постов о политике идентичности	
Топонимика	1026	12,48	4867	59,24	2116	25,75	207	2,53	8216	50,99	1
Праздничные и памятные дни	1423	54,69	962	36,97	100	3,84	117	4,5	2602	16,15	2
Учебные курсы	457	20,72	1211	54,90	472	21,40	66	2,98	2206	13,69	3
Культурные события	445	35,43	729	58,04	35	2,79	47	3,74	1256	7,79	4
Экологические проблемы	102	15,91	460	71,76	55	8,58	24	3,75	641	3,98	5
Памятники	84	17,07	321	65,24	46	9,35	41	8,34	492	3,05	6
Театральные постановки	49	17,01	191	66,32	37	12,85	11	3,82	288	1,79	7
Музейные экспозиции	45	28,66	101	64,33	0	0	11	7,01	157	0,97	8
Политика в отношении мигрантов из других регионов РФ	11	7,28	72	47,68	67	44,37	1	0,67	151	0,94	9
Политика в отношении трудовых мигрантов из других стран	1	1,59	54	85,71	8	12,70	0	0	63	0,39	10
Выставки	19	50,00	17	44,74	0	0	2	5,26	38	0,24	11
Краеведение	2	66,7	1	33,3	0	0	0	0	3	0,02	12
Всего постов по мероприятиям политики идентичности за изучаемый период	3664	22,74	8986	55,77	2936	18,22	527	3,27	16 113	100,00	
Количество постов за изучаемый период на темы, не относящиеся к политике идентичности	7594	19,29	23 929	60,79	6914	17,56	927	2,35	39 364		
Всего постов в онлайн-сообществах за изучаемый период	11258	20,29	32 915	59,33	9850	17,76	1454	2,62	55 477		

*Источник данных: составлено автором на основе проведенных расчетов содержания текстов в группах «ВКонтакте» с помощью технологии Big Data.

В онлайн-сообществах «ВК» Челябинской агломерации выделяются четыре группы тематических направлений политики идентичности, существенно различающихся по количеству постов. Безусловным лидером является топографическая тема (почти 51 % всех постов). Во второй тематической группе представлены праздничные и памятные дни, учебные курсы и темы занятий в учебных учреждениях (соответственно 16,15 и 13,69 % постов). К третьей группе относятся посты о культурных событиях (7,79 %), экологических проблемах (3,98 %) и памятниках (3,05 %). Наконец, к группе тем «аутсайдеров», крайне редко встречающихся в постах (все менее 2 %), относятся театральные постановки, музейные экспозиции, выставки, открытия в области краеведения, темы интеграции в принимающее сообщество мигрантов из других регионов РФ и трудовых мигрантов из других стран.

Культурная жизнь в ядре-мегаполисе Челябинской агломерации активна; очень небольшое количество сообщений на эту тему свидетельствует о расслоении населения по культурному уровню и стилю жизни и их сосредоточенности, скорее всего, на практических задачах жизнеобеспечения.

Анализ тональности высказываний по всему массиву групп «ВК» показал сходство распределений постов с положительно, нейтрально, негативно и комбинированно окрашенных сообщений с группой относящихся к политике территориальной идентичности сообщений (соответственно 22,74, 55,77, 18,22, 3,27 %), и с группой сообщений на другие темы (соответственно 19,29, 60,79, 17,56, 2,35 %).

Во всех постах, за исключением темы краеведческих открытий, доминирует нейтральная тональность. Позитивная тональность превалирует над негативной в большинстве сообщений, связанных с культурной тематикой. В посвященных праздничным и памятным дням постах этот показатель составляет соответственно 54,69 и 3,84 %, в сообщениях о театральных постановках – 17,01 и 12,85 %, о памятниках – 17,07 и 9,35 %, о культурных событиях – 35,43 и 2,79 %. Постов, посвященных участию жителей в программах по решению экологических проблем, немного; здесь также наблюдается положительный баланс тональности – 15,91 и 8,58 %. В постах о выставках и музейных экспозициях положительных сообщений соответственно 50,00 и 28,66 %, негативных нет совсем.

Следует обратить внимание на проблемы с «краеведческими» учебными курсами и соответствующими темами в обществоведческом блоке предметов в образовательных учреждениях: при доминировании (54,90 %) постов с нейтральной тональностью доля сообщений с негативной (21,40 %) уже больше сообщений с позитивной тональностью (20,72 %). Более сложная ситуация с тематикой постов, посвященных локальной, городской и региональной топонимике (12,48 % позитивных высказываний против 25,75 % негативных). Инструментарий данного исследования не позволяет ответить на вопрос, в чем причина такой ситуации, но это важный «звонок» для органов государственного управления и образовательных организаций.

Самого пристального внимания заслуживают посты о мигрантах. Пропорция позитивных и отрицательных сообщений о политике в отношении мигрантов из других регионов РФ – 7,28 % против 44,37 %, в отношении трудовых мигрантов из других стран – 1,59 % против 12,70 %.

Реакция участников интернет-сообществ в Челябинской агломерации (табл. 5) показывает конгруэнтность количества постов по тематическим направлениям числу просмотров, репостов, лайков и комментариев. Значимых отличий интенсивности реакций на посты не обнаружено.

Дополнительно вычислена пропорция комментариев и репостов к количеству публикаций по соответствующей теме (табл. 6).

Жители Челябинской и Екатеринбургской агломераций являются больше людьми «онлайн-действия», чем слова: среднее число комментариев по всем направлениям оказалось ниже, чем число репостов. «Горячей» темой является политика интеграции мигрантов из других регионов РФ: при небольшом количестве постов по этой теме (151 во всех онлайн-сообществах агломерации за 15 месяцев, девятая ранговая позиция из 12) именно они получили самый активный отклик (96,34 комментариев и 115,68 перепостов на сообщение).

**Реакции участников онлайн-сообществ Челябинской агломерации в «ВК» на посты о направлениях политики идентичности
(1.01.2023–30.03.2024)**

Темы постов	Просмотры		Лайки / дизлайки		Комментарии		Репосты		
	Число просмотров	Процент просмотров по теме	Ранговая позиция по числу просмотров	Количество лайков / дизлайков	Процент позиция по числу лайков / дизлайков по теме	Число комментариев	Процент комментариев по теме	Число репостов	Процент репостов по теме
Топонимика	196 335 001	55,26	1	1 238 480	48,03	1	277 422	59,96	1
Праздничные и памятные дни	47 832 533	13,46	2	504 269	19,56	2	46 682	10,09	3
Учебные курсы в школах, лицеях, колледжах	41 191 411	11,59	3	224 010	8,69	3	47 130	10,19	2
Культурные события	24 256 078	6,83	4	219 846	8,53	4	28 453	6,15	4
Обсуждение / решение экологических проблем	14 219 244	4,00	5	81 735	3,17	6	19 212	4,15	5
Памятники	12 327 648	3,47	6	171 692	6,66	5	14 854	3,21	6
Театральные постановки	7 334 855	2,06	7	53 338	2,07	7	9953	2,15	8
Политика в отношении мигрантов из других регионов России	6 285 192	1,77	8	47 691	1,85	8	14 548	3,14	7
Музейные экспозиции	3 404 852	0,96	9	22 825	0,86	9	2728	0,59	9
Политика в населенном пункте / регионе в отношении трудовых мигрантов из других государств	1 310 204	0,37	10	5353	0,22	11	1148	0,25	10
Выставки	641 480	0,19	11	6877	0,27	10	444	0,1	11
Краеведение	143 546	0,04	12	2295	0,09	105	0,02	12	241
Всего по темам, связанным с темой политики идентичности	355 282 044	100		2 578 411	100	12	462 679	100	1 065 812
Другие темы, не связанные с темой политики идентичности	862 788 938			7 291 608			1 271 681		2 854 703
Всего	1 218 070 981			9 870 019			1 734 360		3 920 515

*Источник данных: составлено автором на основе проведенных расчетов содержания текстов в группах «ВКонтакте» с помощью технологии Big Data.

Таблица 6

Интенсивность обсуждения участниками онлайн-сообществ Челябинской агломерации в «ВК» направлений политики идентичности (01.01.2023–30.03.2024)

Тематические направления	Всего постов	Активность комментирования по тематическому направлению	Ранговая позиция активности комментирования	Активность копирования постов по тематическому направлению	Ранговая позиция активности копирования постов
Топонимика	8216	33,76	3	75,28	4
Праздничные и памятные дни	2602	17,94	9	45,41	11
Учебные курсы	2206	21,36	7	57,02	10
Культурные события	1256	22,65	6	58,71	8
Экологические проблемы	641	29,97	5	63,68	6
Памятники	492	30,19	4	57,55	9
Театральные постановки	288	34,56	2	96,60	2
Музейные экспозиции	157	17,38	10	60,96	7
Политика в отношении мигрантов из других регионов РФ	151	96,34	1	115,68	1
Политика в отношении трудовых мигрантов из других стран	63	18,22	8	69,08	5
Выставки	38	11,68	11	27,97	12
Краеведение	3	35	12	80,33	3

*Источник данных: составлено автором на основе проведенных расчетов содержания текстов в группах «ВКонтакте» с помощью технологии Big Data.

Высокий интерес при небольшом количестве постов жителей Челябинской агломерации вызывает тема театральных постановок (288 постов, седьмая ранговая позиция; в среднем 34,56 комментариев на пост, вторая ранговая позиция; 96,6 репостов каждого сообщения, вторая ранговая позиция).

Невысокий коэффициент активности комментирования (17,94, девятая ранговая позиция) и репостов (45,42, 11-я ранговая позиция) у сообщений о праздниках и днях памяти, что связано, на наш взгляд, с рутинизацией восприятия этих мероприятий участием в них жителей в качестве зрителей или «массовки».

Заключение

Проведенный с помощью технологии Big Data количественный анализ коммуникации в группах «ВК» как отражения проводимой в Екатеринбургской и Челябинской агломерациях территориальной политики идентичности показал относительно невысокую активность обсуждения проектов и мероприятий. Доминирует нейтральная тональность постов и комментариев, участники онлайн-групп в большей степени предпочитают выражать свое согласие с размещенной информацией лайками и репостами, чем писать комментарии. Некоторые исключительно значимые направления политики территориальной идентичности, например культурные мероприятия в агломерациях, часто не являются информационным поводом для их обсуждения жителями.

Почти половина тематических направлений действий органов власти, образовательных и культурных учреждений, общественных объединений, связанных с проведением политики территориальной идентичности, представлена в сообществах «ВКонтакте» слабо. Исключение составляют посты с топономической тематикой. Географическая, пространственная «привязка» для уральцев исключительно значима. На наш взгляд, заслуживает особого внимания тема усиления краеведческого компонента в учебных курсах средних и высших образовательных учреждений: жители охотно обсуждают эту тему. Политика территориальной идентичности в населенных пунктах агломераций не только не препятствует формированию государственной и гражданской идентичности, но при грамотном акцентировании информации способствует усилению именно конструктивных моделей.

Относительно невысока активность обсуждения праздников и памятных дней, что может объясняться рутинизацией формата проведения этих мероприятий. Наблюдается низкая вовлеченность жителей в обсуждение способов решения местных экологических проблем на территориальных онлайн-площадках, хотя в тематических экологических онлайн-сообществах жители промышленных уральских агломераций активны.

Реакция населения на сообщения по поводу действий в отношении переселенцев из других регионов РФ и трудовых мигрантов из зарубежных стран заслуживает дополнительного внимания органов власти. Государственная политика интеграции в принимающее сообщество данных социальных категорий исключительно важна. При незначительном количестве постов на эту тему в онлайн-сообществах двух уральских агломераций наблюдается отрицательный баланс тональности сообщений, а также большое количество комментариев и репостов, что свидетельствует о наличии «болевых точек» в данной теме для жителей анализируемых территорий.

Рабочая гипотеза о том, что коммуникация инициированных и модерируемых «снизу» территориальных онлайн-групп в двух уральских агломерациях является средством сплочения жителей и усиления их территориальной идентичности (как это наблюдается, например, в Московской агломерации) подтвердилась не в полной мере; в анализируемых случаях активность коммуникации в «ВК» жителей по поводу проводимых в Екатеринбургской и Челябинской агломерациях мероприятий, способствующих формированию сообществ, невысока.

При дополнительном содержательном анализе реакций на посты групп «ВК» выявлено, что внимание жителей не концентрируется специально на конкретных организациях, реализующих тот или иной проект. Интерес вызывают связанные с территориальной политикой идентичности мероприятия, при проведении которых звучат имена известных жителей (из прошлого и настоящего) данных районов. Тема гордости населения «нашими» известными людьми – теми, кто в прошлом или настоящем внес свой вклад в развитие населенных пунктов Екатеринбургской и Челябинской агломераций, – имеет символический характер. Доля упоминаний конкретных людей при обсуждении топонимических вопросов, конкретных культурных мероприятий, специализированных выставок и музеиных экспозиций, участия в праздничных и памятных днях, материалов учебных курсов, установки или реконструкции памятников, краеведческих находок достаточно высока. Парадокс заключается в том, что сами эти акторы, как правило, целенаправленно и осознанно в политике территориальной идентичности не участвуют, но объективно способствуют формированию позитивного образа населенных пунктов агломераций в глазах жителей.

Общая гипотеза о совпадении реакции жителей на проводимую в Екатеринбургской и Челябинской агломерациях политику территориальной идентичности в целом подтвердилась.

Финансовая поддержка:

Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

Список литературы / References

- Абдуллина, Л. Р. (2014) ‘Эволюция жанра комментария: теоретический аспект’, *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 7 (336), 89, сс. 129–132. [Abdullina, L. R. (2014). ‘The evolution of the commentary genre: the theoretical aspect’ [Evolyutsiya zhanra kommentariya: teorecheskiy aspekt], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya. Iskusstvovedenie*, 7 (336), 89, pp. 129–132. (In Russ.)].
- Архипов, И. А. (2024) ‘Российская городская среда как политическое поле’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 18, сс. 143–148. [Arkhipov I. (2024). ‘Russian urban environment as a political field’ [Rossiyskaya gorodskaya sreda kak politicheskoye pole], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 18(2), pp. 143–148. (In Russ.)].
- Байнова, М. С. (2021) ‘Соседские группы в социальных сетях как форма территориальной идентичности’, *Социальный урбанизм: время и пространство городской жизни: Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической онлайн конференции, 25–26 сентября 2020 г.* Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, сс. 29–31. [Baynova, M. S. (2021). ‘Neighborhood groups in social networks as a form of territorial identity’ [Sosedskiye gruppy v sotsial'nykh setyakh kak forma territorial'noy identichnosti], *Sotsial'nyy urbanizm: vremya i prostranstvo gorodskoy zhizni: Sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy onlayn konferentsii, 25-26 sentyabrya 2020 g.* Saratov: Saratov. state tech. univ, pp. 29–31. (In Russ.)].
- Беркинг, Х., Лев, М. (ред.) (2017) *Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике*. М.: Новое литературное обозрение. [Berking, H. & Lev, M. (eds.) (2017) *The Logic of Cities: New Approaches in Urban Studies* [Sobstvennaya logika gorodov: novye podkhody v urbaniistike]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).]
- Богомягкова, Е. С., Харманская, Э. Ю. (2024) ‘Социальные сети как фреймы: анализ пользовательского опыта’, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27 (3), сс. 168–195. [Bogomyagkova, E., Kharmanskaya, E. (2024) ‘Social net-works as frames: user experience analysis’ [Sotsial'nyye seti kak freymy: analiz pol'zovatel'skogo opyta], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 27 (3), pp. 168–195. (In Russ.)]. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.3.6 EDN: HWJTVS
- Воробьева, И. Н. (2023) ‘Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия’, *Социологическая наука и социальная практика*, 11 (1), сс. 70–85. [Vorobeva, I. N. (2023) ‘Territorial identity of the population as a factor and consequence of social participation’ [Territorial'naya identichnost' naseleniya kak faktor i sledstviye sotsial'nogo uchastiya]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 11(1), pp. 70–85. (In Russ.)]. DOI 10.19181/snp.2023.11.1.4. EDN: URTMTB
- Гаман-Голутвина, О. В. (2024) ‘Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному’, *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 177–191. [Gaman-Golutvina, O.V. (2024) ‘The concept of identity: movement from the abstract to the concrete’ [Kontsept identichnosti: dvizheniye ot abstraktnogo k konkretnomu], *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 3, pp. 177–191. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.12 EDN: FKLGZW
- Замятин, Н. (2012a) ‘Территориальные идентичности и реконфигурации социального пространства’, *Политическая идентичность и политика идентичности*, 2. М.: РОССПЭН, сс. 411–429. [Zamyatina N. (2012a) ‘Territorial identities and reconfiguration of social space’ [Territorialnye identichnosti i rekonfiguracii socialnogo prostранства]. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti*, 2. Moskva: ROSSPEN, pp. 411–429 (In Russ.)].
- Замятин, Н. Ю. (2012b) ‘Территориальные идентичности и социальные структуры’, *Общественные науки и современность*, 5, сс. 151–163. [Zamyatina, N. Yu. (2012b) ‘Territorial identities and social structures’ [Territorial'nyye identichnosti i sotsial'nyye struktury]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, 5, pp. 151–163. (In Russ.)].
- Зверева, Е. А., Шестерина, А. М. (2023) ‘Интерактивный компонент медиаконтента как средство формирования комьюнити’, *Медиалингвистика*, 10(3),

- cc. 407–423. [Zvereva, E. A., Shesterina, A. M. (2023) ‘Interactive component of media content as a means of community formation’ [Interaktivnyy komponent mediamonta kak sredstvo formirovaniya kom'yuniti]. *Medialingvistika*, 10 (3), pp. 407–423. (In Russ.)].
- Казяба, В. В., Щипицина, Л. Ю. (2023) ‘Urban –media – verbal: теоретическая модель вербального имиджа города в социальных медиа’, *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 9 (4), сс. 4–30. [Kaziaba, V. V., Shchipitsina, L. Yu. (2023) ‘Urban – media – verbal: a theoretical model of the verbal city image in social media’ [Urban –media – verbal: teoreticheskaya model' verbal'nogo imidzha goroda v sotsial'nykh media], *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teorecheskoy i prikladnoy lingvistiki*, 9 (4), pp. 4–30. (In Russ.)]. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-1 EDN: ALIPNI
- Калашникова, С. К., Погодина, М. Я. (2024) ‘Методологические проблемы современных исследований территориальной идентичности: город, агломерация, регион’, *Политическая наука*, 1, сс. 233–258. [Kalashnikova, S. K., Pogodina M.Y. (2024). ‘Methodological problems of territorial identity studies: city, agglomeration, region’ [Metodologicheskiye problemy sovremennykh issledovaniy territorial'noy identichnosti: gorod, aglomeratsiya, region], *Politicheskaya nauka*, 1, cc. 233–258. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/poln/2024.01.09 EDN: UKUSLU
- Мадиану, М., Миллер, Д. (2018) ‘Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении’, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (143), сс. 334–356. [Madianou, M., Miller, D. (2018) ‘Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication’ [Polimedia: novyy podkhod k ponimaniyu tsifrovyykh sredstv kommunikatsii v mezhllichnostnom obshchenii], *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 1(143), pp. 334–356. (In Russ.)]. DOI 10.14515/monitoring.2018.1.17. EDN: YQUCSQ
- Месеняшина, Л. А. (2023) ‘О жанровой природе сетевого комментария’, *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2 (48), сс. 127–132. [Mesenyashina, L. A. (2023.) ‘On the genre nature of online commentary’ [O zhanchrovoj prirode setevogo kommentariya]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*, 2 (48), pp. 127–132. (In Russ.)]. DOI: 10.47475/2070-0695-2023-48-2-127-132 EDN: UMZERC
- Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2021) ‘Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу»)’, *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 17 (2), сс. 135–149. [Miroshnichenko, I. V., Morozova, E. V. (2021). ‘Network communities as agencies for the formation of city’s agenda (the case of “Help the City” movement)’ [Setevyye soobshchestva kak sub"yekty formirovaniya gorodskoy povestki dnya (na primere dvizheniya «Pomogi gorodu»)], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 17(2), pp. 135–149. (In Russ.)]. DOI: DOI: 10.21638/spbu23.2021.202 EDN: NQAICK
- Окунев, И. Ю. (2018) ‘ТERRITORIALNAYA I PROSTOROVENNAYA IDENTICHNOST’: konseptualizatsiya bazovykh понятий’, *Sravnitel'naya politika*, 1, сс. 18–25. [Okun'ev, I.Yu. (2018) ‘Territorial and spatial identity: New approach to the basic concepts’ [Territorial'naya i prostranstvennaya identichnost': kontseptualizatsiya bazovykh ponyatiy], *Sravnitel'naya politika*, 1, pp. 18–25. (In Russ.)]. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25.
- Пакшина, И. А. (2020) ‘Исследование городской идентичности в интернет-сообществах (по результатам качественного анализа)’, *Научный результат. Социология и управление*, 6 (2), сс. 19–35. [Pakshina, I. A. (2020). ‘Research of the urban identity in online communities (based on the results of qualitative analysis)’ [Issledovaniye gorodskoy identichnosti v internet-soobshchestvakh (po rezul'tatam kachestvennogo analiza)], *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*, 6 (2), pp. 19–35. (In Russ.)]. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-2 EDN: NAGOXH
- Печеркина, И. Ф., Кошкина, А. А., Хузяхметов, Р. Р. (2021) ‘Территориальная идентичность в социальном пространстве’, *Вестник Тюменского государственного*

- университета. Социально-экономические и правовые исследования, 7, 4 (28), сс. 85–101. [Pecherkina, I. F. Koshkina, A. A., Khuzayakhmetov, R. R. (2021). ‘Territorial identity in social space’ [Territorial'naya identichnost' v sotsial'nom prostranstve], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya*, 7, 4 (28), pp. 85-101. (In Russ.).] DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-85-101 EDN: NTFDBD
- Попова, О. В. Гришин, Н. В. (2024) ‘Вопросы политики идентичности агломераций в высказываниях российских региональных политиков: дискурс-анализ материалов «ВКонтакте»’, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3, сс. 335–357. [Popova, O.V., Grishin, N.V. (2024) ‘Issues of the identity policy of agglomerations in the statements of Russian regional politicians: discourse analysis of VKontakte materials’ [Voprosy politiki identichnosti aglomeratsiy v vyskazyvaniyakh rossiyskikh regional'nykh politikov: diskurs-analiz materialov «VKontakte»], *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3, pp. 335–357. (In Russ.).] DOI: 10.46539/gmd.v6i3.464
- Савельева, И. В. (2021) *Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты*. СПб.: Наукоемкие технологии, 139 с. [Savelyeva, I. V. (2021) *Unprofessional political discourse: linguopragmatic and linguopersonological aspects* [Neprofessional'nyy politicheskiy diskurs: lingvopragmatischekiy i lingvopersonologicheskiy aspekty], Sankt-Peterburg.: Naukoyemkiye technologii, 139 p. (In Russ.).] EDN: FJZEUD
- Семененко, И. С. (2023) ‘Перспективы идентитарных исследований и российские приоритеты’, в: *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. М.: Весь мир, сс. 431–438. [Semenenko, I.S. (2023). ‘Prospects of Identitarian Studies and Russian Priorities’ [Perspektivy identitarnykh issledovaniy i rossiyskiye priority]. In: *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya*, Moskva: Ves' mir, pp. 431–438. (In Russ.).]
- Стрелецкий, Б. Н. (2021) ‘Территориальная идентичность как тема исследований в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI веков’, *Региональные исследования*, 3, сс. 62–75. [Streletsy, V. N. (2021). ‘Territorial identity as a research topic in foreign geography in the late twentieth and first decades of the twenty-first centuries’ [Territorial'naya identichnost' kak tema issledovaniy v zarubezhnoy geografii v kontse KXKH i pervyye desyatilietya XXI vekov], *Regional'nyye issledovaniya*, 3, pp. 62–75. (In Russ.).] DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-6 EDN: TPFFMZ
- Фадеева, Л. А. (2024) ‘Конструктивные подходы к анализу конструируемой идентичности’, *Современная Европа*, 2, сс. 175–183. [Fadeeva, L. A. (2024). ‘Constructive Approaches to Analysis of Constructed Identity’ [Konstruktivnyye podkhody k analizu konstruiruyemoy identichnosti]. *Sovremennaya Yevropa*, 2, pp. 175–183. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0201708324020141 EDN: NXVEIO
- Elliott, A. (eds.) (2019) *Routledge Handbook of Identity Studies*. Milton Park, Abington: Routledge, 454 p.
- Hjarvard, S. (2008) ‘The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change’, *Nordicom Review*, 29 (2), pp. 105–134.
- Rokkan, S., & Urwin, D. (1982) *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. Beverly Hills, London: Sage Publications, 438 p.
- Terlouw, K. (2018) *Local Identities and Politics. Negotiating the Old and the New*. London: Routledge Focus, 154 p.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2025
Статья принята к печати: 30.04.2025

THE TERRITORIAL IDENTITY POLICY IN ONLINE COMMUNICATION OF THE URAL AGGLOMERATION POPULATION

O. Popova

Olga Popova, Doctor of Political Science, Professor, Senior Researcher, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: pov_64@mail.ru, o.popova@spbu.ru (ORCID: 0000-0002-0701-7767. Researcher ID: AAE-8870-2022).

Abstract

Communication in online communities that unite residents of certain localities contributes to the formation of territorial communities and the image of a place of residence as “one’s own”. In this study, the objects of analysis were VKontakte groups initiated and moderated by ordinary residents of settlements included in Yekaterinburg and Chelyabinsk agglomerations with a megalopolis core. The sample included 14 such online communities. The subject of the analysis is the topics discussed in online communities, which, based on a preliminary analysis of real practices in these agglomerations, were defined as constituent elements of the implementation of territorial identity policy by government bodies and other political and non-political actors to whom the institutions of public administration have delegated the relevant functions, powers, resources and responsibilities. The time period of the study is from the beginning of January 2023 to the end of March 2024. Big Data analysis technology was used. With its help, all posts, their tone, number of views, likes/dislikes, comments and reposts were analyzed for 12 main types of events that contribute to the formation of territorial identity at the city and local levels, when both the locality and other people living in it become “ours” to an equal extent. The analysis showed a high degree of similarity in the nature of communication on these issues in the VK groups of residents of the Yekaterinburg and Chelyabinsk agglomerations. The most significant issues were related to toponymy, holidays and memorable days, and educational courses. Almost half of the pre-selected thematic areas of territorial identity policy are discussed rather sluggishly. Although cultural life is active in both agglomerations, this information rarely becomes a subject of discussion in the territorial online communities themselves. Residents of both agglomerations are “people of online action”: it is easier for them to repost information than to discuss it meaningfully. It is necessary to pay attention to the hidden social tensions regarding the implementation of the policy of integration into the host community of migrants from other regions of Russia and labor migrants from other countries.

Keywords: territorial identity policy; Yekaterinburg agglomeration; Chelyabinsk agglomeration; communication in social networks; online communities; VKontakte.

Financial support: The study was carried out at St. Petersburg State University with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 23-28-00933 “Identity Policy in Russian Agglomerations in the Context of International Experience”.

УДК-394.2:323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-120-129

ДЕНЬ КОЛУМБА VS ДЕНЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Г. НЬЮ-ЙОРКА: КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

И. А. Ушпаров

Ушпаров Игорь Андреевич, соискатель ученой степени кандидата политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительных политических исследований, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: igor.ushparov@mail.ru (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5645>).

Аннотация

Автор исследует борьбу за переосмысление прошлого в США на примере публичного пространства Нью-Йорка, где политические и общественные акторы используют память о Х. Колумбе для утверждения своих взглядов на национальную историю. Дискуссия вокруг роли Х. Колумба до сих пор вызывает споры внутри американского общества, которые отражаются не только в дискурсе, но и в способах проведения праздников, связанных с историей освоения Америки (День Колумба и День коренных народов). С помощью акторно-ориентированного подхода в статье подробно охарактеризованы политические стратегии по использованию памяти о прошлом. На основе материалов городских СМИ, текстов законодательных инициатив и отчетов был проведен дискурс-анализ. Результат исследования показал, что в Нью-Йорке формируется модель, сочетающая в себе разные способы взаимодействия с прошлым. День Колумба поддерживают республиканцы, которые защищают традиционный взгляд на историю Америки, а также различные гражданские организации, представляющие интересы американцев итальянского происхождения. Они игнорируют альтернативные представления о прошлом и требуют сохранить статус-кво. Коренные народы также не готовы идти на уступки и защищают дискурс о жертвах геноцида. День коренных народов, таким образом, становится не только символической, но и политической формой борьбы за нарратив. Представители штата и города выбирают плюралистическую модель и поддерживают связь между нарративами, однако ограничивают действия коренных американцев по изменению законодательных норм.

Ключевые слова: политика памяти; нарратив; День Колумба; День коренных народов; Нью-Йорк; дискурс; мемориалы.

Введение

Политики, как и другие общественные акторы, все чаще стали прибегать к особому способу взаимодействия с коллективной памятью о прошлом. Исследователи предлагают изучать этот феномен через политику памяти. Она содержит ряд механизмов, с помощью которых акторы могут обосновать принятые политические решения, мобилизовать избирателей во время предвыборной кампании, а также последовательно (де)легитимизировать политический курс. Конкуренция и борьба различных групп за доминирование собственных исторических нарративов в публичном пространстве является содержательной стороной политики памяти (Малинова, 2018: 34). Для политической науки применение аналитической рамки акторно-ориентированного подхода, разработанного М. Бернхардом и Я. Кубиком, выступает релевантным способом определить и объяснить природу конструирования конкретных режимов (моделей) политики памяти (Bernhard, Kubik, 2014).

В исследованиях коллективной памяти (memory studies) принято рассматривать три основные формы взаимодействия с памятью: антагонизм, космополитизм и агонизм. В настоящее время агонистический подход считается наиболее дискуссионным и противоречивым (Bull and Hansen, 2016). А. Булл и Х. Хансен утверждают, что споры и конфликты вокруг прошлого способствуют лучшему обмену мнениями, пониманию и последующему разрешению различных социальных конфликтов. Однако

Ш. Муфф доказывает, что внутри агонизма власть продолжает конструировать иерархичные взаимоотношения между группами, в том числе и вокруг памяти о прошлом (Mouffe, 2011). А. Хоскинс отмечает, что агонизм меняет отношение к памяти, но не изменяет институты (практики), которые могут продолжать порождать конфликты вокруг прошлого (Hoskins, 2017: 90). М. Бернхард и Я. Кубик предполагают, что агонистическая модель реализуется при активном участии акторов-плюралистов, которые готовы включать разные исторические сюжеты в единый нарратив. Помимо них существуют мнемонические борцы, которые игнорируют все альтернативные взгляды на прошлое и верят в исключительность собственного нарратива, и отреченцы, которые отказываются от участия в борьбе за память (Bernhard, Kubik, 2014: 13-15). Разный набор акторов и их стратегий по политическому использованию прошлого усложняет структуру режима (модели) политики памяти, поэтому в науке существует запрос на дальнейшее изучение данной проблемы на разных эмпирических материалах.

США является показательным примером того, как национальная история включает в себя разные исторические нарративы (Thelen, 1998; Romano, Raiford, 2006; Кирchanов, 2017; Dunbar-Ortiz, 2023). После 1970-х гг. американская модель политики памяти стала включать в себя ревизию доминирующих повествований об отцах-основателях. Она направлена на устранение несправедливости и неточностей в описании прошлого, а также на включение разных расовых и этнических групп в характеристику борьбы за становление Америки. Такие события, как рабовладение, колонизация, Гражданская война, борьба за гражданские права, имеют неоднозначную трактовку в коллективной памяти американцев. В настоящий момент политика памяти в США наполнена разными конкурирующими смыслами, которые воспроизводятся широким кругом политических и общественных акторов. Они используют разные инструменты для продвижения и закрепления интерпретаций исторических событий в публичном пространстве. И. Курилла пишет, что к «битве за прошлое» активно присоединяются социальные группы, проживающие в Америке, которые хотели бы не только представить свой нарратив, но и оспорить доминирующий (Курилла, 2022). Альтернативные представления об американской истории транслируются через публичные и дискурсивные практики (Rosenzweig, Thelen, 1998), изменения в системе школьного образования (Moreau, 2003, Loewen, 2007) и строительство особого мемориального пространства, отражающего не только визуальные, но и институциональные перемены (Savage, 1994). На национальном уровне дискуссия вокруг прошлого выражается в формировании двух противоположных проектов: «1776» (1776 Unites project) и «1619» (The 1619 project). В центре их исторического повествования стоят совершенно противоположные концепции основания США, которые воспроизводят разные политические и социальные группы (Hannah-Jones, 2021; Tabackman, 2022). Более того, недавние исследования показывают механизмы конструирования «исключительности» американской нации, которые оспариваются коренными народами, движением Black Lives Matter и другими значимыми общественными акторами (Курилла, 2024; Choi, Liu, 2024). Таким образом, разные группы отстаивают собственные представления о прошлом через символическую борьбу, которая перерастает в политическое противостояние и защиту права на презентацию.

В данной статье основное внимание концентрируется вокруг оценки роли Х. Колумба, который традиционно занимал особое место в истории США, но с 1990-х гг. коренные народы Америки борются за пересмотр его экспедиционной деятельности. Они утверждают, что Х. Колумб способствовал массовому истреблению и незаконному перемещению местного населения¹. В результате коренные американцы пытаются подвергнуть изменениям мемориальное и дискурсивное пространство, связанное с ним, в том числе переименовать праздник День Колумба в День коренных народов. Другая группа людей, наоборот, защищает Х. Колумба и выступает в поддержку роли итальянцев в развитии и становлении США. День Колумба, который ежегодно отмечается во второй понедельник октября и признан в качестве федерального праздника, становится еще одним полем не только битвы за прошлое, но и политического противостояния. Недавняя победа Д. Трампа на выборах президента США может усилить конфронтацию между группами, если учесть его явную поддержку сохранения традиционных взглядов на историю США в целом².

Борьба за доминирование того или иного нарратива отражается через анализ коммеморации и переосмысливания Х. Колумба в Нью-Йорке, в котором различные социальные группы способны от-

¹ Indigenous Peoples' Day: Why It's Replacing Columbus Day (2023) [online], *U.S. News & World Report*, 09 Oct. Available at: <https://www.usnews.com/opinion/articles/2023-10-09/indigenous-peoples-day-why-its-replacing-columbus-day> (Accessed: 25 December 2024).

² Trump Campaign Bashes Radical Leftist Kamala Harris Over Columbus Day Comments (2024) [online], *New York Post*, 14 Oct. Available at: <https://nypost.com/2024/10/14/us-news/trump-campaign-bashes-radical-leftist-kamala-harris-over-columbus-day-comments/> (Accessed: 10 October 2024).

крыто транслировать собственную повестку в рамках исторической памяти. Анализ подобных случаев поможет понять потенциал и ограничения агонистического подхода к памяти. В 2024 г. Нью-Йорк отметил восьмидесятую годовщину проведения торжественного парада в честь Дня Колумба, что совпало с усилением дебатов относительно праздника. Применяемый акторно-ориентированный подход к анализу политики памяти позволяет сравнить модели обращения с памятью о прошлом и продемонстрировать стратегии заинтересованных групп.

Цель статьи – определить типы акторов, стратегии и модель политики памяти о Х. Колумбе в Нью-Йорке и ее презентацию в институциональном и публичном пространстве города.

С помощью метода кейс-стади (*case-study*) в статье определены стратегии акторов и способы использования выработанного ими нарратива в современном публичном пространстве Нью-Йорка. Для выявления основного смыслового содержания нарратива использованы публичные выступления политиков и гражданских активистов, посты в социальных сетях, законодательные акты и текстовые материалы выпусков новостных сюжетов.

Нью-Йорк: анализ конфликта нарративов вокруг Дня Колумба и Дня коренных народов

Согласно данным из Pew Research Center, к 2023 г. только 16 штатов признавали исключительно День Колумба в качестве выходного оплачиваемого дня³. При этом попытки изменить праздник на федеральном уровне были совершены неоднократно. В 2021 г. Дж. Байден стал первым президентом США, который официально объявил этот день как День коренных народов⁴. Однако прокламации не имеют юридической силы, и вопрос об изменении памятной инфраструктуры, связанной с Х. Колумбом, остается открытым.

За последние годы наблюдается рост штатов и отдельных городов, которые меняют название праздника, его смысловое и символическое наполнение. К таким штатам можно отнести Аляску, Гавайи, Мэн, Нью-Мексико, Орегон, Вермонт, Миннесоту, Южную Дакоту и др. Большинство штатов, которые приняли соответствующие поправки об установлении нового праздника, являются демократическими. В США существует партийная поляризация, в том числе и вокруг исторической памяти (Jacobson, 2010; Hibbing et al., 2017). Для аргументации и защиты своих интересов Демократическая и Республиканская партии обращаются к разным периодам истории США и представляют ее с разных точек зрения. В зависимости от контекста и политической повестки партии инструментально выбирают определенные исторические события и фигуры, чтобы оправдать текущую политику, мобилизовать избирателей, укрепить свою идентичность или оспорить позиции оппонентов. Эта грань четко видна на уровне штатов и отдельных городов. Сложилась тенденция, что демократы часто поддерживают нарративы маргинализированных групп, в то время как республиканцы защищают традиционный взгляд и отвергают призывы чрезмерного переписывания исторических канонов⁵. Нью-Йорк, который считается демократическим штатом, до сих пор не принял изменения в пользу коренных американцев на законодательном и мемориальном уровнях, а республиканцы и консервативно настроенные граждане активно защищают здесь собственный нарратив.

В Нью-Йорке ежегодно проходит самый большой парад в честь Дня Колумба. Его поддерживают как жители города, так и представители власти, которые часто возглавляют народное шествие. Гражданский фонд Колумба (*Columbus Citizens Foundation*), который был учрежден в 1929 г., является официальным организатором самого крупного национального парада⁶. Фонд занимается активным продвижением итальянского наследия, языка и культуры в Америке, а также предоставляет стипендии американским студентам итальянского происхождения для получения высшего образования. Организация самого парада зависит в основном от степени вовлеченности волонтеров, многие из которых придерживаются семейных традиций участия. Парад проходит по Пятой Авеню между 44-й и 79-й улицами.

³ Working on Columbus Day or Indigenous Peoples' Day? It Depends on Where Your Job Is (2023) [online], Pew Research Center, 05 Oct. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/10/05/working-on-columbus-day-or-indigenous-peoples-day-it-depends-on-where-your-job-is/> (Accessed: 10 January 2025).

⁴ A Proclamation on Indigenous Peoples' Day (2021) [online], The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/10/08/a-proclamation-indigenous-peoples-day-2021/> (Accessed: 20 December 2024).

⁵ Partisan split highlighted in celebrations of Indigenous Peoples' Day, Columbus Day (2022) [online], The Hill, 10 Oct. Available at: <https://thehill.com/blogs/blog-briefing-room/3681889-partisan-split-highlighted-in-celebrations-of-indigenous-peoples-day-columbus-day/> (Accessed: 25 December 2024).

⁶ About Us (2024) [online], Columbus Citizens Foundation. Available at: <https://columbuscitizens.org/about-us/> (Accessed: 27 December 2024).

цами. После завершения шествия участники распределяются по разным местам в городе, где проходят культурные и развлекательные мероприятия.

Политические акторы принимают активное участие в распространении дискурса и поддержке нарратива о роли итальянских эмигрантов в истории Америки. Губернатор штата Нью-Йорк традиционно находится среди лидеров народного шествия. Поддерживая президента США, К. Хокул в 2021 г. впервые публикует прокламацию о Дне коренных народов, в котором говорится, что перемещение местных сообществ, живших когда-то на этой земле, является «позорной страницей истории страны»⁷. Со следующего же года ею не было выпущено ни прокламаций, ни других официальных заявлений о дальнейшем стремлении власти штата изменить праздник на законодательном уровне. Более того, в 2022 г. она вместе со своим основным соперником – республиканцем Ли Зелдином – выступила против инициативы о переименовании праздника⁸. Л. Зелдин многократно критиковал попытки пересмотреть многие исторические нарративы, защищая консервативные настроения некоторых граждан. В социальных медиа на требования о переименовании праздника он ответил: «Ни в коем случае», выражая свою поддержку итalo-американскому сообществу⁹. Во время борьбы за пост губернатора штата он также активно участвовал в парадах, посвященных Дню Колумба. Один из них проходил в Бронксе в 2022 г., где он подчеркнул важность коммеморации Х. Колумба для американской истории. Республиканец Л. Зелдин отрицает альтернативные мнения о прошлом.

Издание New York Post также представляет и защищает традиционные нарративы, связанные с историей США. За последнее время в газете выходило несколько новостных сюжетов, в которых критиковались попытки пересмотра исторической роли Х. Колумба. К примеру, католический Университет Сент-Джонс отменил празднование Дня Колумба, несмотря на то, что многие итальянцы американского происхождения до сих пор получают там образование. Многие активисты были возмущены данным решением и считают, что подобная политика «очерняет историю»¹⁰. Более того, газета пишет, что не все демократы поддерживают решение о смене праздника. Некоторые из них высказываются за создание отдельного праздника коренных народов в любой другой день. Однако демократ Дж. Брэннан был отстранен от участия в неформальной группе членов городского совета Нью-Йорка за высказывание в пользу переименования праздника в День итальянского наследия¹¹. Общественные группы не готовы к изменению восприятия праздника, даже когда СМИ пытаются доказать, что Х. Колумб был, скорее всего, евреем, а его происхождение связано с Испанией, а не с Генуей. Участники парада высказались, что им «все равно» и они будут продолжать считать Х. Колумба итальянцем независимо от его настоящего происхождения, а Национальный итalo-американский фонд отметил, что генетические исследования – это еще «не вся история»¹². Подобное поведение политических и общественных акторов демонстрирует потенциал в сторону защиты собственной памяти, а не ее плурализации.

К. Хокул, несмотря на свою формальную поддержку коренных американцев, была не готова подписать акт о переименовании Дня Колумба. Это обусловлено нежеланием губернатора потерять большую часть избирателей, для которого память о Х. Колумбе имеет особое значение. По данным сайта World Population Review, процент американцев итальянского происхождения составляет

⁷ Hochul, Kathy [@GovKathyHochul]. Celebrating Indigenous Peoples' Day (2021) [online], X (Twitter). Available at: <https://x.com/GovKathyHochul/status/1447622733962125320/photo/1> (Accessed: 28 December 2024). Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Kathy Hochul and Lee Zeldin oppose bill to rename Columbus Day in honor of Native Americans (2022) [online], New York Post, 28 Sep. Available at: <https://nypost.com/2022/09/28/kathy-hochul-and-lee-zeldin-oppose-bill-to-rename-columbus-day-in-honor-of-native-americans/> (Accessed: 28 December 2024).

⁹ Lee Zeldin [@leezeldin]. “Great day marching in the Manhattan Columbus Day Parade...” (2022) [online], X (Twitter). Available at: <https://x.com/leezeldin/status/1579572236394303488?lang=ar-x-fm> (Accessed: 28 December 2024). Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁰ St. John's University cancels Columbus Day (2024) [online], New York Post, 13 Oct. Available at: <https://nypost.com/2024/10/13/us-news/st-johns-university-cancels-columbus-day/> (Accessed: 28 December 2024).

¹¹ NYC Dem Justin Brannan ousted from City Council's Italian Caucus over Columbus Day stance (2024) [online], New York Post, 12 Oct. Available at: <https://nypost.com/2024/10/12/us-news/nyc-dem-justin-brannan-ousted-from-city-councils-italian-caucus-over-columbus-day-stance/> (Accessed: 29 December 2024).

¹² NYC Columbus Day parade goers get saucy over new claim that explorer was Jewish, not Italian: ‘We don’t care’ (2024) [online], New York Post, 14 Oct. Available at: <https://nypost.com/2024/10/14/us-news/nyc-columbus-day-parade-goers-get-saucy-over-new-claim-that-explorer-was-jewish-not-italian-we-don-t-care/#:~:text=The%20National%20Italian%20American%20Foundation%2C%20which%20supports%20a%20Columbus%20Day%20holiday%20as%20a%20source%20of%20dignity%20and%20self-worth%20for%20Italian%20Americans%2C%20argued%20the%20genetic%20study%20isn't%20the%20whole%20historical%20tory> (Accessed: 29 December 2024).

11,59 % от общего населения штата¹³, в то время как коренных американцев, проживающих в штате Нью-Йорк, соответственно менее 2 %¹⁴. Этот фактор может играть значимую роль при последующем анализе зависимости выбора стратегии по политическому использованию прошлого от институциональных (структурных) условий. К. Хокул нельзя называть мнемоническим борцом в сфере политики памяти, так как она допускает иные версии прошлого в коммеморативный процесс, однако ее поведение демонстрирует применение политики непринятия решения (*non-decision making policy*) по острым вопросам до тех пор, пока ситуация либо сама не разрешится, либо не станет очевидно, от какого решения будет больше выгоды.

Мэр Э. Адамс также поддерживает День Колумба, рассматривая его как важнейший праздник итalo-американской культуры¹⁵. Для него американцы итальянского происхождения являются огромной частью идентичности города, поэтому мэр активно принимает участие в процессе празднования. В 2024 г. он смог присутствовать как на главном юбилейном параде, так и на локальном Бруклинском. Он проходил в районе Бенсонхерст, в котором проживает множество итальянцев. Федерация итalo-американских организаций Бруклина взялась за его проведение для того, чтобы не только отдать дань уважения итalo-американскому наследию, но и подчеркнуть «этническое, языковое и культурное разнообразие района»¹⁶.

В противоположность тем группам, которые защищают нарратив об итalo-американском наследии, Дж. Рамос с 2019 г. инициирует законопроект об отмене праздника Дня Колумба в знак солидарности с историей борьбы коренных народов. Будучи сенатором от демократической партии, она обосновывает свое решение тем, что «Х. Колумб не открывал Америку. Переосмысление праздника позволит уйти от празднования колониализма и даст возможность раскрыть правду на политику угнетения и геноцида коренных народов в Северной и Южной Америке»¹⁷. Дж. Рамос не только продвигает изменения на уровне законодательства штата, но также поддерживает коренных американцев и другие этнические группы в социальных сетях. К примеру, она ежегодно размещает фото и видеоматериалы с различных культурных мероприятий, посвященных важному для той или иной группы нарративов.

Политика памяти – это вопрос не только политических, но и социальных взаимоотношений, где гражданские группы принимают участие в конструировании смыслового и мемориального пространства через коммеморативные практики. Комитет по празднованию Дня коренных народов Нью-Йорка (The Indigenous Peoples Day NYC Committee) является наиболее авторитетным актором, способствующим продвижению культуры местных племенных сообществ. На о. Рандалс они организуют мероприятия, основная цель которых заключается не только в том, чтобы подчеркнуть важность сохранения традиций, обычая и памяти коренных народов, но и распространить идею о необходимости в замене Дня Колумба. Комитет был создан в результате коллективных усилий «снизу» – со стороны различных организаций и членов общин в районах Нью-Йорка. В октябре 2024 г. ему исполнилось 10 лет и была проведена юбилейная встреча.

Мероприятия, как правило, проводят в два дня, наполняя их различными культурными событиями. 13–14 октября 2024 г. состоялся фестиваль, который начался в полдень с танцев, проведения церемонии воды и употребления табака, что подчеркивало духовную взаимосвязь человека и природы и укрепляло идеи о том, что земля «хранит воспоминания»¹⁸. Более того, на мероприятии присутствовали адвокаты и публичные деятели, с которыми участники смогли обсудить важность вклада коренных американцев в американскую историю. Организаторы верят, что данный фестиваль должен стать политической платформой, где аккумулируются несогласия с проводимой политикой колонизации и насилия по отношению к местным сообществам. Подобные политические заявления против доминирующих исторических нарративов связаны с распространением космополитичной формы па-

¹³ Italian Population by State (2024) [online], *World Population Review*. Available at: <https://worldpopulationreview.com/state-rankings/italian-population-by-state> (Accessed: 29 December 2024).

¹⁴ Native American Population by State (2024) [online], *World Population Review*. Available at: <https://worldpopulation-review.com/state-rankings/native-american-population> (Accessed: 29 December 2024).

¹⁵ Columbus Day Parade coming to streets of NYC (2024) [online], *CBS News*, 14 Oct. Available at: <https://www.cbsnews.com/newyork/video/columbus-day-parade-coming-to-streets-of-nyc/> (Accessed: 27 December 2024).

¹⁶ Columbus Day Parade returning to 18th Ave (2024) [online], *Brooklyn Reporter*, 27 Sep. Available at: <https://brooklynreporter.com/2024/09/columbus-day-parade-returning-to-18th-ave/> (Accessed: 28 December 2024).

¹⁷ S2227 (2024) [online], *New York State Senate*. Available at: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2025/S2227> (Accessed: 28 December 2024).

¹⁸ Indigenous Peoples Day events will be held at Randall's Island (2024) [online], *amNewYork*, 14 Oct. Available at: <https://www.amny.com/entertainment/arts-entertainment/indigenous-peoples-day-randalls-island-2024/> (Accessed: 30 December 2024).

мяти на фоне роста активности антиколониальных движений, всплеск которых наблюдался в период 2019–2021 гг.

Лидер Комитета К. Матиас в одном из интервью сообщил, что данные мероприятия направлены не на «выражение протesta против Х. Колумба», а на «празднование [Дня] коренных народов»¹⁹. При этом он подчеркнул, что праздник так и не приобрел политического характера, поскольку: «политики нас не посещают... Мы – та сторона, о которой Нью-Йорк, кажется, забыл»²⁰. При этом К. Матиас утверждает, что борьба за замену праздника важна, поскольку в этот день коренные народы должны помнить о том, что они выжили и смогли пережить те последствия, к которым привели действия Х. Колумба²¹. Он также не согласен с политикой сосуществования разных нарративов, так как она продолжает традицию чествования Х. Колумба. Стратегия, которую выбирает Комитет и его лидер, сигнализирует о нежелании взаимодействовать с конкурирующими группами при выработке единых представлений о прошлом. Выбранный путь антагонизма позволяет представить нарратив как исключительную версию исторических событий, а значит, снижает возможность плюрализации памяти.

Стоит отметить, что место коммеморации выбрано неслучайно – оно напоминает всем собравшимся участникам, что эти земли когда-то принадлежали индейцам ленапе. Представители данного племени полагают, что существует определенный прогресс от нарративного повествования отдельных личностей о прошлом до обозначения современных проблем выживания племен по всей Америке²². К. Матиас считает, что парадигма постепенно меняется и все больше людей поддерживают решение о смене праздника, однако на законодательном уровне предстоит еще «большая работа»²³. Если на уровне штата такие попытки наблюдаются с 2019 года, то на уровне городской мемориальной политики местные органы власти не рассматривают решение о переименовании / изменении праздника. Дальнейшее непризнание нового праздника является: «продолжением геноцида коренных народов, где... искаженный взгляд на историю приводит к их психологическому угнетению», – отмечено в общественной петиции города²⁴. Администрация г. Нью-Йорка должна принять соответствующие меры и добиться справедливости по отношению к истории и культуре местных сообществ, тем самым она «способствовала бы оздоровлению общин».

Общественный адвокат Нью-Йорка является еще одним участником городской политики памяти. В 2024 году Дж. Уильямс выпустил постановление о том, что День коренных народов и День Колумба должны быть совмещены. В заявлении адвокат пишет, что «...для бесчисленного множества коренных народов и исторически угнетенных людей прославлять Колумба – значит праздновать разрушения, которые он помог начать, и искажать его действия и предполагаемые достижения»²⁵. При этом Дж. Уильямс полагает, что не совсем верно опираться только на трагические эпизоды прошлого. Итalo-американское наследие существует благодаря отдельным и выдающимся личностям, которые привнесли значительный вклад в культуру города и страны. Несмотря на позицию по совмещению праздников, адвокат поддерживает инициативы о сносе монумента Х. Колумбу с целью его замены на более подходящий вариант.

Мемориалы и памятные объекты: контрамемориальные практики в г. Нью-Йорке

За последние десятилетия памятник Х. Колумбу, расположенный в центре площади Колумба (Columbus Circle), неоднократно становился объектом символических и протестных акций, проводимых коренными американцами и теми, кто был солидарен с антиколониальным движением (Ruberto &

¹⁹ Indigenous Peoples' Day celebrations grow in New York City (2019) [online], *The New York Times*, 11 Oct. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/10/14/nyregion/indigenous-day.html> (Accessed: 30 December 2024).

²⁰ Ibid.

²¹ What is Indigenous Peoples' Day? A day of celebration, protest and reclaiming history (2024) [online], *NBC Washington*, 14 Oct. Available at: <https://www.nbcwashington.com/news/national-international/what-is-indigenous-peoples-day-a-day-of-celebration-protest-and-reclaiming-history/3438763/> (Accessed: 30 December 2024).

²² Indigenous Day celebration brings people to Treaty Park in Shackamaxon (2024) [online], *Billy Penn*, 14 Oct. Available at: <https://billypenn.com/2024/10/14/indigenous-day-celebration-treaty-park-shackamaxon-2024/> (Accessed: 21 January 2025).

²³ Indigenous Peoples Day events will be held at Randall's Island (2024) [online], *amNewYork*, 14 Oct. Available at: <https://www.amny.com/entertainment/arts-entertainment/indigenous-peoples-day-randalls-island-2024/> (Accessed: 30 December 2024).

²⁴ Recognize Indigenous Peoples Day NYC (2019) [online], *Change.org*. Available at: <https://www.change.org/p/recognize-indigenous-peoples-day-nyc-67471a2f-dcd4-4dd8-bb6e-3c08ba5e9763> (Accessed: 21 January 2025).

²⁵ NYC Public Advocate's Statement on the Observance of Indigenous Peoples' Day and Italian Heritage Day (2024) [online], *Office of the New York City Public Advocate*, 14 Oct. Available at: <https://advocate.nyc.gov/press/nyc-public-advocates-statement-on-the-observance-of-indigenous-peoples-day-and-italian-heritage-day> (дата обращения: 21 January 2025).

Sciotta, 2020). Памятник был построен в конце XIX в. в честь 400-летней годовщины прибытия Х. Колумба в Америку. Монумент представляет собой колонну, на вершине которой расположена фигура мореплавателя. Основание колонны украшено барельефами, которые изображают разные сцены из его путешествий. Памятник не содержит никаких упоминаний о трагедиях, пережитых коренными народами в ходе колонизации, что стало одним из поводов для требований по его демонтажу и переименованию площади²⁶.

Для американцев итальянского происхождения памятник Х. Колумбу играет значимую роль, ежегодно вокруг него собирается множество людей для того, чтобы почтить память. Коренные американцы видят в этом поддержку скрытого и безмолвного геноцида (*hidden and silenced genocide*), который происходит во время коммеморативного процесса²⁷. Открытые противоречия стали возникать еще в 2017 г., когда на фоне протестов власти города так и не смогли принять решение о сносе колонны. Тогда мэр Б. де Блазио создал временную комиссию, которая изучала вопрос о деконструкции памятника. Согласно их отчету, памятник Х. Колумбу имеет особую ценность, поскольку демонстрирует трагические события, охватившие Америку в конце XIX в. (Mayoral Advisory..., 2018: 28). Именно поэтому его важно сохранить, чтобы не нарушать принципы диалогичной памяти. При этом члены комиссии признают сложность и противоречивость фигуры Х. Колумба. Вместо того, чтобы ликвидировать старые памятники, они предложили в течение пяти лет построить новые мемориальные пространства, посвященные памяти об истории коренных народов. Более того, они считают, что организация выставок, изменения в системе школьного и культурного образования, распространение различных историй для повышения осведомленности граждан, а также утверждение отдельного Дня коренных народов помогут улучшить положение и снизить градус социального конфликта (Mayoral Advisory..., 2018: 31).

Национальный итало-американский фонд (The National Italian American Foundation) вступился за сохранение памятника, а его глава Дж. Виола высказал, что «разрушение прошлого не приведет к изменению самой истории»²⁸. В 2017 г. Фонд активно осуждал порчу исторических памятников культурного наследия и пропагандировал их защиту. Однако различные организации, представляющие интересы коренных американцев, пытались сопротивляться решению комиссии. Власти города усилили охрану вокруг памятника, а споры вокруг мемориального пространства перешли из социального уличного протesta в борьбу за законодательное закрепление Дня коренных народов.

У коренных американцев не существует в г. Нью-Йорке крупного мемориального объекта, к которому они бы обращались. Среди культурных пространств города есть определенные места, транслирующие разные исторические сюжеты, связанные с коренными народами. В нижней части Манхэттена есть монумент, посвященный продаже острова голландцам в 1626 г. После роста дискуссий об исторической ответственности за колониализм коренные народы ставят под сомнение законность приобретения голландцами Манхэттена, подкрепляя это аргументами об использовании различных манипуляций, шантажа и отсутствии юридических прав²⁹. Помимо этого, памятник многократно критиковался за некорректное изображение коренных индейцев, передающих «право» на владение землей.

Существуют и иные памятные объекты, одним из которых является бронзовая доска, размещенная на валуне в парке Инвуд-Хилл. Она обозначает историческое наследие присутствия ленапе на этих землях³⁰ до прибытия европейцев в Новый Свет, однако центральное место в повествовании по-прежнему занимает рассказ о продаже Манхэттена. Эти представления о прошлом упрощают структуру нарратива и усиливают споры вокруг прошлого среди конкурирующих групп. На самом валуне указано, что на этом месте когда-то росло тюльпановое дерево как символ исторических корней проживавших когда-то здесь сообществ. Согласно надписи, дерево погибло в 1938 г. в возрасте 280 лет,

²⁶ Cuomo, de Blasio don't want to see Christopher Columbus statue removed or NYC's Columbus Circle renamed (2020) [online], CNN, 12 June. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/06/12/us/nyc-columbus-statue-trnd/index.html> (Accessed: 22 January 2025).

²⁷ The Columbus Monument (2021) [online], ICER Mediation, 10 Feb. Available at: <https://icermediation.org/the-columbus-monument/> (Accessed: 22 January 2025).

²⁸ Tearing Down Statues of Columbus Also Tears Down My History (2017) [online], The New York Times, 09 Oct. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/10/09/opinion/christopher-columbus-day-statue.html> (Accessed: 25 January 2025).

²⁹ The True Native New Yorkers Can Never Truly Reclaim Their Homeland [online], Smithsonian Magazine. Available at: <https://www.smithsonianmag.com/history/true-native-new-yorkers-can-never-truly-reclaim-their-homeland-180970472/> (Accessed: 25 January 2025).

³⁰ Традиционный регион проживания народа Ленапе часто обозначают как Ленапехокинг (Lenapehoking). Данная зона располагалась на территории современных штатов Нью-Джерси, части Пенсильвании, южного части Нью-Йорка и части Делавэра.

оно считалось «последней живой связью» с местными индейцами³¹. Коренные народы выражают несогласие с формулировкой и описаниями тех исторических событий, поэтому недавно нарратив дополнился упоминанием деревни Шораккопок, где ленапе формировали свой быт и развивали культуру, а сам парк имеет сакральный характер для коренных народов, в котором сохраняется духовная связь. Таким образом, активисты борются за признание альтернативной истории основания города, которая ставит в центр повествования не факт продажи земли, а трагический опыт колонизации, насильственного вытеснения и культурного ущерба, нанесенного коренным народам. Отсутствие полноценного мемориала, к которому бы обращались коренные американцы (в частности, народ ленапе), направляет группы на оспаривание чужих нарративов, широко представленных и распространенных в городе.

В конце 2024 года мэр Э. Адамс объявил о проведении культурных мероприятий в честь празднования 400-летней годовщины основания Нью-Йорка. В течение всего года в рамках кампании должна быть широко представлена богатая культура различных сообществ, которые внесли особый вклад в развитие города. Мэр считает, что история основания Нью-Йорка наполнена разными сюжетами, среди которых: «мы должны признать болезненные моменты... и убедиться, что мы отмечаем богатый вклад ленапе в развитие нашего города так же, как и любого другого»³². Кампания приглашала к сотрудничеству различные общественные организации, представляющие интересы меньшинств и коренных американцев, музеи, бизнес, а также пользовалась поддержкой со стороны создателей мюзикла «Гамильтон», известных своим альтернативным повествованием исторических сюжетов. В свою очередь, соучредитель центра народа ленапе Дж. Бейкер выразил надежду на дальнейший прогресс и включенность коренных американцев в повестку 400-летия Нью-Йорка. По его словам, годовщина позволит лучше рассказать жителям города о культуре и принципах, которые обеспечили ленапе «сбалансированное существование» на этой земле³³. Программа на 2025–2026 гг. нацелена на сближение всех сообществ, связанных с историей города, поэтому изменения, направленные на совмещение различных нарративов, формируют тенденцию к гармоничной плюрализации памяти, где каждая группа сможет наравне представить свой нарратив и укрепить его в символическом пространстве.

Заключение

Изучение современных конкурирующих нарративов о Х. Колумбе в Нью-Йорке позволило выявить конкретные стратегии взаимодействия с памятью о прошлом. В городе формируется комбинированная модель, в которой коренные народы и им сочувствующие в основном отказываются признавать нарратив об итало-американском наследии. Они выбирают антагонистические стратегии и оспаривают доминирующий статус исторического повествования о роли мореплавателя, ставя в центр нарративного сюжета трагические последствия колонизации. Республиканцы и гражданские организации, представляющие интересы американцев итальянского происхождения, также вступают в борьбу за собственный нарратив и распространяют традиционный взгляд на историю Америки. Они ежегодно проводят парады, а также имеют возможность посещать различные институционализированные мемориальные площадки в городе, в отличие от коренных американцев, которые не согласны с содержанием существующих памятных объектов. Власти города при этом занимают промежуточную позицию между защитой нарратива об итало-американском наследии и включением альтернативных представлений об американской истории в публичный дискурс. При этом отказ от открытой поддержки законодательных инициатив по изменению праздника, а также сохранение памятника Х. Колумбу демонстрируют желание властей законсервировать устоявшуюся в общественных представлениях память о прошлом. Власти поддерживают идеи о праздновании двух событий, формируя более полную и сложную картину истории основания города, в которой будут продемонстрированы все стороны его становления и развития, что может свидетельствовать о формировании более инклузивного нарратива в будущем.

³¹ Shorakkopoch, *Atlas Obscura*. Available at: <https://www.atlasobscura.com/places/shorakkopoch> (Accessed: 25 January 2025).

³² Mayor Adams Launches Year-Long Celebration of NYC's History and Culture (2024) [online], *Office of the Mayor*, 31 Dec. Available at: <https://www.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/951-24/mayor-adams-founded-nyc-year-long-celebration-nyc-s-history-culture-> (Accessed: 25 January 2025).

³³ Mayor Adams Launches Year-Long Celebration of NYC's History and Culture [online], *Office of the Mayor*, 31 Dec. Available at: <https://www.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/951-24/mayor-adams-founded-nyc-year-long-celebration-nyc-s-history-culture-> (Accessed: 25 January 2025).

Приход Дональда Трампа к власти, вероятно, замедлит начатые в 2019–2021 гг. процессы изменения дискурса и мемориальной инфраструктуры, связанные с Днем коренных народов. Как представитель традиционных взглядов на американскую историю, он упрочит положение нарратива об итalo-американском наследии. При этом штаты будут продолжать самостоятельно идти по пути трансформации символического пространства, опираясь на собственный электорат и внутреннее социально-политическое устройство. Сложная и многосоставная модель памяти, где каждая из групп выступает в роли борца и плюралиста, подчеркивает необходимость в проведении дальнейших исследований, где будут четко определены каузальные механизмы. Пример Нью-Йорка демонстрирует ограничения существующего агонистического подхода к памяти, где, несмотря на существование разных групп, есть риск эскалации мнемонического конфликта.

Список литературы / References

- Кирchanov, M. V. (2017) ‘Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США’, *США и Канада: экономика, политика, культура*, 12 (576), сс. 63–75. [Kirchanov, M. V. (2017) ‘Historical politics, memory politics and the war on monuments in the USA’ [*Istoricheskaya politika, politika pamyati i voyna s pamyatnikami v SSHA*], *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 12 (576), pp. 63–75. (In Russ.)].
- Курилла, И. И. (2022) *Битва за прошлое: Как политика меняет историю*. Альпина Паблишер. [Kurilla, I. I. (2022) *The Battle for the Past: How politics changes history* [Bitva za proshloye: Kak politika menyayet istoriyu]. Al'pina Publisher. (In Russ.)].
- Курилла, И. И. (2024) *Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США*. Альпина Паблишер. [Kurilla, I. I. (2024) *Americans and everyone else: the origins and meaning of US foreign policy* [*Amerikantsy i vse ostal'nyye: istoki i smysl vnesheinye politiki SSHA*]. Al'pina Publisher. (In Russ.). EDN: AQFNRB
- Малинова, О. Ю. (2018) ‘Политика памяти как область символической политики’ в: Миллер, А. И. и Ефременко Д. В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М., СПБ: Издательство Нестор-История, с. 27–53. [Malinova, O. Yu. (2018) ‘The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics’ [*Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki*] in Miller, A. I. and Efremenko, D. V. (eds.) *Methodological issues in studying the politics of memory* [*Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati*]. Moscow, SPB: Izdatel'stvo Nestor-Istoriya, p. 27–53. (In Russ.). EDN: YNCLNJ
- Bernhard, M. and Kubik, J. (eds.). (2014) *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press.
- Bull, A. C. and Hansen, H. L. (2016) ‘On agonistic memory’, *Memory Studies*, 9 (4), pp. 390–404, DOI: 10.1177/1750698015615935.
- Choi, S. Y. and Liu, J. H. (2024) ‘Identifying stories of ‘us’: A mixed-method analysis of the meaning, contents and associations of national narratives constructed by Americans’, *European Journal of Social Psychology*, 54 (2), pp. 431–448. DOI: 10.1002/ejsp.3025 EDN: YKRGKL
- Dunbar-Ortiz, R. (2023) *An indigenous peoples' history of the United States*. Beacon Press.
- Hannah-Jones, N. (2021) *The 1619 project: a new American origin story*. Random House.
- Hibbing, M. V., Hayes, M. and Deol, R. (2017) ‘Nostalgia isn't what it used to be: Partisan polarization in views on the past’, *Social Science Quarterly* 98.1, pp. 230–243. DOI: 10.1111/ssqu.12298
- Hoskins, A. (2017) ‘Memory of the multitude: The end of collective memory’ in Hoskins, A. (ed.) *Digital memory studies*. Routledge, pp. 85–109. DOI: 10.4324/9781315637235-4.
- Jacobson, G. C. (2010) ‘Perception, memory, and partisan polarization on the Iraq War’, *Political Science Quarterly*, 125, pp. 31–56. DOI: 10.1002/j.1538-165X.2010.tb00667.x
- Loewen, J. W. (2007) *Lies my teacher told me: Everything your American history textbook got wrong*. Simon and Schuster.
- Mayoral Advisory Commission on City Art, Monuments, and Markers. (2018) Report to the city of New York [online]. Available at: <https://www.nyc.gov/assets/monuments/downloads/pdf/mac-monuments-report.pdf>. (Accessed: 12 December 2024).

- Moreau, J. (2003) *Schoolbook nation: Conflicts over American history textbooks from the Civil War to the present*. University of Michigan Press. DOI: 10.3998/mpub.17736
- Mouffe, Ch. (2011) *On the political*. Routledge.
- Romano, R. C. and Raiford, L. (eds.). (2006) *The civil rights movement in American memory*. University of Georgia Press.
- Rosenzweig, R. and Thelen, D. (1998) *The presence of the past: Popular uses of history in American life*. Columbia University Press.
- Ruberto L. E. and Sciorra J. (2020) ‘Columbus Might Be Dwarfed to Obscurity’: Italian Americans’ Engagement with Columbus Monuments in a Time of Decolonization’ In: Marschall, S. (eds.) *Public Memory in the Context of Transnational Migration and Displacement: Migrants and Monuments*. Palgrave Macmillan Cham, pp. 61–93.
- Savage, K. (1994) ‘The politics of memory: Black emancipation and the Civil War monument’ In: Gillis, J. R. (eds.) *Commemorations: The politics of national identity*. Princeton University Press, pp. 13–55. DOI: 10.1515/9780691186658-010 DOI: 10.1515/9780691186658-010
- Tabackman, R. N. (2022) *1619 vs 1776: Unsettling the Archive, and the Reproduction of Racial Ignorance through Neoliberal Multiculturalist Epistemology*. Wake Forest University.
- Thelen, D. (1989) ‘Memory and American history’, *The Journal of American History*, 75 (4), pp. 1117–1129. DOI: 10.2307/190863

Статья поступила в редакцию: 25.02.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 30.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

COLUMBUS DAY VS. INDIGENOUS PEOPLES' DAY IN NEW YORK CITY PUBLIC SPACE: COMPETING VISIONS OF AMERICAN HISTORY

I. Ushparov

Igor Ushparov, applicant for a Degree Candidate of Political Science, senior lecturer, North-West Institute of Management,
RANEPA, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: igor.ushparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Abstract

The author examines the struggle to reimagine the past in the United States, using New York City’s public space as an example where political and public actors employ the memory of Columbus to assert their views on national history. The debate over Columbus’s legacy continues to generate controversy in American society, reflected not only in public discourse but also in the celebration of holidays linked to the country’s development—Columbus Day and Indigenous Peoples’ Day. Using an actor-oriented approach, the article details political strategies that draw on historical memory. Discourse analysis is based on city media, legislative texts, and reports. The study finds that New York is developing a model that combines multiple approaches to engaging with the past. Columbus Day is supported by Republicans and civic organizations representing Italian Americans, who reject alternative narratives and advocate for preserving the status quo. Indigenous peoples are also not ready to make concessions and defend the discourse about the victims of genocide. Indigenous Peoples’ Day thus becomes both a symbolic and political means of contesting dominant narratives. State and city representatives choose a pluralistic model and maintain the connection between narratives, but limit the actions of Native Americans to change legislative norms.

Keywords: politics of memory; narrative; Columbus Day; Indigenous Peoples' Day; New York; discourse; memorials.

Международные отношения

УДК-070:327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-130-142

CONSTRUCTING CHINA'S IMAGE IN THE BRITISH MEDIA DURING INTERNATIONAL CRISES: A CASE STUDY OF THE TIMES NEWSPAPER SINCE FEBRUARY 2022

Zehao Yin

Zehao Yin, PhD in philosophy,

HSE University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: eric520magneto@gmail.com (ORCID: 0009-0009-5397-0485. ResearcherID: MIN-6876-2025).

Abstract

International society has noted a series of interlinked events that have implications for the construction of national representations within media discourse. This study probes how The Times represented China's image during global crises, with special focus on the period after Russia initiated its special military operation on February 24, 2022. Although this provides key context, the research also takes into account other factors, such as fluctuations in economic relations, changes in domestic leadership, and ongoing historical representations. Using content analysis coupled with statistical analysis through SPSS, the study outlines dominant narratives, themes, and underlying biases in media output. Based on social constructionism, the research highlights the importance of image, identity, and the mediatization of political affiliations. The findings add to the understanding of media representation and its consequences for China's monitoring of its international image.

Keywords: China's image; the Times; content analysis; SPSS; social constructivism; international crisis; media framing.

Introduction

In today's world of rapid globalization and interconnected nations, a country's image extends beyond its domestic affairs, becoming vital to its international position and influence (Meierding & Sigman, 2021). This image, shaped by media, greatly affects diplomatic ties, economic cooperation, and cultural exchanges. During global crises, media reports are key in molding and altering national images (Hall, 2024; McCombs & Shaw, 1972). Russian special military operation, initiated on February 24, 2022, marks a turning point that not only shook global geopolitics but also reshuffled the narratives circulated by Western media. In the context of the media landscape of Britain, particularly as exemplified by The Times, China has seen its representation change radically since the operation commenced.

The Times, as a leading British newspaper with a legacy of over two centuries, wields considerable influence over public opinion and policy discourse in the United Kingdom and beyond (Evans, 2009). Its coverage of international events, including the Russian special military operation, is scrutinized for its narrative choices, thematic focus, and underlying biases. The way China is represented in these reports can either reinforce or challenge existing stereotypes, influence diplomatic strategies, and shape the public's understanding of China's role on the global stage (Said, 1978).

While factors such as the evolving Sino-British economic relationship, domestic political changes (e.g., post-Brexit adjustments), and long-standing historical stereotypes contribute to the construction of China's image, this study maintains a primary focus on how the Russian special military operation has served as a key catalyst for these narrative changes. By closely examining media texts from February 2022 to January 2024, we aim to demonstrate that the operation provided a specific context in which The Times' coverage of China was reoriented. The operation, therefore, is not an isolated backdrop but a central element that shaped the discourse and influenced the portrayal of Chinese identity and policy in the British media.

This study looks at how The Times portrayed China's image during the Russian special military operation. By undertaking a content analysis of articles published between February 24, 2022 and January 1, 2024, we hope to identify the prominent themes, connotations, and tendencies that characterize this coverage. The study is led by the following research questions.

How does The Times construct China's image amidst the complexities of the Russian special military operation?

What are the key themes and narratives that emerge from the coverage of China by The Times during this period?

How do these narratives reflect or challenge existing perceptions of China's role in international crises?

What are the implications of these media portrayals for China's international reputation management and strategic communication efforts?

Its significance is marked by the fact that the research is both multifaceted and multidimensional. First, the research contributes to the academic discourse around media representation and the international implications thereof. This media analysis around the portrayal of China clarifies the mechanisms involved in soft power and public diplomacy. Second, the research has practical implications for China's foreign diplomacy by pointing out the importance of good media communication and image manipulation during times of global crises (Coban Oran, 2016). Third, this research provides the foundation for further research into the media and international politics by providing a case study that explores the media coverage and public views around the leading global powers in the wake of operation.

This paper is structured as follows. The literature review section of this study offers a comprehensive assessment of the existing scholarly debates on media representation, and in particular, the representation of China in Western media outlets such as The Times. This paper provides an in-depth review of theoretical models and empirical studies that have informed the understanding of media effects on public opinion and their resulting influence on foreign policy in times of international crises. In addition, the review compares methodological strategies used in the previous studies that have scrutinized media content, media framing effects on diplomatic relations, and national reputation management.

This chapter provides the intellectual context of the present study by identifying gaps in the existing literature that the present study aims to address, specifically regarding how China is portrayed in media discourse amid the Russian special military operation. The Methodology chapter reports the procedures for data gathering, sample selection criteria, development of the encoding scheme, and operational definitions for coding. The Results chapter provides an in-depth examination of the findings, excavating the prevailing themes, trends, and biases of The Times' reporting on China. The discussion chapter interprets these findings, examining their effects on media representation, international diplomacy, and the management of China's reputation (Krippendorff, 2018). Lastly, the key findings are summarized briefly, and suggestions are provided for future study and practical application.

Coverage of China in British media

Jiang Heping, as early as 1998 published the article "The Image of China in the British Media", which analyzed the four British newspapers, the Times, the Daily Telegraph, the Guardian and the Financial Times, from the perspective of content and reporting. The results obtained demonstrated that British media like to use one-sided opinion to generalize China hastily in a biased way: China as a country that is authoritarian, backward, corrupt, and lacks democracy (p. 80-81).

Newton and Brynin (2001, p. 267) note that British newspapers have strong political stances, attitudes, and agendas, and these publications are eager to utilize their coverage to sway the public's perceptions of significant political problems in the country.

For such background, many scholars have conducted researches on the British media's portrayal of China.

Seib and Powers (2010) looked at the coverage provided by Deutsche Welle, CNN International, and BBC World Service. They discovered that the BBC tended to be biased when describing China's human and political rights record. Although China is covered by the media, it is consistently portrayed as a threat to "international" stability and order (Seib & Powers, 2010, p. 11). They emphasized that the media does not portray China as a supportive actor on the international scene in half of the stories they cover.

In the meanwhile, Sparks' (2010) study gives a narrower focus, by discussing how British presses reported China in 2008. He argues that it was a common belief that because of the 'legacy of the Cold War and Western anti-communism' ideology in Western society, British newspapers' coverage of China was 'a systematically, and maliciously, distorted account of Chinese realities.'

The Times, a broadsheet with a conservative slant, mostly covered commerce, business, and economics in China (Wang, 2021). The Times demonstrated a broad interest in China's economic development and circumstances as a whole, in addition to depicting China as a nation with whom the UK is doing trade deals in the wake of the Brexit decision. Wang also mentioned, for some other mainstream newspaper, like The Sun, The Daily Mirror and The Guardian, they saw China's economic might as robust, steady, and encouraging, and, more significantly, as a country that will be open to trade with the UK following Brexit, but also gave China such a doubtful and critical views.

Other reports and surveys proved negative portrayal of China. For instance, the 2020 Sinophone Borderlands survey revealed overall negative public perceptions of China in the UK: 62% reported "negative" or "very negative" sentiment, and 68% said that their "general view" of China had worsened over the last three years.

Before the Russian special military operation, the general tendency of British media portrayal of China can be defined in the following way:

Some left-wing media tend to criticize China, especially on issues such as human rights and democracy (Wang, 2021). They may report on issues such as the Chinese government's repressive behavior, controversial policies and its treatment of ethnic minorities. These media may pay more attention to China's internal issues and continue to report on China's human rights situation.

Some authoritative and conservative media pay more attention to China's economy, technology and international status (Wang, 2021). They may report on China's economic growth, investment activity and trade relations with China. These media may pay more attention to China's international influence and geopolitics.

In addition, some mainstream media, may adopt a neutral stance and attempt to comprehensively report on all aspects of China, including politics, economy, culture, etc. (Sparks, 2010). They may provide more comprehensive and objective information to meet the needs of different readers.

However, no matter in the past or now, the media in Britain, under the regulation of their ideologies and interest groups, have always expressed their political tendencies and positions openly or covertly, implicitly or explicitly (James Curran & Jean Seaton, 2003, p.174). That is why it seems crucial to find out whether the media's stance has changed due to the Special military operation or if this crisis has not influenced the main tendencies in coverage. From Krippendorff (2018) understanding these shifts can provide valuable insights for policymakers, scholars, and the general public about the evolution of international perceptions and media strategies.

Methodology

Our study on the portrayal of China in The Times newspaper, grounded in social constructivism and relies predominantly on content analysis as the research method.

Social constructivism, as defined by Berger and Luckmann (2016), posits that reality is socially constructed through interaction and shared meanings, a framework that can be applied to analyze how newspaper texts reflect and shape societal perceptions. From Peci et al (2009), media representations are not mere reflections of objective reality but are constructed through discursive practices. Therefore, there are image, identity and mediatization of politics as the key concepts guiding this analysis, first is the collective representation and symbolic attributes assigned to China through media discourse. Second is the self-representation of China within international communication, shaped by both historical narratives and contemporary events. And the third is the process by which political phenomena, including Russian Special military operation, are reframed by the media, thereby influencing public perception.

Content analysis is the method that provides a variety of tools to the study of media content (Berelson, B., 2000). The content analysis is not limited to identifying the message components, but also enables to understand the communicator's intention and receiver's interpretation of the message.

While acknowledging that factors beyond the operation (e.g., economic relations and historical biases) contribute to China's portrayal, the analysis explicitly focuses on how the Russian special military operation has redefined the narrative strategies used by The Times. The subsequent coding and content analysis specifically trace shifts in themes and sentiment that correlate with the operation period.

Sampling

This study's data was sourced from Factiva, a premier global news database, which provided a comprehensive collection of articles from The Times, a leading British newspaper. The selection of articles for content analysis was guided by the following criteria.

The articles were selected from two distinct periods to capture the evolving narrative of China's image during the Russian Special military operation. The first period spanned from February 24, 2022, to December 31, 2022, and the second period from January 1, 2023, to December 31, 2023.

The articles were filtered to include those that contained the terms "China" or "Chinese" in either the title or the content, ensuring that the selected articles were directly relevant to the study's focus on China's image. The articles also included a variety of types to capture a broad spectrum of media representation, such as news reports, opinion pieces, and editorials.

After applying these criteria, a total of 993 articles were identified as valid samples for the study. The articles were categorized into different themes already in the Factiva, which enables us to reorganize them into 4 general categories: Politics, Economics, Culture and Society, which can provide a structured approach to the content analysis.

Charts 1 and 2 below provide a basic statistical overview of the selected articles, categorized by themes, subthemes and frequency.

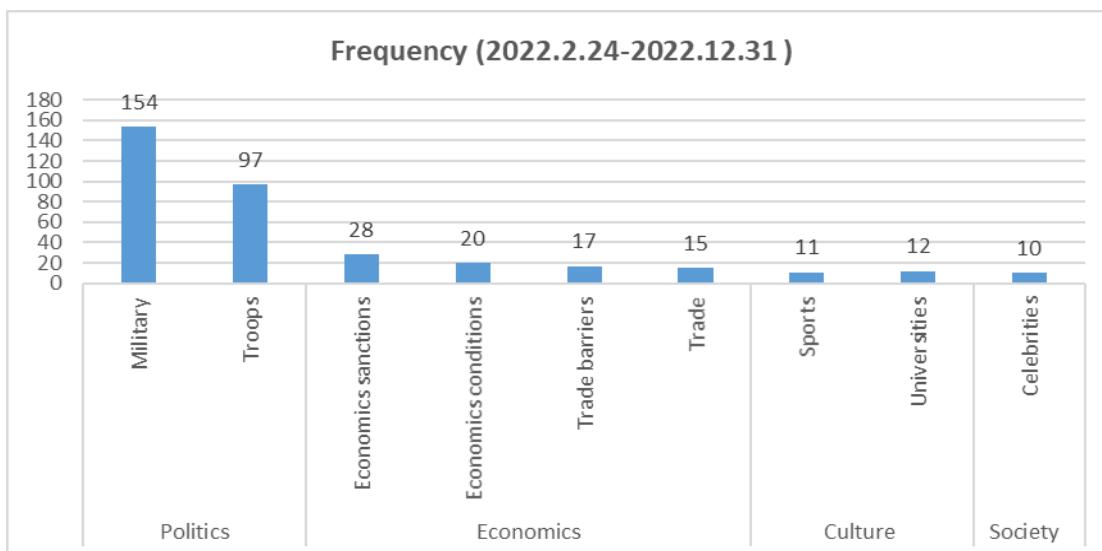

Fig. 1. Frequency of themes in 2022

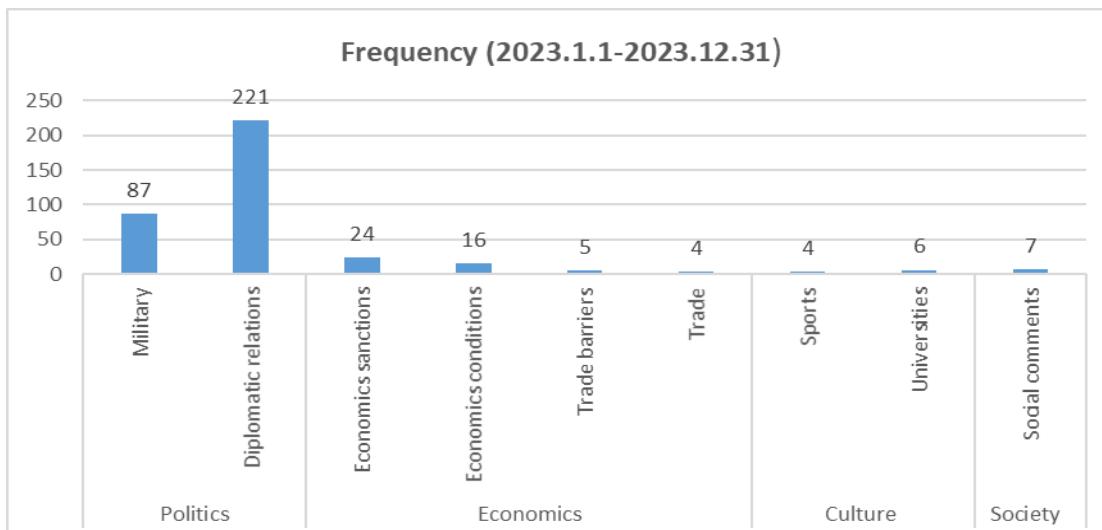

Fig. 2. Frequency of themes in 2023

This categorization allows for a basic analysis of how different themes and subthemes are represented in relation to China's image. The frequency of categories provides insights into the depth and breadth of coverage, with shorter articles typically offering less detailed perspectives compared to longer, more in-depth reports.

The selection process and the statistical overview ensure that the sample is representative of The Times' coverage of China during the specified periods, offering a robust foundation for the content analysis that follows.

In this study, each article was used as an analysis unit.

Code category

Constructing the encoding frame

This paper aims to study media content. Therefore, the division of "categories" in content analysis should be comprehensive, exhaustive, mutually exclusive, and equal. This study assigns values to variables 1 to 5 for "date", "theme", "article length", "proportion involved", and "tendency" in turn. It is worth noting that this study assigns values to variables 1 to 8 for the specific descriptions of political positive words, political negative words, economic positive words, economic negative words, cultural positive words, cultural negative words, social positive words, and social negative words in turn in order to further explore the fuller image of China in the British media. Among them, due to the small number of cultural negative words and social words, the assignment is relatively adjusted.

The construction of the encoding frame is a critical step in content analysis, as it lays the foundation for systematic and reliable data interpretation. For this study, the encoding frame was developed to capture the nuances of China's image as portrayed in The Times during the Russian Special military operation. The frame consists of several categories, each with specific variables and operational definitions to ensure comprehensive and structured analysis.

In addition to tracking themes and sentiment, the coding system has social constructivist variables based on documenting how identity and mediatization are formed in the textual analysis over the course of the operation. Specifically, the analysis records textual markers symbolizing the construction of China's identity and the mediatization of political affairs during the Russian SMO. For example, descriptive labels such as "global mediator," "assertive rising power," and the like were indicated as China's projected identity. Further, recurring narrative routines—whereby diplomatic messages or policy initiatives were framed as natural components of a long-term strategic reaction to the crisis—were coded in mediatization.

Although these mediatization and identity dimensions were not independently measured through distinct numerical values in our original dataset, they were consistently considered throughout the qualitative analysis of the articles. This practice lends richness to the quantitative results by relating the described thematic frequency and sentiment shifts to the social constructivist image formation dimensions themselves directly. In so doing, the analysis echoes that the Russian special military operation was the primary driver behind the reorienting of media representations, paying homage to the fact that the other drivers (e.g., economic relations or historical stereotypes) exist but in the background.

Operational Definition

Theme

The report themes are divided into four categories: politics, economics, culture and society (the subcategories under the major categories have been classified and counted in the Factiva database.) Political reports include news about China's activities in politics and diplomacy, international relations, law and military, national security, human rights and freedom. Economic reports include news about China's domestic economic policies, international energy investment, stock market trade and other dynamics. Cultural reports include news about the media industry, education and culture, sports and health, natural environment, science and technology, medical care, tourism and meteorology. Social reports include news about social appearances, social events and social problems.

Connotation

Connotative meaning of the articles is based on the connotation of the terms used: positive, negative and neutral. The main way to distinguish the tone is to look at the context and specific meaning of words in the article. Words that praise China's policies and practices are commendatory words; words

that criticize the Chinese government or may cause obvious distortion or misunderstanding of the audience's understanding of China's image, as well as words that may cause unfavorable associations, are classified as derogatory words; other objective declarative words without any commendatory or derogatory color are classified as neutral words.

Overall tendency

The overall tendency of an article is determined by the prevalence of lexemes carrying negative, neutral, or positive connotations, which is a common approach in content analysis to assess the tone of media coverage (Neuendorf, 2017). This classification system provides a structured approach to understanding the tone of the media coverage, which is crucial for analyzing the portrayal of China's image in The Times during the Russian special military operation.

This method of classification allows for a nuanced understanding of how different articles contribute to the overall narrative and sentiment surrounding China's image in the context of international crises. By categorizing articles based on tone, this study can provide insights into the media's role in shaping public perception and inform strategic communication efforts (Hall et al., 2024).

Analytic Process

The contingency table was constructed in SPSS with themes as row variables and reporting tendencies as column variables to observe the frequency distribution between different themes and reporting tendencies. A chi-square test was conducted on the contingency table data to assess the independence between themes and reporting tendencies. The chi-square value, degrees of freedom, progressive significance (two-tailed), and Monte Carlo significance (two-tailed) were calculated.

Data extraction for the years 2022 and 2023 from the dataset included variables such as themes, frequency, and tendency. The dataset encompasses multiple topic categories (e.g., politics, economy, culture, society) and their corresponding reporting tendencies (negative, neutral, positive).

Hierarchical clustering was employed to explore the relationship between different themes and their associated article lengths. In DeCoster's guidance (2004), hierarchical clustering is a statistical method that allows us to group data points (In this case, articles on different themes) based on their characteristics, revealing the underlying structure of the data. Ward's linkage method, a type of hierarchical clustering that enables us to observe the hierarchical relationships between data points, thus understanding how different themes cluster together.

Results

Comparison of frequency in the themes

From the Fig.1 and Fig.2, we can see shifts in media coverage across various themes. In the domain of Politics, the frequency of articles related to Military sphere saw a decrease from 154 in 2022 to 87 in 2023, indicating a reduced focus on military affairs. Notably, the theme of Diplomatic relations emerged as a significant focus in 2023 with 221 articles, which was not present in 2022, suggesting a heightened emphasis on international diplomacy.

Within the Economic sphere, there was a consistent decline in the frequency of articles across most subthemes. Economic sanctions and Economic conditions both experienced a decrease, with 28 and 20 articles in 2022 dropping to 24 and 16 in 2023, respectively. Similarly, the coverage of Trade barriers and Trade communication saw a marked reduction, aligning with a broader trend of decreased economic reporting.

In the realm of Culture, the frequency of Sports articles decreased significantly from 11 in 2022 to 4 in 2023, while Universities saw a slight increase from 12 to 6 articles over the same period. This shift may reflect changes in cultural interests or priorities.

Within the Society category, the coverage of Celebrities remained relatively stable, with a modest decrease from 10 articles in 2022 to 7 in 2023. Conversely, Social comments made their first appearance in 2023 with 7 articles, indicating a new area of societal focus.

Overall, the comparative analysis of thematic frequencies between 2022 and 2023 highlights a dynamic media landscape, with certain areas such as diplomacy and social commentary gaining traction, while traditional focuses like military affairs and economic issues experienced a decline in coverage. These trends provide valuable insights into the evolving priorities of news reporting and may be indicative of broader geopolitical and social shifts.

The relation between themes and tendency

For the tendency, as aforementioned, it was divided into positive, neutral and negative. Here we use VADER (Valence Aware Dictionary and Sentiment Reasoner) as the source of lexemes, which is a lexicon and rule-based sentiment analysis tool that is particularly attuned to sentiments expressed in social media. It is fully open-source and follows an MIT license, making it accessible for a wide range of applications (Hutto, C., & Gilbert, E., 2014). For example, positive connotation was represented by the following lexemes: great, good, love, amazing, happy etc. Negative connotation was represented by such lexemes as horrible, terrible, bad, failure, annoying etc.

According to the list of lexemes, we can get the tendency of reports in each theme as aforementioned.

Within the topic Politics the following example demonstrates the positive tendency:

Lin has also attended events in Britain where he praised the CCP and its political goals. An October 2019 event to mark the launch of the British Fujian Association was attended by two Conservative MPs, an official from the Chinese embassy and a UFWD official from Fujian province. Lin, the president of the association, gave a speech and was reported by Chinese media to have praised the Chinese tradition of "love the country, love the hometown, dare to fight and win" and the role the overseas Chinese community could play in actively promoting "the development of the motherland and hometown".

At the same event, the deputy minister for the UFWD in Fujian province heralded the work of overseas Chinese citizens in supporting the country's goals, including reclaiming Taiwan. He said they had made "positive contributions to supporting the construction and development of the motherland, promoting the reunification of the motherland, and promoting the spirit of the Chinese nation", according to a Chinese-language news report. (The Times, 2023.04.19)

Within the topic Economics the following example demonstrates the negative tendency.

China's domination of international shipping and control of key European ports would enable it to choke global trade in the event of a conflict with the West over Taiwan, an EU research paper has warned.

The paper, which draws on Chinese government documents, found that "there is a growing politicisation and militarisation of China's civilian maritime sector" at a time of heightened geopolitical tensions.

Professor Jonathan Holslag of the Brussels VUB university and the Belgian Royal Higher Institute for Defence warned about the complexity of the current situation in Europe: "It is crucial for Europe's security and prosperity to critically evaluate this vulnerability," said he in the paper (Times, 2022.12.26).

The overall tendency has been summarized and presented in *Table 1*.

Table 1

Overall tendency of themes in 2022 and 2023

Theme	Subthemes	Frequency (2022)	Tendency (2022)	Frequency (2023)	Tendency (2023)
Politics	Military	154	Negative	87	Negative
Politics	Troops/Diplomatic relations in 2023	97	Negative	221	Neutral
Economic	Economic sanctions	28	Negative	24	Negative
Economic	Economic conditions	20	Neutral	16	Positive
Economic	Trade barriers	17	Negative	5	Negative
Economic	Trade communication	15	Positive	4	Positive
Culture	Sports	11	Neutral	4	Positive
Culture	Universities	12	Neutral	6	Positive
Society	Celebrities	10	Neutral	7	Neutral

Expected Frequency Calculation

Ensuring that the expected frequency in each cell was at least 5 to meet the basic requirements for the chi-square test, it was found that 3792 cells (97.5%) had expected counts greater than 5, with the minimum expected count being 4.05 for 2022 and 4.61 for 2023.

The results of the chi-square test, including the chi-square value, p-value, and confidence interval, were analyzed to determine if there is a statistically significant association between themes and reporting tendencies. The results obtained presented in *Table 2*.

Table 2
Chi-Square Test (Themes and Tendency) from 2022 to 2023

Chi-Square Test (Themes and Tendency) for 2022						
	Value	Degrees of Freedom	Progressive Significance (Two-tailed)	Monte Carlo Significance (Two-tailed)		
				Significance	99 % Confidence Interval	
					Lower limit	Upper limit
Pearson Chi-Square	10.560 ^a	3	0.015	0.0150 ^b	0.002	0.030
Likelihood Ratio	9.871	3	0.026	0.0220	0.001	0.004
Fisher-Freeman-Halton Exact Test	11.239			0.0130 ^b	0.000	0.000
Valid Cases	993					

a. 3792 cells (97.5 %) have expected counts greater than 5. The minimum expected count is 4.05.
b. Based on 100,000 sampling tables, with a starting seed of 126474071.

Chi-Square Test (Themes and Tendency) for 2023

	Value	Degrees of Freedom	Progressive Significance (Two-tailed)	Monte Carlo Significance (Two-tailed)		
				Significance	99 % Confidence Interval	
					Lower limit	Upper limit
Pearson Chi-Square	15.230 ^a	3	0.000	.020 ^b	0.001	0.004
Likelihood Ratio	12.348	3	0.006	.080 ^b	0.060	0.060
Fisher-Freeman-Halton Exact Test	14.562			.040 ^b	0.003	0.005
Valid Cases	993					

a. 3792 cells (97.5 %) have expected counts greater than 5. The minimum expected count is 4.61.
b. Based on 100,000 sampling tables, with a starting seed of 1201225993.

The chi-square test results for both 2022 and 2023 showed p-values less than 0.05, indicating a statistically significant association between themes and reporting tendencies (DeCoster, J., & Claypool, H. M., 2004). This suggests that reporting tendencies are not randomly distributed but are influenced by the category of the theme.

The chi-square value for 2023 (15.230) was higher than for 2022 (10.560), implying a potentially stronger association between themes and reporting tendencies in 2023.

The majority of cells had expected frequencies above 5, ensuring the reliability of the chi-square test results.

Monte Carlo significance was calculated using a specific seed value, which should be included in the analytic process. The Monte Carlo simulation results further supported the findings from the chi-square test. The results were based on 100,000 samplings, with starting seeds of 126474071(for 2022) and 1201225993(for 2023), ensuring the randomness of the simulation and the reliability of the results. The setting of seed values in Monte Carlo simulations is crucial for ensuring the reproducibility and stability of the results, allowing for consistent sequences of random numbers across different time points or studies, thus making the research findings comparable. The 99% confidence intervals indicate that there is 99% confidence that the true p-values lie within the calculated ranges, further supporting the conclusion of statistical significance.

The Monte Carlo significance results were consistent with the chi-square test results, further validating the statistical significance. The Monte Carlo significance (two-tailed) for 2022 was 0.015b, and for 2023, it was 0.020b, indicating that in both cases, the association between themes and reporting tendencies was statistically significant. Combining the chi-square test and Monte Carlo simulation data, we may infer that the association between themes and reporting trends is statistically significant and consistent over two years.

In summary, the research findings reveal that there are significant disparities in reporting frequencies across a large number of themes in both 2022 and 2023, which are statistically significant. This might mean that the media uses various strategies when covering different issues or that the public has different reactions towards the coverage of various themes. These findings are important for understanding media reporting patterns and dynamics and may have implications for media practice and public policy.

The relation between themes and articles' length

The hierarchical clustering analysis of the data from 2022 and 2024 yielded the following clustering results (*Fig. 3* and *Fig. 4*):

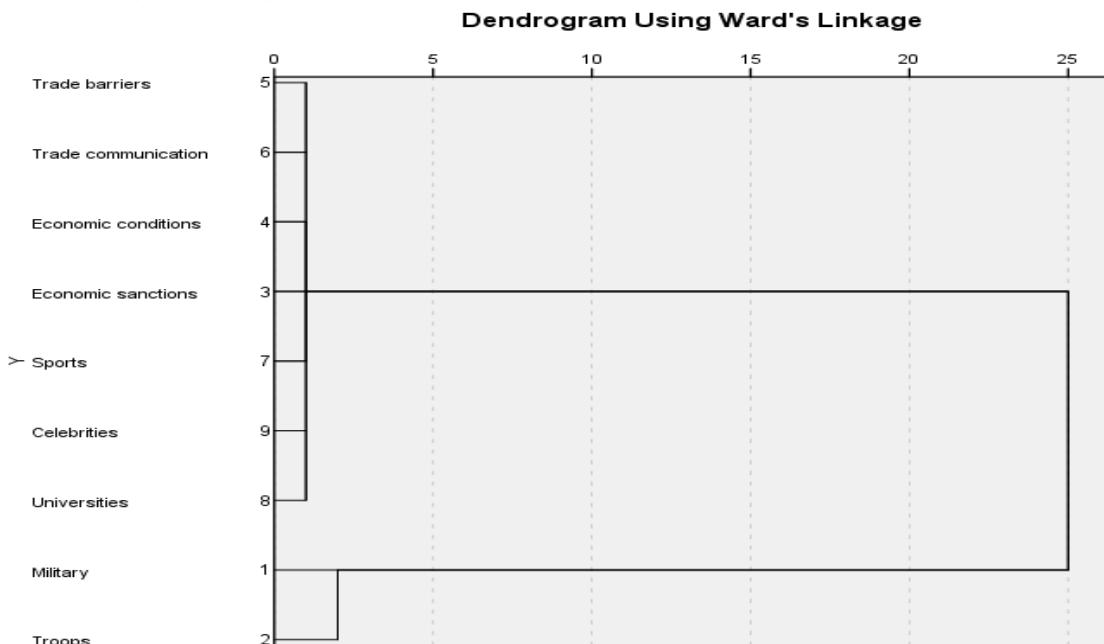

Fig. 3. Dendrogram using Ward's linkage of 2022

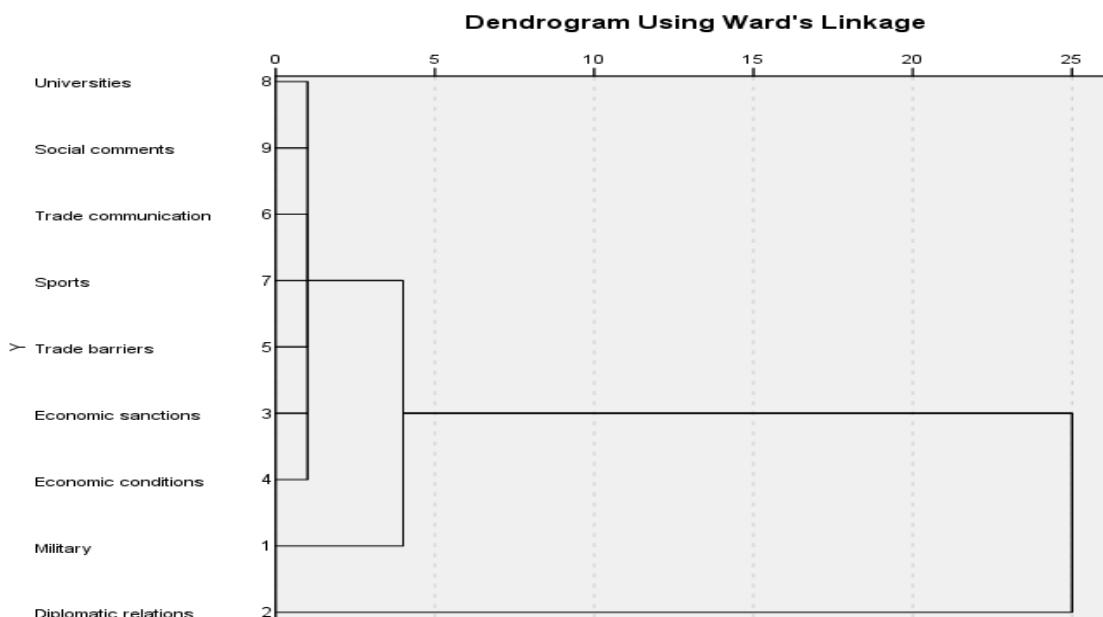

Fig. 4. Dendrogram using Ward's linkage of 2023

According to the clustering study, in 2022, The Times' coverage of China during the Russia special military operation was mostly focused on political and military issues. There was a lot of long-form journalism, with numerous stories over 1000 words. This in-depth coverage was critical for understanding the intricate dynamics of China's political and military posture. The length of these studies reflected the strong worldwide interest in comprehending China's role in the operation. Economic topics such as sanctions and trade barriers were also handled, but to a lesser extent than political and military issues. Cultural and social issues got little attention, indicating that they were not the primary focus of the operation's early stages.

The focus altered as we moved toward 2023. Political themes persisted, but there was a dramatic decline in military coverage. This trend may indicate a shift in international attention away from actual military actions and toward diplomatic and political efforts to resolve the operation. Economic coverage, particularly of sanctions and trade restrictions, has expanded dramatically. This highlights the growing concern over the long-term economic impacts of the Special military operation and China's influential role in these areas. The nature of the articles also shifted towards shorter pieces, under 500 words, signaling a need for more immediate and frequent updates as the operation continued. Cultural and social topics saw a slight increase in coverage, possibly due to the prolonged nature of the special military operation leading to greater consideration of its broader societal impacts.

Comparing these two years, we see a clear transition from detailed, long-form analysis in 2022, driven by the immediate complexities of the operation, to shorter, more frequent updates in 2023 as the operation dragged on. The shift in themes from military to political and economic topics reflects changes in the operation's dynamics and international focus. These adjustments in coverage likely respond to evolving reader interests and the changing global situation. The reduction in long-form military reports and the increase in short, real-time economic updates highlight a strategic shift in media reporting to match the ongoing developments and public interest in the Russian Special military operation and China's role in it.

Discussion

The 2-year analysis of The Times' coverage of China during the Russian special military operation revealed a complex interplay of geopolitical dynamics, historical narratives, and contemporary diplomatic relations. It exposes a notable reorientation of The Times' narrative on China in the years following Russia's Special military operation. Though additional elements like historical depictions and economic policies are existed, the main change in themes and sentiment clearly relates with the conflict era. According to the statistics, media framing becomes more intense and more drastically rearranges national images amid geopolitical crises. This confirms that the Russian Special military operation played a decisive role in shaping British media's portrayal of China, evidencing a strategic use of conflict narratives to underscore specific political and diplomatic dimensions.

But the portrayal of China's image was not uniformly positive or negative, indicating a multifaceted media representation. This finding contrasts with popular perceptions that might suggest a straightforward increase in negative portrayal of China with international crises, for example, in the COVID period, China being stigmatized (Balakina, 2023). It also diverges from research that has reported increased incidence of negative reporting during periods of high tension or conflict: the media hardly gave any hope for the best, broadcasting intensely and negatively (Starosta et al., 2020). Instead, our study indicates a more nuanced media landscape where the Times has balanced critical perspectives with acknowledgments of China's diplomatic efforts and its role in global communications.

We recognize that this analysis may not fully account for potential biases in media reporting or the impact of exogenous events such as changes in conflict or policy coverage. These variables could be confounding and impact how we interpret our results. Even though we feel that these constraints had not impacted the overall result of the study significantly, future studies might be aided by having greater controls or following a longitudinal approach to examine media representation over a period of time. Future studies might also study the impact of social media and the role of individual journalists in portraying China's image.

This research has significant implications for media representation scholarship, particularly its capacity to influence public opinion and guide strategic communication campaigns. The Times' nuanced coverage of China illustrates the efficacy of media framing as a tool for guiding global discourse and influencing policy formulation.

This research adds value to the field through its systematic investigation of a premier media institution's coverage of China at a critical global juncture. It provides a comprehensive outlook which can be utilized for enhancing academic discussion, in addition to informing practical work within media and public diplomacy. The research held emphasizes the importance of considering complexities of media representations in order to shift successfully between image management at a global level.

Conclusion

The present research aimed at analyzing the coverage of China in The Times amid the Russian Special military operation, focusing specifically on what this means for media portrayal, international diplomacy, and management of China's image. Content analysis of reports released by The Times from February 24, 2022, to January 1, 2024, offers valuable information on the storylines created around China's involvement and actions pertaining to the conflict, along with addressing the concerned research questions.

RQ1: How does The Times present China's image in the context of the Russian Special military operation?

The Times has built up a picture of China derived from an informed combination of geopolitical reality, historical accounts, and contemporary diplomatic moves. This picture has been shaped by China's impartial stance and diplomatic overtures, which have evoked responses that range from acceptance to suspicion. The reporting has vacillated between highlighting China's role as a potential mediator and criticizing its position regarding international sanctions.

RQ2: What are the primary themes and narratives emerging from The Times' coverage of China over this period?

The prevailing themes and motifs that have been recognized are China's diplomatic neutrality policy, economic cooperation between China, Russia, and Ukraine, and the implications of the special military operation on China's foreign relations. China's push for peace and diplomacy, possible role in mediating the operation, and response to foreign criticisms have been reported on by The Times. These stories highlight the complex nature of China's public image and the difficulty it encounters in maintaining its international reputation.

RQ3: How do these narratives reflect or contradict current perceptions of China's role in international crises?

These assessments offered by The Times both validate and test the prevalent views about China's status within the international order. They identify the growing relevance of China and its search for impartiality as being consistent with the entrenched maxims of Chinese foreign policy (www.gov.cn, 2023). At the same time, these assessments also interrogate this depiction by exploring China's adherence to global norms in international law, notably sanctions and interventions by the military.

RQ4: How do these media depictions affect China's international reputation management and strategic communication efforts?

The imbalance pointed out by The Times has significant implications for China's strategy in forming the views that others have or wish to have about it within the international community. Positive impacts from the nation's diplomatic efforts and economic growth may make the nation better known as a positive participant within the global community. Negative implications from China's reactions to sanctions and naval operations would negatively influence the reputation. That means China's strategic communication must go further than just creating strategic messages and include the operational practice in programs that ensure that China's global reputation effectively addresses complex global issues.

In conclusion, the study has demonstrated that The Times' portrayal of China during the Russian Special military operation is multifaceted, shaped by a range of narratives that reflect both China's strategic interests and the international community's expectations. While secondary influences such as economic relationships and long-standing stereotypes are briefly acknowledged, the analysis firmly establishes that the conflict catalyzed significant changes in the media portrayal of China. Grounded in social constructivism, the findings underscore how the concepts of image, identity, and mediatization of politics are instrumental in understanding these shifts: in The Times' coverage of China from a predominant focus on military and political themes in 2022 to increased attention on diplomatic and economic issues in 2023. The portrayal of China in 2022 was largely negative, emphasizing its strategic and military actions. However, by 2023, the coverage became more balanced, highlighting China's diplomatic efforts and economic conditions.

This shift in media focus reflects broader geopolitical dynamics and suggests that China's international image is complex and evolving (Zhang, L., 2016). The study underscores the importance of proactive media engagement and strategic communication for China to manage its international reputation effectively. By understanding these media narratives, China can better navigate its role on the global stage and influence public perception in its favor (Ni, Y., 2024). These findings contribute to the broader discourse on media representation and international relations, offering insights into how media framing can shape public perception and inform strategic communication efforts. The results underscore the importance of a nuanced understanding of media portrayals for effective image management on the global stage. Contribution to the Field:

Список литературы / References

- Balakina, J. (2023) 'State, Media, People During COVID-19 Pandemic', *Communications. Media. Design*, 8 (1), pp. 24–39. EDN: FZWKVD
- Berger, P., & Luckmann, T. (2016) *The social construction of reality*. In *Social theory re-wired*. Routledge.
- Berelson, B. (2000) *Content analysis in communication research*. Media studies: A reader. *Chinese foreign policy* [online]. Available at: www.mfa.gov.c (Accessed: 01 March 2025).
- Coban, F. (2016) 'The Role of the media in international relations: From the CNN Effect to the Al-Jazeera Effect, Journal of International Relations and Foreign Policy', 4 (2), pp. 45–61. DOI: 10.15640/jirfp.v4n2a3
- Curran, J., & Seaton, J. (2018) *Power without responsibility: press, broadcasting and the internet in Britain*. Routledge.
- DeCoster, J., & Claypool, H. M. (2004) *Data Analysis in SPSS* [online]. Available at: <http://www.stat-help.com/notes.html> (Accessed: 01 March 2025).
- Entman, R. M. (1993) 'Framing: Toward clarification of a fractured paradigm', *Journal of communication*, 43 (4), pp. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
- Evans, H. (2009) *My Paper Chase: True Stories of Vanished Times: An Autobiography*. Hachette UK.
- Gilboa, E., Jumbert, M. G., Miklian, J., & Robinson, P. (2016) 'Moving media and conflict studies beyond the CNN effect', *Review of International Studies*, 42 (4), pp. 654–672. DOI: 10.1017/S026021051600005X
- Hall, S., Nixon, S., & Evans, J. (eds.) (2024) *Representation: cultural representations and signifying practices*. SAGE Publications Limited.
- Heping, Jiang. (1998) 'China's image in the British media', *Chinese Journal of Journalism & Communication*, (2), 2.
- Hutto, C., & Gilbert, E. (2014) 'Vader: A parsimonious rule-based model for sentiment analysis of social media text', *Proceedings of the international AAAI conference on web and social media*, 8 (1), pp. 216–225. DOI: 10.1609/icwsm.v8i1.14550

- Krippendorff, K. (2018) *Content analysis: An introduction to its methodology*. Sage publications.
- McCombs, M. E., & Shaw, D. L. (1972) ‘The agenda-setting function of mass media’, *Public opinion quarterly*, 36 (2), 176-187. DOI: 10.1086/267990
- Meierding, E., & Sigman, R. (2021) ‘Understanding the mechanisms of international influence in an era of great power competition’, *Journal of Global Security Studies*, 6 (4). DOI: 10.1093/jogss/ogab011 EDN: ZKGJFW
- Neuendorf, K. A. (2017) *The content analysis guide-book*. Sage. DOI: 10.4135/9781071802878
- Newton, K., & Brynin, M. (2001) ‘The national press and party voting in the UK’, *Political Studies*, 49 (2), pp. 265–285. DOI: 10.1111/1467-9248.00313
- Ni, Y. (2024) ‘Navigating Intercultural Communication in the Media Landscape: Challenging Stereotypes and Cultivating Critical Perspectives—Hall Model as the Framework’, *Digital Society*, 3 (2), 36. DOI: 10.1007/s44206-024-00126-x EDN: ZONSIU
- Статья поступила в редакцию: 14.03.2025
Статья принята к печати: 30.04.2025
- Peci, A., Vieira, M. M. F., & Clegg, S. R. (2009) ‘Power, discursive practices and the construction of the “real”’, *Electronic Journal of Knowledge Management*, 7 (3), pp. 377–386.
- Qingning Wang. (2022) *The China–EU relation and media representation of China: the case of British newspaper’s coverage of China in the post Brexit referendum era*.
- Said, E. (1978) *Orientalism pantheon books*. New York.
- Seib, P., & Powers, S. (2010) *China in the news*. Los Angeles, CA: USC Center on Public Diplomacy.
- Sparks C. (2010) ‘Coverage of China in the UK national press’, *Chin J Commun.*, 3 (3), pp. 347–365. DOI: 10.1080/17544750.2010.499637
- Starosta, K., Onete, C. B., Grosu, R., & Plesea, D. (2024) *COVID-19 mass media infodemic in six European countries*. Authorea Preprints.
- Zhang, L. (2016) *International media representation of contemporary China*. In *Oxford Bibliographies in Chinese Studies*. Oxford University Press.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ В БРИТАНСКИХ СМИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРИЗИСОВ: НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ THE TIMES С ФЕВРАЛЯ 2022 Г.

Цзэхао Инь

Цзэхао Инь, доктор философских наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород,
Россия.
E-mail: eric520magneto@gmail.com (ORCID: 0009-0009-5397-0485. ResearcherID: MIN-6876-2025).

Аннотация

Международное общество отмечает ряд взаимосвязанных событий, которые влияют на формирование национальных репрезентаций в медиадискурсе. Рассматривается, как газета The Times представляла образ Китая во время глобальных кризисов. Особое внимание уделяется периоду после начала России специальной военной операции 24 февраля 2022 г. Хотя этот период является ключевым контекстом, в исследовании учитываются и другие факторы, такие как колебания в экономических отношениях, изменения в руководстве страны и текущие исторические репрезентации. Используя контент-анализ в сочетании со статистическим анализом с помощью программы SPSS, автор исследования определяет доминирующие нарративы, темы и основные предубеждения в материалах СМИ. С позиций социального конструктивизма в исследовании подчеркивается важность имиджа, идентичности и медиатизации политических пристрастий. Полученные результаты углубляют понимание репрезентации СМИ и ее последствий для мониторинга международного имиджа Китая.

Ключевые слова: имидж Китая; The Times; эмпирический анализ; контент-анализ; SPSS; международный кризис; медиафрейминг.

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-143-153

В ПОИСКАХ АКТОРНОСТИ? ДИНАМИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ РОЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ

С. А. Шеин, Е. Н. Рыжкин

Шеин Сергей Александрович, кандидат политических наук, доцент Департамента зарубежного регионоведения, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: sshein@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9749-9116. ResearcherID: T-1386-2018).

Рыжкин Егор Николаевич, стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: eryzhkin@hse.ru (ORCID: 0009-0008-3347-3337. ResearcherID: JRX-2401-2023).

Аннотация

В ответ на трансформацию международной среды Европейский союз стремится усилить свою акторность через переосмысление своих международных ролей в рамках «Стратегического партнерства» с Китаем. Цель статьи заключается в анализе динамики и иерархии ролей Европейского союза в отношениях с Китайской Народной Республикой как попытки укрепить субъектность интеграционного объединения. В качестве аналитического инструмента в статье используется теория ролей, с помощью которой изучаются материалы саммитов Европейского союза / Китайской Народной Республики за 2003–2024 гг.: совместные декларации Европейского союза и Китайской Народной Республики, заявления руководства Евросоюза. Научная новизна исследования заключается в анализе проблематики акторности ЕС в контексте украинского кризиса с точки зрения переосмысливания его взаимодействия с третьими странами. Авторы статьи приходят к выводу, что традиционно для трансляции собственного лидерства в двусторонних отношениях Брюссель применял в своем взаимодействии с Пекином три основные роли (и их комбинации): «нормативную силу», «рыночную силу» и роль «актора в сфере безопасности». В ответ на меняющиеся параметры двусторонних отношений Евросоюз выстраивал конкретные иерархии указанных ролей для сохранения влияния в отношении Китая, однако geopolитическая динамика и курс на «стратегическую автономию» нарушили указанную логику. Европейский союз в отношениях с Пекином выводит на первый план роль «актора в сфере безопасности», корректируя ее содержание и направление. Она предполагает одновременно продолжение вовлечения Китая в решение глобальных и региональных проблем, в первую очередь – давления на Россию в ходе продолжающегося украинского конфликта; сигнализирование Пекину относительно корректировки его внешнеполитических действий в АТР и попытку обеспечения собственной экономической безопасности ЕС в отношениях с Китаем. Это работает на дальнейшую политизацию отношений и закрывает возможности многоуровневого диалога, которые предоставляла рамка «Стратегического партнерства».

Ключевые слова: Европейский союз; Китайская Народная Республика, акторность; теория ролей; нормативная сила; рыночная сила; безопасность, международные отношения.

Введение

Американо-китайское противостояние, пандемия коронавируса и эскалация российско-украинского конфликта с 2022 г. стимулировали эволюцию политического дискурса официальных лиц Европейского союза – от ценностной риторики к продвижению тезиса о «стратегическом суверенитете» (Романова, 2021, 2024; Коцур, 2023) и актуализации концепции «стратегической автономии». Эта трансформация наглядно проявилась в принятии «Стратегического компаса» в марте 2022 г.

и заявлении Урсулы фон дер Ляйен о строительстве «Оборонного союза» в начале второго срока работы ее Комиссии¹.

Понимая международные отношения как процесс социальных взаимодействий, Европейский союз в ответ на геополитические изменения переосмыслияет представление о себе как о значимом международном игроке. При этом ключевой ареной указанного процесса выступает не взаимодействие Евросоюза с Россией (где произошел разрыв политического диалога) и не отношения с США (которые определяются военно-политической зависимостью европейских стран), а «Стратегическое партнерство» с Китаем. Взаимоотношения Евросоюза и Китайской Народной Республики имеют особый формат, который позволяет обеим сторонам реализовать свои международные роли в рамках заданной дихотомии «партнер – соперник» (Michalski & Pan, 2016: 612) и тем самым подчеркивает амбивалентный и многоуровневый характер взаимоотношений. С учетом того, что с 2021 г. маятник стратегии Брюсселя в отношении Пекина «завис» на стороне политизации взаимодействия, в том числе и по вопросам торгово-экономического сотрудничества (Кашин и др., 2022: 7), отношения с Китаем как значимым Другим становятся ареной, где ЕС пытается «примерять» на себя новые международные роли для укрепления собственной акторности в меняющейся международной среде.

Данное исследование ставит целью анализ содержания и динамики ролей ЕС в отношениях с КНР на современном этапе как попытки интеграционного объединения укрепить собственную акторность. Опираясь на теорию ролей как аналитический инструмент, подчеркивающий связь ролевых ориентаций / ролевых ожиданий международных акторов и их внешнеполитического поведения, мы исследуем материалы саммитов ЕС и КНР за 2003–2024 гг.², которые включают как совместные декларации, так и комментарии и заявления руководства ЕС. Предполагаемые результаты должнынести вклад в исследование проблематики перспектив Евросоюза как международного актора, особенностей и ограничений процесса переосмысливания Европейским союзом устоявшихся подходов и практик взаимодействия с третьими странами.

Статья состоит из двух частей. В первой части будут рассмотрены возможности применения теории ролей в исследованиях акторности Евросоюза. Во второй части проводится анализ содержания и динамики международных ролей Европейского союза, формулируемых и транслируемых в отношении Китая.

Акторность Европейского союза и теория ролей

Учитывая поливариантный характер трактовки термина «акторность» (Drieskens, 2017), мы понимаем его шире, чем его классическое определение как «способности вести себя активно и сознательно по отношению к другим акторам международной системы» (Sjöstedt, 1977: 16). Для нас в первую очередь является важным, что актор мировой политики – это рефлексирующий свою политическую роль субъект, активно и существенно влияющий на мировые политические процессы и тренды мирopolитического развития (Лебедева, 2013: 38-39). Более того, мы опираемся на тезис о том, что возможность Евросоюза «влиять на процессы и тренды», как правило, по-разному проявляется в конкретном международном контексте, будь то реализация «политики соседства» (Hoffmann, Niemann, 2017) или энергетической политики (Batzella, 2022), роль в арабо-израильском урегулировании (Altunişik, 2008; Persson, 2018) или в украинском кризисе (Gehring et al., 2017; Кавешников, 2022; Costa & Barbé, 2023).

Ограничения акторности Евросоюза как «неопознанного политического объекта» (словами Ж. Делора) хорошо освещены в академической литературе и, как правило, наглядно проявляются при сравнении с поведением и возможностями национальных государств на международной арене. Среди указанных ограничений – отсутствие ощутимых возможностей для применения военной силы по сравнению с национальными государствами (Gehring et al., 2017); институциональные, процедурные особенности принятия внешнеполитических решений (Thym, 2004) и их эффективность (Dryburgh, 2008); гетерогенность внешнеполитических ориентаций внутри ЕС (Rieker & Giske, 2024), в особенности между «старой» и «новой» Европой.

¹ Statement at the European Parliament Plenary by President Ursula von der Leyen, candidate for a second mandate 2024-2029 (2024) [online], European Commission, 18 July. Available at: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/statement-european-parliament-plenary-president-ursula-von-der-leyen-candidate-second-mandate-2024-2024-07-18_en (Accessed: 17 September 2024).

² Несмотря на то, что двусторонние саммиты стали проводиться с 1998 г., в качестве отправной точки в статье будет выступать 2003 г. как год заключения «Стратегического партнерства» ЕС-КНР.

Ограниченный характер возможностей для осуществления внешнеполитических действий, как и самого их ассортимента, обеспечивает в академической дискуссии особый акцент на институциональных параметрах акторности Брюсселя. В свою очередь, понимание акторности ЕС как процесса социальных взаимодействий изучено в непропорционально меньшей степени, хотя теория ролей и получала развитие в исследованиях внешней политики Европейского союза (Michalski & Pan, 2016; Aggestam & Johansson, 2017; Klose, 2018), в частности при анализе соответствия ролевых ориентаций Брюсселя и ролевых ожиданий его международных партнеров (Bengtsson & Elgström, 2012) и изучении палитры международных ролей ЕС (Elgström & Smith, 2006).

Включение такого инструментария социальной психологии, как теория ролей, в конструктивистскую парадигму науки о международных отношениях сопровождалось тезисом о том, что внешнеполитическое поведение государств может опираться на так называемые концепции ролей, которые продвигают национальные политики, исходя из их понимания «ориентаций или задач своей страны в международной системе» (Holsti, 1970: 245). Теория ролей в самом общем смысле полагает, что при анализе внешней политики необходимо учитывать ролевые концепции национальных элит, которые влияют на восприятие ими своего места в мировой иерархии; соответствие «разыгрываемых» ролей ожиданиям других международных игроков и детальную реализацию роли, то есть конкретное наполнение внешней политики в определенном контексте как причины успеха или неуспеха «розыгрыша» международной роли (Gurol & Starkman, 2020). В этой связи наибольший интерес представляют ситуации конфликта ролей (как между акторами внутри национального государства, так и между международными игроками), что зачастую может объяснить непоследовательность, непредсказуемость и иррациональность во внешнеполитическом поведении международного актора.

Однако применительно к Евросоюзу теория ролей позволяет «подсветить» ряд аспектов его акторности, а именно концепции ролей, которые транслируют различные игроки внутри ЕС, а также их конкретное выражение на уровне дискурса Европейского союза. Указанные аспекты, как правило, не принимаются во внимание при использовании институционального или структурного подхода в исследовании акторности ЕС.

Во-первых, понимая акторность как «способность субъекта переосмысливать и реализовывать роли для своего “я” в различных международных контекстах» (McCourt, 2014: 37–38), теория ролей позволяет объяснить контекстуальность и «гибкость» ролей Европейского союза в отношении различных акторов и, как следствие, различную степень акторности.

Во-вторых, теория ролей применительно к ЕС подчеркивает актуальность внутренней сплоченности объединения в качестве фактора международной акторности. Если Жюпель и Капосаро отмечали в институциональном ключе, скорее, внутреннюю согласованность (Jupille & Caporaso, 1998) как важный аспект акторности, то в контексте теории ролей способность ЕС генерировать последовательные ролевые концепции на мировой арене зависит от сближения внутренних ролевых ожиданий. В рамках указанной логики теория ролей подчеркивает тезис о том, что власть и автономия институтов Евросоюза имеют значение для его акторности (Klose, 2018), что подразумевает возможность социализации и обучения международным ролям, которые транслируют вовне институты ЕС и внутренние игроки. Это может пролить свет на ситуацию со существованием противоречивых, несвязанных, оспариваемых внутри интеграционного объединения ролей, но активно транслируемых Европейской комиссией и Верховным представителем по иностранным делам и политике безопасности ЕС на мировой арене.

Говоря об арсенале международных ролей ЕС и учитывая их контекстуальный характер, академическая дискуссия, как правило, ограничивается тремя «зонтичными» ролями: **«нормативная сила»**, **«рыночная сила»** и **«актор в сфере безопасности»**. Все три роли являются производными от лидерских амбиций ЕС, его уникальной природы и места в мировой экономике и либеральном международном порядке как ресурса для наращивания акторности интеграционного объединения.

«Нормативная сила Европы» подразумевает способность Евросоюза транслировать вовне нормы, на которых основывается евроинтеграционный проект, и тем самым определять понятие «нормального» в мировой политике (Manners, 2002: 252). Такие нормы, как мир, свобода, демократия, верховенство закона и уважение прав человека (Manners, 2002: 242–243), содержательно и символически «прививаются» контрагенту, определяя его внешнеполитическое поведение. При этом, как указывают политологи Т. Романова и Е. Павлова, «нормативная сила» не равна понятию «мягкая сила» из-за инструментальной природы последней (2013).

В свою очередь, концепция **«рыночной силы»** предполагает, что, хотя идентичность Евросоюза может иметь нормативные основы, ЕС представляет собой объемный единый рынок со своими

институциональными характеристиками и конкурирующими группами интересов³. Исходя из этого, интеграционное объединение, выстраивая диалог с контрагентами, стремится экстернализировать собственную экономическую и социальную политику (Damro, 2012: 698). Под экстернализацией в данном случае подразумевается, что институты ЕС пытаются заставить других субъектов придерживаться уровня регулирования, аналогичного действующему на едином европейском рынке, или вести себя таким образом, чтобы в целом удовлетворять или соответствовать рыночной политике и мерам регулирования ЕС (Damro, 2012: 690).

Осуществление указанной роли оказывается возможным благодаря мерам принуждения и убеждения, представленным в форме международно-правовых инструментов и внутренних регулятивных мер (Damro & Friedman, 2018: 1398). Как следствие, Европейский союз в международной среде может использовать свою «рыночную силу» либо со знаком «плюс» (притяжение контрагента за счет возможностей внутреннего рынка ЕС), либо со знаком «минус» (регуляторная и санкционная политика, использование собственного ресурса в международных организациях) для достижения внешнеполитических целей.

Среди исследователей нет единого подхода к изучению соотношения между «рыночной силой» и «нормативной силой» как ролей, которые ЕС транслирует на мировой арене. Так, Дамро и Фридман противопоставляют данные явления, указывая, что формирование европейской идентичности с точки зрения второго подхода обусловлено лишь идеологией и нематериальными факторами, в то время как значение материальных и рыночных аспектов преуменьшается (Damro & Friedman, 2018: 1397), хотя есть и альтернативная точка зрения, что продвижение рыночных принципов можно считать частью нормативной повестки (Parker & Rosamond, 2013: 239).

Наконец, роль **«актора в сфере безопасности»** видится наименее концептуально проработанной в случае ЕС, исходя из его институциональных характеристик и сложностей, возникающих при разработке скоординированной и эффективной оборонной политики. Причиной выступает и высокая степень контекстуальности роли, обусловленная широким спектром задач глобальной и региональной безопасности. Вместе с тем вопросы обеспечения безопасности стран-членов и региональной стабильности, особенно в контексте периметра границ ЕС, безусловно, являются частью его внешне-политической стратегии с 2000-х гг. В концепции ЕС роль «актора в сфере безопасности» не конкурирует с существующей архитектурой европейской безопасности и евро-атлантическими институтами, призванными ее обеспечивать.

Роль Евросоюза как «актора в сфере безопасности» имеет несколько характерных черт. Во-первых, ее кристаллизация связана с подготовкой расширения Европейского союза на восток и стабилизацией ситуации в Юго-Восточной Европе во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Во-вторых, с учетом восприятия ЕС приоритетности угроз в мировой политике в 2000-е гг. ролевая концепция была сосредоточена на вопросах «мягкой безопасности»⁴, что предполагало акцент на предотвращении конфликтов и многосторонности, осуществлении гражданских миссий, посткризисном восстановлении, содействии реформам и т. д. (Biscop, 2005). Наконец, ввиду различного видения странами-атлантистами и странами-европеистами вопросов внешней политики объединения (в первую очередь вектора развития отношений ЕС с США и Россией) и сопряжения повестки НАТО и повестки ЕС, эта международная роль Евросоюза является наиболее оспариваемой как «снизу» странами-членами, так и партнерами и, как следствие, наиболее противоречивой. Ввиду этого роли, связанные с безопасностью, видятся менее развитыми и менее конкретными, чем «нормативная сила» и «рыночная сила».

В противоположность «нормативной силе» указанная роль предполагает разноплановые проактивные действия (в том числе миротворческие операции) для предотвращения и купирования угроз (в отличие от «силы примера» или «силы нормы») и ориентацию на многосторонние усилия⁵.

Три роли Европейского союза в отношениях с Китаем

Указанный арсенал ролей, универсальных для Европейского союза в различных международных контекстах, получил преломление и в рамках «Стратегического партнерства» с Китайской Народной Республикой, но со своей спецификой (таблица). Принимая во внимание, что у Европей-

³ В русле указанной логики используется и термин «торговая сила».

⁴ A Secure Europe in a Better World – European Security Strategy (2003) [Электронный ресурс], *Consilium*, 08 дек. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (accessed 11 July 2024).

⁵ Ibid.

ского союза и Китая есть разветвленная сеть площадок для взаимодействия, включая диалоги по правам человека и торгово-экономическим вопросам, постоянные консультации по безопасности, мы сфокусируемся на тех ролях, которые «разыгрываются» Евросоюзом в процессе двустороннего взаимодействия на саммитах ЕС-КНР.

В 1990-е годы Евросоюз стал важным партнером для Китая и агентом его социализации в постбиполярной международной системе (Yuan & Orbie, 2015), что подразумевало доминирование «нормативной» роли на данном этапе. В основе подхода ЕС была вера в «двойную либерализацию» – возможность использования либерализации экономики для политической либерализации коммунистического Китая (Rühlig, 2020). Нормативная социализация Пекина со стороны Брюсселя осуществлялась через «продолжение и повышение значимости диалога по правам человека в Китае», поддержку Китая в стремлении утвердиться в статусе рыночной экономики, попытку «обучить» его путем выработки общих позиций по международным и региональным вопросам на основе внешнеполитических ценностей ЕС и приобщить к многосторонним международным институтам, например Всемирной торговой организации⁶. Роль «силы рынка» также находила отражение в ходе работы двусторонних саммитов, например в отношении укрепления взаимного доступа к рынкам⁷.

Отдельно отметим, что роль Евросоюза как «актора в сфере безопасности» не реализовалась во взаимодействии с Китаем. Скорее, Европейский союз выступил «проводником мультилатерализма» в отношении Пекина. Это соответствовало задачам ЕС касательно социализации КНР в международной среде. Как отметил Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности, Европейский союз «тепло приветствовал становление Китая как мирового лидера и позитивного актора на мировой арене»⁸. Брюссель пытался сформировать из Китайской Народной Республики «позитивного актора» путем вовлечения в борьбу с такими общими вызовами «мягкой безопасности», как международный терроризм⁹, и выработки общих подходов к решению региональных конфликтов на Ближнем Востоке, Корейском полуострове, пространстве бывшей Югославии и т. д.¹⁰

Преимущественно нормативная роль ЕС в отношении КНР в этот период не означала ее рецепции Пекином в полном объеме. Так, провалом реализации нормативной роли стал отказ китайской стороны от проведения саммита ЕС-КНР в 2008 г. Поводом для чего послужила встреча президента Франции Н. Саркози с Далай-ламой для обсуждения «тибетской проблемы».

Динамика ролей Европейского союза в отношениях с Китайской Народной Республикой с 1998 по 2024 г.

Период	Доминирующая роль	Функционал доминирующей роли
1998–2009 гг.	Нормативная сила	Социализация Китая в международной системе
2010–2020 гг.	Рыночная сила	Ответ на изменившийся баланс сил внутри партнерства и экономический кризис
2021–2022 гг.	Нормативная сила	Попытка защитить ценности ЕС в условиях политизации отношений двух игроков
С 2022 г.	Актор в сфере безопасности	Переосмысление роли ЕС с точки зрения возможности обеспечить «стратегическую автономию»

Источник: составлено авторами.

⁶ Sixth CHINA – EU SUMMIT – Joint Press Statement. (2003) [online], *Consilium*. 30 October. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/77802.pdf (Accessed: 11 July 2024); Joint Statement of the 7th China-EU Summit. 2004 (2004), [online], *Mission of the People's Republic of China to the European Union*, 08 December. Available at: https://eu.china-mission.gov.cn/eng/zywj/zywd/201501/t20150116_8301517.htm (Accessed: 11 July 2024); Joint Statement of the 8th EU-China Summit (2005) [online], *European Commission*, 05 September. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_05_1091 (Accessed: 11 July 2024).

⁷ Joint Statement of the 9th EU-China Summit (2006) [online], *Council of The European Union*, 09 September, P. 7. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/90951.pdf (Accessed: 10 April 2025).

⁸ Speech by JAVIER SOLANA EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy – DRIVING FORWARDS THE CHINA-EU STRATEGIC PARTNERSHIP (2005) [online], *China Europe International Business School Shanghai*, 6 September 2005. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/discourses/86125.pdf (Accessed: 15 April 2025).

⁹ Ibid.

¹⁰ Joint Statement of the 10th China-EU Summit (2007) [online], *Southern African Regional Poverty Network (SARPN)*, 28 November. Available at: https://sarpn.org/documents/d0002937/China-EU_Summit_statement_28Nov2007.pdf (Accessed: 11 July 2024).

С 2010-х годов Евросоюз значительно снижает градус трансляции нормативности в отношениях с Китаем – это связано с пошатнувшимися позициями после кризиса еврозоны. Как результат, снизились и ожидания от Китая в отношении принятия либеральных норм, а также самой способности Брюсселя влиять на данный процесс. Как полагает политолог Маттлин, ЕС ставил свои экономические интересы выше ценностей, что вступило в противоречие с трансляцией «нормативности» (2012: 184). Так, Европейский союз приветствовал «активизацию консультаций и сотрудничества по вопросам стабильности еврозоны»¹¹.

С учетом логики выстраивания акторности ЕС в рамках «Стратегического партнерства» на первый план в иерархии ролей вывел роль «*рыночной силы*», которая заключалась в стремлении Евросоюза выстроить экономические отношения с Пекином на основе одновременной либерализации доступа к китайскому рынку и защиты своего внутреннего рынка. Брюссель подчеркивал ориентацию на «прагматичное сотрудничество в экономике, торговле» и «активизацию усилий по увеличению эффективного доступа к рынкам», координацию макроэкономической политики в рамках «Большой двадцатки», МВФ и Всемирного банка¹². В 2012 г. стороны берут курс на разработку и заключение Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, которое должно было установить общие «правила игры», интенсифицировать инвестиционные потоки и защитить интересы европейских инвесторов в Китае. На этом этапе «нормативность» Европейского союза в отношении Китая редуцируется до продолжения диалога по правам человека, но полностью не исчезает из двусторонних отношений.

Внешняя политика ЕС в отношении Китая с середины 2010-х гг. демонстрирует увеличение мер коллективной секьюритизации. Они были направлены на широкий спектр вопросов: архитектуру региональной безопасности в АТР, структуру экономической безопасности, вопросы передачи технологий Китаю, кибербезопасность и т. д. (Chen & Gao, 2022). Так, например, причиной непринятия декларации на очередном двустороннем саммите в 2016 г. стало заявление Европейского союза о поддержке Филиппин в конфликте в Южно-Китайском море¹³.

Одной из причин роста озабоченности в отношении Поднебесной становится не только расущая взаимозависимость двух игроков, но и нарастающие американо-китайские противоречия, а также реакция европейских элит на создание в 2012 г. платформы «16+1» с точки зрения возросшего влияния Пекина на страны Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ).

Исходя из динамики ролей, важно отметить, что секьюритизация КНР в официальном дискурсе ЕС постепенно «проникает» во все роли Брюсселя в отношении Пекина. Следствием секьюритизации на фоне внешней и внутренней динамики (например, отклонение от норм и ценностей Евросоюза ряда стран-членов ЦВЕ) становится переход к активной защите ценностей в официальном дискурсе ЕС, что реанимирует его нормативную силу в отношении КНР и выводит ее на первый план. Это было зафиксировано в «Стратегическом обзоре» 2019 г., рассматривающем КНР как «партнера, конкурента и соперника». С 2021 г. политизация ценностных вопросов и тематики прав человека в диалоге приводит к проvalу ратификации Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, а нормативность выходит на первый план в условиях «геополитического характера» нового состава Еврокомиссии.

Важно отметить, что с конца 2010-х гг. по причине роста конкурентности международной среды роль «*актора в сфере безопасности*» в наибольшей степени испытала на себе влияние продвижения концепции «стратегической автономии» и/или «стратегического суверенитета» (Арбатова, 2019; Романова, 2021), предполагающей в своем первоначальном варианте рост оборонных возможностей ЕС, в том числе в контексте осуществления военных операций и пр. Позже повестка «стратегической автономии» расширилась на три измерения: защиту Европейского союза от иностранной агрессии или влияния, обеспечение экономической основы в условиях более конкурентоспособной экономики и необходимости защитить окружающую среду, а также проецирование норм и ценностей в глобальном сотрудничестве (Helwig, 2023).

В ситуации манифестации «стратегической автономии» происходит и значительная коррекция содержания указанной роли и ее направленности. Если ранее ЕС в рамках указанной международной роли позиционировал себя как «нетрадиционного актора безопасности», выступающего в качестве антикризисного менеджера, медиатора и партнера для проведения реформ как фактора стрес-

¹¹ Beijing, 14 February 2012 Remarks by Herman Van Rompuy, President of the European Council, following the 14th EU-China Summit (2012) [online], 14 February. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/pres_12_49 (Accessed: 15 April 2025).

¹² Joint Statement of the 12th EU-China Summit (2009) [online], European Commission. 30 November. Available at: https://climate.ec.europa.eu/document/download/c6f63d42-e593-4170-9d26-6c70a3f0b1dc_en?filename=joint_statement_en.pdf (Accessed: 11 July 2024).

¹³ Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the Award rendered in the Arbitration between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China (2016) [online], 15 July. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/07/15/south-china-sea-arbitration/> (Accessed: 15 April 2025).

соустойчивости и стабильности, то теперь ситуация изменилась. Показателен тезис Ж. Борреля в конце 2021 г., когда он заявил, что «Европа должна быть поставщиком безопасности, поскольку этого хотят европейские граждане» в ситуации «вепонизации всего комплекса существующей взаимозависимости»¹⁴. Вышесказанное говорит и о смещении акцентов на обеспечении безопасности – с глобальных и региональных проблем на сам Европейский союз и его возможность защитить себя.

После начала Россией специальной военной операции (далее – СВО) на Украине в феврале 2022 г. роль «актора в сфере безопасности» из вспомогательной стала доминирующей в иерархии ролей в отношении КНР. Указанная роль в условиях существующей взаимозависимости Евросоюза и Китая и запроса на стратегическую автономию подчеркивает необходимость ЕС обеспечить в первую очередь свою собственную безопасность, в том числе и в отношении Пекина.

Китай из международного игрока, которого нужно вовлечь в решение глобальных / региональных проблем и с которым нужно выстроить партнерские отношения в рамках многосторонних институтов, с точки зрения Европейского союза, превращается в фактор, повышающий риски безопасности для самого ЕС, международных партнеров и всего либерального мирового порядка. Так, Ж. Боррель в своем выступлении, хотя и сохраняет призывы к сотрудничеству с Китайской Народной Республикой по глобальным проблемам, указывает, что «будет крайне сложно, если не невозможно, установить доверительные отношения с Китаем, в случае отсутствия его вклада в политическое решение вопроса ухода России с украинской территории» (Borrell, 2024: 336).

Безусловно, речь не идет о сдерживании Китая со стороны ЕС в вопросах «жесткой безопасности» и / или синхронизации подходов с США в отношении Пекина. Однако европейская сторона действительно осуществляет сигнализацию Китаю относительно его внешнеполитических действий.

Одной из главных тем двусторонних отношений, где ЕС разыгрывает роль «актора в сфере безопасности», представляется украинский кризис. Вышесказанное наглядно проявилось во время саммита 2022 г., когда Евросоюз заявил, что позиция Китая в отношении конфликта продолжает влиять на двусторонние отношения¹⁵, а сам саммит ЕС-Китай был охарактеризован как «саммит военного времени»¹⁶.

Второй темой выступает активность КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР). Воспринимая Китай на современном этапе как «очень активного глобального актора с растущими военными возможностями», Евросоюз акцентирует внимание в международном общении с Китаем на региональных проблемах безопасности в АТР, включая напряженность в Южно-Китайском море и ситуацию вокруг Тайваня¹⁷, сигнализируя Пекину о «недопустимости любых односторонних попыток изменить статус-кво силой или принуждением», но при этом подчеркивая и связь с собственной безопасностью: «На наш взгляд, есть только один Китай. Но не при любых условиях. И особенно не используя военную силу. Проблема заботит нас экономически, коммерчески и технологически» (Borrell, 2024: 340).

При этом важно, что роль «актора в сфере безопасности» «переплетается» и с другими ролями, подчеркивая важность экономического измерения безопасности. Концепция «снижения рисков», предложенная Европейской комиссией¹⁸ в качестве основы для более осторожного подхода к торговым отношениям с Китаем с акцентом на диверсификацию торговли (Helwig, 2023), подтверждает указанный тезис. При этом Комиссия продолжает попытки использовать потенциал единого рынка и важность Евросоюза как технологического поставщика, а также инвестиционные потребности Китая, чтобы расширить доступ к его рынку (Przychodniak, 2023).

Таким образом, реализация в качестве доминирующей роли «актора в области безопасности» является импульсом «извне» с целью выстроить акторность в рамках «стратегической автономии». Продвижение этой роли не является ответом на меняющиеся параметры двустороннего партнерства. Скорее, напротив, акторность Европейского союза снижается в рамках «Стратегического партнерства» (об этом говорит неспособность согласовать общую итоговую декларацию в 2022 и 2023 гг.).

¹⁴ Europe has to become a security provider, says EU's Borrell (2021) [online], *Euractiv*, 10 November. Available at: <https://www.euractiv.com/section/defence-and-security/interview/europe-has-to-become-a-security-provider-says-eus-borrell/> (Accessed: 07 May 2024).

¹⁵ EU-China Summit: Restoring peace and stability in Ukraine is a shared responsibility (2022) [online], *European Commission*, 01 April. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2214 (Accessed: 11 July 2024).

¹⁶ Remarks by President Charles Michel after the EU-China summit via videoconference (2022) [online], 01 April. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/01/remarks-by-president-charles-michel-after-the-eu-china-summit-via-videoconference/> (Accessed: 15 April 2025).

¹⁷ A Strategic Compass for Security and Defence for a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security (2022) [online], *EEAS*, 24 March. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (Accessed: 07 May 2024).

¹⁸ EU CHINA RELATIONS (2023), *EEAS*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/EU-China_Factsheet_Dec2023_02.pdf (Accessed: 11 July 2024).

Выводы

В ответ на геополитические вызовы Европейский союз пытается переосмыслить себя как значимого международного актора в ограниченном треня международными ролями (и их иерархией) пространстве. И хотя проведенный анализ подтверждает озвученный в академической литературе тезис, что отношения Европейского союза и Китая – это конкурентная ролевая игра (Michalski & Parker, 2016: 612), дисбаланс между сотрудничеством и конкуренцией все сильнее смещается в сторону последней. Роль «актора в сфере безопасности», которая, казалось бы, парадоксальна для Европейского союза, исходя из его внешнеполитической природы, не только эксплицитна, но и на современном этапе выходит на первый план в иерархии ролей в отношениях с Китайской Народной Республикой, подразумевая обеспечение безопасности для самого интеграционного объединения.

Исходя из теории ролей, можно предположить, что если до февраля 2022 г. Европейский союз в ответ на меняющиеся параметры двусторонних отношений с Китайской Народной Республикой выстраивал конкретные иерархии указанных ролей для сохранения своего влияния на Пекин, то курс на «стратегическую автономию» нарушил указанную логику. Теперь ЕС выбирает конкретную ролевую ориентацию («актор безопасности») для решения задач, связанных со строительством «стратегической автономии» на мировой арене без учета конкретного контекста двусторонних взаимоотношений. Это имеет обратный эффект, поскольку ведет к дальнейшей политизации диалога Брюсселя и Пекина и росту противоречий между двумя игроками, что снижает акторность Евросоюза в рамках двустороннего партнерства.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01238, <https://rscf.ru/project/23-78-01238/>

Список литературы / References

- Арбатова, Н. К. (2019) ‘Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание?’, *Полис: Политические исследования*, 6, сс. 36–52, DOI: 10.17976/jpps/2019.06.04 [Arbatova, N. K. (2019) ‘Strategic Autonomy of the European Union: Reality or Good Intention?’ [Strategicheskaja avtonomija Evropejskogo sojuza: real'nost' ili blagoe pozhelanie?], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 36–52. (In Russ.)]. EDN: WQTWUS
- Кавешников, Н. Ю. (2022) ‘Заявка Украины на вступление в ЕС как импульс для переформатирования политики расширения’, *Современная Европа*, 6, сс. 18–34, DOI: 10.31857/S020170832206002X [Kaveshnikov, N. Yu. (2022) ‘Ukraine's Membership Application as a Trigger for Transformation of the EU's Enlargement Policy’ [Zajavka Ukrayny na vstuplenie v ES kak impul's dlja pereformatirovaniya politiki ras-shirenija], *Contemporary Europe*, 6, pp. 18–34. (In Russ.)]. EDN: GOISFF
- Кашин, В. Б. Шеин, С. А., Мельникова, Ю. Ю., Красикова, Л. В., Поташев, Н. А. (2022) Европейский союз и Китайская Народная Республика: (не) стратегическое партнёрство? [электронное издание]. Доступно: <https://russian-council.ru/papers/RIAC-EU-China-WorkingPaper65ru.pdf?ysclid=m2otrtpvpj617373095> (дата обращения: 17.09.2024) [Kashin, V. B., Shein, S. A., Melnikova, Yu. Yu., Krasikova, L. V., Potashev, N. A. (2022) European Union and People's Republic of China: (non-) strategic partnership? [Evropejskij sojuz i Kitajskaja Narodnaja Respublika: (ne) strategicheskoe partniorstvo?] [online]. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-China-WorkingPaper65ru.pdf?ysclid=m2otrtpvpj617373095> (Accessed: 17 September 2024)].
- Коцур, Г. В. (2023) ‘ДеконTESTация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза’, *Полис: Политические исследования*, 4, сс. 23–36, DOI: 10.17976/jpps/2023.04.03 [Kotsur, G. V. (2023) ‘Decontestation of the concepts of sovereignty and strategic sovereignty in the official discourses of Russia and the EU (2016–2021)’ [DekonTESTacija konceptov “suverenitet” i “strategicheskij suverenitet” v ofical'nyh diskursah Rossii i Evropejskogo sojusa,

- 2016-2021 gg.], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 23–36. (In Russ.). EDN: BIZGDV
- Лебедева, М. М. (2013) ‘Акторы современной мировой политики: тренды развития’, *Вестник МГИМО-Университета*, 1, сс. 38–42, DOI: 10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42 [Lebedeva, M.M. (2013) ‘Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development’ [Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya], *MGIMO Review of International Relations*, 1, pp. 38–42. (In Russ.)].
- Романова, Т. А. (2021) ‘Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия’, *Современная Европа*, 5, сс. 32–44, DOI: 10.15211/soveurope 520213244 [Romanova, T. A. (2021) ‘The EU’s Discourse on Sovereignty: Content and Consequences’ [Diskurs o suverenitete Evropejskogo sojuza: soderzhanie i posledstvija], *Contemporary Europe*, 5, pp. 32–44. (In Russ.)]. EDN: VXAWOX
- Романова, Т. А. (2024) ‘На разных языках 2.0’, *Россия в глобальной политике*, 1, сс. 178–195, DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-178-195 [Romanova, T.A. (2024) ‘In Different Languages 2.0’ [Na raznyh jazykah 2.0], *Russia in Global Affairs*, 1, pp. 178–195. (In Russ.)]. EDN: QIATNJ
- Романова, Т. А., Павлова, Е. В. (2013) ‘Россия и страны Евросоюза: партнёрство для модернизации’, *Мировая экономика и международные отношения*, 8, сс. 54–61, DOI: 10.20542/0131-2227-2013-8-54-61 [Romanova, T. A., Pavlova, E. V. (2013) ‘Russia and EU Countries: Partnership for Modernization’ [Rossija i strany Evrosojuza: Partnerstvo dlja modernizacii], *World Economy and International Relations*, 8, pp. 54–61. (In Russ.)].
- Aggestam, L., Johansson, M. (2017) ‘The leadership paradox in EU foreign policy’, *Journal of common market studies*, 55 (6), pp. 1203–1220, DOI: 10.1111/jcms.12558.
- Altunişik, M. B. (2008) ‘EU Foreign Policy and the Israeli–Palestinian Conflict: How much of an Actor?’, *European Security*, 17 (1), pp. 105–121, DOI: 10.1080/09662830802503763.
- Batzella, F. (2022) ‘Engaged but constrained. Assessing EU actorness in the case of Nord Stream 2’, *Journal of European Integration*, 4 (6), pp. 821–835, DOI: 10.1080/07036337.2022.2043853. EDN: UODNOH
- Bengtsson, R., Elgström, O. (2012) ‘Conflicting role conceptions? The European Union in global politics’, *Foreign policy analysis*, 8 (1), pp. 93–108, DOI: 10.1111/j.1743-8594.2011.00157.x. EDN: USUYOD
- Biscop, S. (2005) The European Security Strategy and the Neighbourhood Policy: A New Starting Point for a Euro-Mediterranean Security Partnership? [online]. Available at: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2014/01/EUSA_ESS_EMP_Biscop.pdf (Accessed: 11 July 2024).
- Borrell, J. F. (2024). *Europe between Two Wars – EU Foreign Policy in 2023*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Chen, X., Gao, X. (2022) ‘Analysing the EU’s collective securitisation moves towards China’, *Asia Europe Journal*, 20 (2), pp. 195–216, DOI: 10.1080/07036337.2023.2183394. EDN: KNOYTV
- Costa, O., Barbé, E. (2023) ‘A moving target. EU actorness and the Russian invasion of Ukraine’, *Journal of European Integration*, 45 (3), pp. 431–446, DOI: 10.1007/s10308-021-00640-4. EDN: STZLIH
- Damro, C. (2012) ‘Market power Europe’, *Journal of European public policy*, 19 (5), pp. 682–699, DOI: 10.1080/13501763.2011.646779.
- Damro, C., Friedman, Y. (2018) ‘Market power Europe and the externalization of higher education’, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 56 (6), pp. 1394–1410, DOI: 10.1111/jcms.12749.
- Drieskens, E. (2017) ‘Golden or gilded jubilee? A research agenda for actorness’, *Journal of European Public Policy*, 24 (10), pp. 1534–1546, DOI: 10.1080/13501763.2016.1225784. EDN: YEAXVB
- Dryburgh, L. (2008) ‘The EU as a Global Actor? EU Policy Towards Iran’, *European Security*, 17 (2-3), pp. 253–271, DOI: 10.1080/09662830802481549.
- Elgström, O., Smith, M. (2006) *The European Union's roles in international politics*. London: Taylor & Francis Limited.
- Gehring, T., Urbanski, K., Oberthür, S. (2017) ‘The European Union as an Inadvertent Great Power: EU Actorness and the Ukraine Crisis’, *Journal of Common Market Studies*, 55 (4), pp. 727–743, DOI: 10.1111/jcms.12530. EDN: YDXOEP

- Gurol, J., Starkmann, A. (2020) ‘New Partners for the Planet? The European Union and China in International Climate Governance from a Role-Theoretical Perspective’, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 59, pp. 518–534, DOI: 10.1111/jcms.13098. EDN: SBUMFY
- Helwig, N. (2023) ‘EU Strategic Autonomy after the Russian Invasion of Ukraine: Europe's Capacity to Act in Times of War’, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 61 (S1), pp. 57–67, DOI: 10.1111/jcms.13527. EDN: TYHQJG
- Hoffmann, N., Niemann, A. (2017) ‘EU actorness and the European Neighbourhood Policy’ In: Schumacher, T., Marchetti, A., Demmelhuber T. (eds.) *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy*. UK: Routledge, pp. 28–38.
- Holsti, K. J. (1970) ‘National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy’, *International Studies Quarterly*, 14, pp. 233–309, DOI: 10.2307/3013584.
- Jupille, J., Caporaso, J.A. (1998) ‘States, agency and rules: The European Union in global environmental politics’ in: Rhodes, C. (ed.) *The European Union in the World Community*. Boulder, CO: Lynne Rienner, pp. 213–229.
- Klose, S. (2018) ‘Theorizing the EU's actorness: Towards an interactionist role theory framework’, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 56 (5), pp. 1144–1160, DOI: 10.1111/jcms.12725.
- Manners, I. (2002) ‘Normative power Europe: a contradiction in terms?’, *Journal of common market studies*, 40 (2), pp. 235–258, DOI: 10.1111/1468-5965.00353.
- Mattlin, M. (2012) ‘Dead on arrival: normative EU policy towards China’, *Asia Europe Journal*, 10, pp. 181–198, DOI: 10.1007/s10308-012-0321-7. EDN: EOMWAJ
- McCourt, D. M. (2014) *Britain and World Power since 1945: Constructing a nation's role in international politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Michalski, A., Pan, Zh. (2016) ‘Role Dynamics in a Structured Relationship: The EU–China Strategic Partnership’, *Journal of Common Market Studies*, 55 (3), pp. 611–627, DOI: 10.1111/jcms.12505. EDN: TKZQEX
- Michalski, A., Parker, C. F. (2024) ‘The EU's evolving leadership role in an age of geopolitics: Beyond normative and market power in the Indo-Pacific’, *European Journal of International Security*, 9 (2), pp. 263–280, DOI: 10.1017/eis.2023.34.
- Parker, O., Rosamond, B. (2013) ‘“Normative power Europe” meets economic liberalism: Complicating cosmopolitanism inside/outside the EU’, *Cooperation and Conflict*, 48 (2), pp. 229–246, DOI: 10.1177/0010836713485388.
- Persson, A. (2018) ‘EU differentiation’ as a case of ‘Normative Power Europe’(NPE) in the Israeli-Palestinian conflict’, *Journal of European Integration*, 40 (2), pp. 193–208, DOI: 10.1080/07036337.2017.1418867.
- Przychodniak, M. (2023) EU-China Summit Ends with Protocol of Divergences [online]. Available at: <https://www.pism.pl/publications/eu-china-summit-ends-with-protocol-of-divergences> (Accessed: 11.07.2024).
- Rieker, P., Giske, M. T. E. (2024) ‘Actorness, Differentiated Integration, and EU(rope)'s Role in the World’ in: Rieker, P., Giske, M. T. E. (eds.) *European Actorness in a Shifting Geopolitical Order*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 43–62.
- Rühlig, T. (2020) Towards a more principled European China Policy? Democracy, Human Rights and the Rule of Law in EU-China Relations [online]. Available at: <https://www.ifri.org/en/studies/towards-more-principled-european-china-policy> (Accessed: 11 July 2024).
- Sjöstedt, G. (1977) *The External Role of the European Community*. Westmead, Hampshire: Saxon House.
- Thym, D. (2004) ‘Reforming Europe's Common Foreign and Security Policy’, *European Law Journal*, 10 (1), pp. 5–22, DOI: 10.1111/j.1468-0386.2004.00200.x. EDN: EVDPGD
- Yuan, H., Orbis, J. (2015) ‘The Social Dimension of the EU-China Relationship: A Normative and Pragmatic European Approach?’, *European Foreign Affairs Review*, 20 (3), pp. 337–354, DOI: 10.54648/eerr2015031.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

INCREASING ACTORNESS? DYNAMICS OF THE EU'S INTERNATIONAL ROLES IN RELATIONS WITH THE PRC

S. Shein, E. Ryzhkin

Sergey Shein, PhD in politics, Associate Professor, School of International Regional Studies; Senior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), National Research University “Higher School of Economics”; Moscow, Russia.
E-mail: sshein@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9749-9116, ResearcherID: T-1386-2018).

Egor Ryzhkin, Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), National Research University “Higher School of Economics”; Moscow, Russia.
E-mail: eryzhkin@hse.ru (ORCID: 0009-0008-3347-3337, ResearcherID: JRX-2401-2023).

Abstract

Responding to the changing international environment, the European Union seeks to strengthen its actorhood by rethinking its international roles within the framework of the Strategic Partnership with China. The article aims to analyze the dynamics and hierarchy of EU roles in relation to China as an effort to enhance the actorhood of the integration association. Role theory is used as an analytical tool to study materials from EU–PRC summits (2003–2024): joint declarations and EU leadership statements. The novelty of the study lies in examining the EU's actorhood and its engagement with third countries through a new theoretical perspective, using China as a case. Traditionally, to assert leadership in bilateral relations with China, Brussels has applied three main roles – “normative power,” “market power,” and “security actor.” To maintain influence, the EU constructed hierarchies among these roles, but geopolitical changes and the move toward Strategic Autonomy disrupted this logic. The EU now foregrounds the role of “security actor” in relations with Beijing, adjusting its content and direction. This includes continued engagement on global issues, pressure on Russia, signaling China on Asia-Pacific policy, and ensuring EU economic security. These moves further politicize relations and reduce opportunities for multi-level dialogue within the Strategic Partnership framework.

Keywords: European Union; PRC, actorhood; role theory; normative power; market power; security, international relations.

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-78-01238, <https://rscf.ru/project/23-78-01238/>

Обзоры и рецензии

УДК-32:316.77

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-154-159

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

И. А. Архипов

Архипов Иван Алексеевич, аспирант историко-политологического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: iv.arkhipov@icloud.com (ORCID: 0009-0009-1295-0963).

Аннотация

Цифровизация повлияла на ландшафт политической коммуникации, превратив ее в сложное, многослойное и подвижное явление, где границы между информацией, пропагандой и публичной дипломатией становятся все более размытыми. Представлен сравнительный анализ нескольких коллективных научных трудов, посвященных актуальным аспектам цифровой трансформации в политической сфере. Рассматриваются подходы исследователей к таким аспектам, как цифровая пропаганда, политическое влияние в онлайн-пространстве и этика цифрового взаимодействия. Подчеркивается необходимость выработки новых теоретико-методологических рамок для анализа политической коммуникации в условиях цифровой среды, способных учитывать междисциплинарный характер текущих изменений. Проведенный анализ позволяет не только очертить поле текущих научных дискуссий, но и указать на вызовы, стоящие перед политической наукой и обществом – от регулирования цифровых платформ до сохранения доверия граждан в условиях массовой автоматизации политических решений и коммуникационных стратегий.

Ключевые слова: цифровизация в политике; политическая коммуникация; государственные услуги; идеология цифровизации.

Введение

С недавнего времени цифровизация приобрела статус одного из ключевых понятий в исследовании политических процессов, что обусловлено стремительной трансформацией как институтов власти, так и каналов политической коммуникации. Эта трансформация вызвала значительный рост научного интереса, отразившийся в увеличении числа академических публикаций, докторских исследований, конференций и тематических сборников, посвященных различным аспектам цифровизации политики.

Тематика работ отечественных исследователей в области реализации политических процессов в цифровую эпоху варьируется в таких сферах, как опыт применения технологий дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в РФ (Бабаян, 2023: 190-212), этика применения искусственного интеллекта в политической экспертизе (Симонов, 2024: 9-13), использование социальных сетей в рамках партийных процессов (Бродовская и др., 2023: 96-120), борьба с фейками и общегосударственное регулирование социальных сетей (Попова, 2024: 93-109) и т. д. Разнообразие рассматриваемых тем, проблем, методов и подходов свидетельствует о становлении целого научного направления, объединяющего политологию, медиакоммуникации, киберсоциологию и цифровую антропологию.

Цель настоящей статьи – выявить особенности научной рефлексии относительно цифровизации в политических коммуникациях на примере недавно изданных коллективных трудов «Коммуникации в условиях цифровых изменений», «Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации» и «Цифровая трансформация в государственном управлении». Эти работы можно рассматривать как важные реперные точки в осмыслении цифровой трансформации политики как с теоретической, так и с прикладной точки зрения.

Анализ этих публикаций позволяет выявить не только доминирующие исследовательские направления, но и пробелы в изучении политической цифровизации. Различные научные сообщества интерпретируют цифровую трансформацию политики в разных ракурсах – как угрозу, как ресурс, как идеологию и как инструмент.

Современные аспекты исследований цифровизации в политике

За последние годы идеология цифровизации все глубже проникает в социальные науки. Цифровые технологии, цифровая среда, искусственный интеллект стали привычными категориями в лексиконе политиков и политологов. Многомерность и широкая сфера понимания и применения цифровизации в политической коммуникации порождают такие же многоплановые исследования этого явления.

Несмотря на интенсивное развитие научных исследований в области цифровизации политической коммуникации, остается важным вопрос: какие темы развиваются как новые направления, а какие повторяются и воспроизводятся без значительного теоретического или эмпирического пристата?

Многоаспектное междисциплинарное исследование цифровых коммуникаций в разных сферах, включая политику и государственное управление, образование, маркетинг и массовую культуру, отражено в материалах конференции «Коммуникации в условиях цифровых изменений», организованной Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом (Коммуникации..., 2023).

В коллективной монографии «Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации» политическая цифровая коммуникация рассматривается преимущественно с позиции критического дискурсивного анализа, а также в контексте информационной безопасности, идеологического контроля и массовых когнитивных практик, она трактуется не как нейтральная или административно-гуманистическая практика, а как пространство политического конфликта, идеологического давления и манипуляции сознанием (Пропагандистский дискурс..., 2023). Особое внимание уделяется феномену цифровой пропаганды, которая выходит за пределы государственной информационной политики и активно используется негосударственными, транснациональными и коммерческими структурами.

Монография «Цифровая трансформация в государственном управлении» представляет собой современное и системное исследование цифровизации государственного управления, выполненное на стыке управленческой теории, политической науки и прикладной информатики (Цифровая трансформация..., 2023). Это коллективная работа российских специалистов в области цифрового государствования, основанная на обширной аналитике, международных практиках и российском опыте внедрения цифровых сервисов. Она предоставляет целостную концептуальную рамку для понимания политической коммуникации как институционального элемента цифрового государства.

Междисциплинарное измерение цифровизации в политике

В первом блоке сборника «Коммуникации в условиях цифровых измерений» цифровая трансформация политического управления рассмотрена как фундаментальный сдвиг в модели взаимодействия власти и общества. И. Ю. Рассохина в статье «В условиях цифрового сдвига взаимодействия власти и общества: от электронного правительства к смарт-правительству» (Коммуникации в условиях..., 2023: 36-39) вводит понятие смарт-правительства, противопоставляя его классической модели электронного управления. Основная идея: власть должна не только представлять цифровые услуги, но и активно анализировать поведение граждан, прогнозировать запросы и выстраивать диалог, используя большие данные, ИИ и обратную связь. Е. И. Панфилова в статье «Конструирование диджитал-коммуникаций органов местной власти с населением в концепции открытости (на примере города Сестрорецка)» (Коммуникации в условиях..., 2023: 29-31) показывает, как местные органы власти внедряют цифровые каналы (сайты, соцсети) для коммуникации. Основной акцент сделан на открытость и доступность, однако автор фиксирует слабую степень интерактивности, формальность контента и отсутствие полноценного цифрового диалога. Е. А. Семенова в статье «Интерактивные возможности госпабликсов Тамбовской области как основной инструмент коммуникации власти и общества» (Коммуникации в условиях..., 2023: 39-41) рассматривает госпаблики – официальные страницы органов власти в социальных сетях Тамбовской области – как новую форму цифрового публичного представительства власти. В них

внимание сосредоточено на эффективности обратной связи, стилистике подачи информации и степени вовлеченности аудитории. По итогам данного блока сделано заключение, что цифровизация в политическом измерении меняет не только форму, но и суть самой власти, трансформируя ее из института управления в сетевого посредника, который конкурирует за внимание и доверие граждан в цифровом пространстве.

Во втором блоке рассмотренных в сборнике тем, связанных с коммуникацией в политике, выделим символические и когнитивные аспекты в рамках политической коммуникации. Авторы рассматривают политическую коммуникацию через призму восприятия, мышления и визуальной культуры. Е. В. Самоходкин в статье «Когнитивные механизмы формирования социального сознания в условиях цифровых стратегических коммуникаций» (Коммуникации в условиях..., 2023: 277-279) исследует когнитивные механизмы формирования массового социального сознания, акцентируя внимание на клиповом мышлении, эффекте эмоционального отклика, снижении способности к критическому анализу. С этой точки зрения, наблюдается рост уязвимости аудитории к манипуляциям, таким как дезинформация, фейки и информационная перегрузка. А. А. Эльзон в статье «Когнитивные особенности восприятия цифровой коммуникации» (Коммуникации в условиях..., 2023: 281-283) анализирует визуальные символы, образы, мемы и эмодзи как инструменты формирования политических смыслов. Политика (в широком смысле) представлена все более визуализированной – от логотипов и цветового оформления политических партий до инфографики и визуальных кампаний в соцсетях. Это приводит к выводу, что современная цифровая коммуникация все чаще переводит политику в сферу визуального и эмоционального восприятия, где рациональный аргумент может уступать место образу, сигналу, символу, мему и т. д.

Исследование Д. С. Бразевича «Феномен фейковых новостей и их место в цифровых коммуникационных практиках» (Коммуникации в условиях..., 2023: 12-13) рассматривает фейки в современных политических СМИ в качестве «конструкторов» медиареальности, направленных на манипуляции общественным сознанием, которые всего достигают за счет «первой услышанной версии», эффекта повторения и отсутствия критического мышления у финального реципиента данной информации и поэтому являются одним из структурных инструментов цифровой политики в публичной сфере.

Инструменты пропаганды в цифровую эпоху

В коллективной монографии «Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации» И. А. Быков в главе «Фейк-ньюз и дезинформация в системе современной политической коммуникации» (Пропагандистский дискурс..., 2023: 149-155) отмечает, что, хотя данное явление отнюдь не новое (явление таблоидов и желтой прессы в прошлом), но своей популярности за последние 10 лет оно обязано массовому «переезду» большинства видов современных коммуникаций в массмедиа, и в особенности в интернет. Фейк как явление эволюционировал от приема в журналистике, порой граничащего с обычной некомпетентностью работников СМИ, в мощный инструмент дезинформации, создаваемый «с целью введения в заблуждение для получения политической выгоды». Современный контент-анализ, проводимый им с 2017 г., подтверждает экспоненциальный рост употребления самого названия данного понятия, а также частоты обнаружения фактического применения, вплоть до 26 % от всех новостей в различных источниках информации. Основными целями фейк-ньюз в политике, по мнению И. Быкова, являются самопиар (для роста популярности и цитируемости в Сети) и черный пиар (для дискредитации политических оппонентов). За счет своей эмоциональности «громкие» фейки, как правило, довольно точно попадают в свою целевую (или электоральную) аудиторию, вследствие чего достоверность таких сообщений зачастую уходит на второй план.

Другим инструментом политической коммуникации в современной цифровой среде И. А. Гладченко (Пропагандистский дискурс..., 2023: 156-160) называет хештеги, которые помимо задач базового нейминга вещей или явлений также несут в себе привязку на символическом, идеологическом, эмоциональном и других уровнях, мгновенно акцентируя внимание на сути передаваемого ими сообщения. Политические хештеги выполняют более конкретные функции, чаще всего направляя интернет-пользователей в русло обсуждения политического дискурса и принятия определенной позиции. Этот факт подтверждается активным использованием данного инструмента политическими элитами, особенно в период выборов, что делает хештеги одним из современных инструментов цифровой пропаганды.

Цифровизация в государственном управлении

Авторы монографии «Цифровая трансформация в государственном управлении» предлагают пути развития цифровых технологий и носителей в практической области коммуникации государственных органов с гражданами и бизнесом.

В главе «Использование концепции цифрового творчества в государственном управлении» (Цифровая трансформация..., 2023: 30-36) Е. М. Стырин вводит понятие со-творчества (co-creation), рассматривая его как новую модель публичного управления. В отличие от традиционной односторонней трансляции – «власть говорит – гражданин слушает», она основана на постоянном взаимодействии государства и граждан, где обе стороны участвуют в проектировании, тестировании и реализации решений. По мнению автора, происходит радикальный сдвиг от консервативной вертикальной схемы принятия решений к совместному формату, где обе стороны обязаны объединять усилия по созданию общественных благ и граждан, как следствие, они становятся полноправными соавторами публичной политики. Совместное творчество, поддерживаемое цифровыми инструментами (госпорталы, приложения, краудсорсинг, широкое использование совместных цифровых платформ), превращает политическую коммуникацию в полицентричную сеть, где информация циркулирует в обе стороны и по итогу приводит к сбалансированным решениям в большинстве сфер современного гражданского общества.

Э. А. Титова в главе «Цифровая готовность и цифровое доверие граждан как факторы цифровой трансформации» (Цифровая трансформация..., 2023: 66-76) оценивает современный этап политической цифровизации. Согласно международным индексам (например, e-Government Development Index или ICT Development Index) в плане оценки цифрового доверия и «цифровой готовности» населения, производится анализ навыка готовности к использованию e-government, e-business и других сфер современной цифровизации с окончательной целью цифровой трансформации как экономики, так и общества в целом. Автор отмечает, что без цифрового доверия (за счет прозрачности алгоритмов и механизмов апелляции, а также развитой обратной связи) к обновленным институтам никакая цифровизация не будет эффективна, ведь помимо уверенности в надежности технологий это также будет свидетельствовать и о намерениях честности и прозрачности государства в данной сфере, а также его способности защитить граждан. Обратный эффект недоверия при этом будет приводить к информационной изоляции и заторможенности при развитии большинства сфер в цифровизации.

В главе «Цифровые лидеры, внедряющие преобразования (на примере института сити-менеджмента)» (Цифровая трансформация..., 2023: 84-97) рассматривается проблематика осуществления процессов цифровой трансформации на локальном уровне через призму исследования, проведенного на основе интервью с главами администраций в малых и средних городах. Автор А. Г. Санина, обращая внимание на роль сити-менеджера как официального и формального лидера на местном уровне, а также ключевого актора при вводе изменений и внедрении инструментов цифровой трансформации, приходит к выводу о том, что на данный момент реализация такой политики сопряжена с рядом затруднений. Барьерами при внедрении цифровой трансформации на местах являются: неопределенность в трактовке законодательных рамок – отсутствие четко сформированных правил и требований к действиям и ожиданиям от сити-менеджеров; техническая неразвитость и ресурсная слабость локальных территорий – как следствие отсутствие времени, знаний и технологий для реализации позиций цифровой трансформации; сложности, связанные с социальным взаимодействием внутри местных сообществ, чаще всего вызванных консерватизмом, абсентеизмом, цинизмом среди местного населения либо банальной невозможностью использовать действующие наработки, достигнутые в рамках трансформации. Как следствие, три этих вида «вакуума» (институциональный, технологический и социальный) на местах приводят к существенным различиям в планах / реализации проектов цифровой трансформации, и если первые две группы проблем, по мнению респондентов, остаются решаемыми (например, за счет саморазвития, обучения профессиональной команды, грамотного распоряжения материальными и символическими ресурсами), то вопрос социального взаимодействия с населением в рамках проведения политики цифровой трансформации до сих пор остается открытым.

Заключение

Среди тем, наиболее распространенных в рамках научной дискуссии и устойчиво доминирующих в академическом поле, можно выделить: фейковые новости, цифровую пропаганду, политические мемы, визуальный контент и блоггинг. Эти темы присутствуют практически во всех рассмотр-

ренных публикациях и сопровождаются множеством эмпирических кейсов. Остается проблематичным соотношение теоретических и прикладных исследований: в ряде работ (например, «Коммуникации в условиях...») акцент смешен от проблемы по формированию понятийного аппарата и выработке категориальных моделей цифрового политического взаимодействия на анализ практических кейсов. Сохраняется дефицит обобщающих теоретических моделей, которые позволили бы систематизировать полученные результаты и интегрировать их в рамки единого концептуального поля.

Новыми направлениями, которые привлекают внимание исследователей, стали темы, связанные с когнитивными и этическими аспектами цифровой среды, а также с институциональными трансформациями, вызванными цифровыми технологиями. Например, концепции цифрового доверия, цифровой этики, алгоритмической справедливости, цифрового со-творчества и цифрового гражданства пока представлены эпизодически и не всегда сопровождаются глубокой теоретической проработкой. Тем не менее именно эти направления обладают высоким потенциалом к дальнейшему научному развитию и междисциплинарному синтезу.

Во-первых, сохраняется потребность в формировании единого понятийного аппарата и концептуальных моделей. Разнородность терминов – от «цифрового гражданства» до «ментальной войны» – требует систематизации. Актуальной задачей становится разработка комплексных моделей цифрового политического взаимодействия, создание типологий цифровых режимов, адаптация классических политологических понятий к цифровому контексту, а также формирование методологии, сочетающей количественные и качественные подходы.

Во-вторых, с прикладной точки зрения особый интерес представляют исследования эффективности цифровых каналов взаимодействия власти и общества, степени цифрового доверия и готовности граждан, а также механизмов цифровой мобилизации. Перспективным направлением остается мониторинг цифровых политических практик различных групп, включая оппозиционные и маргинализированные, а также анализ влияния цифрового неравенства на политическое участие.

В-третьих, особое внимание следует уделять этическим аспектам. Возникают вопросы о легитимности алгоритмических политических решений, об ответственности за цифровые манипуляции, о границах государственной интервенции в онлайн-пространство. Эти вызовы требуют нормативного осмыслиения и включения в повестку научного анализа.

В-четвертых, значительный потенциал представляет собой междисциплинарное сотрудничество политологии с киберсоциологией, правом, культурологией и философией технологий. Именно в таком взаимодействии возможно развитие новых аналитических рамок, адекватных современной цифровой реальности.

Таким образом, несмотря на активную публикационную деятельность в области цифровизации политической коммуникации, научное поле остается фрагментированным. Оно требует как переосмыслиния устоявшихся тем в свете новых теоретических вызовов, так и усиленного внимания к пока слабо разработанным аспектам, способным стать драйверами будущих исследований.

Список литературы / References

Ачкасова, В. А., Мельник, Г. С. (ред.) (2023)

Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, с. 424 [Achkasova, V. A., Melnik, G. S. (eds.) (2023) *Propaganda discourse in the context of digitalization* [Propagandistskii diskurs v usloviiakh sifrovizatsii]. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. p. 424 (In Russ.)].

Бабаян, В. В. (2023) ‘От права до получения услуги: как дистанционное голосование трансформирует электоральные процессы?’, *Политическая наука*, 3, сс. 190–212. [Babayan, V. V. (2023) ‘From Right to Receiving a Service: How Is Remote Voting Transforming Electoral Processes?’ [Ot prava do polucheniya uslugi: kak dis-

tancionnoe golosovanie transformiruet elektroral'nye processy?], *Political Science*, 3, pp. 190–212. (In Russ.).]

Бродовская, Е. В., Заславский, С. Е., Домбровская, А. Ю., Лукушин, В. А. (2023) ‘Векторы трансформации партийной системы и электоральных ожиданий россиян’, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, сс. 96–120. [Brodovskaya, E. V., Zaslavsky, S. E., Dombrovskaya, A. Yu., Lukushin, V. A. (2023) ‘Vectors of Transformation of the Party System and Electoral Expectations of Russians’ [Vektorы transformacii partijnoj sistemy i elektroral'nyh ozhidanij rossiyan], *Monitoring of Public Opinion: Economic and*

- Social Changes, 1, pp. 96–120. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring. 2023.1.2254 EDN: RVEPUS
- Криконосов, А. Д. (ред.) (2023) *Коммуникации в условиях цифровых изменений: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции*. Санкт-Петербург, 28-29 ноября 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, с. 285. [Krikoносов, A. D. (eds.) (2023) *Communications in the Context of Digital Change: Collection of Materials of the VII International Scientific and Practical Conference* ['Kommunikatsii v usloviakh tsifrovyykh izmenenii: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii']. St. Petersburg, November 28-29, 2023. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, p. 285 (In Russ.)].
- Попова, И. М. (2024) 'Регулирование цифровых платформ в Бразилии: политический контекст согласования новых законов', *Вестник международных организаций*, 19 (2), cc. 93–109. [Popova, I. M. (2024) 'Regulation of Digital Platforms in Brazil: The Political Context of Harmonizing New Laws' [Regulirovanie cifrovyyh platform v Brazili: politicheskij kontekst soglasovaniya novyh zakonov], *Bulletin of International Organizations*, 19 (2), pp. 93–109. (In Russ.)].
- Симонов, К. В. (2024) 'Политическая экспертиза: как не умереть в эпоху искусственного интеллекта', *Власть*, 32 (4), cc. 9–13. [Simonov, K. V. (2024) 'Political Expertise: How Not to Die in the Age of Artificial Intelligence' ['Politicheskaya ekspertiza: kak ne umeret' v epohu iskusstvennogo intellekta'], *Vlast*, 32 (4), pp. 9–13 (In Russ.)]. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-4-9-13 EDN: XFTOEL
- Стырин, Е. М., Дмитриева, Н. Е. (ред.) (2023) *Цифровая трансформация в государственном управлении*. Москва: Изд-дом Высшей школы экономики, 208 с. [Styrian, E. M., Dmitrieva, N. E. (eds.) (2023) *Digital transformation in public administration* [Tsifrovaia transformatsiya gosudarstvennom upravlenii]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, p. 208 (In Russ.)].

Статья поступила в редакцию: 30.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

MAIN DIMENSIONS OF DIGITALIZATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN STUDIES ON POLITICAL COMMUNICATION

I. Arkhipov

Ivan Arkhipov, graduate student of the Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University, Perm, Russia.
E-mail: iv.arkhipov@icloud.com (ORCID: 0009-0009-1295-0963).

Abstract.

Digitalization has affected the landscape of political communication, turning it into a complex, multi-layered and dynamic phenomenon, where the boundaries between information, propaganda and public diplomacy are becoming increasingly blurred. This paper presents a comparative analysis of several collective scientific works focused on current aspects of digital transformation in the political sphere. The review examines researchers' approaches to aspects such as digital propaganda, political influence in the online space, and the ethics of digital interaction. The need to develop new theoretical and methodological frameworks for analyzing political communication in the digital environment, capable of taking into account the interdisciplinary nature of current changes, is emphasized. The analysis not only outlines the field of current scientific discussions but also highlights the challenges facing political science and society: from regulating digital platforms to maintaining citizens' trust amid the mass automation of political decisions and communication strategies.

Keywords: digitalization in politics; political communication; digital public services; ideology of digital transformation.

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-160-165

**СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ВЗГЛЯД ИЗ США
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ELLIS R. E. (2022) CHINA ENGAGES LATIN AMERICA:
DISTORTING DEVELOPMENT AND DEMOCRACY?)**

А. Д. Требух

Требух Александр Дмитриевич, аспирант факультета мировой политики,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru (ORCID: 0009-0007-2485-2573).

Аннотация

Монография Роберта Эвана Эллиса «Китайское вовлечение в Латинскую Америку: искажение развития и демократии?», выпущенная издательством Palgrave Macmillan в 2022 г., посвящена исследованию фактора присутствия Китайской Народной Республики в политических, экономических и социальных процессах стран Латинской Америки. Работа представляет интерес для политологов, специализирующихся как на политике КНР, так и на региональных процессах Западного полушария. Целью монографии является анализ роли КНР в ее взаимодействии со странами региона. Автор, исследуя это взаимодействие в различных формах, определяет китайское присутствие в регионе в большей степени как негативное. Он утверждает, что экономическая экспансия КНР в регионе основана исключительно на извлечении выгоды любой ценой, часто в ущерб региональным экономикам и политическим институтам. Структурно исследование состоит из введения, восьми глав и заключения с рекомендациями для политического истеблишмента США. Работа является ценным вкладом в изучение политических процессов в Латинской Америке и региональной политики КНР на современном этапе.

Ключевые слова: Латинская Америка; Китай; глобальное соперничество великих держав; авторитаризм; «Один пояс – один путь»; США; новая холодная война.

Выход книги известного американского ученого Роберта Эвана Эллиса, работающего в Институте стратегических исследований при Военном колледже Армии США (United States Army War College) и специализирующемся на изучении динамики региональной системы международных отношений в Латино-Карибской Америке, – это, несомненно, заметное событие в американской академической среде, которое, на наш взгляд, заслуживает внимания и в России. Вклад Эллиса в политологию заключается в научном и системном осмыслении роли внeregиональных акторов в Западном полушарии. Более десяти лет он исследует тему китайского присутствия в Латинской Америке и на сегодняшний день имеет более 250 научных работ по теме политики Китайской Народной Республики в Латинской Америке. Эллис был одним из первых исследователей, кто обратил внимание на двойственную природу присутствия КНР в регионе, показав, как экономическое сотрудничество используется им в качестве инструмента «мягкой силы». Он также одним из первых увязал китайскую экспансию в регионе с национальной безопасностью США, обосновав их обратнопропорциональную зависимость. Его ранние работы включали в себя проблематику борьбы с организованной преступностью в регионе¹, однако к настоящему времени фокус на региональной роли КНР в его исследованиях доминирует². Одна из наиболее известных и значимых его работ – «Китай в Латинской Америке: что и зачем?» – была издана в 2009 г. и также затрагивала эту проблематику³.

© Требух А. Д., 2025

¹ Ellis, R. E. (2018) *Transnational Organized Crime in Latin America and the Caribbean: From Evolving Threats and Responses to Integrated, Adaptive Solutions*. Lexington Books. 236 p.

² Ellis, R. E. (2023) *A strategy to respond to Extra-Hemispheric Actors in Latin America and the Caribbean*. IndraStra Whitepapers. 61 p.

³ Ellis, R. E. (2009) *China in Latin America: The Whats and Wheres*. Lynne Rienner. Available at: <https://www.rienner.com/uploads/49c118e55833c.pdf> (Accessed: 22 January 2025).

Важным является и тот факт, что экспертные суждения Эллиса востребованы в практической внешней политике⁴. Он работал в Аппарате Государственного секретаря США в Управлении по вопросам политического планирования (Secretary of State's Policy Planning Staff) в период первой президентской администрации Дональда Трампа и неоднократно выступал в профильных комитетах Конгресса США⁵. В своих комментариях и выступлениях перед американскими законодателями он озвучивает выводы, к которым приходит в результате исследовательской работы. В частности, в 2021 г., выступая перед американо-китайской обзорной комиссией по экономике и безопасности, он выразил ту же точку зрения, что и в рассматриваемой нами работе⁶. Это дает серьезные основания предположить, что экспертное мнение Эллиса принимается во внимание в высших эшелонах власти. О том, что Эллис не просто сторонний наблюдатель процесса формирования американской внешней политики, свидетельствует и его аффилиация. Колледж, в котором он работает, является одним из ведущих центров подготовки высшего офицерского состава в Вооруженных силах США и специалистов гражданских ведомств в области стратегического планирования. Основанное в 1901 г. учебное заведение сделало акцент в обучении на вопросах национальной оборонной политики. Учреждение стало Alma mater для многих политических деятелей США. Наиболее известными выпускниками XX в. были 34-й президент США Дуайт Эйзенхауэр, генералы Джон Першинг и Крейтон Абрамс, первый председатель Объединенного комитета начальников штабов Омар Брэдли. Во втором десятилетии XXI в. такие его выпускники, как Джозеф Данфорд и Кит Келлог, оказывали существенное влияние на кабинет Дональда Трампа: Данфорд был председателем Объединенного комитета начальников штабов США, а Келлог – спецпосланником Трампа по РФ и Украине в его новом кабинете (ранее находился в должности Советника по национальной безопасности вице-президента США Майка Пенса). В настоящее время сотрудники колледжа активно исследуют вызовы, связанные с растущим влиянием Китая в мире и, в частности, в Западном полушарии.

«Китайское вовлечение в Латинскую Америку: искажение развития и демократии?» – это небольшая по объему монография, в которой автор исследует важный вопрос: действительно ли влияние Китайской Народной Республики в Новом Свете, а именно в странах Латино-Карибской Америки, оказывает дестабилизирующий эффект на хрупкие демократические процессы, все еще преодолевающие наследие каудильизма XX в.? Эта тема стала актуальна в американской академической среде лишь недавно, набрав популярность в контексте роста глобального влияния КНР на мировые политические процессы. Ранее авторы если и затрагивали политику Китая в регионе, то в большей степени концентрировались на экономике и отдельных аспектах китайского присутствия, например инициативе «Один пояс – один путь» (Myers, Wise, 2017), либо на узкой проблематике, например двустороннем сотрудничестве в сфере сельского хозяйства (Oliveira, 2018). Комплексного исследования китайского присутствия в странах Латинской Америки ранее не проводилось. Эллис смог связать воедино разные типы влияния КНР на регион: политическое, экономическое, идеологическое, военное, «мягкую» силу, охарактеризовать роль Китая в решении последствий пандемии COVID-19 в регионе.

Методологической основой работы является теория неореализма, в рамках которой особое внимание уделяется вопросам национальной безопасности США и долгосрочным политическим и институциональным последствиям политики Китая в регионе. Китай является системным фактором, влияющим на развитие подсистемы международных отношений в Латинской Америке. Эллис, пытаясь использовать сравнительный анализ, анализ первичных и вторичных данных и метод кейс-стади, доказывает «пагубность» существующего китайского присутствия для институциональных основ региона, являющегося по своей сути американоцентричным. Влияние Китая в Латинской Америке автор определяет как комплекс мер, идущих в обход региональных организаций, практик, обычаяв и норм межгосударственного взаимодействия стран региона. В начале исследования Эллис показывает,

⁴ Congressional Testimony: China's Role in Latin America and the Caribbean (2022) [online], 31 March. Available at: <https://revanellis.com/congressional-testimony-chinas-role-in-latin-america-and-the-caribbean> (Accessed: 22 January 2025).

⁵ The Venezuela Crisis: The Malicious Influence of State and Criminal Actors. Hearing before the subcommittee on The Western Hemisphere of the Committee on Foreign Affairs (2017) [online], US Congress, 13 September. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115hhrg26838/html/CHRG-115hhrg26838.htm> (Accessed: 05 March 2025).

⁶ Ellis R. E. China's Diplomatic and Political Approach in Latin America and the Caribbean (2021) [online], USCC, 20 May. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2021-05/Evan_Ellis_Testimony.pdf (Accessed: 22 January 2025).

как и когда политика Китая, с его точки зрения, стала представлять реальную угрозу странам Латинской Америки и интересам США в регионе.

Автор начинает с тезиса: до середины 2000-х гг. регион не являлся сколько-нибудь значительным для Китая. Первой страной, существенно укрепившей связи с Пекином, была Венесуэла (начавшая получать займы от Китайского банка развития в обмен на нефть), за которой последовали Эквадор, Боливия и Аргентина (с. 73). Экономическая экспансия происходила через покупку и расширение акционерных долей в латиноамериканских компаниях, занимающихся добывчей полезных ископаемых, а также в компаниях, занимающихся производством и поставками электроэнергии (с. 77–78). На примере нефтедобывающей, горнорудной и сельскохозяйственной отраслей экономики исследователем характеризуется китайская активность. Далее автор показывает, как Китай продвинулся дальше, в строительный сектор, а именно в инфраструктурные проекты дорожно-транспортных сетей, портов, речного судоходства. Наконец, Эллис отмечает и третий этап: продвижение Китая в секторах зеленой энергетики, электросвязи, технологий в космосе и систем слежения, а также финансовом секторе.

Это препарирование каждого сектора в отдельности, с точки зрения автора, позволяет уточнить «китайский след» в каждом из них. Обозначая хронологические этапы, он демонстрирует, как развивалась экономическая политика КНР в регионе – от редких и несистемных контактов до выхода в высокотехнологичные секторы рынка с высокой добавленной стоимостью. Периодизация позволяет лучше понять эволюцию политики КНР в регионе и определить долгосрочные последствия для региональной системы международных отношений и для США. С его точки зрения, долгосрочные последствия эволюционировавшей политики КНР в регионе неминуемо ведут к эрозии демократических институтов и значительно ухудшают двусторонние американо-китайские отношения.

Эволюция китайской политики определяется автором через характер экономического взаимодействия со странами региона: начав с продажи товаров низкого качества за низкую цену, Пекин к настоящему времени перешел на новую модель в торговле, в которой присутствуют товары с высокой добавленной стоимостью (с. 79). Развивая эту мысль, автор показывает, как Китай достигает своих экономических целей. При этом он проводит сравнение политики Пекина с политикой Советского Союза периода холодной войны. Как в свое время СССР, Китай стремится снизить влияние США в регионе. Отличие же, по его мнению, заключается в том, что Китай пока не ставит целью формирование региональных альянсов или продвижение своей политической модели государственного управления. Главная цель Китая, по мнению Эллиса, определяется как использование влияния для дальнейшего экономического усиления и получение добавленной стоимости в других странах и секторах, на которые влияет китайское присутствие (с. 86).

Развивая мысль о растущей экономической зависимости, автор заявляет, что Китай выдает кредитные займы странам Латинской Америки напрямую, часто в обход таких организаций, как Межамериканский банк развития и Международный валютный фонд. По его мнению, именно такое взаимодействие неявно играет на руку Китаю, создавая эрозию демократических принципов управления и подотчетности правительств своим избирателям. США, показывает Эллис, оказываются не способны наблюдать как актуальную закредитованность стран Латинской Америки, так и динамику их экономической зависимости от Китая.

Эллис выделяет два значимых аспекта китайско-латиноамериканского экономического взаимодействия. Во-первых, наблюдается тенденция к установлению КНР системного контроля над стратегическими сегментами добывающих отраслей промышленности латиноамериканских государств. Во-вторых, идентифицируется практика заключения договоренностей между китайскими партнерами и местными элитами, соглашающимися на сотрудничество с Пекином на менее прозрачных для мирового сообщества и региональных организаций, но более выгодных условиях. Именно такое взаимодействие автор не только характеризует как отношения «центр – периферия», но и отмечает, что с трудом возвращаемые в регионе свободы и права противостоять коррупции и социальной несправедливости будут подвергнуты риску. «Тысячи компромиссов в погоне за краткосрочными целями» приведут к невозможности для населения стран Латинской Америки оказывать влияние и контролировать принимаемые элитами решения в отношении экономического сотрудничества с КНР.

Характеризуя политику «мягкой силы» Китая в регионе, автор отмечает ее слабость, подводя к мысли, что преимуществом для латиноамериканских лидеров обладает не продвигаемый Китаем

нарратив о китайской культуре и образе жизни, а менее строгие правила в получении финансовых займов. Для левых режимов Латинской Америки Китай являлся еще и двигателем, с помощью которого они могли снизить свою зависимость от давящего на них экономическими и политическими методами Вашингтона. Недостаточность знаний, исторических и торговых связей народов Латинской Америки с Китаем создает «смутно определяемые представления о загадке, угрозе, романтике и возможностях», – пишет Эллис (с. 132). Этот тезис автора важен, потому как объясняет ограниченные успехи Пекина в использовании «мягкой силы» в регионе. На наш взгляд, представления латиноамериканцев о Китае являются и преимуществом, и ахиллесовой пятой его региональной политики. Они, как отмечает Эллис, во многом являются достаточно скептическими (с. 132). По мнению автора, недоверие уходит корнями в инаковость китайских общин в Латинской Америке и агрессивные методы ведения бизнеса, характерные для китайского общества. КНР слишком чужда народам Латинской Америки. Автор обосновывает их недоверие и тем, что большая часть людей региона в качестве второго языка владеют английским, а не китайским, имеют больше родственников в США, чем в Китае, потребляют больше продуктов американской массовой культуры. Эллис показывает, как самоцензура академических, политических и бизнес-элит стран Латинской Америки идет вразрез с объективной экспертизой о Китае (с. 137). Вместе с тем политика «мягкой силы», безусловно, имеет свои результаты. На примере политических элит Панамы автор монографии доказывает связь Конфуция с их прокитайской позицией (с. 139). Эти элиты во многом были сформированы Китаем, обучены за счет стипендиальной поддержки КНР. Чувства профессиональной и личной благодарности представителей элиты являются чрезвычайно важным источником влияния для Китая, который может пользоваться этим, а страх упустить выгоду от сотрудничества в случае объективной критики действий КНР может привести к ущербу для национальных интересов стран Латинской Америки. Все это приносит вред демократии и свободе слова, полагает автор.

В совокупности с этим, исторический опыт взаимодействия Вашингтона с Латинской Америкой лишь усугубляет проблему: политика США по противоборству Китаю в Латинской Америке, на взгляд автора, нивелируется их ошибками прошлых политических действий в регионе. Этот исторический опыт сформировал в странах Латинской Америки современный тип восприятия любых действий США как подозрительных и хищнических, а антиамериканизм продолжает оставаться фактором, который влияет на степень сотрудничества с Вашингтоном.

На протяжении всех глав книги автор доказывает «пагубность» влияния Китая на процессы демократизации и демократического правления в регионе. В секторе сотрудничества Китая со странами региона в области безопасности он демонстрирует, как китайская техника использовалась для подавления протестов в Венесуэле, а так называемые китайские охранные компании размывали монополию на насилие стран, в которых они присутствуют. Эллис обращает внимание на случаи превышения должностных полномочий представителями этих компаний, несанкционированного доступа к государственной тайне и персональным данным, которые представляли угрозу внутренней безопасности стран Латинской Америки (с. 237–238).

Автор утверждает, что Китай направляет Латинскую Америку в структурно подчиненные с ним отношения. Это стало возможным в том числе и потому, что США длительное время пре-небрегали ростом китайской экспансии в регионе. После окончания холодной войны, считает он, восприятие Соединенными Штатами Америки концепций демократии и свободного рынка как неотъемлемых атрибутов ближайшего будущего человечества надолго отсрочило осознание угрозы, исходящей от КНР (с. 272). Позиция Эллиса схожа со взглядами другого известного исследователя – Джона Миршаймера, который утверждал, что чрезмерное следование идеализму привело США к отсутствию объективного, прагматичного и реалистического понимания мировой политики (Mearsheimer, 2018). Но Эллис предостерегает и от другой крайности – излишнего выпячивания американских национальных интересов в ущерб другим странам, которое присуще концепции America First, взятой на вооружение администрацией Трампа (с. 273). Он предлагает реформировать сегодняшнюю политику Вашингтона: для этого США должны не стремиться блокировать попытки стран региона взаимодействовать с КНР, а пытаться убедить их использовать региональные институты и организации для повышения транспарентности сотрудничества, поддерживать равное и полное следование нормам национального и международного права. Немало-

важными, на взгляд автора, являются усилия стран региона по созданию прозрачных, справедливых и открытых механизмов сотрудничества с КНР. США следует применять эффективные коммуникационные стратегии, чтобы помогать элитам и общественности стран региона посредством собственных политических программ и действий принимать правильные решения (good decisions) относительно сотрудничества с КНР; выборочно не допускать Китай до телекоммуникационного сектора и цифровой экономики, так как такое вовлечение может поставить под угрозу возможности стран региона принимать суверенные и конфиденциальные решения (с. 275–276).

В заслугу Эллису можно поставить исследование проблематики пандемии COVID-19 применительно к действиям КНР в Латинской Америке. По его мнению, пандемия расширила возможности Пекина по достижению своих стратегических целей (с. 245). Пандемия позволила Китаю внедрить свои – во многом авторитарные – практики контроля за населением стран Латинской Америки, в том числе с использованием установленных ранее систем видеонаблюдения. Автор последовательно показывает, как Китай использовал «вакцинную дипломатию» в своих интересах, предоставляя кредиты на покупку вакцин китайского производства, а также государственные займы на восстановление местных экономик (с. 250).

Среди достоинств работы и то, что Эллис, предугадывая критику своей гипотезы и пытаясь представить политику КНР в регионе в положительном свете, берет на себя роль «адвоката дьявола». Хотя инициированная им самим дискуссия с воображаемыми оппонентами кажется несколько сжатой и лаконичной, уже сам факт ее присутствия на страницах книги свидетельствует о стремлении автора к объективности в выводах, а не к оправданию американоцентричных идеологем.

На наш взгляд, автор поставил исключительно амбициозную исследовательскую задачу. Попытка ее реализации является достаточно успешной, однако, несмотря на глубокую фундированность исследования и широко представленный эмпирический материал, отсутствие количественных методов исследования, наглядной демонстрации тенденций с помощью графиков и статистики, а также лишь поверхностное рассмотрение политики Китая в некоторых конкретных областях ограничивают полноту раскрытия темы. Например, автор характеризует экспорт китайского цифрового авторитаризма в Латинскую Америку, уделяя ему чуть более, чем полторы страницы текста (с. 113).

Однако указанные нами недостатки не нивелируют значимость и важность работы. Исследование имеет существенный практический потенциал, так как автор дает непосредственные рекомендации по корректированию курса США в регионе и пытается показать ситуацию на макроуровне, в стратегическом масштабе. Монография представляет ценность для отечественных исследователей и экспертов: в ней не только изложен богатый фактологический материал, но и представляется позиция авторитетного в научных кругах США аналитика, чья экспертиза влияет на принимаемые в Белом доме и Капитолии решения.

Список литературы / References

- Ellis, R. E. (2022) *China Engages Latin America: Distorting Development and Democracy?* Palgrave Macmillan. 288 p. DOI: 10.1007/978-3-030-96049-0
- Mearsheimer, J. J. (2018) *The great delusion. Liberal Dreams and International Reality.* Yale University Press. 328 p. DOI: 10.2307/j.ctv5cgb1w EDN: WYFAWE
- Oliveira, G. de L. T. (2018) ‘Chinese land grabs in Brazil? Sinophobia and foreign in-vestments in Brazilian soybean agribusiness’, *Globalizations*, 15 (1), pp. 114–133. DOI: 10.1080/14747731.2017.1377374
- Myers, M., Wise, C. (2017) *The Political Economy of China-Latin America Relations in the New Millennium.* Routledge. 302 p. DOI: 10.4324/9781315619484

Статья поступила в редакцию: 24.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

**CHINA'S STRATEGY IN LATIN AMERICA: A U.S. PERSPECTIVE.
(A REVIEW OF ELLIS, R. E. (2022) CHINA ENGAGES LATIN AMERICA:
DISTORTING DEVELOPMENT AND DEMOCRACY?)**

A. Trebukh

Aleksandr Trebukh, PhD Student, World Politics Faculty,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru (ORCID: 0009-0007-2485-2573).

Abstract

The monograph “China Engages Latin America: Distorting Development and Democracy?” by R. Evan Ellis, published in 2022 by Palgrave Macmillan, explores the role of the People’s Republic of China in the political, economic, and social processes of Latin American countries. This work is of particular interest to political scientists specializing in both Chinese foreign policy and regional dynamics in the Western Hemisphere. The primary objective of the monograph is to analyze the PRC’s interactions with the countries of the region. By examining these interactions in various forms, the author largely characterizes China’s presence in Latin America as negative. The study’s key conclusion is that China’s economic expansion in the region is predominantly profit-driven, often at the expense of local economies and political institutions. Structurally, the monograph comprises an introduction, eight chapters, and a conclusion offering policy recommendations for the U.S. political establishment. It represents a significant contribution to the study of political processes in Latin America and the PRC’s regional strategy in the contemporary period.

Keywords: Latin America; China; great power competition; authoritarianism; Belt and Road Initiative; USA; new cold war.

УДК-314

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-166-169

МИГРАЦИЯ В ГОРОДАХ

(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: PISAREVSKAYA, A. AND SCHOLTEN, P. (2025)
CITIES OF MIGRATION. UNDERSTANDING THE DIVERSITY
OF URBAN DIVERSITIES IN EUROPE)

Ю. Н. Фролова

Фролова Юлия Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Институт истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: ORCID 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Аннотация

Книга исследователей Университета им. Э. Роттердамского (Нидерланды) «Города миграции. Понимание многообразия городских особенностей в Европе» («Cities of Migration. Understanding the diversity of urban diversities in Europe»), выпущенная изданием Springer в 2025 г., представляет собой результат глубокого анализа особенностей развития городов Европы, которые находятся под влиянием миграционных процессов. По мнению рецензента, работа имеет как теоретическую, так и практическую ценность. Авторы предлагают свою методологию по анализу городской политики в области миграции, которая в дальнейшем может быть применена в более широком географическом контексте. Практическая значимость заключается в возможности интегрирования результатов в институты политического управления и развития городов. Книга может представлять интерес для социологов, политологов, историков, а также всех тех, кто интересуется проблемами миграции в современном мире.

Ключевые слова: миграция; глобальный город; миграционная политика; мультикультурализм; городская политика; управление культурным разнообразием.

Проблема миграции является одним из актуальнейших вопросов исследований социальных наук. И в глобальном, и в национальном масштабе миграция представляет собой феномен, который неизбежно затрагивает всех акторов международных отношений, однако чаще всего рассматривают его влияние и взаимодействие именно с национальным государством. Согласно Докладу ООН о миграции в мире 2024 г.¹, общее число международных мигрантов сегодня составляет около 300 млн человек. Для нашей страны проблема миграции также важна, ведь, как отмечается в Концепции государственной миграционной политики РФ, «за последние годы существенно возросла миграционная активность вблизи внешних границ Российской Федерации и в зоне ее интересов»².

Научный вклад в исследование миграционных процессов был сделан работой ученых Университета им. Э. Роттердамского (Нидерланды) «Города миграции. Понимание многообразия городских особенностей в Европе» («Cities of Migration. Understanding the diversity of urban diversities in Europe»), которая была выпущена изданием Springer в 2025 г. Авторы отмечают, что труд является результатом долгой работы, начавшейся еще в 2018 г. Ее основная цель – предложить типологию городов миграции и углубить изучение миграционных процессов, которые до сегодняшнего дня в основном были сосредоточены на национальных (государственных) моделях.

Структурно книга состоит из семи глав, заключения и приложений. Во вступлении авторы отмечают основную проблему современных исследований миграционных процессов в городах (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 3): чаще всего городская миграционная политика исследуется как продукт и результат национальных подходов к миграции. Иными словами, предполагается, что городская политика в сфере миграции является лишь следствием политики государственной. Такой подход

© Фролова Ю. Н., 2025

¹ Доклад о миграции в мире 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024-russian> (дата обращения: 27.02.2024).

² Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 27.02.2024).

авторы, вслед за А. Виммером и Н. Шиллером, называют методологическим национализмом. Наблюдается определенное смещение акцентов и в исследованиях городов миграции: фокус делается на крупных всемирно известных объектах – тех, которые С. Сассен определяет как глобальные города. Однако после изучения значительного пласта исследований и эмпирических данных авторы приходят к выводу (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 5), что города далеко не всегда следуют национальному тренду миграционной политики, а часто сами выступают субъектами разработки такой политики. Во вступительной части задается общая рамка методологического подхода к исследованию, а также приводятся основные понятия, среди которых стоит выделить то, как авторы понимают термин «мигрант». «Мигрант – это любой человек, родившийся за границей и поселившийся в городе на время или на постоянное жительство» (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 11).

В первой главе предлагается концептуальное осмысление проблемы городского разнообразия по результатам глубокой проработки имеющейся научной литературы. Разнообразие рассматривается не только с точки зрения того, сколько мигрантов живет в том или ином городе, но и с точки зрения вариативности происхождения и пространственного распространения разнообразия. Кроме того, исследователи выделяют три группы факторов, которые чаще всего ассоциируются с разнообразием: исторически сложившиеся модели миграции; форматы сложившегося с учетом возможностей неравенства между мигрантами и немигрантами (доход, образование, дискриминация и т. д.); политические институты и механизмы управления разнообразием. В своей работе авторы опирались на эмпирическую базу данных D4I 2011 г., которая содержит подробные данные по городам Франции, Германии, Италии и Нидерландов, однако в центре анализа были не сами города, а так называемые функциональные городские районы, «которые включают в себя городское ядро с пригородными районами вокруг него» (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 40), – всего 293. Здесь мы сталкиваемся с главной проблемой рецензируемого исследования: основной пласт эмпирических данных достаточно старый. Есть и еще одна проблема исследования, о которой авторы говорят во второй главе: разница в трактовке понятия «мигрант» в исследуемых странах. В то время как Нидерланды и Германия определяют мигрантов на основе стран рождения, тем самым включая и тех своих граждан, кто родился за границей, в категорию «мигранты»; Италия и Франция регистрируют только мигрантов с иностранным гражданством, тем самым исключая натурализованных иностранцев из определения «мигрант». Несмотря на все исследовательские трудности, авторам удается математически сформулировать четыре категории городов на основе индексов сегрегации и индексов разнообразия, которые в дальнейшем будут использоваться для классификации: 1) высокое разнообразие и низкий уровень сегрегации; 2) высокое разнообразие и высокий уровень сегрегации; 3) низкое разнообразие и высокий уровень сегрегации; 4) низкое разнообразие и низкий уровень сегрегации. В результате такого деления все города из базы данных были размещены в четырех разных квадратах по категориям с учетом значений их индексов, а затем авторы отобрали типичные города для каждой страны из каждого квадрата. В результате было выделено всего 16 «типовых» городов.

В следующих четырех главах книги подробно описываются особенности каждой из групп. Не будем останавливаться на деталях описания, выделим лишь самые значимые выводы. Первый кластер, которые авторы обозначили как города с высоким разнообразием и низким уровнем сегрегации, как правило, включает в себя так называемые мультикультурные города. Кроме того, только в этот кластер попал один глобальный город (по классификации С. Сассен), а именно Париж. Помимо очевидных выводов по этой группе (все же проблема мультикультурных территорий достаточно исследована в научной литературе), таких как наличие высокого процента мигрантов, разнообразие причин и контекстов миграции, авторы делают и новые, нетривиальные умозаключения. Например, города первого кластера придерживаются довольно общего, или универсалистского политического подхода к интеграции мигрантов. В рамках такого подхода интеграция мигрантов не является отдельной областью политики, или «изолированным направлением», она представляет собой часть более широкого подхода к разнообразию (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 75), т. е. разнообразие фактически представляется для таких городов «новой нормальностью».

Второй группе городов (высокое разнообразие и высокий уровень сегрегации) свойственна преимущественно рабочая миграция, связанная с процессами индустриализации. Ввиду высокого уровня сегрегации здесь наблюдается дискриминация, как отмечают авторы, преимущественно конкретных групп мигрантов (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 103), таких как восточно-европейские мигранты, мусульмане и афроамериканцы. Данная проблематика оказывает значительное влияние и на особенности политических институтов и процессов: власти реализуют преимущественно «точечные» меры поддержки мигрантов с акцентом на решение проблем жилья, образование, языковую адаптацию приезжих.

Низкий уровень разнообразия в третьей группе, как правило, связан с тем, что высокого уровня миграции здесь не наблюдается в принципе. Речь идет об отдельно взятых сюжетах в рамках конкретных исторических кейсов: немецкие репатрианты в Плауэн или миграция в итальянскую Козенцу. Такие города характеризуются невысоким уровнем экономического и социального развития, вследствие которого возникает высокая безработица, распространение неравенства, что и приводит к высокому уровню сегрегации. Исследователям также не удалось найти какую-либо закономерность в управлении миграционными процессами: некоторые города (Плауэн, Козенца), по-видимому, придерживаются активного подхода к инклюзивности и участию, в то время как в других (Ванн и Леуваден) применяется более универсалистский подход (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 126).

В случае четвертой группы (низкое разнообразие и низкий уровень сегрегации) миграция не оказывает значительного влияния на города, но состав мигрантов все же разнороден, что, вероятно, и способствует низкому уровню сегрегации. Как отмечают исследователи (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 149), разные группы мигрантов достаточно равномерно распределены по городам. Как и в третьей группе, города характеризуются невысоким уровнем экономического развития, при этом миграционная политика ориентируется скорее на инклюзию, чем на универсалистский подход.

Предложенная авторами категоризация, безусловно, представляет собой научную новизну, однако такое деление фактически не дает ответа на вопрос, как и почему города попадают в ту или иную группу и развивают те или иные характеристики разнообразия и сегрегации. Ввиду этого авторы проводят качественный сравнительный анализ (QCA), чтобы понять, как факторы мобильности, особенности неравенства и политическо-институциональной структуры влияют на зависимые переменные миграционных процессов (разнообразие и сегрегация). Выводы получились любопытными: авторам удалось выявить факторы влияния на разнообразие, но не во всех случаях удалось понять, что именно определяет уровень сегрегации. Так, очевидно, что высокий уровень экономического развития и продолжительная миграционная история способствуют развитию высокого уровня разнообразия, но как это влияет на сегрегацию – ответ на вопрос не был найден. Наиболее очевидная связь наблюдается между неравенством доходов и сегрегацией по месту жительства. Самые разнообразные города – это те, где мигранты, как правило, остаются на постоянное место жительства, а не просто проезжают через них, фактически не задерживаясь. Также было обнаружено (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 164), что в городах с низким уровнем разнообразия неравенство в доходах между местными жителями и мигрантами всегда велико.

Что касается политических институтов, то исследователи отмечают, что в городах, где разнообразие стало новой нормой, где богатый миграционный ландшафт представляет собой исторически сложившийся факт, может быть предпочтителен универсалистский подход ко всему разнообразному населению, поскольку в условиях сверхразнообразия ориентироваться на конкретные группы слишком сложно и в большинстве случаев неэффективно. Такие города обладают достаточно устойчивой политической властью и финансовыми ресурсами для разработки собственной миграционной политики, поэтому в них, скорее всего, будет наблюдаться сильное местное самоуправление. Однако в целом по исследуемой выборке чаще всего встречается именно интеграционистский подход, направленный на создание инструментов для интеграции в общество наиболее проблемных и уязвимых групп мигрантов. Еще один любопытный факт, выявленный исследованием: в случае высокого уровня разнообразия политика направлена на всех мигрантов, тогда как при низком уровне речь идет, как правило, о наиболее уязвимых группах населения. Во многих случаях наблюдается и смешение элементов различных политических курсов в связи с возможными этапами перехода от одной политики к другой в конкретном городе. Сводя воедино факторы, авторы приходят к выводу, что сильная экономика, высокое разнообразие, долгая история миграции и разнообразие иммиграционных потоков всегда сопутствуют друг другу (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 174). Рассматривая факторы по укрупненным группам, можно сказать, что мобильность и неравенство, как правило, имеют более тесную связь с конфигурациями разнообразия, а также друг с другом, в то время как политico-институциональные факторы таких взаимосвязей не имеют, поскольку они менее четко согласуются с конфигурациями разнообразия.

В результате анализа всех вышеперечисленных факторов авторы выявили пять типов городов миграции, что и является основным продуктом исследования: сверхразнообразные города (Super-diverse Cities) (фактически аналог глобальных городов), постиндустриальные разнообразные города (Postindustrial Diverse Cities), города среднего разнообразия (Middle-Class Diverse Cities), разделенные города (Divided Cities), города с маргинальной миграцией (Marginal Migration Cities). Каждый из этих пяти типов обладает своим уникальным набором характеристик, представленным авторами в виде удобного краткого перечня, разбитого по четырем группам факторов (конфигурация разнообразия,

мобильность, неравенство, политические институты). Данная типология представляет собой инструмент, который можно использовать не только в рамках европейского пространства, но и при анализе миграционных процессов в других частях географической карты. Исследователи отдельно подчеркивают аналитичность и практическую ориентацию этого исследовательского инструмента: не бывает «чистых» типов городов (Pisarevskaya & Scholten, 2025: 191), в каждом конкретном случае могут наблюдаться элементы разных типов.

Безусловным плюсом данной работы является возможность ее верификации и репликации: в приложениях авторы предоставляют все эмпирические данные и результаты интервью, в тексте детально и логично описывают весь процесс проведения исследования вплоть до формул, таблиц, детализированных выводов по каждой части. Также в заключительной части работы исследователи представляют дискуссию, где справедливо останавливаются на недостатках работы, заметных читателю: основной пласт данных был взят из базы 2011 г., а в случае недостатка информации авторы собирали ее из других источников и другими методами сбора данных. Конечно, данный фактор нельзя оставить без внимания, тем более что за 14 лет изучаемые города могли сильно измениться в контексте своих миграционных характеристик. Тем не менее это не умаляет значимости качественного итогового исследовательского инструмента. Другую проблему исследовательского процесса авторы видят в недостатках метода качественного сравнительного анализа, о которых подробно рассуждают в заключительной части работы. Однако, на наш взгляд, эти моменты не стоит рассматривать в негативном ключе – наоборот, они открывают возможность для продолжения исследований в этой области. Одним из наиболее интересных направлений для дальнейшей работы, на наш взгляд, представляется попытка использовать эту методику при исследовании миграционной политики и процессов в неевропейских городах. Насколько сильно подвергнется изменениям типология при изменении цивилизационного, культурного, политического и экономического ландшафтов? Практическая значимость работы заключается в возможности интеграции описанных подходов в политику управления городским разнообразием, а также с целью аудита уже имеющихся проблем.

Список литературы / References

Pisarevskaya, A. and Scholten, P. (2025) *Cities of Migration. Understanding the diversity of urban diversities in Europe*. IMISCOE Research Series. Springer Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-72211-0

Статья поступила в редакцию: 14.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

MIGRATION IN CITIES

(A REVIEW OF PISAREVSKAYA, A. AND SCHOLTEN, P. (2025) CITIES OF MIGRATION.
UNDERSTANDING THE DIVERSITY OF URBAN DIVERSITIES IN EUROPE)

Yu. Frolova

Yulia Frolova, candidate of political science, assistant professor of the Department of Political Science, Institute of History and Social Sciences, Herzen University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: frolovayuliya@yahoo.com (ORCID: ORCID 0000-0002-0743-6144. ResearcherID: V-5884-2018).

Abstract

The book by scholars from Erasmus University Rotterdam (the Netherlands), “Cities of Migration: Understanding the Diversity of Urban Diversity in Europe,” published in 2025 by Springer Cham, is the result of an in-depth analysis of the development of European cities influenced by migration processes. The work has both theoretical and practical value. The authors propose their methodology for analyzing urban migration policy, which can later be applied on a broader geographical scale. The practical significance lies in the possibility of integrating the results into the institutions of political governance and urban development. The book may be of interest to sociologists, political scientists, historians, as well as all those who are interested in migration issues in the modern world.

Keywords: migration; global city; migration policy; multiculturalism; urban policy; management of cultural diversity.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется **Библиографический список / References**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный **DOI**, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и боснийского языков*.

(Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol. 1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [*Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost` gosudarstva i prava etnicheskix men`shinstv*]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) ‘Soft power’ in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) ‘Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий’ в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) ‘The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies’ [*Konstruirovaniye granic i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskix regional'nyx avtonomij*] in: Panov, P.V. (eds.) ‘Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights’ [*Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost` gosudarstva i prava etnicheskix men`shinstv*]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т. 30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [*Bol'shaya sovetskaya encyclopediya*] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) ‘Higher Education in the Digital Age’ [*Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu*] Moskva: Izdatel'skij dom

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018).

Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) ‘Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community’, *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. ‘How citation changed the research world’, *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) ‘Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике’, *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) ‘Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics’ [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) ‘*Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)*’ [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, end-notes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

- (Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)
(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)
(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)
(Smith, 2006a)
(Smith, 2006b)
(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).
(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.
Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) ‘Soft power’ in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) ‘Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community’, *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. ‘How political order changed?’, *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2025. Том 19. № 2

Bulletin of Perm University.
Political Science
2025. Vol. 19. № 2

Научное издание

Редактор *Е. Б. Денисова*
Корректор *Е. Б. Денисова*
Компьютерная верстка *К. П. Турцевой*

Подписано в печать 20.06.2025
Выход в свет 30.06.2025
Формат 60x84/8. Усл. печ. 20,46
Тираж 500 экз. Заказ 75

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006